

ARCHIVES DU PRINCE WOBONZOW.

АРХИВЪ
КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

МОСКВА.

—
1882.

АРХИВЪ
КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.
XXVI.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

БУМАГИ РАЗНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

1747 — 1791.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ
1882.

*

Светлѣйшій князь Семень Михайловичъ Воронцовъ, родившійся въ Одессѣ 23 Октября 1823 года, скончался въ Санктъ-Петербургѣ, 6 Мая сего 1882 года. Онъ не дожиль до окончанія предпринятаго по его мысли и на его средства историческаго изданія. Его личное, постоянное участіе, широта обще-историческаго взгляда въ выборѣ подлежащихъ обнародованію бумагъ и всегда разумный совѣтъ служили великимъ облегченіемъ многолѣтняго и много-томнаго труда. Архивъ Князя Воронцова“, безъ котораго нынѣ не лзя обойтись историку Россіи и Евронейскихъ государствъ останется вѣчнымъ памятникомъ государственной мысли и общенароднаго, не показнаго, а дѣятельнаго усердія, которыми отличался покойный князь С. М. Воронцовъ. П. Б.

СОДЕРЖАНИЕ

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ КНИГИ АРХИВА

КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Докладъ императрицѣ Екатерины Второй объ учрежденіи Совѣта. (Неизвѣстнаго сочинителя). 1763. съ примѣчаніемъ на проектъ манифеста. Москва, 7 Февраля 1763	Стр. 1

Изъ бумагъ графа П. В. Завадовскаго:

О Даниловскомъ	7
О Семенѣ Сулимѣ	8
Завадовскій къ А. В. Олсуфьеву. Августа 16 дня (1775).	9
Завадовскій неизвѣстному лицу. Августа 16 дня 1775 года...	9
Завадовскій П. В. Бакунину, Сентября 5 дня (1775).....	9
Завадовскій Николаю Ивановичу Маслову. Сентября 19 дня 1775.	10
Завадовскій князю А. А. Вяземскому. Сентября 19 дня 1775 г.	10
Завадовскій Н. И. Салтыкову. 25 Сентября 1775 г. Москва...	11
О Воскобойниковѣ и Бѣлоусовичѣ.....	11
Завадовскій Н. И. Маслову. Октября 10 дня 1775 г.	12
Завадовскій П. В. Бакунину. Октября 21 дня 1775 г.....	13
Завадовскій къ оберъ-прокурору Синода. Октября 24 дня 1775 г.	13
Завадовскій къ князю А. А. Вяземскому. Октября 24 дня 1775 г.	14

	Стр.
Завадовскій оберъ-прокурору Синода. Октября 31 дня 1775 г.	14
Завадовскій къ неизвѣстному лицу. Ноября 5 дня 1775 г....	15
Завадовскій къ князю А. А. Вяземскому. Ноября 7 дня (1775).	15
Завадовскій Н. И. Маслову. Ноября 9 дня 1775 г.	15
Завадовскій Н. И. Маслову. Декабря 2 дня (1775)	16
Завадовскій неизвѣстному лицу. Декабря 3-го 1775	16
Завадовскій князю А. А. Вяземскому. Декабря 7 дня (1775)...	17
Завадовскій князю А. А. Вяземскому. Декабря 7 дня (1775)...	17
Завадовскій князю А. А. Вяземскому. Декабря 10 дня 1775...	18
Завадовскій Н. И. Маслову. Декабря 10 дня 1775 года.....	18
Завадовскій А. В. Олсуфьеву. Декабря 10 (1775)	19
Завадовскій князю А. А. Вяземскому. Декабря 15 (1775)....	19
Завадовскій князю А. А. Вяземскому, Декабря 19 дня 1775 г..	19
Марья Павловна Нарышкина Завадовскому.	
1. Безъ числа и года	20
2. Въ Москвѣ, 22 Декабря 1775.....	21
Оберъ-камергеръ князь А. М. Голицынъ Завадовскому:	
1. Изъ Москвы, 4-го Генваря 1776 года.....	22
2. Изъ Москвы, 4-го Августа 1776 года	23
3. Изъ Москвы, 5-го Генваря 1777 года.....	24
Завадовскій неизвѣстному лицу.....	25
Завадовскій графу Броуну....	25
В. Карачинскій Завадовскому. 17 Марта 1776 года.....	25
И. Туманскій Завадовскому. Мая 16 дня 1776 г., С.-Петербургъ.	26
Наталя Пассекъ Завадовскому. 4 Юля 1776 года, Москва.	27
Я. Нордбергъ графу Завадовскому.	28
Солдаты Перепелкины Завадовскому.	29

Бумаги графа Н. И. Панина:

Копія съ секретнаго рескрипта, отправленнаго къ камергеру Панину въ Стокгольмъ .	33
Переводъ секретнаго рескрипта къ тайному совѣтнику Корфу. .	35
Переводъ съ приложенія къ секретной реляціи камергера Панина.	38
Экстрактъ изъ реляцій министерскихъ, полученныхъ въ 18-й день Ноября 1758 года.	44
Изъ писемъ Н. И. Панина къ графу М. Л. Воронцову. 1747 г.	

	Стр.
Изъ Риги, 1-го Августа.	56
Изъ Мемеля, 7 Августа.	56
Изъ Берлина, 22 Августа.	56
Изъ Дрездена, 5 Сентября.	56
Изъ Лейпцига, 26 Сентября.	57
Изъ Гамбурга, 6 Октября н. ст.	57
Изъ Гамбурга 8 (19) Октября.	57
Изъ Копенгагена, 24 Октября.	57
Оттуда же, 3 (14) Ноября..	57
Оттуда же, 14 (25) Ноября.	57
Оттуда же 12 (23) Декабря. .	53
1748.	
Изъ Стокгольма, 11 (22) Ноября.	58
1749.	
7-го (18) Февраля.	59
Изъ Стокгольма. Апрѣля 14 (25) дня....	59
26 Апрѣля (7 Мая).	61
26 Юня (7 Юля).	61
1750.	
11 (22) Февраля. .	61
26 Октября	61
22 Ноября .	61
1751.	
16 Декабря	61
1756.	
5 Сентября.	61
Изъ Стокгольма, 16 Сентября 1757	62
1758.	
16 Ноября	65
10 Декабря.	66
1759.	
4 Генваря	66
17 Сентября .	66
23 Ноября	66
18 Декабря. . .	67
Изъ Стокгольма 3 Сентября.....	67

13 Января	69
7 Февраля..	69
Изъ Абова, отъ 11 Апрѣля	70
Фридрихсгамъ, 30 Апрѣля 1760 г.	70
Переписка канцлера графа М. Л. Воронцова съ графомъ Н. Н. Панинымъ, въ Екатерининское царствованіе.	
1. 30 Іюня 1762.	72
2. 19 Іюля 1762.	73
3. Въ 8 часовъ съ половиною	74
4. Изъ Риги, Августа дня 1763	74
5. Изъ Кимры, 30 Іюня 1766.	75
6. Везъ числа.	75
7. Безъ числа.	76
8. 1766 г. Іюля 27 дня, въ селѣ Кимрѣ	77
9. С.-Петербургъ, 8 Августа 1760 г.	78
10. 1766 г. Августа 20 дня, въ селѣ Кимрѣ.	79
11. Изъ Москвы, 21 Сентября (безъ года).	80
Два письма графа Н. Н. Панина къ князю В. М. Долгорукову-Крымскому:	
1. С.-Петербургъ, 28 Марта 1772	81
2. С.-Петербургъ, 8 Декабря 1772	92
Исчисленіе издержекъ, при отпускѣ калги-салтана.....	99
Письма графа Н. Н. Панина къ императрицѣ Екатеринѣ Великой.	
1. Въ С.-Петербургѣ, 28 Апр. 1776 года.	103
2. С.-Петербургъ, 11 Маія 1776.	104
3. С.-Петербургъ, 13 Маія 1776.	105
4. С.-Петербургъ, 16 Маія 1776	106
5. С.-Петербургъ, 18 Маія 1776	107
6. С.-Петербургъ, 21 Іюня 1776	108
7. С.-Петербургъ, 23 Іюня 1776.	109
8. Ульянка, 12 Іюля 1776 .	111
9. Ульянка, 15 Іюля 1776 .	113
10. Ульянка, 20 Іюля 1776 г.	113
11. Ульянка, 23 Іюля 1776 г. .	114
12. Ульянка, 28 Іюля 1776 г.	115
13. Ульянка, 31 Іюля 1776 г.	115

	Стр.
14. Ульянка, 6 Августа 1776	116
15. Ульянка, 9 Августа 1776	118
16. Ульянка, 10 Августа 1776.	119
17. Ульянка, 14 Августа 1776.	119
18. Ульянка, 16 Августа 1776.	119
19. Ульянка, 20 Августа 1776	121
20. Въ С.-Петербургѣ, 27 Августа 1776 г.	122
Собственноручное письмо Екатерины Великой.	124
21. С.-Петербургъ, 29 Августа 1776.	124
22. С.-Петербургъ, 1 Сент. 1776	126
23. 18-го Сент. 1776. .	127
24. 23-го Сент. 1776	128
Note. A Petersburg, le 15 Septembre 1776	129
25. 25-го Сент. 1776 г. :	130
26. Окт. 14-го 1776 г.	131
27. Окт. 18-го дня 1776 г.	132
28. Окт. 26-го дня 1776 г. .	133
29. Ноября 28-го дня 1776	137
30. Февр. 3-го дня 1777 г.	138
31. 1777.	156
32. Безъ числа.	157
Письма графа Н. И. Панина къ П. В. Бакунину.	
1. С.-Петербургъ, Апр. 19-го 1776	158
2. С.-Петербургъ, 13-го Мая 1776 г.	160
3. Въ Ульянкѣ, 16-го Юля 1776 г.	161
4. Въ Ульянкѣ, 20-го Юля 1776 г.	162
5. Безъ числа.	163
6. Ульянка, 13-го Августа 1776. .	163
7. Ульянка, 17-го Августа 1776	164
8. Безъ числа.	165
Два письма графа А. Р. Воронцова къ графу Н. И. Панину.	
1. Безъ числа.	166
Приложеніе. Завѣщаніе барона Ферзена 19 Юля 1763	170
2. Безъ числа.	173

Копія съ письма, писаннаго собственною Ея Императорскаго Величества рукою къ фельдмаршалу графу Салтыкову изъ Санктъ-Петербурга, отъ 8-го Ноября 1768 года. 179

	Стр.
Записка Швейцарца Ванъера о Вольтерѣ и объ его кончинѣ	181
О весьма нужномъ-спасительномъ огражденіи дворянскихъ родовъ отъ примышляемаго отъятія у нихъ земель и деревень изъ спокойнаго ихъ владѣнія.	225
Мнѣніе графа Миниха о Русской торговлѣ съ Пруссіею.	237
Записка о разныхъ способахъ, какъ ввозимые сюда товары избѣгаютъ платежа положенныхъ пошлинъ	241
О приведеніи ассигнаціоннаго банка въ лучшее состояніе	249
Копія всеподданнѣйшей записки, поданной отъ внязя Потемкина.	251
Дворцовый приказъ. Сентября дня 1779 г.	254
Приказъ состоящимъ часовымъ кавалергардамъ, кого Ея Императорское Величество повелѣтъ изволить пропускать за оный постъ	255
Два донесенія Екатерины Великой адмирала Грейга 1783.	
1. Кронштадтъ, Генв. 12 дня 1783 года	261
2. Генв. 20 дня 1783 года.	270
Размышленія, относящіяся ко овладѣнію Дарданельскими крѣпостями.	271
Дѣло о разводѣ генераль-поручика Сиверса съ женою Елисаветою. 1779.	
1. 21 Августа 1779	277
2. Переводъ письма господина Сиверса, писаннаго имъ къ дядѣ его, Карлу Фёдоровичу Крузу, прежде начатія третейскаго суда.....	278
3. Переводъ другаго письма, писаннаго господиномъ Сиверсомъ къ дядѣ жъ его, его превосходительству Карлу Фёдоровичу Крузу	278
4. Переводъ уполномочія господина Сиверса, даннаго его высокопревосходительству Адаму Васильевичу Олсуфьеву. С.-Петербургъ, Октября 25 дня 1778 года	279
5. Письмо князя А. М. Голицына къ г-жѣ Сиверсъ.	280
6. Пункты, на которыхъ основанъ разводъ господина Сиверса съ супругою его	281
7. Состояніе дѣла о Сиверсовомъ разводѣ	286
8. Опредѣленіе Юстицъ-Коллегіи.....	299

Всеподданнѣйшее прошеніе помѣщицы Воейковой. Марта 17-го дня 1786 г.	308
Краткое изъясненіе о вольности Французскаго дворянства и о пользѣ третьяго чина	315
<u>Разсужденіе о третьемъ чинѣ.</u>	320
Записка подпорутчицы Веселовской объ увозѣ графомъ Каховскимъ дочери ея и причиненіи ей безчестія.	325
Копія съ письма къ вице-канцлеру графу Остерману отъ князя Долгорукова, изъ Берлина, отъ 20 Апр. (1 Мая) 1784 года (О вывозѣ Русскаго серебра въ Пруссію)	330
Письмо отъ пріятеля къ пріятелю о томъ, съ какимъ варварствомъ Турки иностранныхъ министровъ часто трактуютъ.	332
Письма князя Потемкина къ великому Суворову:	
1. Писано 9-го Окт. 1789.	345
2. 24-го Окт.	346
3. 8-го Генв.	346
4. 25-го Генв. 1790	347
5. 20-го Февр. 1790. Яссы.	347
6. 9-го Марта 1790	347
7. 27-го Марта 1790. Яссы	348
8. Безъ числа.	348
Стихи на Екатерининскія учрежденія.	349
Копія съ письма Екатерины Великой къ графу Самойлову. (О вымогательствѣ денегъ Воейковымъ у Львовой). Царское Село, 23-го Іюня 1794 года.	351
Петербургское приключеніе прошлаго вѣка	353
Подлинныя донесенія графа Захара Григорьевича Чернышова Екатерины Великой объ открытіи Московской-губерніи.	355
1. Въ Москвѣ, Октября 5-го 1782 г.....	356
2. Въ Москвѣ, Октября 10-го дня 1782 г.....	357
Списокъ выбранныхъ въ уѣздные предводители.....	358
3. Въ Москвѣ, Октября 3-го дня 1782 г.....	359
Списокъ назначенныхъ въ депутаты.....	362

	Стр.
4. Въ Москвѣ, Октября 31-го дня 1782 г.....	363
5. Въ Москвѣ, Октября 31-го дня 1782 г	394
Письмо архіепископа Казанскаго Амвросія къ графу А. Р. Воронцову. Августа 23-го дня 1787, въ Казани....	365
Копія съ письма архіепископа Амвросія къ импера- трицѣ Екатеринѣ Великѣй (О новокрещенскихъ школахъ). Августа дня 1787 г., въ Казани	366
Письмо неизвѣстнаго Француза къ графу А. Р. Ворон- цову, изъ Парижа, 2 Января 1781.	369
Копія съ рапорта Екатерины Великой отъ генераль- аншефа Гудовича, 7 Ноября 1791 (Описаніе Кавказа).	377
Случаи изъ жизни фельдмаршала Ласси, разсказанные графомъ Ю. Ю. Броуномъ. .	397

1790 годъ.

Переписка Саксонскаго резидента въ Петербургѣ Гель-
бига съ Лоссомъ.

1. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 12-го (23) Юля 1790. .	403
2. Отъ Лосса къ Гельбигу, изъ Дрездена, отъ 24 Юля 1790.	406
3. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С. Петербурга, отъ 16 (27) Юля 1790. .	410
4. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 19 (30) Юля 1790 .	414
5. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 30 Юля (10 Августа) 1790. .	417
6. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 2 (13) Августа 1790. .	420
7. Отъ Лосса къ Гельбигу, изъ Дрездена, отъ 14-го Августа 1790.	423
8. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С. - Петербурга, отъ 6 (37) Августа 1790. .	627
9. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 9 (20) Ав- густа 1790	429

10. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 13 (24) Августа 1790 431
11. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 16 (27) Августа 1790 434
12. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 23 Августа (3 Сентября) 1790 437
13. Отъ Лосса къ Гельбигу, изъ Дрездена, отъ 4 Сентября 1790. 440
14. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 27 Августа (7 Сентября) 1790 443
15. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 30 Августа (19 Сентября) 1790. . 445
16. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 3 (14) Сентября 1790 447
17. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 6 (17) Сентября 1790 449
18. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 13 (24) Сентября 1790 451
19. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 17 (24) Сентября 1790. . 452
20. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 20 Сентября (1 Октября) 1790, 482
21. Отъ Лосса къ Гельбигу, изъ Дрездена, отъ 2 Октября 1788. 457
22. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 24 Сентября (5 Октября) 1790. . 460
23. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 24 Сентября (8 Октября) 1790. 463
24. Отъ Лосса къ Гельбигу, изъ Дрездена, отъ 14 Октября 1790. 465
25. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С. - Петербурга, отъ 4 (15) Октября 1790. . 471
26. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 11 (22) Октября 1790. 474
27. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 15 (26) Октября 1790. 576
28. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 22 Октября (2 Ноября) 1790 , 479
29. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 25 Октября (5 Ноября) 1790 482

Подѣлу барона Армфельда .

Notices sur les Martinistes, drésentees en 1811 par
le poc-te Réstopchine à le grande-duchesse Cat-
herine .

Дополненіе. Копія съ письма къ государствен-
ному канцлеру графу М. Л. Воронцову отъ генералъ-
поручика Пенина, изъ Стокгольма отъ 9 Іюля, полу-
ченнаго въ 20-й день Іюля же 1759 г.

Докладъ императрицѣ Екатеринѣ Второй объ учрежденіи Совѣта.

(Неизвѣстнаго сочинителя.)

1763.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Довѣренность, съ каковою Ваше Императорское Величество изволили мнѣ вчера повелѣть представить Вамъ всенижайшее мое мнѣніе о проектѣ манифеста, касающагося до учрежденія Совѣта, служа мнѣ отличнымъ опытомъ монаршей Вашего Императорскаго Величества милости и благоволенія, обязываетъ меня сугубо къ исполненію вѣрноподданнической моей должности.

Слѣдуя сему правилу, осмѣливаюсь я всенижайше донести Вашему Императорскому Величеству, что по совѣсти и лучшему разумѣнію моему признаю пользу и нужду въ учрежденіи Совѣта, который бы служилъ къ облегченію трудовъ Вашего Величества.

Вы изволите, всемилоствѣйшая Государыня, для пользы вѣреннаго державѣ Вашей народа исполнять во всемъ пространствѣ должности истинной матери отечества. Но чѣмъ больше жертвуете Ваше Величество собственнымъ Вашимъ спокойствіемъ, тѣмъ наипаче и должны мы, для продолженія златаго въ жизни нашей вѣка, желать, дабы Ваше Величество не переставали помышлять о соблюденіи дражайшаго Вашего здравія.

Счастлива будетъ Россія, если Ваше Величество, низлагая бремя подробностей на достойныхъ повѣренности Вашей сы-

новъ отечества, изволите только обратить главное Ваше попеченіе на сохранность, или, лучше сказать, на исправленіе приведенныхъ въ безпорядокъ законовъ, на справедливое признаніе заслугъ и преступленій, на общую государственную экономію, которая по сю пору толь худо учреждена, и на утвержденіе того благоденствія, которымъ начали уже мы наслаждаться подъ мудрымъ Вашего Императорскаго Величества государствованіемъ.

Согласуя такимъ образомъ въ главномъ намѣреніи учрежденіе Совѣта, позвольте мнѣ, всемилостивѣйшая Государыня, сослаться на подносимыя при семъ всенижайшія примѣчанія въ разсужденіи разныхъ пунктовъ проектируемаго манифеста.

Примѣчанія на проектъ манифеста.

1. Положеніе или основаніе манифеста можетъ нѣкоторымъ образомъ сокращено быть, потому что учрежденіе Совѣта само по себѣ не соотвѣтствуетъ всѣмъ тѣмъ намѣреніямъ, которыя (Ея Императорское Величество изволить объявлять) *) объявляются въ пользу народа (своего). Наиглавнѣйше потребно къ тому исправленіе законовъ (установленіе новыхъ и непремѣнныхъ, при соблюденіи самодержавной власти, въ случаѣ преемничества престола) и истребленіе всѣхъ понынѣ въ правительствѣ усмотрѣнныхъ недостатковъ.

Мнѣ кажется нужно и о именованіи *Императорскаго Совѣта* и членовъ онаго *императорскими совѣтниками* въ примѣчаніи упомянуть; хотя сіе наименованіе само въ себѣ и невинное, но можетъ отъ кого-нибудь истолковано быть въ предосужденіе сего полезнаго учрежденія и опредѣляемыхъ къ

*) Поставленное здѣсь въ скобкахъ въ подлинникѣ замѣнено другими выраженіями, или совсѣмъ унчтено. П. Б.

тому персонъ. Довольно и того, когда просто сказано будетъ. что Ея Императорское Величество учреждать изводить Совѣтъ, а Сенатъ на прежнемъ основаніи въ своемъ преимуществѣ ненарушимо оставляется.

2. Число членовъ Совѣта опредѣлять, кажется, излишно; потому что выборъ и опредѣленіе оныхъ должны зависѣть отъ высочайшей воли Ея Императорскаго Величества.

Если Ея Величеству не угодно уменьшать оное ниже шести, ни умножать выше восьми персонъ, то и безъ опредѣленія числа можетъ то всегда по одной ея волѣ быть (напротивъ чего, о будущемъ времени не можно ничего полагать съ точностію, и для того не къ чему дѣлать такой законъ, котораго нарушеніе не вредительно для народа, ибо инако привычкою къ не вредному нарушенію можно пріобыкнуть и къ противоположному), а при нынѣшнемъ опредѣленіи довольно только именовать тѣхъ персонъ, которыя въ Совѣтъ быть полагаются.

3. Должности статскихъ секретарей должны не въ манифестѣ, но въ регламентѣ Совѣта, сочиняемомъ для избѣжанія всякихъ недоразумѣній прежде учрежденія онаго, точно и подробно опредѣлены быть, дабы изъ неопредѣленія всѣхъ подробностей не могло произрасти споровъ и притѣсненія въ правахъ (президентовъ) трехъ главныхъ коллегій, кои по сую пору имѣли честь сами, непосредственно, Ея Императорскому Величеству по дѣламъ докладывать и кои потому и въ Совѣтъ должны пользоваться ихъ преимуществомъ, независимо отъ статскихъ секретарей.

4. Объ учрежденіи канцеляріи Совѣта нѣтъ, кажется, нужды упоминать въ манифестѣ; потому что принадлежитъ оное до регламента, который для народнаго свѣдѣнія особливо публикованъ быть можетъ.

5. Въ регламентѣ, видится, еще быть нужно различить должности статскихъ секретарей и правителя канцеляріи; потому что натуральнѣе оставить первымъ сочиненіе именныхъ указовъ, каждому по дѣламъ департамента его, а правителю канцеляріи только тѣ, кои не касаются до департаментовъ.

6. О справкахъ, изъ Совѣта въ другія государственныя управленія посылаемыхъ, кажется, нѣтъ потому же нужды упоминать въ манифестѣ, ибо сіе обстоятельство приличнѣе въ регламентѣ истолковано быть можетъ.

7. Раздѣленіе Сената, кажется, надобно оставить на собственное его разсмотрѣніе, ибо тамъ по сопряженію дѣлъ составленіе департаментовъ лучше учинено быть можетъ въ случаѣ неудобности отмѣнять именной указъ (которые указы долженствовали бы всегда свято и ненарушимо сохраняемы быть, а не такъ часто отмѣняться и одинъ другому преколовить, какъ прежде бывало), нежели упомянуть, что раздѣленіе дѣлъ въ Сенатѣ на департаменты признавалось всегда за наилучшій способъ къ скорѣйшему произведенію дѣлъ, и всемѣрно нужно, чтобъ большинство голосовъ для рѣшенія узаконено было, и сіе можетъ Ея Императорское Величество въ присутствіи своемъ въ Сенатѣ объявить (къ чему можно примѣрную записку сочинить).

Если усердіе мое къ службѣ Вашего Императорскаго Величества преступаетъ въ семь случаѣ предѣлы, то надѣюсь, что Вы, всемілостивѣйшая Государыня, не изволите осудить источника моихъ мнѣній, который основанъ единственно на посвященной Вашему Императорскому Величеству вѣрности.

До гроба пребуду я съ глубочайшимъ благоговѣніемъ.

Въ Москвѣ
7 Февраля 1763 года.

ИЗЪ БУМАГЪ

Г Р А Ф А

П. В. ЗАВАДОВСКАГО.

Тѣсная дружба, соединявшая графа С. Р. Воронцова съ графомъ П. В. Завадовскимъ (котораго письма наполняютъ собою почти всю XII книгу этого изданія) служить объясненіемъ, почему въ Воронцовскомъ архивѣ сохранились черновыя бумаги графа Завадовскаго, нѣкоторое время жившаго въ Петербургѣ въ домѣ графовъ Воронцовыхъ. Бумаги эти относятся къ тремъ самымъ замѣчательнымъ годамъ въ его жизни (1775—1777), когда онъ пользовался особенною близостью къ Екатеринѣ II-й, былъ ежедневнымъ ея собесѣдникомъ, и къ нему съ разныхъ сторонъ обращались съ просьбами; а самъ онъ, по ея приказанію, письменно сносился со многими правительственными лицами. Здѣсь помѣщаются извлеченія изъ этихъ бумагъ. Письма Завадовскаго (тогда еще не графа) сохранились въ черновыхъ подлинникахъ. П. Б.

О Даниловскомъ.

Дѣдъ мой изъ Евреевъ Андрей *Даниловской*, зашедши Малороссійскаго Стародубскаго полку сотни Шептаковской въ село Камень, крестился въ Грекокаѳолическую вѣру и оженясь прижилъ четырехъ сыновей, въ томъ числѣ и отца моего Ефима Даниловскаго. Изъ сихъ одинъ и нынѣ казакомъ выборнымъ, а другой, женившись на священнической дочери, дьячкомъ находятся. Отецъ же мой, равно какъ и старшій его братъ, а мой дядя, исправляетъ казачью службу и всѣ указныя до того принадлежащія подати платить, о чемъ значится и въ данномъ ему изъ сотенной Шептаковской канцеляріи свидѣтельствѣ.

За всѣмъ же онымъ, его сіятельства графа Кирила Григорьевича Разумовскаго управитель Шептаковской волости Михайло Бабурскій, въ нарушеніе высочайшихъ указовъ и Малороссійскихъ правъ, дѣластъ его посполитымъ по ревизіи 764 года, въ произведеніе которой служилъ онъ прикащикомъ только съ одного жалованья, какъ свободной, а не яко посполитой. И потому насланнымъ отцу моему сего 1775 года Іюня 29 дня приказомъ незаконно повелѣваетъ исполнять под-

данническія повинности, а между тѣмъ все его имѣніе, какъ-то разнаго рода скотъ, хлѣбъ и сѣно, къ себѣ забралъ и тѣмъ привелъ его въ разорительное состояніе.

О Семенѣ Сулима.

Надворной совѣтникъ Семенъ *Сулима*, будучи сего 775-го года Апрѣля 8 дня отосланъ изъ Шляхетнаго Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса, въ силу высочайшей конфирмаціи, въ Сенатъ къ разсмотрѣнію о награжденіи его чиномъ за пятилѣтнее отправленіе при корпусѣ должности главнаго казначея. опредѣленъ отъ Сената въ прошедшемъ же Апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Московскую Губернскую Межевую Канцелярію членомъ на вакансію коллежскаго совѣтника.

Какъ по уставу Корпуса положено полицеймейстера и главнаго казначея награждать чинами по прошестіи трехъ лѣтъ, проситель же Сулима служилъ въ должности главнаго казначея безпорочно болѣе пяти лѣтъ, а по нынѣшнему его въ Межевой Канцеляріи мѣсту манифестомъ отъ 8 Октября 1765 года повелѣно всѣхъ опредѣленныхъ въ члены межевыхъ канцелярій и конторъ, также и въ землемѣры, по ихъ радѣтельной и безкорыстной службѣ чинами не оставлять, а кто изъ нихъ отличное усердіе и труды покажетъ, такой имѣетъ отличнаго себѣ повышенія и высочайшаго Ея Императорскаго Величества благоволенія ожидать, въ бытность же его Сулимы и въ Межевой Канцеляріи рѣшено дѣлать разнаго содержанія болѣе двухъ тысячъ четырехъ сотъ: то просить, сколько въ силу устава Корпуса, равно и въ сходство манифеста

для межевыхъ дѣлъ, объ оказаніи надъ нимъ высочайшей Ея Императорскаго Величества милости и о награжденіи его чиномъ.

*

Завадовскій къ А. В. Олсуфьеву.

Ея Императорское Величество соизволила указать выдать изъ Кабинета тысячу червонныхъ господину подполковнику Михайлѣ Кутузову *), ѣдущему для лѣченія къ водамъ. Я честь имѣю увѣдомить о томъ ваше высокопревосходительство.

Августа 16 дня (1775).

Завадовскій неизвѣстному лицу.

Ея Величество соизволила указать отобрать справку отъ Коллегіи Экономіи, сколько вступаетъ и имѣется таковой суммы сверхъ штатныхъ расходовъ, которая погодно къ ассигнованію иногда въ расходъ употребляема бываетъ, какъ только по именнымъ указамъ?

Августа 16 дня
1775 г.

*

Завадовскій П. В. Банунину.

Ея Императорское Величество соизволила указать, чтобы ваше превосходительство сдѣлали вспоможеніе, по вашему

*) Славному впослѣдствіи князю Смоленскому.

разсмотрѣнію. крестьянамъ деревни Мостовой, принадлежащей Коллегіи Экономіи по случаю пожара, истребившаго всё безъ остатка ихъ дома.

Сентября 5 дня (1775).

*

Завадовскій Николаю Ивановичу Маслову.

Честь имѣю препроводить симъ къ вашему превосходительству челобитную Екатерины Авдѣевой дочери, жены Московскаго купца Аѳанасья Семенова сына Сырейщикова, изъясняющую неудовольствіе на рѣшеніе Московскаго и главнаго магистратовъ, также и Сената, по дѣлу ея съ Московскимъ купцомъ Рыбаковымъ о несправедливомъ онымъ Рыбаковымъ владѣніи лавками и лавочными мѣстами, ей по наслѣдству послѣ умершаго отца ея принадлежащими, какъ слѣдующую къ докладу Ея Величеству по учиненіи выправки въ Сенатъ.

Сентября 19 дня
1775.

*

Завадовскій князю А. А. Вяземскому.

Во исполненіе высочайшаго повелѣнія я честь имѣю просить ваше сіятельство приказать выправиться о Лифляндской мызѣ Айденгофъ, сколько въ ней гаковъ и на арендѣ ли и за кѣмъ состоитъ? И о томъ меня увѣдомить.

Сентября 19 дня
1775 г.

Завадовскій Н. И. Салтыкову.

Вслѣдствіе уже сообщеннаго отъ меня вамъ повелѣнія Ея Императорскаго Величества въ разсужденіи дѣла с. майора Бутурлина, я провождаю симъ его прошеніе, чтобъ въ свое время соизволили доложить по оному, какъ равномерно и челобитную Бѣлозерскаго полку адъютанта Василія Бавыкина, просящаго на рѣшеніе Сената.

25 Сентября 1775 г.
Москва.

О Воскобойниковѣ и Бѣлоусовѣ.

1775 года Сентября 25 дня по изустному Ея Императорскаго Величества высочайшему указу, коимъ дѣйствительному тайному совѣтнику Олсуфьеву повелѣтъ изволила армейскихъ капитановъ Павла *Воскобойникова* и Кирила *Бѣлоусовича*, бывшихъ прежде у дѣлъ при походной канцеляріи господина генерала-фельдмаршала и кавалера графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго, числить у дѣлъ же при полковникѣ Завадовскомъ, въ коихъ они съ опредѣленія его самаго, то есть съ 10 Іюля сего года, уже и обращаются, и жалованья опредѣлить имъ съ прибавкою противъ того, какое они, будучи при оной походной канцеляріи, получали, примѣняясь къ окладамъ находящихся при Кабинетѣ секретарей. И какъ въ справкѣ сообщенной отъ полковника Завадовскаго показано, что оные капитаны въ той походной канцеляріи получали жалованья съ раціонами, деньщичьими и столовыми по четыреста двадцати четыре рубли, по тридца-

ти шести копѣекъ съ четвертью, кабинетскіе же секретари получаютъ въ годъ по чотыреста пятдесять рублей: то во исполненіе выше прописаннаго высочайшаго повелѣнія и по словесномъ Ея Императорскому Величеству всеподданѣйшемъ докладѣ, въ Кабинетѣ опредѣлено.

Какъ онымъ капитанамъ Воскобойникову и Бѣлоусовичу, считая съ 10 Іюля сего года, и приведя ихъ въ вѣрности службы по указу къ присягѣ, такъ и находящимся при Кабинетѣ секретарямъ Ивану Протопопову, Ильѣ Желѣзнову и Никифору Кайгородову производить съ того же времени жалованья каждому по пяти сотъ рублей въ годъ изъ комнатной суммы, а Желѣзнову отъ комнатной экспедиціи

Подлинной подписанъ тако:

Адамъ Олсуфьевъ.

Надворной совѣтникъ Иванъ Желѣзновъ.

Завадовскій Н. И. Маслову.

Симъ препровождаю къ вашему превосходительству 1): Челобитную отставнаго премьеръ-маіора Демяна Оболонскаго, поданную Сентября 29 дня сего года, объ отправленіи учиненнаго въ третьемъ правительствующаго Сената департаментѣ рѣшенія по дѣлу его съ Иваномъ Кодынцемъ о завладѣнныхъ симъ въ селѣ Горошинѣ дворахъ и хуторѣ, къ оному селу принадлежащемъ. 2) Прошеніе Александра Жданова, поданное Сентября 30 дня, о взятіи дѣла его съ Осокинымъ о состоящей въ Казани сукопной фабрикѣ, бывшей во владѣніи Дряблова изъ Главнаго Магистрата и Мануфактуръ-Коллегіи въ Сенатъ для рѣшенія. 3) Прошеніе Юрьена

Флинта и Василя Шекаразина о повелѣніи генералу-маіору Павлу, камеръ-юнкеру Михайлу, да полковнику Петру Потемкинымъ заплатить по векселямъ, даннымъ какъ матерью ихъ за поручительство оныхъ Потемкиныхъ. такъ и отъ нихъ самихъ сумму восемнадцать тысячъ девятьсотъ восемьдесятъ три рубли.

Какъ всё сіи просьбы требуютъ выправокъ и чрезъ ваши руки быть потомъ доложены Ея Императорскому Величеству, то на исполненіе такое я ихъ сообщаю.

Октября 10.

1775 г.

*

Завадовскій П. В. Бакунину.

По приложенной челобитной Михайла Ѳедотова сына Павлуцкаго о оставшемся по смерти Воронежскаго епископа Іоанникія имѣніи, прошу покорнѣйше ваше превосходительство, учиня выправки, увѣдомить меня обстоятельно.

Октября 21 дня.

1775 г.

*

Завадовскій къ оберъ-прокурору Синода.

Московского Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря находящаяся съ 1772 года въ бѣлицахъ ключарница Параскева Ѳедорова дочь, также Мавра дѣвица, дочь порутчика Ивана Бражникова, находящаяся въ искусѣ въ Московскомъ дѣвичьемъ Никитскомъ монастырѣ, поданными на высочайшее

Ея Императорскаго Величества имя челобитными просят о постриженіи ихъ въ тѣхъ же монастыряхъ въ монахини, чего для прошу покорнѣйше вашего превосходительства увѣдомить меня, есть ли въ оныхъ монастыряхъ празднаыя мѣста для постриженія ихъ въ иноческій чинъ.

Октября 24 дня.
1775 г.

*

Завадовскій къ князю А. А. Вяземскому.

Потребна для донесенія Ея Императорскому Величеству поданная въ шестой Правительствующаго Сената департаментъ сего года отъ оберъ-егермейстера Семена Кирилловича нарышкина челобитная о укрѣпленіи вдовы Дарьи Посниковой, бывшей въ замужствѣ за крѣпостнымъ его человѣкомъ и кое учинено въ Сенатѣ опредѣленіе; чего ради прошу вашего сіятельства приказать меня о томъ увѣдомить.

Октября 24 дня.
1775 г.

*

Завадовскій оберъ-прокурору Синода.

Ея Императорское Величество, снисходя на всеподданнѣйшія просьбы находящейся въ бѣлицахъ въ Московскомъ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ ключарницею Парасковьи Ѳедоровой дочери и обрѣтающейся въ искусъ въ Московскомъ дѣвичьемъ Никитскомъ монастырѣ дѣвицы Мавры, дочери порутчика Ивана Бражникова, всемилостивѣйше указала постричь ихъ въ монахини въ тѣ монастыри, гдѣ они находятся.

Октября 31 дня.
1775 г.

*

Завадовскій къ неизвѣстному лицу.

По приложенной при семъ челобитной жены надворнаго совѣтника Анны Григорьевой потребно для донесенія Ея Императорскому Величеству извѣстіе о *находящемся при строеніи Нарвскаго фарватера надворномъ совѣтникѣ Иванѣ Никофоровѣ Григорьевѣ*, какимъ образомъ онъ денежную казну утратилъ, и что съ нимъ послѣдовало.

Ноября 5 дня.
1775 г.

Завадовскій къ князю А. А. Вяземскому.

Ея Величество соизволила повелѣть, чтобъ присоединенное къ сему прошеніе г. генераль-маіора Суворова разсмотрѣно было въ Сенатѣ, гдѣ и дѣла, имъ воспоминаемая, извѣстны. И ежели проситель заслуживаетъ воздаянія, то вслѣдствіе ихъ и докладъ Ея Величеству внести.

Ноября (1775).

Завадовскій Н. И. Маслову.

Поданная сего года Ноября 3 дня отъ отставнаго секунд-маіора Ильи Иванова сына Веревкина, приносящаго жалобу на второй Правительствующаго Сената департаментъ, по дѣлу его съ коллежскимъ совѣтникомъ Дмитріемъ Ѳедоровымъ сыномъ Алфимовымъ о недвижимомъ съ людьми и съ крестьяны Нижегородскомъ и Пензенскомъ имѣніи, состоящемъ по дачамъ за умершимъ братомъ просителевымъ, аппеляціонная

челобитная требуетъ выправки съ дѣломъ, имѣющимся въ Сенатѣ: то для того какъ и для доклада, буде слѣдуетъ, Ея Императорскому Величеству, я оную вашему превосходительству сообщаю.

Ноября 9 дня
1775 г.

*

Завадовскій Н. И. Маслоу.

Поданная Ноября 27 дня сего 1775 года отъ отставнаго секундъ-маіора Аѳанасья Никитина сына Зыбина, приносящаго жалобу на шестой Правительствующаго Сената департаментъ по дѣлу его о заложенномъ въ 1728 году отца его отъ подполковника Никиты Клементьева сына Зыбина Бергъ Коллегіи совѣтника Василью Никитину сыну Татицеву и потомъ отъ него проданномъ маіору Карпу Зыбину имѣніи аппеляціонная челобитная требуетъ выправки съ дѣломъ, имѣющимся въ Сенатѣ: то для того какъ и для доклада, буде слѣдуетъ, Ея Величеству, я оную вашему превосходительству сообщаю.

Декабря 2 дня.

*

Завадовскій неизвѣстному лицу.

Ея Императорское Величество, увѣдомлена будучи, что отъ Камеръ-Коллегіи имѣніе г. Полянскаго описано за долги его казніи и имѣетъ быть продано, высочайше указала таковую продажу остановить до полученія впредъ отъ Ея Величества повелѣнія; а между тѣмъ я прошу вашего превосходительства

при семъ мнѣ увѣдомленія для донесенія Ея Величеству обстоятельствъ дѣла, по которому конфискація воспослѣдовала на имѣніе упомянутаго должника.

Декабря 3.

1775.

*

Завадовскій князю А. А. Вяземскому.

Ея Императорское Величество всевысочайше указать соизволила производящееся надъ бывшимъ въ Новой Ладогѣ воеводою подполковникомъ Васильемъ Поповымъ слѣдствіе оставя, опредѣленіе его къ дѣламъ по способности предать разсмотрѣнію вашего сіятельства.

Декабря 7 дня.

*

Завадовскій князю А. А. Вяземскому.

Ея Императорское Величество всевысочайше указать соизволила, въ силу подтвержденнаго въ прошломъ 1773-мъ году отъ Правительствующаго Сената доклада, вдовѣ Шарлотѣ Іогановнѣ Ренкевичевой, женѣ бывшаго въ Ригѣ плацъ-маіора, дать (по истѣченіи аренднаго срока на обыкновенную аренду), состоящую въ Венденскомъ уѣздѣ, Аррашскомъ кирхъ-шпилѣ мызу Замски или Спаренгофъ, срокъ коей по внесенной изъ Камеръ-конторы Лифляндской справкѣ минеть будущаго 1777 года.

Декабря 7 дня.

*

Архивъ Князя Воронцова XXVI.

2

Завадовскій князю А. А. Вяземскому.

Препровождая симъ къ вашему сіятельству прошеніе на-
дворнаго совѣтника Ивана Михайлова сына Бабина, прошу
всепокорнѣйше увѣдомить меня о существѣ прописываемаго
имъ въ прошеніи его дѣла, за что онъ отъ мѣста отрѣшенъ
и Правительствующимъ Сенатомъ 774 года не велѣно его опре-
дѣлять къ дѣламъ?

Декабря 10 дня
1775.

*

Завадовскій Н. И. Маслову.

Поданная сего года Ноября 27-го дня отъ отставнаго по-
рутника князя Льва Иванова сына Егуна Черкаскаго, при-
носящаго жалобу на второй Правительствующаго Сената де-
партаментъ по рѣшенному въ ономъ департаментѣ сего года
въ Генварѣ мѣсяцѣ дѣлу его съ титулярнымъ совѣтникомъ
Михаиломъ Ѳедоровымъ сыномъ Юрьевымъ о взыскиваемыхъ
съ просителя по даннымъ отъ него Юрьеву векселямъ день-
гахъ, челобитная требуетъ выправки съ дѣломъ, имѣющимся
въ Сенатѣ: то для того какъ и для доклада, буде слудуетъ,
Ея Императорскому Величеству, я оную вашему превосход-
ительству сообщаю.

Декабря 10 дня
1775 года.

*

Завадовскій А. В. Олсуфьеву.

Препровождая симъ къ вашему высокопревосходительству прошеніе кабинетъ-курьера Михайла Рышкова о увольненіи его отъ должности съ чиномъ и съ денежнымъ награжденіемъ для опредѣленія къ другому мѣсту, за долгъ почитаю симъ одобрить, что онъ въ бытность свою у меня, при честномъ поведеніи, исправлялъ должность добропорядочно и ревностно, чего ради и прошу всепокорнѣйше по прошенію его сдѣлать ему милость.

Декабря 10 (1775)

*

Завадовскій князю А. А. Вяземскому.

Препровождая симъ къ вашему сіятельству прошеніе Анны жены прапорщика Любима Похвиснёва, прошу всепокорнѣйше извѣстить меня, было ли высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе отдать наслѣдникамъ описное недвижимое имѣніе артиллеріи цехвахтера Никифора Колокольцова и секретаря Алексѣя Нелидова? Къ недвижимому же состоящему нынѣ въ описи имѣнію Парасковьи Михайловой дочери, жены секундъ-маіора Богдана Норова, имѣетъ ли по наслѣдству право просительница Похвиснева?

Декабря 15 (1775).

*

Завадовскій князю А. А. Вяземскому.

Ея Императорское величество изволила высочайше указать отослать къ вашему сіятельству приложенное при семъ про-

2*

шеніе Анны Кушниковой, чтобы разсмотрѣно было, зачѣмъ дѣло, прописываемое въ ея прошеніи, толь долго оставлено въ Сенатѣ.

Декабря 19 дня
1775 года.

*

Марья Павловна Нарышкина къ Завадовскому.

1.

Государь мой Петръ Васильевичъ.

Сегодняшнее утро общее письмо я подала къ Ея Императорскому Величеству съ племянниками своими оберъ-камергеромъ и тайнымъ совѣтникомъ съ князьями Голицыными полюбовное въ раздѣлѣ тѣхъ душъ, которая покойный мой мужъ *) намъ пожаловалъ. Мы оныя, согласясь, назначили въ деревняхъ къ однимъ мѣстамъ; то, государь мой, какъ сіе наше прошеніе всемилостивѣйшая Государыня приказать соизволила вамъ, государь мой, оное принять и чтобъ чрезъ васъ доложено было, то и прошу покорно чрезъ предстательство ваше скорѣе исходательствовать за тѣмъ, что я для сего только нѣсколько дней пребыть отъѣздомъ моимъ въ С.-Петербургъ остановилась. При томъ прилагаю вамъ, государь мой, копію съ той милостивой корфирмаціи на поданное всеподданиѣйшее прошеніе покойнаго мужа моего. Впрочемъ остаюсь навсегда обязанною ваша, государя моего, покорная услужница

Марья Нарышкина.

*

*) Извѣстный богачъ, Семенъ Кириловичъ (ум. 27 Ноября 1775). Супруга его родомъ Балкъ-Полева. П. Б.

2.

Горестныя мои обстоятельства принуждаютъ меня просить васъ, государя моего, чтобъ вы остановились до прибытія моего въ Санктъ-Петербургъ докладомъ Ея Императорскому Величеству по общему моему письму съ оберъ-камергеромъ княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ о раздѣлѣ деревень. Сколь мое снисхожденіе ни велико было въ уступкѣ, какъ ему, такъ и по требованію его брату его лучшихъ деревень покойнаго моего мужа, послѣ оставленныхъ мною въ Нарышкинскомъ родѣ главныхъ Казанскихъ его большихъ вотчинъ; но къ несносному моему оскорбленію я вижу, что князь Александръ Михайловичъ не довольствуется симъ однимъ, а паче болѣе еще распространяетъ разныя притязанія на оставшее имѣніе мужа моего къ моему вящему притѣсненію, и какъ подъ именемъ душеприкащика, такъ и подъ именемъ наслѣдника пожалованнымъ ему отъ покойнаго мужа моего деревнямъ, толкуетъ содержаніе духовной совѣмъ вопреки истиннаго ея разумнія и воли моего мужа, такъ что еслибъ мнѣ теперь во всѣхъ его требованіяхъ ему повиноваться, то осталась бы я безъ всякаго движимаго имѣнія и совѣмъ безъ доходовъ, пожалованныхъ мнѣ по смерти мужемъ моимъ. Въ таковыхъ обстоятельствахъ я должна буду прибѣгнуть къ монаршему правосудію и для того, сколь мое здоровье ни слабо, я поспѣшу отсюда выѣхать; а васъ, государь мой, и паки прошу обождать до моего прибытія въ Санктъ-Петербургъ докладомъ по вышеупомянутому нашему общему дѣлу, чѣмъ меня наиболѣе чувствительнѣйшимъ образомъ одолжить изволите, яко пребывающую къ вамъ навсегда, государь мой, покорную къ услугамъ

Марью Нарышкину.

Въ Москвѣ.
22 Декабря 1775.

*

Оберъ-камергеръ князь А. М. Голицынъ Завадовскому.

I.

Государь мой Петръ Васильевичъ.

Искреннее благодареніе приношу вамъ за письмо ваше отъ 27-го Декабря и за скорое исходатайствованіе высочайшей Ея Императорскаго Величества резолюціи по поводу нашего общаго всеподданнѣйшаго прошенія въ разсужденіи завѣщанія покойнаго дяди моего Семёна Кирилловича Нарышкина. Остается мнѣ теперь увѣдомить васъ о наслѣдникахъ его. Онъ имѣетъ двухъ родныхъ племянниковъ и одну племянницу. Первый уже въ совершенныхъ лѣтахъ и служитъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку подпоручикомъ и теперь живетъ въ Лейденѣ для наукъ. Второй племянникъ находится въ Шляхетномъ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ кадетомъ; а племянница у двора Ея Императорскаго Величества. У сихъ послѣднихъ по имянному Ея Величества указу опредѣленъ опекуномъ Михайло Михайловичъ Измайловъ. Къ старшему же племяннику писалъ я въ свое время о кончинѣ общаго дяди нашего, увѣдомя его при томъ объ учиненномъ имъ и Ея Императорскимъ Величествомъ всемплодотворительнѣе конфирмованномъ завѣщаніи. Теперь же, въ исполненіе Ея Императорскаго Величества высочайшаго и вами мнѣ объявленнаго соизволенія, должно намъ ожидать скуды или пріѣзда его, или присылки отъ него полномочія. Съ стороны же малолѣтнихъ, опекуновъ ихъ Михайло Михайловичъ Измайловъ можетъ приступить потомъ къ оному раздѣлу. Впрочемъ долженъ я думать, что оный положенъ Марьєю Павловною и нами на такомъ справедливомъ основаніи, что

Нарышкины, наследники покойнаго Семена Кириловича, могут своимъ жребіемъ довольны быть.

При семъ приложенное письмо мною изъ Гамбурга, на высочайшее Ея Императорскаго Величества имя, вчера же полученное, прошу Ея Величеству при поверженіи меня къ монаршимъ стопамъ ея поднести. Пребуду и пр., государь мой, вашъ покорный и вѣрный слуга князь Александръ Голицынъ.

Изъ Москвы.

4-го Генваря 1776 года.

*

2.

Вслѣдствіе письма вашего превосходительства отъ 27-го Декабря минувшаго года касательно общаго нашего любовнаго раздѣла съ Марьею Павловною, дожидался я возвращенія изъ иностранныхъ земель Михайла Петровича Нарышкина. А какъ онъ теперь здѣсь находится, и я какъ ему, такъ и опекуну малолѣтнаго его брата Михайлу Михайловичу Измайлову оный нашъ раздѣлъ сообщить: то разсматривая они оный нашли для наследниковъ Нарышкиныхъ полезнымъ, почему они и свидѣтельствуютъ сами предъ Ея Императорскимъ Величествомъ свое въ томъ согласіе. Я же прошу васъ, милостивый государь мой, поднести Ея Императорскому Величеству, при поверженіи меня къ монаршимъ ея стопамъ, всеподданнѣйшее наше общее прошеніе, которое Марья Павловна имѣетъ вамъ вручить и соблаговолите исходатайствовать намъ всемилостивѣйшую конфирмацію.

Впрочемъ позвольте мнѣ, милостивой государь мой, при семъ случаѣ принести вамъ мое искреннее поздравленіе съ

Ея Императорскаго Величества къ вамъ оказанною милостию пожалованіемъ васъ въ генералъ-маіоры.

Изъ Москвы,
4 Августа 1776 года.

*

3.

Почитая ваше превосходительство за человѣка преисполненнаго честію и добродѣтелями, я въ той надеждѣ осмѣливаюсь васъ утруждать о моемъ для меня важномъ дѣлѣ и въ которомъ покорно прошу подать мнѣ руку помощи.

Слабое здоровье мое пришло теперь въ такое изнуренное и разстроенное состояніе, что къ особливой печали моей необходимо принуждаетъ меня всеподданнѣйше просить у Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго отъ службы увольненія.

Мое просительное о томъ письмо къ всемилостивѣйшей нашей Государынѣ отдалъ я князь Александру Михайловичу *) и просилъ его низложить оное къ стопамъ Ея Величества. Онъ меня видѣлъ и можетъ васъ обстоятельно увѣдомить о всемъ томъ, что до меня касается и сколь велики причины, которыя побуждаютъ меня просить о моей отставкѣ.

Получа сію высочайшую милость отъ Ея Императорскаго Величества всему свѣту извѣстнаго великодушія, единственное желаніе мое состоитъ въ томъ, чтобъ Ея Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть всемилостивѣйше опредѣлить мнѣ ежегодно по смерть мою настоящее по чину

*) Фельдмаршалу Голицыну П. В.

моему жалованіе, въ разсужденіи моего недостатка и моей долговременной и безпорочной службы.

Изъ Москвы.

5 Января 1777.

*

Завадовскій къ неизвѣстному лицу.

Мызу Витценгофъ, которой вы просили себѣ на аренду, Ея Императорское Величество соизволила пожаловать дѣйствительному камергеру Пушкину, и я васъ увѣдомляю о семъ для того, чтобы вы подали свое прошеніе о другой.

Завадовскій къ графу Броуну.

Отставной бригадиръ Карлъ Бухгольцъ, поданною Ея Императорскому Величеству чолобитною представляя, что состоявшіе въ Ригѣ собственные его два дома съ садомъ, по учиненному плану сломаны подъ крѣпостное строеніе, да и въ Шлосъ-графъ его же дома назначены къ ломкѣ, за что онъ не получалъ никакого себѣ удовольствованія. Я прошу по сему ваше сіятельство увѣдомить меня, для доклада Ея Величеству, подлинно ли взяты подъ крѣпостное строеніе помянутого бригадира Бухгольца дома и земля, и ради какихъ причинъ онъ не удовлетворенъ за оныя.

В. Карачинскій къ Завадовскому.

Примаю смѣлость васъ, милостиваго государя моего, всепокорнѣйше просить Ея Императорскому Величеству доложить, чтобъ дозволено было въ селѣ Царицынѣ построить

трактиръ, о постройкѣ котораго и желаніе имѣеть Московской первой гильдіи купецъ Василій Козелкинъ, который строилъ въ ономъ селѣ деревянной дворецъ, и ежели позволено будетъ, чтобъ оной, какъ онъ просить, былъ подъ вѣдѣніемъ онаго села и безъ акцизу, тотъ трактиръ во удовольствіе прїѣзжающимъ можно построить, что никакого помѣшательства не учинить, близъ зимней дороги, въ деревнѣ Черной Грязи.

Вашего высокородія всепокорнѣйшій слуга

Василій Карачинской.

17 Марта
1776 г.

*

И. Туманскій Завадовскому.

На сихъ дняхъ получилъ я отъ госпожи Приклонской пакетъ на имя ваше подписанной, и при ономъ прошеніе въ пакетъ незапечатанномъ къ Ея Императорскому Величеству.

Милостивый государь, я бы не осмѣлился утруждать васъ посылкой при семъ тѣхъ пакетовъ, если бы многія одолженія, кои я имѣлъ отъ дому господина Приклонскаго, къ тому меня не обязывали. Ваше жъ добросердечіе и доказанная склонность помогать прямо несчастнымъ людямъ причиною, что къ вамъ больше въ несчастіяхъ и прибѣгаемъ. Разные несчастные случаи довели госпожу Приклонскую до жалкаго состоянія: при старости, въ болѣзняхъ, претерпѣваетъ и нищету.

Ежели возможно вамъ будетъ испросить для нея какую-либо въ бѣдности ея помощь, то тѣмъ одолжите не только ее, но и многія фамиліи, родствомъ съ нею связанныя.

Иванъ Туманскій.

Мая 16 дня 1776 г.
С.-Петербургъ.

Наталья Пассекъ Завадовскому.

Я увѣрена въ милости*) его сіятельства, которую по вѣкъ мой свято хранить должна: недовольно, что пожаловалъ мнѣ письмо къ вамъ, еще и человѣку моему безъ меня просьбу къ его превосходительству Маслову послать изволилъ. А дѣло мое лежитъ безъ исполненія четвертый мѣсяцъ, что принудило меня взять смѣлость повторить мою нижайшую просьбу и васъ, милостивой государь, утруждать, чтобъ Бога одного ради вступились въ мое бѣдственное состояніе и безпомощное одиночество. Моя одна надежда какъ на Бога, тожъ на графа Петра Александровича. Онъ изволилъ общать быть моимъ покровителемъ, что прямо и доказывать изволить. Теперь же съ той надеждою къ вамъ прибѣгаю; помилуй, батюшка, показавъ свою милость въ сущей справедливости; не дай обиженной быть отъ злодѣйки-дочери, чего еще въ свѣтъ не бывало, чтобъ нагло отнять у матери собственныя мои деревни. Человѣкъ мой ко мнѣ писалъ, что за дѣломъ моимъ указъ посланъ 5-го Мая, да Бахметевъ отсюдова не посылалъ. Я посынала къ нему шесть разъ просить; отвѣтъ все одинъ: справляюсь. Я приказала моему человѣку просить, чтобъ послать на моёмъ коштѣ за дѣломъ, прогоны взять гдѣ изволятъ: у меня или у человѣка. Я у ногъ вашихъ прошу помилованія; заставъ, батюшка, вѣкъ обожать свое имя; будь мое воскресеніе; дай остатокъ мои дни дожить въ покоѣ и съ пропитаніемъ. Моя жизнь вѣкъ негодна прошла, и я сама себя въ тягость; одну имѣю отраду, меньшую дочь. И той безумно лишилась и ее погубила; объ ней сама просить поѣду, какъ соберусь хотя мало силою; а теперь буду

*) Т.-е. графа Румянцева.

ждать вашего помилованія и съ особливимъ моимъ почитаніемъ нахожусь, милостивой государь, покорная слуга

Наталя Пассекова.

4 Іюля 1776 года
Москва.

*

Я. Нордбергъ графу Завадовскому.

Находясь я нѣсколько лѣтъ безпорочно при высочайшемъ Ея Императорскаго Величества дворѣ и по разнымъ степенямъ происходя, ввѣренную мнѣ должность, по мѣрѣ силъ моихъ, и донынѣ неупустительно и неусыпно исполнять всячески старался. Будучи же безотважнымъ, и ни отъ кого рукою помощи таковою, какая ваша есть, неподкрѣпленнымъ, тѣхъ выгодъ, которыми прочіе равнаго со мной званія, по высочайшей Ея Императорскаго Величества матерней къ вѣрно-подданнымъ своимъ милости, со изобиліемъ пользуются, по жребію моему имѣть не удостоился. Посему глубокое молчаніе всегда предметомъ моимъ и было. Но увидя, позвольте сказать, въ особѣ вашего превосходительства по истиннѣ милостиваго безпомощныхъ предстателя, наконецъ несомнѣнно рѣшился счастія своего въ вашемъ покровительствѣ искать, и посредства вашего всенижайше просить о исходатайствованіи у великія Монархини въ пользу мою высочайшей императорской милости, о пожалованіи и мнѣ на покупку пріисканнаго по близости для жительства съ моимъ семействомъ, за тысячу шесть сотъ рублей, способнаго двора; поелику самъ собою, не только онаго, по недостатку моему, не могу оплатить, но и бѣднаго для себя экіпажу содержать не въ состояніи, за платежемъ наемныхъ дворовъ, и то въ даль-

номъ разстояніи отъ императорскаго двора, цѣною всегда вдвое. Когда природное вашего превосходительства дарованіе крайнимъ себѣ удовольствіемъ добротвореніе почитаете, то такимъ благодѣяніемъ много осчастливите человѣка, которой съ восхищенною радостію и воздыхая, за высочайшее Ея Императорскаго Величества и ихъ императорскихъ высочествъ здравіе къ Всевышнему непрестанно усердныя возсылать молитвы, вашего жъ превосходительства дражайшую фамилію неумолжно прославлять будетъ.

Всенижайшій и преданнѣйшій слуга

Яковъ Нордбергъ.

*

Солдатъ Перепелкинъ Завадовскому.

Чувствуя вашего превосходительства великодушіе и неизрѣченныя, когда еще находились въ городѣ Глуховѣ при его сіятельствѣ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ оберъ-аудиторомъ, ко всѣмъ бѣднымъ, прибѣгающимъ подъ кровъ вашу, милости: то и нынѣ, падъ предъ стопы вашего превосходительства, о своемъ злключеніи всенижайше имѣю доложить.

Службу продолжалъ въ Украинской дивизіи и, находясь въ Глуховѣ для караула при его сіятельствѣ графъ Петръ Александровичъ съ гренадерскими ротами, въ 769-мъ году, его сіятельствомъ отставленъ въ Архангелогородскій гарнизонъ порутчикомъ, гдѣ и находился. И въ 774 году учинилъ долгу своему преступленіе хожденіемъ въ питейныя дома съ солдатами ради питья вина, за что Іюня 4-го государственною Военною Коллегіею написанъ въ солдаты, въ коемъ званіи

нахожуся третій годъ; а въ нынѣшнемъ году по прошенію моему переведенъ въ здѣшній 2-й батальонъ.

Въ таковомъ бѣдственномъ и прискорбнѣйшемъ обстояніи, взирая на изливаемые изобильно ко всѣмъ страждущимъ и помощи ищущимъ вашего превосходительства прещедрыя милосердія, и я дерзаю повергнуть себя къ милостивѣйшимъ вашего превосходительства стопамъ и слезно просить отеческаго на бѣдность мою призрѣнія: стараніе приложить о возвращеніи прежняго порутчичьяго чина, за который уже третій годъ страдаю, дабы я вашего превосходительства милости удостоился.

Бѣдно-страждущій рабъ и богомолецъ

Федоръ Перепелкинъ.

БУМАГИ

Г Р А Ф А

Н. И. ПАНИНА.

Графъ Никита Ивановичъ Паининъ служилъ всю жизнь на дипломатическомъ поприщѣ и нѣкоторое время, будучи посланникомъ въ Швецію, находился подъ начальствомъ государственнаго канцлера графа М. Л. Воронцова, находился въ близкихъ отношеніяхъ къ его дочери, графинѣ Строгановой, и былъ сослуживцемъ старшаго его племянника.

Въ числѣ нижеслѣдующихъ бумагъ находятся и собственно-ручныя письма его къ императрицѣ Екатеринѣ. Можно думать, что они поступили въ Воронцовскій архивъ черезъ третьяго члена Иностранной Коллегіи Петра Васильевича Бакунина, близкаго родственника и друга графовъ Воронцовыхъ: графъ Александръ Романовичъ хоронилъ Бакунина и опекалъ его дѣтей. П. Б.

Копія съ секретнаго рескрипта отправленнаго къ камер-геру Панину въ Стокгольмъ *).

Для всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества извѣстїя.

Секретныя ваши реляціи по номеръ третій сего года исправно здѣсь получены.

Изъ сей послѣдней усмотрѣны обстоятельства, какъ будто въ Стокгольмѣ о принцѣ Іоаннѣ Бевернскомъ чрезъ Финляндскаго генерала губернатора Розена извѣстны, а именно: яко бы онъ въ отдаленномъ Архангельской губерніи мѣстѣ содержится подъ воспитаніемъ одного маіора-Нѣмчина, старика, который будто ему рожденіе его хранить имѣеть, и для того нѣсколько равнолѣтнихъ ему младенцевъ съ нимъ вмѣстѣ воспитываются, дабы толь больше замѣшательства о немъ сдѣлать.

Но понеже изъ вашей же секретной реляціи. нумера двадцать втораго прошлаго года, здѣсь усмотрено, яко бы въ Швеціи намѣрены до ста тысячъ червонныхъ употребить, чтобъ сего принца украсть, дабы при случаѣ, объявля его

*) Года не означено. Графъ Н. П. Панинъ былъ посланникомъ въ Швецію 12 лѣтъ (1748—1760). Попытка Фридриха Великаго освободить Іоанна Антоновича относится къ 1755 году.

претендентомъ, имъ пользоваться; а при томъ не меньше извѣстно, что Шведы толикой суммы и безъ толь шимерическихъ проектовъ едва́ль и на другія существительнѣйшія надобности употребить могутъ. слѣдовательно онаѣ въ случаѣ такого дѣйствительнаго ихъ предпріятія не иначе, какъ развѣ отъ Франціи или Пруссіи дана быть имѣла-бъ: то мы запотребно находимъ вашему радѣнію вновь подтвердить стараться объ ономъ дѣлѣ далѣе прилежно развѣдывать, паче же смотрѣть, не есть ли учиненная вамъ о сей вѣдомости откровенность такую Французско-Прусскою интригою, чтобъ доношеніями вашими о томъ намъ токмо нѣкоторой омбразъ причинить, и такимъ ложнымъ внушеніемъ насъ въ сумнительство, а поступки наши (по причинѣ перемѣны Шведской формы правительства) во ослабленіе привести, а еще паче предупредить, чтобъ по поводу Шведскихъ дѣлъ мы ничего противу короля Прускаго предпріять не осмѣлились; ибо вѣрить можно, что они, опасаясь нашей въ томъ дѣлѣ серіозности, всѣ способы придумывать станутъ насъ воздерживать или упражнять.

Вы, чувствуя важность сего, не оставите ваше раченіе къ тому приложить, чтобъ насъ о всѣхъ подробностяхъ того точно увѣдомить, фальшиво ли означенное внушеніе, или и подлинно въ Швеціи такими замыслами упражняются и такимъ образомъ, дабы мы по тому потребныя мѣры воспріять могли.

Приложенный при семъ пакетъ, со вложеніемъ, въ которомъ прилагается для вашего извѣстія копія къ тайному совѣтнику Корфу *), имѣете вы отъ себя съ нарочнымъ чело-

*) Нашему посланнику въ Даніи. П. Б.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ.

КНИГА ПЕРВАЯ. Личныя бумаги императрицы Елисаветы.—Дневная записка Коллегіи Иностр. дѣлъ 1742 г.—Письма кн. Кантемира къ гр. М. Л. Воронцову.—Письма принцессы Цербской Іоанны Елисаветы къ гр. М. Л. Воронцову.—Дѣло о Шетарди (Перлюстрація депешъ). *Со стижами.*

КНИГА ВТОРАЯ. Переписка графа А. П. Бестужева-Рюмина съ графомъ М. Л. Воронцовымъ.—Перлюстрація писемъ о заговорѣ маркиза Ботты.—Письма Минниха.—Письма гр. М. Л. Воронцова къ императрицѣ Елисаветѣ.—Бумага о побѣгѣ въ чужіе края Д. В. Волкова.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова.—Письма Ѳ. Д. Бехтѣва къ гр. М. Л. Воронцову.—Коржавины.—Объ арестѣ Лестока.—Переписка гр. М. Л. Воронцова съ гр. А. Г. Головкинымъ.—Бумаги о покушеніи на жизнь императрицы Елисаветы.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. Дѣло о студентѣ Маріамскомъ.—Секретная послышка Веймарна и Шпрингера 1752.—Записка гр. М. Л. Воронцова о Семилѣтней войнѣ 1759.—Дневникъ докладовъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ съ отзывами имп. Елисаветы.—Письма гр. М. Л. Воронцова и его супруги къ ихъ дочери.—Письма Ломоносова къ гр. М. Л. и Р. Л. Воронцовымъ.—Письмо герцога Голштинскаго къ Елисаветѣ Петровнѣ.

КНИГА ПЯТАЯ. Автобіографическая записка графа А. Р. Воронцова.—Письма гр. М. Л. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову.—Письма княгини Дашковой, Радищева и Вольтера къ гр. А. Р. Воронцову.

КНИГА ШЕСТАЯ. Доклады Коллегіи Иностр. Дѣлъ.—Переписка гр. М. Л. Воронцова съ Ѳ. Д. Бехтѣвымъ, И. И. Шуваловымъ и пр.—О взятіи Берлина Русскими войсками, *съ планами.*

КНИГА СЕДЬМАЯ. Доклады Елисаветинской конференціи.—Бумаги объ измѣнѣ гр. Тотлебена.—Переписка гр. Воронцова съ Н. И. Павинымъ.—Бумаги о тайной перепискѣ имп. Елисаветы съ Людовикомъ XV-мъ.—Конференціи при Петрѣ III-мъ и въ перв. полугодіе при Екатеринѣ.—Переписка гр. М. Л. Воронцова съ Екатериною II-ю.—Замѣчанія кн. Дашковой на книгу Рюльера. *Съ портретомъ графа М. Л. Воронцова.*

въкомъ отправить, а употребляемые на то расходы поставите на счетъ секретныхъ, о коихъ въ Коллегіи извѣстно быть не имѣеть.

Переводъ секретнаго рескрипта къ тайному совѣтнику Корфу.

Для всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества извѣстія.

Изъ реляціи вашей, въ Коллегію адресованной, мы усмотрѣли, что въ вашемъ мѣстѣ слухъ происходитъ, якобы король нынѣшнимъ лѣтомъ въ Гольштинію и въ прочія его Германскія области путь воспріеметъ, и потому вы спрашиваете, слѣдовать ли вамъ въ такомъ случаѣ за дворомъ, прося при томъ отъ насъ наставительныхъ о томъ указовъ. Отрепсися не можно, что бесполезно было бъ за королемъ туда слѣдовать, ежели бъ только обстоятельства нынѣ въ такомъ же состояніи находились, въ какомъ оныя при послѣдней поѣздкѣ въ Норвегію были. Но вамъ извѣстно, что оныя послѣ того времени весьма отмѣнились, и дѣла совсѣмъ иной видъ получили. Въ то время Датской дворъ усердіе свое оказывалъ съ нами о Шведскихъ дѣлахъ негоцировать, и о томъ конвенцію заключить. А послѣ того сей дворъ Французскія и Шведскія предложенія Англическимъ предпочелъ, трактованную съ нами и ему самому выгодную секретную негоціацию вдругъ прекратилъ, и въ такія ненатуральныя обязательства вступилъ, которыя съ нашею и прочихъ нашихъ союзниковъ системою, особливо же въ разсужденіи Швеціи, никако не сходятся. На какомъ же поползновенномъ пути Датской дворъ находится, и какой очевидной опасности оной себя для переду подвергнулъ, сіе само собою явнымъ дѣломъ есть. Довольно того, что мы резолюцію воспріали о приобрѣтеніи одного двора болѣе не стараться, но собствен-

ной его судьбѣ оставить; ибо мы предусмотрѣніемъ Всевышняго въ такихъ вождѣленныхъ обстоятельствахъ находимся, что мы, и безъ вспоможенія Датскаго двора, всякія противныя происшествія съ силою встрѣтить можемъ. Но можетъ ли Датской дворъ равномѣрное же сказать, оно время показать. А ежели оной къ прежнимъ предложеніямъ первой поступокъ паки учинить похощеть, то онъ всегда у насъ склонность и готовость найдетъ на все то, еже къ пользѣ общаго дѣла и соблюденію тишины въ Сѣверѣ касаться могло бѣ, дѣйствительно поступить и съ онымъ общее дѣло учинить. Посему сіе дѣло отъ собственнаго поступка тамошняго двора зависить, мы же не намѣрены когда либо первой къ тому поводъ подавать. А между тѣмъ рѣшеннымъ дѣломъ есть, что наша индиферентность и скрытность о нашихъ дальнѣйшихъ сентиментахъ и принимаемыхъ мѣрахъ, въ разсужденіи Шведскихъ дѣлъ, Датской дворъ въ такое безпокойство приведуть, что онъ напоследокъ принужденъ будетъ прекращенную нынѣ секретную негоціацію собою начать и прежнія предложенія возобновить. Но дабы оной дворъ о такой нашей индиферентности толь наивяще удостовѣрить, и его безпокойство еще болѣе умножить, то по видимости нынѣшнее состояніе дѣлъ требуетъ оное такимъ образомъ распорядить, чтобъ въ за дворомъ въ Гольштинію не ѣздили и себя бы съ Французскимъ и Шведскимъ министрами въ равное состояніе не приводили, особливо же когда тамошній дворъ ихъ предложенія предъ всѣми другими справедливыми призналъ и натуральнымъ уваженіямъ предпочелъ.

И потому мы вамъ повелѣваемъ въ такомъ случаѣ въ Копенгагенѣ остаться, и ежели тамошній дворъ васъ спрашивать станетъ, повелѣно ли вамъ за королемъ въ Гольштинію слѣдовать, то вы отвѣтствовать имѣете, что хотя вы нашихъ

наставительныхъ указовъ о томъ испрашивали, однакожъ никакого отвѣта не получили, яко же вы оберъ-маршалу Мольтке въ конфиденціи, равно какъ бы собою, сказать можете, что вы и нужды не предусматриваете за дворомъ слѣдовать: ибо ваши предложенія мало и весьма ничего не уважаются, да и сіе можетъ быть причиною есть, что наши о томъ къ вамъ присылаемые наставительные указы донынѣ замедливаются.

Переводъ съ приложенія къ секретной реляціи камергера Панина.

Репортъ барона Рейтергольца о имѣвшемся у него съ сенаторомъ барономъ Окергильмомъ въ деревнѣ разговоръ.

По приказу вашему, я старался сенатору барону Окергильму чувствовать дать, коль надобно, чтобъ оной какъ на искорѣе въ городъ пріѣхалъ, представляя ему тѣ резоны, о которыхъ вы меня инструповать изволили, слѣдующимъ образомъ.

Что по держанному послѣ послѣдней войны поведенію. Россійскій дворъ причину имѣлъ увѣренъ быть, что благо-разумѣйшая часть Шведской націи, а наипаче его превосходительство господинъ Окергильмъ, яко лучше всѣхъ другихъ о дѣлахъ свѣдующій, совершенно удостовѣрены будутъ о искренности дружественныхъ его къ сему королевству на-мѣреній.

Что дѣла будучи приведены въ толь критическое какъ нынѣ есть состояніе, вы не сумнѣваетесь, чтобъ вашъ дворъ, сколь скоро возможно, не принялъ всевозможныхъ способовъ къ предупрежденію бѣдственнаго сѣверному покою, а еще паче Шведской націи, злословія.

Что Россійской дворъ, желая паче великодушно къ пользѣ сей націи примѣряться, нежели единственно собственныхъ своихъ выгодностей искать, хотя никто не могъ бы справедливо ему въ томъ прекословить, можетъ однакожь отъ

благодѣтельныхъ ожидать искренняго изъясненія о планѣ, по которому-бъ хотѣли съ благопристойностью признаніе свое ему оказать.

Что такова есть Россійскаго двора довѣренность къ проныцанію и справедливости его превосходительства господина Окергильма, что оной совѣты его пріятіе всѣхъ другихъ приметъ и имъ послѣдовать будетъ.

Что несостоятельныя размышленія, деликатности или страпливости, персону его ранга и его искусства не имѣютъ воздержать отъ показанія отечеству своему такой услуги, которая можетъ быть необходимо надобна, а по меньшей мѣрѣ наибольшую и при извѣстныхъ ему самому обстоятельствахъ крайне нужною есть.

Что его и отечества его непріатели ни малѣйшаго впредъ зазрѣнія себѣ не сдѣлаютъ его самого первую жертвою ихъ самодержавной власти принести.

Что каждая минута изъ дня въ день драгоцѣннѣйшею становится, сколь больше годовое время, опасаемое отъ злонамѣренныхъ и полезное къ благополучію королевства, къ своему концу приближается.

Отвѣтъ г-на Окергильма почти отъ слова до слова слѣдующій былъ.

Я наиглубочайшимъ почитаніемъ преисполненъ къ показуемымъ мнѣ отъ Россійско-императорскаго двора милостямъ, и крайнѣйшее почтеніе и признаніе имѣю къ довѣренности, коею господинъ посланникъ меня удостоиваетъ, и уповаю слѣдующими сентиментами оную заслуживать.

Ускоряющее злосключеніе бѣднаго моего отечества, о которомъ господинъ посланникъ предъ осмью днями мнѣ обстоятельное сообщеніе сдѣлалъ, приключило мнѣ сокрушенія

больше, нежели я изобразить могу. Я чувствовалъ тягость самодержавной власти въ Швеціи, и респектъ, каковъ я ей долженствовалъ, когда она была освященною, не препятствовалъ мнѣ спознать ея несходствія; нынѣ же резонъ, учиненная мною присяга и моя должность, повелѣваютъ мнѣ оную ненавидѣть, къ чему я всегда склоненъ былъ. Всѣ Россійскаго двора поступки о благодѣи и справедливости его къ отечеству моему намѣреній меня удостовѣрили. Я къ оному довѣренность и преданность имѣю, будучи всегда глубочайшимъ почтеніемъ къ нему преисполненъ, и сколь долго въ дѣлахъ участіе имѣлъ, я всегда всевозможные способы употреблялъ, дабы моимъ сопатріотамъ чувствовать дать, колико добрая дружба съ толь почитаемымъ сосѣдомъ намъ существительна. Сія вина отлучила меня отъ дѣлъ, но не токмо о томъ не раскаяваюсь, а паче за славу себѣ поставляю въ достойной честному человѣку твердости пребывать. Союзъ Франціи и Пруссіи не можетъ иначе какъ несчастье намъ приносить, а напротивъ того соединеніе Россіи, морскихъ державъ и Австрійскаго дома существительную мою и всѣхъ тѣхъ систему составляютъ, кои замѣшательствъ, коварствъ, и пролитія неповинной крови ужасаются; мнѣ же справедливость и милость отдастся. вѣря, что я въ сихъ мнѣніяхъ твердъ и непоколебимъ.

Что до внутренности королевства принадлежитъ, то вольность націи, самодержавство законовъ, ненарушимость королевской власти, должное и пристойно установленное право Сената, въ надлежащихъ предѣлахъ опредѣленная власть сеймовъ, есть то, еже я для блага королевства, яко единственнаго предмета моихъ желаній, наиглавнѣйшимъ поставляю. Къ достиженію же всѣхъ сихъ пунктовъ иного средства нѣтъ, какъ доброй сеймъ и достойное начальникамъ зла наказаніе,

кои толь безчестнымъ образомъ отечество свое предали. Ежелибъ съ моей стороны я когда-либо могъ къ толь полезному дѣлу чѣмъ-либо способствовать, то ни имѣніе, ни малой остатокъ жизни толь драгоцѣнными для меня не будутъ, чтобъ я не похотѣлъ повиноваться сей должности. Теперь же, одинъ какъ перстъ, съ одной головой и двумя руками, я не могу больше какъ токмо желать, а прочее на волю Божию полагать; ибо видится, что Онъ хочетъ сосѣдственную державу употреблять, дабы нашу бѣдную, проведенную и подкупленную націю образумить. Сего происшествія я съ такимъ респектомъ ожидаю, каковъ къ повелѣніямъ Всевышняго имѣть должно. Я же чаю, что и всѣ добрые Шведы равнаго со мною мнѣнія суть; но понеже при томъ усматривается, что сія перемѣна не можетъ въ дѣйство произведена быть какъ скорѣйшими и сильнѣйшими способами, нежели понинѣ употреблены были (ибо злость нѣкоторыхъ измѣнниковъ дѣла до крайности привела): то я по совѣсти не чаю, чтобъ доброму подданному позволено было мнѣнія свои примѣшивать въ такія распоряженія, кои отъ иностраннаго двора зависятъ и кои натурально не могутъ во всемъ такъ точно пріятны и порядочны быть, какъ того любовь вѣрнаго подданнаго къ своему отечеству инако требовадала-бъ.

Мы прочіе Шведы, находясь въ утѣсненіи, отчасти раззорились, отчасти же молчать принуждены до открытія сейма. Буде невозможно оной безъ какого насильства произвести и распорядить, какъ то я и чаю, а наши совѣты или предпріятія къ такому намѣренію пристанутъ, каковое способностью обстоятельствъ и сходствомъ интересовъ у сосѣдственныхъ державъ воспричинствовано будетъ: то измѣнники и сущіе возмутители покоя отечества не получаютъ ли довольно имовѣрный претекстъ всей націи объ насъ такіе титулы внуи́ть,

кои, слава Богу, они только одни заслуживаютъ? Они безъ сумнѣнія не оставляютъ всевозможнѣйше стараться о приобрѣтеніи сей надъ нами поверхности; но добрая совѣсть, доброе дѣло и правила чистосердечія, всегда точно наблюдаемыя, подъ покровомъ Всемогущаго, оградятъ меня больваркомъ, или по меньшей мѣрѣ подадутъ мнѣ существовальное утѣшеніе, ежели допустить, чтобъ я еще далѣе несправедливо гонимъ былъ. Сей токмо одинъ способъ могу я примыслить къ безопасности честнаго человѣка въ толь злосчастное время, какъ нынѣ. Впрочемъ, я о себѣ столько не думаю, чтобъ въ резолюціи Россійско-императорскаго двора мѣшаться; но я себя ласкаю, что оныя всегда таковыми будутъ, что благонамѣренныхъ болѣе не утѣснятъ, какъ-то они уже свирѣпостію и клеветами такой шайки поработаны, коя съ напималѣйшимъ претекстомъ почитаетъ себѣ все дозволеннымъ.

Я увѣренъ, что по сему господинъ посланникъ о моихъ намѣреніяхъ въ разсужденіи внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ моего отечества разсудить изволить. Я себя ласкаю, что онъ, честный и прозорливый человѣкъ, оныя запротивно не приметъ, но паче въ оныхъ найдетъ. чѣмъ свой дворъ обнадежить, что я никогда не пристану должнѣйше признавать и почитать показуемыя ко мнѣ особливо милости и къ моему отечеству благосклонности. Единой интересъ Швеціи и нынѣшнее утѣсненіе благонамѣренныхъ достаточными ему суть поруками, что его благодѣянія неблагодарностію возданы быть не могутъ.

И тако, сверхъ предъявленной мною болѣзни жены моеи, яко справедливаго извиненія, господинъ посланникъ мнѣ милость покажетъ, за благо пріемля тѣ резоны, кои меня лишаютъ того счастья, котораго я инако съ крайнѣйшею нетерпѣливостію желалъ, чтобъ съ нимъ видѣться.

Сему учиться невозможно, чтобъ мои непріатели о томъ не свѣдали; ибо ихъ шпіоны и въ моей комнатѣ находятся. Да сіе по моему малому мнѣнію и излишне есть, потому что я уже упомянулъ, что я себя позволеннымъ не поставляю наималѣйшее участіе принять въ дѣйствительныхъ объ отечествѣ моемъ распоряженіяхъ; да и всѣ другія при нынѣшней кризѣ не служилибъ, какъ токмо пустымъ способомъ все перепортить. И понеже впрочемъ я надеждою себя ласкаю, что мои сентименты и намѣренія извѣстны, и коль болѣе время приближается, толь больше доброму дѣлу вредительно былобъ, ежели бы я или кто изъ знатныхъ и противною партіею ненавидимыхъ съ господиномъ посланникомъ сообщался: то онъ удостойтъ продолжать мнѣ свою милость, сохранить мнѣ благоволеніе своего двора, соизволить увѣренъ быть, что ежели когда-либо время окажется мнѣ дѣйствовать, я никогда не упустиу должности, каковую отъ меня требуютъ честь и признаніе къ доброму дѣлу.

**Экстрактъ изъ реляцій министерскихъ полученныхъ въ 18-й
день Ноября 1758 года.**

*№ 95. Отъ генерала-поручика Панина, изъ Стокгольма, отъ
6-го Ноября.*

Ожидая обѣщаннаго мнѣ отъ сенатора барона Гепкена формальнаго отвѣта на предложеніе всевысочайшаго двора Вашего Императорскаго Величества о Стетинской осады, я пропустилъ послѣднюю почту безъ доношенія. Но что же помянутой сенаторъ и по сей часъ сего не исполнилъ, оное не можно ничему другому приписать, какъ развѣ соглашенію его въ Сенатѣ мнѣній и обстоятельствъ: ибо всѣ сіи дни весьма примѣтно особенное упражненіе всего министерства, и я имѣю подлинную причину думать, что прежде нежели дѣло поставить на твердое основаніе, правительство, можетъ быть, хочеть опредѣлить рѣшительное средство, какъ привести свою армію въ такую силу, чтобъ съ помощью Вашего Императорскаго Величества надежно достигнуть общаго устремленія. Оно на то два способа имѣть: умножить наличное число арміи рекрутскимъ комплектованіемъ порожнихъ мѣстъ, или командировать отсюда изъ оставшихъ баталіоновъ новой корпусъ. При первомъ альтернативѣ несомнѣнно представляются затрудненія, въ разсужденіи общаго, а особливо крестьян-

скаго негодованія противъ правленія дѣлъ; потому что покупка рекрутъ и ихъ экипажъ, налагая на крестьянъ новую непосредственную тягость военныхъ слѣдствій, можетъ воспричинствовать еще въ землѣ дѣйствительное смятеніе, или по послѣдней мѣрѣ такое непослушаніе. *что еще болѣе нежели рекрутъ въ прошедшую зиму. сыщется погостовъ, кои совсѣмъ не исполняютъ правительскаго повелѣнія *)*. Напротивъ чего, способомъ втораго альтернатива, Шведское министерство, можетъ быть, въ намѣреніи имѣть исходатайствовать отъ Франціи прибавокъ субсидій, подъ предлогомъ отъ правленія новаго корпуса, причемъ обнадеживаніе привести въ комплектъ прежде опредѣленное число арміи съ такою слабостію и попущеніемъ исполняться можетъ, какъ прошедшею весною.

Сколько я подлиннаго открыть могъ (въ дополненіе моихъ прежнихъ доношеній) изъ послѣднихъ рапортовъ отъ Шведской арміи, генераль Гамильтонъ извиняетъ свой ретреть тѣмъ, что онъ не имѣетъ при арміи ни печей, ни хлѣбниковъ, и принужденъ былъ изъ Стралзунда привозить печеной хлѣбъ, откуда, наконецъ, непріятель ему пресѣкъ дорогу, и не имѣвъ надежнаго мѣста, гдѣ учредить лазаретъ, онъ при арміи таскалъ слишкомъ двѣ тысячи больныхъ, въ разсужденіи чего и вслѣдствіе генералитетскаго совѣта онъ съ арміею назадъ пошелъ, для освобожденія коммуникаціи съ Стралзундомъ и для своихъ больныхъ, которыхъ обозъ въ маршѣ на двѣ мили простирался.

*) По реляціямъ господина Панина весьма опасныхъ происшествій въ Швеціи ожидать должно; токмо, по счастію, многія прежнія обстоятельства въ самомъ дѣлѣ своего дѣйства не имѣли. Чаятельно и нынѣшнія сумнительныя равномѣрно не исполнятся. *Примѣчаніе графа М. Л. Воронцова.*

Вчерашняго числа, на стафетѣ изъ Гамбурга, получена здѣсь радостная вѣдомость, что 30-го числа минувшаго мѣсяца н. шт. фельдмаршалъ графъ Даунъ подѣ Герлицемъ вновь разбилъ Прусскую армію и что король Прусской съ остаткомъ своей разбитой арміи ретируется въ Нижнюю Селезію, а принцъ Генрихъ съ особливымъ корпусомъ Австрійцами окруженъ, какъ и коммуникація съ Саксоніею ими же совсѣмъ пресѣчена; о другихъ же ни о какихъ подробностяхъ сего великаго дѣла еще неизвѣстно.

№ 104. Посланника князя Голицына, изъ Лондона, отъ 29 Сентября.

Полученныя съ прибывшимъ сюда изъ Лизбона 23-го сего Сентября пакетботомъ письма хотя и упоминають, яко бы его Португальское величество, находяся въ своей каретѣ, имѣлъ несчастіе отъ приключившихся на дорогѣ нѣсколькихъ персонъ изъ фузеи ранену быть, однако же находящійся здѣсь Португальскій министръ оныя разсѣянные слухи, яко совсѣмъ неосновательные, опровергаетъ, объявляя, что полученныя имъ отъ статскаго секретаря письма гласятъ, что король, государь его, прогуливаясь въ апартаментахъ дворца своего, столь жестоко на правую руку упалъ, что отъ того убою, будучи не въ состояніи отправляющіяся депеши самъ подписывать, ту должность ея величеству королевѣ поручилъ.

№ 105. Ею же князя Голицына, отъ 2-го Октября.

Изъ Америки полученныя извѣстія отъ 21 Сентября н. шт. изъ Бостона упоминають, что генераль Амгерстъ, которой при осадѣ Люисбурга командовалъ, туда съ нѣсколькими

баталіонами сухопутнаго войска прибылъ и имѣть, соединясь съ корпусомъ генерала Аберкромбія (котораго армія Французами предъ нѣсколькимъ временемъ тому назадъ тамъ побита была) противъ Французовъ дѣйствовать, которыхъ силы почти всѣ въ той части Америки, по здѣшнимъ извѣстіямъ, нынѣ собраны.

Сего утра полученныя чрезъ пакетботъ изъ Лизбона отъ находящагося тамъ Аглинскаго министра отъ 2-го Октября н. шт. письма гласятъ, что король Португальской хотя и продолжаетъ въ постелѣ находиться, однакоже его величества здоровье въ лучшее состояніе приходитъ. Сіе приключеніе хотя еще надлежащаго объясненія и понынѣ въ публикѣ не получило, однакоже, не взирая на внушенія Португальскаго министерства, которое болѣзнь королевскую единому его величества паденію приписуетъ, всѣ здѣсь генерально думаютъ, что король злонамѣренными людьми раненъ.

№ 106. Ею жъ князя Голицына отъ того жъ числа.

Хотя и никакого письменнаго отвѣта на мои письма и представленія отъ статскаго секретаря графа Гольдернеса, о извѣстныхъ трехъ корабляхъ, я не имѣлъ, однакожъ, при послѣднемъ моемъ съ нимъ свиданіи, онъ мнѣ, по образу отвѣта, въ кратцѣ словесно далъ знать, а именно: 1-е) что онъ съ прискорбіемъ увѣдомился отъ меня о приключившемся несчастіи Любскому кораблю имянуемому *La dame Élizabeth-Christine*, которой Аглинскими пиратами въ здѣшнемъ каналѣ ограбленъ былъ; что ежели я въ состояніи какія-либо изъясненія и способы подать, чрезъ которыя бы помянутые разбойники остановлены и пойманы были, то безъ сумнѣнія оныя надлежащее наказаніе получать. 2-е) что касательно

Гданскаго корабля *L'été*, онъ надлежащія и частныя старанія приложилъ, дабы капера склонить принадлежащія Вашего Императорскаго Величества двору вещи освободить: ибо онъ въ подобныя дѣла, яко министръ его Британскаго величества, мѣшаться по здѣшнимъ правамъ не можетъ, имѣя оныя въ судахъ гражданскихъ разсмотрѣны и рѣшены быть, что по его рекомендаціи и учинено; что въ прочемъ онъ долженъ мнѣ дать примѣтить, что Россійской министръ никакого права не имѣетъ, чтобы иностранные корабли, подъ иностраннымъ флагомъ мореплавающіе, каково есть Гданское помянутое судно *L'été*, окромѣ находящихся на ономъ Вашего Императорскаго величества подданнымъ принадлежащихъ вещей рекламировать, какъ я то, какъ чрезъ мои письма, такъ и словесно, чиню. 3-е) что захваченной Аглинскими каперами Россійской корабль *С. Петръ*, графу Петру Ивановичу *) принадлежащій, безъ сумнѣнія освобожденъ будетъ.

О моихъ графу Гольдернесу, на его мнѣ рѣчи, отвѣтахъ излишно бы было Ваше Императорское Величество утруждать; довольствуюся только въ кратцѣ слѣдующее донести, а именно: касательно перваго пункта, принадлежащаго до грабежа Любскаго корабля, имянуемаго *Дама Елизабета-Кристина*, что такихъ подобныхъ образцовъ въ теченіи настоящей войны здѣсь весьма много есть, и чаятельно, что такое злое и вредительное употребленіе здѣшней вольности и правъ Англійское министерство вдругъ поправить не въ состояніи, и слѣдовательно графъ Гольдернесъ на мои принесенныя ему въ томъ жалобы иного теперь учинить не можетъ какъ только въ семъ случаѣ съ товарами, Вашего Императорскаго Величества подданнымъ принадлежащими,

*) Шувалову.

равно какъ и съ вещами Гишпанскими поступить, а именно чтобъ чрезъ публикацію пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ награжденія тому обѣщать, кто сіе воровство объявитъ и донесетъ, какъ то учинено было въ случаѣ грабленія экипажей Гишпанскаго въ Копенгагенѣ министра Пиніателя и на Голландскомъ кораблѣ находящихся; чего я причину и имѣлъ ожидать. Однакоже по сіе время, не вида чтобъ то графомъ Гольдернесомъ учинено было, не премину, при первомъ моемъ съ нимъ свиданіи, о томъ ему пристойнымъ образомъ дать выразумѣть. Касательно же вышеозначенныхъ 2-го и 3-го артикуловъ, принадлежащихъ до кораблей *Льто* и *С. Петра*, не взирая на обѣщанія какъ графа Гольдернеса, такъ и господина Пита въ томъ дѣлѣ старанія употребить и оныя корабли чрезъ частныя ихъ домогательства освободить, мало я надежды видѣлъ, чтобъ, полагаясь на оныя, помянутые корабли чрезъ одни старанія означенныхъ министровъ еще симъ позднимъ временемъ освободиться и, симъ годомъ не зимовавъ здѣсь, въ С.-Петербургъ прибыть могли. Также, по примѣру нѣкоторыхъ здѣсь находящихся иностранныхъ министровъ будучи удостовѣренъ, что при сихъ обстоятельствахъ ничего знатнаго чрезъ здѣшній дворъ въ семь дѣлъ учинено не будетъ, старался я приватно, какъ съ адвокатами, въ каперахъ интересующимися, такъ и съ другими разными персонами договориться, и наконецъ чрезъ неописанные хлопоты и труды къ крайнему моему удовольствію получилъ отъ оныхъ увѣреніе, что часто помянутые корабли *С. Петра* и *Льто* *) *позволеніе имѣютъ свой путь до С.-Петербурга*

*) Онъ, князь Голицынъ, послѣ того, въ особливой своей реляціи отъ 13-го Октября, доноситъ, что корабль *С. Петра* за противнымъ вѣтромъ оставленъ зимовать въ рѣкѣ Тамѣ. При ичаніи графа М. Л. Воронцова.

продолжать. И тако не сумнѣваюсь, что штурмана оныхъ кораблей надлежащее стараніе приложить еще прежде истеченія сей недѣли въ море отправиться.

Въ прочемъ же безвѣстно при семъ случаѣ Вашего Императорскому Величеству и о томъ въ кратцѣ довести, что въ теченіи настоящей войны по сіе время захвачено Аглинскими каперами и военными кораблями разнымъ торгующимъ нейтральнымъ націямъ принадлежащихъ кораблей, а именно: двѣсти сорокъ Голанскихъ, пятьдесятъ восемь Датскихъ, четырнадцать Испанскихъ, чѣтыре Португальскихъ, не упоминая о Шведскихъ и другихъ прочихъ. Всѣ помянутые призы составляютъ весьма знатныя суммы, изъ которыхъ одни Голандцы больше милліона фунтовъ стерлинговъ по сей разъ своихъ считаютъ.

№ 107. Ело жъ посланника князя Голицына, отъ 6-го Октября.

Чрезъ нѣкоторое время тому назадъ, видѣлъ я какъ здѣсь у Голандскаго посланника Гопа, такъ и имѣлъ изъ другихъ надежныхъ мѣстъ разныя достовѣрныя копіи съ писемъ находящагося при Вашего Императорскаго Величества дворѣ Голандскаго посланника Шварца къ Генеральнымъ Штатамъ, изъ которыхъ довольно я усмотрѣлъ, сколько оной министръ, позабывая, какъ Вашего Императорскаго Величества, такъ и высокихъ Вашего Величества предковъ, къ себѣ чрезъ многихъ лѣтъ высочайшія милости, старается о всѣхъ при Вашего Императорскаго Величества дворѣ происхожденіяхъ худыхъ и превратныхъ мнѣній подавать, и оному своими лживыми и наполненными желчью доношеніями всевозможное

предосужденіе чинить *). А понеже будучи оныя дѣла съ одной стороны не касающіяся до мѣста моего пребыванія, а съ другой въ разсужденіи, что такія увѣдомленія прямо до Вашего Императорскаго Величества двора доставляются, опасаясь я въ томъ мѣѣніи такимъ повтореннымъ до дѣлъ здѣшняго двора не принадлежащимъ доношеніемъ Ваше Императорское Величество излишно утруждать: нынѣ же больше въ молчаніи остаться вѣрноподданнической моей должности противно быть разсуждалъ, увѣдомляясь, что помянутой неблагонамѣренной Голандской министр не довольствуясь выше объявленнымъ, нынѣ вновь двору своему опасно предлагаетъ, а именно: ежели бы было возможно Англію склонить будущею весною флотъ въ Балтику послать, для учиненія по берегамъ онаго моря, а особливо въ Помѣраніи, десанта. Вслѣдствіе такого поступка не можно инако, какъ ожидать знатной переменны въ дѣлахъ въ Сѣверѣ. Хотя такія и подобныя тожъ внушенія и никакого справедливаго основанія имѣть не могутъ, однакоже повторяя такія злонамѣренныя толкованія, какъ своему двору (отъ котораго всё такія извѣстія сюда доставляются), такъ и находящемуся при Вашего Императорскаго Величества дворѣ Аглинскому министру, могутъ наконецъ какія-либо вредительныя импрессіи здѣсь учиня, Аглинской дворѣ склонить подущеніямъ въ томъ короля Прускаго послѣдовать, которой непрестанно объ отправленіи Аглинскаго флота въ Балтику и понынѣ сильно старается, что при сихъ настоящихъ и счастливыхъ

*) Объ отзывѣ Шварца многократные указы къ графу Головкину отправлены, токмо никакого успѣха донныѣ не получено, и недавно строгой рескриптъ посланъ, что графъ Головкинъ будетъ отозванъ. *Примѣчаніе графини М. Л. Ворониной.*

для Англіи надъ Французскими морскими силами въ Америкѣ успѣхахъ, здѣшнему двору и учинить безъ большаго труда возможно будетъ: ибо завладѣніемъ почти всѣми лежащими въ Сентъ-Лоранскомъ заливѣ островами и взятіемъ Люнебурга, а особливо завладѣніемъ въ другихъ Европейскихъ моряхъ въ теченіи настоящаго года многими военными Французскими кораблями, помянутыя Французскія морскія силы крайнее предосужденіе и уменьшеніе получая, оставляютъ здѣшнему двору свободныя руки эскадры свои въ другихъ сторонахъ употребить и тѣмъ сильно споспѣшествовать видамъ и намѣреніямъ короля Прускаго, которой по здѣшнимъ мнѣніямъ въ добромъ состояніи находится еще сію настоящую войну единственнымъ вспоможеніемъ Англіи долго продолжать. Въ прочемъ же Вашему Императорскому Величеству безвѣстно быть не можетъ, что часто вышепомянутой посланникъ Шварцъ до пріѣзда господина Кейта въ Санктъ-Петербургъ дѣла Англіи при Вашего Императорскаго Величества дворѣ подъ рукою отправлялъ и, какъ слышу, и нынѣ въ случаѣ нужды съ позволенія и согласія господина Кейта продолжать то временемъ не оставляетъ, равно какъ и Голандской министръ Мартевилъ то въ Стокгольмѣ чинить, имѣя въ прочемъ причину разсуждать, что корреспонденція Шварцова проходитъ чрезъ Стокгольмъ и чрезъ руки сего послѣдняго. Сии же оба Голандскіе министры, разсуждая по ихъ письмамъ, всѣмъ тѣломъ и душою королю Прускому преданы.

Имѣвшія вѣдомости о состояніи младшаго брата короля Прускаго принца Фердинанда, хотя какъ симъ монархомъ, такъ и нынѣ здѣсь рачительно таятся, однакоже совсѣмъ тѣмъ извѣстно, что помянутый принцъ совсѣмъ ума своего рехнулся, и столь обезумѣлъ, что, для предупрежденія ка-

кого либо себѣ самому или находящимся при немъ персонамъ вреда, принуждены были его цѣпями обложить; всѣ же доктора объявляютъ, что сіе приключившееся его королевскому высочеству несчастье, будучи въ его крови, безъ всякой надежды совершеннаго выздоровленія до нынѣ остается.

№ 110. Его жѣ посланника Голицына отъ 9-го Октября.

7-го числа сего Октября графъ Гольдернесъ далъ мнѣ знать, что онъ съ крайнимъ удовольствіемъ чрезъ находящагося при Вашего Императорскаго Величества дворѣ здѣшняго министра Кейта извѣстился, что къ Высочайшему Вашего Императорскаго Величества удовольствію служили малыя услуги, которые обрѣтающійся при Прусскомъ королѣ Великобританской министр Мичель имѣлъ случай оказать, взятымъ въ полонъ во время баталіи 14 (25) Августа Россійскимъ офицерамъ и о чемъ Вашего Императорскаго Величества вице-канцлеръ помянутому посланнику Кейту съ благодареніемъ далъ знать.

Графъ Гольдернесъ къ тому присовокупилъ, что его Британскому величеству весьма всегда пріятно будетъ частые случаи имѣть, какъ свою дружбу, такъ и все то, что къ удовольствію Вашего Императорскаго Величества служить можетъ, оказывать.

При засвидѣтельствovanіи же пристойнаго въ томъ графу Гольдернесу увѣренія, что Вашему Императорскому Величеству не могутъ инако какъ весьма пріятно быть такія съ стороны его Британскаго величества дружескія обнадеживанія получать, принявъ я при томъ случай надлежащимъ образомъ статскому секретарю внушить, чтобъ небезнужно было къ удовольствію Вашего Императорскаго Величества

подданныхъ, чтобъ въ дворовыхъ газетахъ публиковать награждение тому или тѣмъ, которые объявятъ тѣхъ пиратовъ, которые извѣстное Любское судно, называемое *la Dame Élizabeth-Christine* нагруженное вещами Вашего Императорскаго Величества подданнымъ принадлежащими, идущаго изъ Руана въ Санктъ-Петербургъ, въ здѣшнемъ каналѣ ограбили, что графъ Гольдернессъ немедленно учинить охотно мнѣ и общать.

№ 113. Его жъ посланника Голицына отъ 13-го Октября.

Имѣвшія здѣсь къ крайнему удовольствію изъ Саксоніи извѣстія о ретирадѣ изъ сего послѣдняго курфиршества Австрійской арміи подъ командою графа Дауна, подастъ здѣсь надежду ожидать, что король Прусской довольное время тѣмъ имѣть будетъ свои уроны въ теченіи наступающей зимы исправить, что Его Величеству столь при настоящихъ обстоятельствахъ больше нужно, что его армія, требуя многого числа рекрутовъ, немалую нужду, какъ въ мундирѣ, такъ и въ деньгахъ претерпѣваетъ. Дозволенные жъ съ здѣшней стороны сему монарху субсидіи еще не совсѣмъ всѣ ему вручены, и по сіе время только около трехъ сотъ сорока тысячъ фунтовъ стерлинговъ переведено, будучи при томъ слышно, якобы остальные суммы оныхъ субсидіевъ за скудостію наличныхъ денегъ его Прускому величеству доставить было еще невозможно.

Съ поспѣшеніемъ здѣсь приготавливающаяся экспедиція, которая безъ сумнѣнія не можетъ имѣть въ виду, какъ Французскіе острова въ Америкѣ, а именно Мартинику, имѣть въ непродолжительномъ времени въ море выдти.

№ 114. Его жъ посланника Голицына отъ 16-го Октября.

Здѣшняго двора удовольствіе о мнимой ретирадѣ фельд-маршала Дауна изъ Саксоніи, какъ я о томъ доносилъ, весьма короткаго продолженія было; ибо прибылъ сюда отправленной 16-го сего текущаго новаго штиля изъ Дрездена курьеръ отъ находящагося при Прускомъ] королѣ Англіискаго министра Мичеля, съ весьма для здѣшняго двора непріятною вѣдомостью, а именно: что помянутой искусной генералъ, дая непріятелю думать, что его ретирада изъ Саксоніи будучи неизбежна, въ то самое время нечаянно возвратясь, вдругъ армію короля Прускаго 12-го сего новаго штиля атаковалъ и совсѣмъ правое крыло оной разбилъ.

Изъ писемъ Н. И. Панина къ графу М. Л. Воронцову *).

1747.

Изъ Риги, 1-го Августа. Задержка въ дорогѣ отъ починки экипажа. Ласковый пріемъ, особенно отъ генераль-фельдмаршала.

Изъ Мемеля, 7-го Августа. Дурная дорога въ Нѣмецкой землѣ до Мемеля. Почти не вѣрится, чтобъ тамъ была такая *злая* дорога.

Изъ Берлина, 22-го Августа. Пріѣхалъ въ Берлинъ въ горячкѣ (19-го Августа). Отъ пусканія крови легче стало, однако съ постели еще встать не можетъ. Графомъ Кейзерлингомъ принятъ съ крайнею учтивостію; лежитъ въ его домѣ. Римско-императорскій министръ графъ Бернсъ былъ у него и обошелся учтиво. Проситъ похлопотать въ коллегіи о надлежащемъ его опредѣленіи.

Изъ Дрездена, 5-го Сентября. Отъ самой Риги не получаетъ ни отъ кого ни строки, кромѣ графа Воронцова. Бѣхалъ день и ночь отъ Берлина, чуть опять не заболѣлъ. Жалѣеть объ абшидѣ врача Саншеса. Какъ только всталъ на ноги,

*) Изъ менѣе важныхъ писемъ приводится только ихъ содержаніе. П. Б.

представлялся у двора Прусскаго, по причинѣ Мардефельдова комплимента, и потомъ оставилъ Берлинъ.

Изъ Лейпцига, 26-го Сентября. Исполняетъ комиссію нашего двора, т. е. велѣно ему захватъ въ Саксонію для поздравленія короля Польскаго Августа III-го по случаю бракосочетанія дочери его Маріи съ дофиномъ Французскимъ. Дешевизна товаровъ и много драгоценныхъ. Трудолюбіе жителей и умѣренный образъ жизни.

Изъ Гамбурга, 6-го Октября н. с. Глубоко чувствуетъ высочайшую милость—пожалованіе его въ камергеры, не смотря на молодость (р. въ 1718), чрезъ четырехмѣсячное разстояніе.

Изъ Гамбурга, 8-го (19) Октября. Отъ скорой ѣзды чрезъ Нѣмецкую землю почти ничего внутренняго замѣтитъ въ ней не могъ; сначала неумѣренно чиновное обхожденіе. Не входитъ въ подробности о красотѣ мѣстностей и пр. Забавляетъ его обхожденіе здѣшнихъ маленькихъ министровъ между собою; ими наполненъ городъ. Разные церемоніалы.

Изъ Копенгагена, 24-го Октября. Чрезъ цидулу увѣдомляется о потерянной почтѣ, которою онъ особенно интересовался.

Оттуда же, 3-го (14) Ноября. Проситъ извиненія въ погрѣшностяхъ при исполненіи возложенныхъ на него дѣлъ. Дѣла для помѣщенія своего еще не нашелъ; пока живетъ въ обѣржѣ. Платитъ за мѣсяцъ, кромѣ пищи, дровъ и свѣчъ, по 56-ти талеровъ. Домъ предмѣстника его Пушкина дорогъ (1100 талеровъ въ годъ). Городъ очень многонароденъ.

Оттуда же, 14-го (25) Ноября. Хотя онъ и не любитъ зимы, которой здѣсь нѣтъ и начала, однакоже завидуетъ, что она уже появилась въ Петербургѣ. Копенгагенскіе вѣтры, дожди и густота воздуха, чрезъ которой по нѣскольку недѣль сряду

и солнца не видно, мороздо всякаго мороза чувствительныѣ.—
Домъ нанять.

Оттуда же, 12-го (23) Декабря. Пишетъ, что онъ очень доволенъ рѣшенною женитьбою графа Ив. Лар. Воронцова *), называетъ своимъ другомъ. Онъ избралъ средину между двухъ крайностей, слѣпой любви и неумѣреннаго интереса. Описываетъ полутора - мѣсячныя свои наблюденія при дворахъ Почтительно принимаются тамъ многіе заслуженные знатныхъ фамилій старики, что придаетъ внѣшнее величество сему двору. Молодые люди имѣютъ успѣхи по службѣ сколько по достоинству, столько же и по знатности отеческой. Приводить примѣры тому въ фамиліяхъ Ранцау и др. Два королевскіе утренніе куртаги и всякой разъ обѣды за оберъ-гофмаршалскимъ столомъ, а вечеромъ танцы у королевы, оперы: все это отрываетъ его отъ занятій. За ложу платить по 10 талеровъ, а въ партерѣ 2 талера.

1748.

Изъ Стокгольма, 11-го (22) Ноября. Замедлилъ отвѣтомъ на письмо графа Воронцова отъ 21-го Октября, по причинѣ жестокой боли въ ногахъ. Благодарить за присылку книги сочиненія Третьяковскаго (разговоръ между чужестранц. и Русскимъ объ орѳографіи). Онъ интересованъ матеріею, изложенною въ этомъ сочиненіи. Рефлексія графа Воронцова объ сей книгѣ справедлива. Первый выходъ королевской принцессы послѣ родовъ.

Оттуда же, 30-го Декабря. Каменные вещи для строенія дома лучше выписывать совѣтуетъ изъ Италіи, чѣмъ изъ

— — —
*) На дочери казеннаго Волинскаго, Марѣ Артемьевѣ, которая наслѣдовала послѣ отца подмосковную Вороново (впослѣдствіи прославленную графомъ Растопчинимъ), гдѣ пруды рыты еще при Волинскомъ. П. Б.

Швеціи. Образцы каменные уже въ Ревелѣ. *Ода Ломоносова* (вѣроятно, на восшествіе на престолъ императрицы Елисаветы: *Заря бацряною рукою*): *есть чѣмъ въ нынѣшнее время наше отечество поздравить.*

1749.

7-го (18) Февраля. Дорожные сборы графа Воронцова въ Москву были причиною нѣкотораго замедленія сего письма. До начала Февраля безснѣжье въ Швеціи; за то дожди, а потомъ великіе снѣга, и за ними жестокіе морозы.

Изъ Стокгольма, Апрѣля 14 (25) дня, 1749.

Вашего графскаго сіятельства почтеннѣйшее писаніе отъ 23-го послѣдняго Февраля имѣлъ честь получить исправно. Какъ же искренно вамъ угодно было въ ономъ мнѣ знать дать о тѣхъ причинахъ, которыя отъ меня отняли удовольствіе вѣдать ранѣе о благополучномъ въ Москву прибытіи, я оныя конечно съ наичувствительнѣйшимъ признаніемъ и благодарностію приѣмлю; къ тому же сердечно сожалѣю о болѣзненныхъ вашихъ отъ простуды припадкахъ, сколько много усердствую о благоповеденіи вашего сіятельства. Что же до постной пищи касается, несумнѣнное есть дѣло, что вѣкъ нашъ отъ Творца всѣхъ зависитъ, ежели токмо мы отступленіемъ отъ человѣческаго смысла, которой Его первѣйшимъ намъ даромъ есть, оной не сократимъ безумно. Но невозможно сказать, чтобъ здравіе человѣческое столько же непосредственно одною Его святою десницею сохраняемо было; и тогда бы Калвинское предопредѣленіе между нами внѣдрилося неизбѣжно, догмать всѣхъ другихъ ересей опаснѣйшій! Изъ чего само собою заключается, что

необходимо надлежить и должно намъ самимъ о здоровьѣ имѣть попеченіе; въ чемъ, ежели мнѣ такъ сказать дозволено, вы, милостивый государь мой, много погрѣшили, употребляя такую пищу, отъ которой вы страдаете. Спасительное есть дѣло закону повиноваться, но онъ токмо требуетъ не здоровья, но нашихъ страстей разоренія, еже одними грибами и рѣдкою едва ли учинить возможно. А чтобъ пища и прочій въ жизни непорядокъ не касался до цѣлости человѣческаго здравія, мы тому противные примѣры ощутительно видимъ. Ваше сіятельство, несумнѣнно, во время своего вояжа въ чужіе края, примѣтитъ изволили, какое здравіе и бодрость знатные старики въ тамошнихъ мѣстахъ имѣютъ. И можно безъ малѣйшей прикрасы такъ сказать, что у нихъ шестидесяти, то у насъ пятидесяти лѣтъ. Я тоже и въ Швеціи нахожу, гдѣ климатъ несравнительно хуже нашего; и множество стариковъ отъ семидесяти и до осмидесяти лѣтъ знаю, кои кромѣ старости никакихъ господствующихъ болѣзней не имѣютъ. Видимая причина, что порядочная жизнь и умѣренная здоровая пища тому поспѣшествуетъ. Нѣтъ намъ примѣра съ простымъ народомъ: они, будучи такъ воспитаны и всегда въ тѣлесномъ трудѣ и движеніи, конечно безъ вреда сносятъ грубую пищу; да намъ по нимъ слѣдовать невозможно, развѣ всѣмъ сдѣлаться слугами; и въ такомъ случаѣ остается запросъ, коимъ образомъ народное общество сохраняемо быть можетъ? На что я отвѣту не имѣю.

Когда сіи слабыя рефлексіи ваше сіятельство забавить могутъ, я въ томъ себѣ найду великое удовольствіе; а ежели же въ читаніи принесутъ скуку, то нижайше прошу, извиня меня, приписать той ревности и сущей преданности, съ чѣмъ, такъ какъ и съ наибольшимъ почтеніемъ, завсегда пребываю

Н. Панинъ.

26-го Апрѣля (7 Мая). Мать его въ печали отъ потери любимой внуки. Отдаленность его кровныхъ и рефлексія объ этомъ.

26-го Іюня (7 Іюля). Благодарить за участіе въ смерти его племянницы. Радуется о выздоровленіи Анны Михайловны отъ оспы. Недостатокъ зелени для прогулокъ Майскихъ. Голые камни повсюду. Королевскій садъ съ придворную залу. Отдыхомъ отъ дѣлъ — охота, если нѣтъ болѣзненныхъ припадковъ. Здоровье его слабѣетъ.

1750.

11-го (22) Февраля. Благодарить за милостивое письмо и желаетъ продолженія и умноженія веселыхъ случаевъ.

26-го Октября. Просимыя маіоромъ Нащокинымъ капли по сей почтѣ не посылаетъ; докторъ Альштримъ не успѣлъ приготовить.

22-го Ноября. Посылаетъ посылку для Нащокина. Жестокая зима и большіе снѣга въ Швеціи. Считаетъ чрезвычайнымъ дѣломъ, что во всѣхъ провинціяхъ Швеціи терпятъ нужду въ водѣ. Сухая осень и потомъ жестокіе морозы до того довели, что крестьяне гонятъ поить свой скотъ къ озерамъ за двѣ или три мили, и горные заводы терпятъ отъ такой суши.

1751.

16-го Декабря. Глазной врачъ Тейлоръ въ Стокгольмѣ. Его извѣстность во всей Европѣ. Король Шведскій сдѣлалъ его своимъ окулистомъ.

1756.

5-го Сентября. Подателя письма барона Стакельберга рекомендуетъ какъ испытаннаго, образованнаго чловѣка, желающаго поступить на службу.

Изъ Стокгольма, 16 Сентября 1757.

Здѣшній мѣщанинъ Петръ Ротштейнъ, которой представилъ вамъ свои услуги *), самъ собою никакого торгу не производитъ, а служитъ въ конторѣ своего отца, которой также бывъ мало знатнымъ лѣняникомъ, нынѣ произведенъ въ Стокгольмскіе рацгеры больше въ разсужденіи обращенія внутреннихъ мѣщанскихъ дѣлъ, нежели по знатности своего торгу.

Изъ сего ваше сіятельство сами усмотрѣть изволите, что онъ не можетъ здѣсь почитаться знатнымъ купцомъ и такимъ, на кредитъ котораго положиться было возможно; почему я еще меньше осмѣляюсь совѣтовать вашему сіятельству избрать своимъ комисіонеромъ его сына, чтобъ онъ здѣсь на вашъ счетъ продавалъ хлѣбъ; да почти столько же сказать надобно и о всѣхъ Шведскихъ купцахъ, выключая изъ того двѣ или три конторы. Врядъ естьли другая такая нація, гдѣ бъ мѣщане безъ собственнаго капитала, однимъ своимъ торговымъ проворствомъ, могли такъ скоропостижно достигать класса знатнаго купечества, да и съ такою же скоростію упадать и дѣлаться банкротами. Сія циркуляція имѣній партикулярныхъ столько здѣсь въ обычаѣ, что по большой части частые въ торгу упадки и до суда не доходятъ, но всегда добровольно съ должниками договариваются, гдѣ натурально чужестранной кредитъ предосужденіе претерпѣвать долженъ; почему и настоящій онаго недостатокъ есть несумѣнно

*) По его собственному ко мнѣ адресу, в что онъ г. Панинъ изъ отвѣтнаго моего къ сему купцу письма самъ усмотрѣть могъ. *Примѣчаніе графа М. Л. Воронцова на подлинникъ.*

главнѣйшая причина разорительному государственному унтеръ-балансу въ комерціи съ посторонними областями.

Правда, милостивой государь мой, учрежденіе у насъ такого хлѣбнаго торгу, чтобъ мы его сами сюда отправляли. и слѣдовательно его цѣну всегда же въ своей власти имѣли, принесло бъ дѣйствительную пользу и приращеніе комерціи съ ея мореплаваніемъ; но для сего необходимо надобно здѣсь порядочно основать наши собственные конторы; или по послѣдней мѣрѣ содержать безпрестанно также собственныхъ комисионеровъ, которые бъ о походѣ, числѣ и времени всякаго хлѣба исправно увѣдомлять могли *).

Что касается, милостивой государь мой, до поставки въ наши порты изъ Украйны разнаго хлѣба по присланной ко мнѣ о цѣнѣ ея записки, о томъ я въ отвѣтъ получилъ отъ Ротштейна, что его отцу теперь до ста ластовъ онаго надобно, которые бъ онъ и могъ купить по предъявленной цѣнѣ, ежелибъ ваше сіятельство при томъ же требовать не изволили сверхъ нея преміумъ по 15 рублей за ластъ, о чемъ онъ обстоятельно самъ хотѣлъ письмомъ представить вашему графскому сіятельству. Мнѣ же сіе обстоятельство преміума хотя совсѣмъ неизвѣстно, но при сношеніи моемъ, для вашей услуги, о договорѣ сего торгу со всеми знатнѣйшими здѣшними хлѣбными купцами, я нашелъ равное у нихъ предувѣреніе, которымъ теперь вся публика исполнена, что будто въ слѣдствіе полученнаго вашимъ сіятельствомъ изъ Сената поз-

*) Я весьма съ симъ разсужденіемъ его согласенъ; токмо заводить свои конторы въ Швеціи и туды отправлять свои товары на собственныхъ судахъ есть дѣломъ прямаго купечества, и желательно бъ было, чтобъ наши купцы въ состояніи были такой торгъ производить; но по безсилію своему и наипаче по робости не отваживаются сего чинить. *Примѣчаніе графа М. Л. Воронцова.*

воленія о вызовѣ опредѣленнаго числа хлѣба, ваше сіятельство постановить изволили такое для себя преміумъ на всякой ластъ каждаго хлѣба, кѣмъ бы онъ проданъ и вывезенъ ни былъ. При семъ тѣ купцы еще примѣчаютъ, да и конечно съ основаніемъ и справедливо, что нынѣшняго лѣта здѣсь жатва была свѣше посредственной, и недостатокъ въ хлѣбѣ до будущаго лѣта быть не можетъ; цѣну же его теперь установить тѣмъ меньше они въ состояніи, ибо время молотбы прежде зимы не начинается. И потому они заподлинно предусмотрѣть не могутъ, по чему къ будущей веснѣ хлѣбъ продаваться будетъ. Также ихъ усмотрѣніе простирается на слѣдствія настоящей войны, лаская себя, что скорое возстановленіе мира въ Германіи имъ отворить разные чужестранныя порты, слѣдовательно и сбавить цѣну на хлѣбъ *).

Я сердечно сожалью, милостивой государь мой, что въ семъ дѣлѣ еще не могъ сыскать способа съ пользою служить вашему сіятельству; въ дальнѣйшемъ о томъ стараніи моей ревности и трудовъ истинно недоставать не будетъ, и мнѣ остается навѣдаться у тѣхъ двухъ купцовъ, которымъ здѣшняя корона дала привилегію закупить отъ нея дозволенные четыре тысячи ластовъ, не захотятъ ли они вступить въ торгъ прямо съ вашимъ сіятельствомъ, хотя на нѣкоторую часть числа сего. Но какъ и они, сколько мнѣ извѣстно, будучи также предувѣрены о вышепомянутомъ преміумъ, не со многими жаромъ даютъ теперь свои комисіи въ нашихъ портахъ, и немного еще тамъ хлѣба закупили: то и для сего всепокорнѣйше прошу ваше графское сіятельство приказать меня увѣдомить и тѣмъ привести въ состояніе давать пря-

*) Ротштейнъ донынѣ ко мнѣ не писалъ, а что до преміума надлежитъ, сіе подлинно, что Русскіе купцы 4000 ластовъ на выпускъ въ Швецію взя-

мое изъясненіе, въ семь точно состоитъ такое преміумъ и будетъ ли оно подлинно простираться и до того хлѣба, которой по предписанной мнѣ цѣнѣ ваше сіятельство сами изъ Украйны въ наши порты становить изволите *).

Впрочемъ имѣю честь быть съ глубочайшимъ респектомъ и съ совершенною преданностію, всепокорнѣйшій и всепошупнѣйшій слуга

Н. Панинъ.

1758.

16 го Ноября. Сенаторъ Гепкенъ сказывалъ ему, что въ слѣдствіе сдѣланнаго графомъ М. Л. Воронцовымъ барону Поссе внушенія о неудовольствіи гр. Фермора на находящагося при немъ Шведскаго маіора барона Армфельдта, онъ писалъ, чтобъ сей офицеръ возвратился въ Швецію, а на его мѣсто пришлется баронъ Сандельгельмъ, поручикъ: онъ

ли, и съ лада по 15 рубл. заплатитъ общались, кромѣ всѣхъ другихъ харчей и платежа пошлины по новому тарифу. Правда, что, въ разсужденіи великой пошлины на хлѣбъ и протчихъ при покупкѣ хлѣба и найму судовъ, расходы немалы; однакожъ надобно въ разсужденіе взять, что въ Швеціи хлѣбъ весьма дорогъ и нуженъ, равномѣрно какъ и въ Голандіи, въ Гамбургѣ, Любекѣ, Бременѣ и Англіи, цѣна хлѣбу по прейсъ-курантамъ весьма высока: то, въ сравненіи покупки въ Россіи, хлѣбъ могъ бы еще съ прибылью въ оныхъ мѣстахъ проданъ быть. *Примѣчаніе гр. М. Л. Воронцова.*

*) Наконецъ, ежели онъ можетъ съ Шведскими купцами договориться на все число дозволеннаго мнѣ выпуска, и именно 300 т. четвертей: то я не болѣе 10 рублей съ лада преміумъ требую: Токмо покупку разнаго хлѣба и платежъ пошлинъ они имѣютъ на себя принять и нѣкоторую часть денегъ напередъ дать. На семъ основаніи прошу его съ лутчими Шведскими купцами контрагтовать. А при семъ къ нему посылаю полученное съ послѣдней почты отъ купца Давыда Кейнта письмо, прошу по вышенисанному съ нимъ изъясниться и меня дружески увѣдомить. *Примѣчаніе графа М. Л. Воронцова.*

въ Шведской арміи волонтеромъ съ комиссією отъ Саксонскаго двора, для отсылки куда надлежитъ дезертеровъ Саксонцевъ изъ непріятельской арміи. Шведскій дворъ уволилъ генерала графа Гамильтона и его команду поручилъ ген. Лантинсгаузену.

10 Декабря. Поздравляетъ съ полученіемъ должности Верховнаго Канцлера и съ симъ соединяетъ искреннія желанія, дабы въ сей части столь важнаго государственнаго управленія Всевышній Богъ изобильно благословилъ успѣхомъ мудрыя его предпріятія.

*

1759.

4 Генваря. Чрезъ Стахіева просилъ почтдиректора Аша о покункѣ и присылкѣ въ Стокгольмъ 300 четвертей овса, но по причинѣ запрещенія вывоза хлѣба не могъ самъ Ашъ исполнить сіе порученіе, а обратился къ графу М. Л. Воронцову, и тоже безуспѣшно. Извиняется, что напрасно беспокоили его сіятельство.

17 Сентября. Извиняется, что не успѣлъ написать реляцію къ Императрицѣ: перебирался въ свое новое помѣщеніе. Да и писать нечего объ операціяхъ Шведской арміи, а объ охотѣ королевской прилагаетъ экстрактъ изъ газетъ.

23 Ноября. Благодарить за предстательство предъ Императрицею о выѣздѣ изъ Стокгольма въ Петербургъ, по случаю назначенія его воспитателемъ Павла Петровича. Ничего не пожалѣетъ къ скорѣйшему исполненію высочайшей воли; развѣ зимній путь задержитъ. Экипажъ—самыя малыя сани; ибо глубокіе снѣга, тѣсная дорога чрезъ лѣса и земли почти

необитаемая. И провизию возьметъ съ собою. Длина дороги около 3000 верстъ.

18 Декабря. Благодарить за увѣдомленіе о позволеніи брату его быть въ Петербургѣ. Отъ лихорадки столько обмогся, сколько по всегдашней его слабости здоровья можно ему того требовать въ зимнюю погоду. Надѣется выѣхать въ концѣ Генваря 1760 г. Письмо графа Воронцова въ Шведскую армію завтра отправить.

Изъ Стокгольма, 3 Сентября 1759 г.

Сколько чувствительно мнѣ ни представляются уваженія с обезпоеваніи вашего высокографскаго сіятельства моими партикулярными нуждами, но крайность доскональнаго истощенія всѣхъ другихъ ресурсовъ меня, наконецъ, привела во оскорбительную мнѣ необходимость пресѣчь должное почтеніе къ молчанію и утрудить ваше высокографское сіятельство моею всенижайшею просьбою о милостивомъ доставленіи заслуженнаго мнѣ Ея Императорскаго Величества жалованья. Столь милостивое участіе, кое ваше высокографское сіятельство принять изволили въ доскональномъ моемъ раззореніи, и при томъ поданное щедрое обѣщаніе о вашей сильной помощи въ семъ моемъ несчастіи, даютъ мнѣ къ облегченію надежду, что просьба моя тронетъ ваши нѣжные сентименты.

Я послѣ пожара, какъ вашему высокографскому сіятельству извѣстно, живу по сіе время въ домѣ и на коштѣ у господина Финлея; теперь время пришло перебираться на свой дворъ и совсѣмъ новымъ домомъ заводить: ибо по разсмотрѣніи спасенныхъ отъ огня пожитковъ нашлось, что не только двѣнадцатилѣтнимъ употребленіемъ изношенные мои

мебли много претерпѣли и требуютъ великаго исправленія и починки, но и вся домашняя поваренная, погребная, гардеробная и людская деревянная сбрау пропала и погорѣла съ домомъ, такъ что ни я, ни люди мои ни кровати, ни единого стола, на чемъ блюда поставить, не имѣемъ, умалчивая о всемъ поврежденномъ и переломанномъ въ конюшенномъ экипажѣ, и изъ посуды поваренной и порцелиновой. Сверхъ сего, невозможно было сохранить множества другой домашней мелочи и мелкой столовой провизіи. коею теперь вновь запастись долженъ.

Впрочемъ, милостивой государь, осмѣливаюсь предать на ваше собственное высокое разсмотрѣніе, можно ли, будучи въ чужой землѣ съ моимъ званіемъ, обойтись, чтобъ при выѣздѣ изъ настоящаго жительства мнѣ не оставить знаковъ признанія и благодарности въ домъ г. Финлея, которой подлинно, такъ сказать, нашедъ меня безъ кровли, взялъ въ свой домъ, и сверхъ кредита прѣжняго моего ему долга ссудилъ на первой часъ деньгами столько, сколько я взять хотѣлъ, гдѣ онъ, яко торговой человѣкъ, конечно нѣмного прибыли имѣеть изъ шести процентовъ, кои я ему плачу. Но еще, милостивой государь, чувствительнѣе меня грызеть мелочной долгъ въ лавкахъ и у провизіонныхъ купцовъ, кои, нашедъ меня въ новой растроицѣ, усугубили теперь требованіе себѣ платежа. А что мои домашнія обстоятельства и кромѣ пожара стали мнѣ въ нынѣшнемъ году совершенно неспособными, тому причина легко представится природному правосудію вашего высокографскаго сіятельства, ежели здѣсь съ милостію памятовать изволите, что восемь мѣсяцевъ живу безъ жалованія со всѣми при мнѣ находящимися, коихъ по возможности снабждать долженъ, занимая самъ съ процентами.

По чести увѣряю, что, и писавъ сіе, столько чувствую оскорбленія трудить собственною нуждою ваше высокографское сіятельство, чтобъ истинно и теперь на то не поступилъ и ожидалъ бы съ почтительнымъ и должнымъ терпѣніемъ благополучнаго часа монаршаго милосердія и вашего высокографскаго сіятельства милостиваго обо мнѣ ходатайства, ежели бѣ обстоятельства брата моего дозволяли ему теперь такъ скоро помочь мнѣ, какъ крайность нуждъ моихъ того требуетъ, продажею части отцовскаго хлѣба, которой, будучи по указамъ еще между нами не раздѣленъ, мнѣ невозможно одному имъ диспонировать. При семъ однакожѣ нахожу одну отраду въ той надеждѣ, что извинить предъ вами мою смѣлость достойная собственной славы вашего высокографскаго сіятельства консидерація, чтобъ сохранить отъ стыда въ здѣшней публикѣ характеръ мнѣ всемилостивѣйше ввѣренной отъ Ея Императорскаго Величества.

Всенижайшій и обязаннѣйшій слуга

Н. Панинъ.

1760.

13 Генваря (шифровано). Въ запискѣ конференціи при размѣнѣ ратификацій на возобновленный союзный трактатъ съ Швецією въ 1758 г., присланной въ Стокгольмъ къ Панину, сказано было, что Воронцовъ предъ посланникомъ Поссе отозвался объ отмѣнѣ навсегда взаимныхъ подарковъ министрамъ, трудившимся о заключеніяхъ публичныхъ актовъ. Объ этомъ сообщастъ мнѣніе Шведской канцеляріи, которое видится прекословнымъ намѣренію графа Воронцова.

7 Февраля. Благодарить за увѣдомленіе о прибытіи брата его въ Петербургъ. Объ адресныхъ письмахъ чужестраннымъ офицерамъ къ командирующему нашею арміею фельдмаршалу. Сообщастъ, что въ здѣшней публикѣ еще длится впечатлѣ-

ніе удовольствія о военномъ успѣхѣ Шведскихъ войскъ въ Помераніи, особенно о плѣненіи Прускаго генерала. Шведы нѣкоторые думаютъ, что возвращается прежнее время Шведскаго оружія. Разумная политика требуетъ оное распростра- нять, и потому публичныя соціететы на-перерывъ награж- даютъ тотъ отрядъ, которой атаковалъ Анкламской мостъ. Желѣзная Контора дала ему изъ своего ларца 4000 плотовъ (Шведская монета около 2 франковъ). Удерживасть отъѣздъ Панина движеніе съ кашлемъ крови вслѣдствіе послѣдней лихорадки.

Изъ Абова, отъ 11-го Апрѣля. Благодарить за письма и за увѣдомленіе объ отъѣздѣ брата его на встрѣчу. — Покупаетъ въ Абовѣ коляски и телѣги; на саяхъ насилу дотощился до сего города. Братъ уже пріѣхалъ.

*

Выѣхавъ изъ Абова, я имѣлъ счастье собрать по дорогѣ вашего высокографскаго сіятельства четыре милостивыя пись- ма, отъ 17, 18 и 23 Марта и отъ 22 Апрѣля. Принесенныя вами извиненія Ея Императорскому Величеству о медленности моей злополучной дороги, покровительское поспѣшествованіе въ отправленіи мнѣ на встрѣчу брата моего, и наконецъ милостивое участіе въ наимилосердѣйшемъ обо мнѣ попе- ченіи нашей всемилостивѣйшей Самодержицы, въ чемъ всѣ оныя письма обращаются, суть такіа благодѣянія вашего высокографскаго сіятельства, кои истинно превосходятъ всю силу словъ моихъ, и на вѣки обязываютъ къ совершенному призванію и благодарности, и сію должность ей-ей наипріят- нѣйше чувствую во всемъ пространствѣ.

Можетъ быть, до извѣстія вашего высокографскаго сіятель- ства уже дошло, что я между Абовомъ и города Луизою опять

занемогъ; сей припадокъ состоитъ въ растрясеніяхъ колесами моихъ геморондовъ, кои, напрягшись по прежнему въ нижнюю часть живота, такую жестокую боль приключили, что, пріѣхавъ въ Луизу, насилу на рукахъ изъ кареты въ камору втащить могли жива, и тамъ лежалъ четыре дни, бывъ въ несостояніи сбоку на бокъ повернуться, а потомъ перенесли меня на носилкахъ до сего мѣста. Ей-ей, милостивой государь, человѣчески нельзя-бъ мнѣ надѣяться жизнь спасти, ежели-бъ монаршескимъ милосердіемъ Ея Величества снабдѣнъ не былъ, и не имѣлъ при себѣ господина штабъ-лекаря Паульсона; а онъ же теперь разсудилъ за необходимое, чтобъ мнѣ здѣсь безъ движенія и въ покоѣ еще дни на два остаться и употреблять нѣкоторыя лекарства для облегченія моего судорожнаго боля, отъ котораго я еще на клюкѣ изъ каморы въ камору насилу ноги таскаю; движеніе же на носилкахъ какъ ни тихо, но боль чувствительно бредило и приводило въ великую слабость.

Я должностію почитаю о такихъ моихъ злосчастныхъ обстоятельствахъ всепокорнѣйше предувѣдомить ваше высокографское сіятельство; и для того съ симъ отправляю господина переводчика Шевіуса. Онъ всему очевидецъ,—будетъ имѣть честь лутче донести, что я тутъ претерпѣлъ и претерпѣваю, и что чрезъ всю дорогу сносить и преодолевать былъ долженъ. Я же, болѣе и болѣе увѣряя о его сентиментахъ, усердной и истинной преданности къ вашему высокографскому сіятельству, не могу, по справедливости, о нихъ умолчать, и его въ вашу высокую милость и протекцію всепочтѣннѣйше препоручить.

Фридриггамъ,
30 Апрѣля 1760 г.

**Переписка канцлера графа М. Л. Воронцова съ графомъ
Н. И. Панинымъ.**

Въ Екатерининское царствованіе.

1.

Милостивый государь мой Никита Ивановичъ!

Минувшаго вечера былъ я весьма долго при дворѣ въ ожиданіи счастливаго Ея Императорскаго Величества туда со славою возвращенія *), съ такимъ при томъ намѣреніемъ, чтобъ доложить Ея Величеству, когда изволить указать повѣстить чужестраннымъ министрамъ о пріѣздѣ ихъ ко двору для принесенія всенижайшихъ ихъ поздравленій. Но какъ теперь всѣмъ повѣстка учинена, дабы въ 9 часовъ ко двору съѣзжаться, то думаю я, что до прибытія всемилостивѣйшей Государыни остается еще довольно времени и министрамъ равномѣрную учинить; почему ваше превосходительство почкорно прошу, доложивъ о томъ Ея Императорскому Величеству, увѣдомить меня, хотя словесно, чрезъ посланнаго съ симъ письмомъ нарочнаго постилона о высочайшей Ея Величества резолюціи.

*) Изъ Петергофа. П. Б.

Вамъ извѣстны давно тѣ мнѣнія преданности и высокопочитанія, съ коими я пребывать честь имѣю и пр.

Графъ М. Воронцовъ.

30 Юня 1762.

2.

Милостивый государь!

Покорно прошу ваше высокографское сіятельство приказать, какъ возможно поскорѣй, отправить еще одинъ нашпорть, по приложенной запискѣ, для свиты принца Жоржа. Со мною сбылась пословица, что *съ дураками напередъ не раздѣлишь*.

Такъ пожалуй, милостивой государь, сдѣлайте сіе съ поспѣшностію, чтобъ мнѣ ихъ сію ночь съ рукъ сжить.

Пребываю со всеглубочайшимъ респектомъ и истинною преданностію

Вашего высокографскаго сіятельства
всенижайшій слуга

Н. Панинъ.

19 Юля 1762.

3.

Милостивый государь!

При искреннѣйшемъ сожалѣніи о болѣзни вашего высокографскаго сіятельства, я не преминулъ всемилостивѣйшей Государынѣ доложить о желаніи вашемъ. Ея Величество, желая скорѣйшаго вамъ исцѣленія, соизволяетъ на отсутствіе ваше на восемь дней, и изволила указать, чрезъ дежурнаго генералъ-адъютанта, фельдмаршалу графу Разумовскому командировать для вашего конвоя и прочаго употребленія, на время

бытности вашей въ вотчинѣ, одного унтеръ-офицера съ шестью рядовыми гусарами, коихъ теперь можете потребовать прямо отъ Кирилы Григорьевича. Сердечно сожалею, милостивый государь, что обстоятельства мои не дозволяютъ мнѣ самому пріѣхать пожелать вашему сіятельству благополучнаго отъѣзда и возвращенія; всепокорно прошу оное здѣсь принять и вѣрить, что я съ непремѣннымъ наиглубочайшимъ респектомъ и истинною преданностію пребываю,

милостивый государь,
вашего высокографскаго сіятельства
нижайшій слуга

Н. Панинъ.

Въ 8 часовъ съ половиною.

Примѣчаніе. На подлинномъ рукою графа Воронцова помѣчено карандашомъ. «Получено 6 Октября 1762 г.» (Москва).

4.

Милостивый государь Никита Ивановичъ!

За долгъ мой почитаю чрезъ сіе повторить вашему превосходительству сентименты дружбы, почтенія и благодарности моей, коими я вамъ обязанъ, прося васъ и въ отлученіи моемъ содержать меня къ дружеской вашей памяти.

Приложенное при семъ письмо покорнѣйше прошу Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу поднести и меня въ милость Его Высочества рекомендовать.

Пребываю съ особливымъ почтеніемъ и пр.

Изъ Риги,
Августа дня
1763 года.

5.

Изъ Кимры, 30 Іюня 1766.

Ваше превосходительство столь много знаковъ дружбы, ласковости и благодѣянія мнѣ и фамиліи моей оказать изволили въ бытность нашу въ С.-Петербургѣ, что я съ пріятностію почитаю засвидѣтельствовать вамъ долгъ благодарности моей и признанія. Я прошу ваше превосходительство о продолженіи ко мнѣ дружбы вашей и содержать насъ заочно въ благосклонной памяти.

Жена моя и дочь свидѣлствуютъ вамъ ихъ почтеніе, и мы всѣ просимъ сказать отъ насъ его превосходительству братцу вашему поклонъ. Впрочемъ пребываю съ особливимъ высокопочитаніемъ и преданностію и пр.

Р. 8. По приложенному при семъ письму прошу васъ исходатайствовать отъ Ея Императорскаго Величества нѣкоторое награжденіе хотя подлому, однакожь исправно служившему человѣку.

6.

Милостивый государь мой Никита Ивановичъ!

Явился у меня здѣшной волости крестьянинъ Матвѣй Семеновъ, которой былъ употребленъ при секретной комиссіи 19 лѣтъ, и служилъ при разныхъ тамошнихъ командирахъ добропорядочно, жалованья же получалъ только по 3 копѣйки на день, и въ прошломъ 1763 году получилъ отъ вашего превосходительства увольнительное письмо, съ котораго при семъ, для памяти, посылаю копію. А какъ онъ за службы свои не получилъ никакого награжденія и, лишась дому и промысла своего, теперь въ ниществѣ живетъ у родныхъ

братьевъ; къ тому же здѣшнее крестьянство подушныя деньги за него столь долгое время платили: то ваше превосходительство весьма справедливое и милостивое дѣло явить изволите, если исходатайствуете отъ Ея Императорскаго Величества какую-либо денежную дачу, изъ которой можно бы часть платимыхъ міромъ за сего крестьянина подушныхъ денегъ дать, а достальное въ награжденіе и на пропитаніе ему, Матвѣю Семенову, выдать.

И покорнѣйше прошу вашего превосходительства стараніе употребить въ пользу сего добраго человѣка и при удобномъ случаѣ доложить Ея Императорскому Величеству и меня благосклонно увѣдомить о щедрой Ея Величества резолюціи.

7.

Милостивый государь мой Никита Ивановичъ.

Вѣдая ежечасныя ваши упражненія въ дѣлахъ и несвободность времени, я ни малѣйшаго удивленія имѣть не могу, естлибъ ваше превосходительство и умедлило нѣсколько времени дружескимъ писаніемъ вашимъ меня посѣтить, будучи увѣренъ о благосклонности вашей ко мнѣ.

За пріемлемое участіе о здѣшнемъ пребываніи моемъ приношу вамъ покорнѣйшее мое благодареніе. Подлинно, что ненастные дни отъсмаютъ много удовольствія пріятной и невинной деревенской жизни; но, напротивъ того, Вольтеровы сочиненія награждаютъ довольно скуку пріятностію ихъ чтенія.

Перестройка моихъ дворовъ въ Москвѣ и остальное лѣтнее время удерживаютъ меня долѣе здѣсь остаться, нежели суровый климатъ то позволяетъ, и чаятельно, что погожіе дни и въ вашемъ мѣстѣ не лучше здѣшнихъ продолжаются.

8.

За милостивое ваше общеніе неходатайствовать извѣстному сапаяннику нѣкоторое награжденіе тѣмъ наче благодарствую, что онъ истинно заслужилъ оное получить. употребля лучшей свой вѣкъ въ безыизвѣстной коммисіи и. лишася дому и промысловъ своихъ, и при старости своей не имѣеть довольнаго пропитанія. Ваше превосходительство позволите учинить совершенное дѣло человеколюбія и прямую милостыню подадите присылкою ему денегъ, сколько Ея Императорскому Величеству, такъ сказать, по сердцу приидеть.

Получа отъ незнакомыхъ мнѣ изъ Флоренціи людей письма, посылаю при семъ къ вашему превосходительству съ Французскими переводами, для вашего извѣстія. не надѣясь, чтобъ по прозекту ихъ Ея Величество соизволила повелѣть лотерею, по неудачѣ Лелортовой, вновь учредить; правда, что его величество король Прусской, для своего интереса, подъ дирекцію господина Кальцабиджи, съ успѣхомъ въ Берлинѣ свою производитъ; однакожъ многіе тамошніе жители, какъ мнѣ въ проѣздъ слышать случалось, скучаютъ оною потерей. Сіе предаю на лучшее ваше разсмотрѣніе, пребывая впрочемъ съ особливимъ почтеніемъ и преданностію вашего превосходительства покорный и вѣрный слуга.

Графъ М. Воронцовъ.

1766 г. Юля 27 дня въ селѣ Кимрѣ.

Р. С. Старикъ графъ Санти много чувствителенъ за оказанныя отъ вашего превосходительства милости дочери его, и при семъ слѣдуетъ отъ него письмо

9.

Хотя уже теперь слишкомъ пять часовъ за полночь, и я еще спать не ложился, однакожь не хочу отпустить сію почту, чтобъ вашему высокографскому сіятельству не принести мою покорную благодарность за милостиво-дружеское письмо ваше отъ 27 Іюля.

Письма объ лотереѣ принимаю смѣлость возвратить къ вашему сіятельству. Я разсудилъ лучше совсѣмъ не подавать адресованное къ Ея Императорскому Величеству. Вы, милостивый государь, сами знать изволите, какъ она мыслить о семъ средствѣ исканія дохода; а къ тому же теперь извѣстно, что и именитый Калцабиджи въ Берлинѣ уже арестованъ, и его исторія со всѣми другими прозками вовсе упала.

Пожалованные отъ Ея Величества сто рублей въ награжденіе извѣстному сапожнику здѣсь прилагаю; сія сумма двойная передъ тѣми, которыми при отставкахъ награждены были простые солдаты, находящіеся при той же комиссіи.

Я тѣмъ болѣе сердечно сожалью, милостивый государь, о суровой погодѣ въ вашемъ мѣстѣ, что она здѣсь несравненно хорошею продолжается, и что притомъ неисправность строенія вашего въ Москвѣ продолжаетъ ваше пребываніе въ деревнѣ, чаятельно не весьма устроенной для осенняго времени.

Ея Величество въ прошедшую субботу сюда изъ Царскаго Села прибыть изволила, для Преображенскаго праздника, и сегодня опять туда возвращается; мы же свое лѣтнее время Петергофомъ окончили, и теперь здѣсь въ лѣтнемъ дворцѣ остаемся.

Получилъ я извѣстіе, что въ Англіи перемѣнено все министерство господиномъ Питомъ, и онъ самъ сѣлъ въ коро-

левской совѣтъ въ должности хранителя малой печати на мѣсто дюка Нейкастеля, при чемъ онъ сдѣланъ перомъ и лордомъ подъ именемъ Шатамъ. Въ самый день сей перемѣны назначенъ къ намъ посломъ извѣстный господинъ Станлей, другъ и наперсникъ Питовъ, который былъ посыланъ въ Парижъ безъ характера для первыхъ переговоровъ о мирѣ.

С.-Петербургъ,
8 Августа 1760 г.

10.

За благосклонное вашего превосходительства писаніе отъ 8 числа сего мѣсяца и приѣмное участіе о здѣшнемъ пребываніи моемъ, равно какъ и за сообщеніе Аглинскихъ новизнъ, приношу покорнѣйшее мое благодареніе.

Пожалованные отъ Ея Императорскаго Величества ходатайствомъ вашимъ въ награжденіе извѣстному сапожнику 100 рублей раздѣлены здѣсь бѣдной роднѣ его: ибо онъ, желясь въ прошломъ Іюль мѣсяцѣ, сего 6 Августа умеръ, которые, не ожидавъ сего благополучія, много обрадованы и о здравіи Ея Величества Бога молятъ.

Оставшійся въ домѣ управитель Иванъ Герасимовъ доноситъ мнѣ, что ваше превосходительство оказывать изволите благосклонныя попеченія для содержанія въ порядкѣ онаго, и пожаловали именемъ Его Императорскаго Высочества на строеніе кирпичи 100 рублей. Ваше превосходительство можете увѣрены быть, сколь много я чувствителенъ за всѣ благодѣянія ваши.

Я совершенно съ мнѣніемъ вашимъ согласенъ въ разсужденіи проекта Италіанской лотеріи, и оной только для свѣдѣнія вашего сообщилъ, а о жребіи г. Кальцабиджи въ Берлинѣ сожалью, ибо онъ человекъ весьма разумной.

Наконецъ, желая вашему превосходительству совершеннаго здравія и всякаго благополучія, пребываю съ отмѣннымъ почтеніемъ и преданностію и пр.

1766 г. Августа 20 дня.

Въ селѣ Кимрѣ.

Примѣч. Упомянутая въ предыдущемъ письмѣ письма о лотереѣ, писанныя на Итальянскомъ языкѣ, имѣются съ слѣдующею собственноручною помяткою графа М. Л. Воронцова: «Получено въ селѣ Кимрѣ Іюля 25 дня 1766 г. Возвращено отъ его превосходительства Н. И. Панина 17-го Августа».

11.

Изъ Москвы, 21 Сентября (безъ года).

По прибытіи моемъ вчера въ здѣшній городъ, я получилъ почтеннѣйшее вашего превосходительства писаніе отъ 8 сего мѣсяца. Покорнѣйше вамъ благодарствую за благосклонныя въ ономъ изображенія и присылку печати, которую я нахожу вырѣзанную наилучшимъ мастерствомъ, и вашему превосходительству много одолженъ, сердечно желая съ моей стороны въ чемъ-либо вамъ полезнымъ быть.

За дружеское сообщеніе о нѣкоторыхъ политическихъ дѣлахъ касательно Польши и Швеціи, я тѣмъ болѣе вашему превосходительству благодарствую, что оное служитъ напоминаніемъ прежней привычки пріятной корреспонденціи вашей. Я искренно ваше превосходительство поздравляю съ успѣхомъ руководства вашего на Шведскомъ сеймѣ, въ приобрѣтеніи инфлюенціи и поверхности нашей надъ господствующею чрезъ толь многіе годы партіею; весьма желаю, чтобъ и на Польскомъ сеймѣ преуспѣли въ дѣлѣ диссидентовъ и прочихъ пограничныхъ нашихъ распоряженій, которыя съ благонамѣреніемъ владѣющаго короля и прочихъ патріотовъ уповательно достигнуты быть могутъ.

**Два письма графа Н. И. Панина къ князю В. М. Долго-
рукову-Крымскому.**

1772.

1.

Милостивый государь мой князь Василій Михайловичъ.

При реляціи вашего сіятельства отъ 1-го сего Марта получены здѣсь копіи съ репортовъ къ вамъ, милостивый государь мой, находящагося въ Крымѣ статскаго совѣтника Веселицкаго, о возобновленномъ имъ у хана и у правительства Крымскаго домогательствѣ (до уступки во всегдашнее наше содержаніе нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ крѣпостей касающемся), къ чему онъ господинъ Веселицкой, по собственному его въ тѣхъ репортахъ изъясненію, взялъ поводъ отъ учиненныхъ отъ хана отзывовъ, или паче запросовъ, чтобъ воздаваемо было ему со здѣшней стороны за тѣ доходы, кои предмѣстники его, будучи подъ властію Порты Оттоманской, имѣли, а онъ ихъ лишается при настоящемъ своемъ съ Крымскимъ полуостровомъ независимомъ состояніи.

Но по содержанію оныхъ репортовъ не вовсе нѣкоторымъ образомъ тицетны были старанія господина Веселицкаго, въ разсужденіи только самого хана, который повидимому склонность къ такой уступкѣ имѣть начинаетъ; напротивъ того, мурзы и знатные люди остались при прежнемъ своемъ мнѣ-

ніи, будто не можетъ соглашено быть съ положеніями ихъ магометанскаго закона препорученіе принадлежащихъ имъ мѣсть въ стражу христіанамъ. Не взирая однакожъ и на то, господинъ Веселицкой не теряетъ надежды вынудить, наконецъ, у хана потребной актъ къ совершенному сего затруднительнаго дѣла разрѣшенію, предусиѣвъ склонить его между тѣмъ на отправленіе къ Ея Императорскому Величеству прошенія съ нарочнымъ, чтобъ всемилостивѣйшая Государыня соизволила перенять на свое высочайшее попеченіе утвержденіе вольности и независимости Крымской, при случаѣ мирнаго съ Портою соглашенія.

А изъ дошедшей сюда на сихъ дняхъ другой вашего же сіятельства реляціи отъ 6-го сего Марта усмотрѣно, что ханской нарочной и дѣйствительно уже въ ваше мѣсто пріѣхалъ съ симъ прошеніемъ, но что въ ономъ недостаетъ того обстоятельства, коимъ образомъ Крымской полуостровъ и при независимости своей отъ посторонней власти, имѣетъ быть подъ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества покровительствомъ; для чего ваше сіятельство, остановя нарочнаго, требовали отъ хана, чтобъ онъ прислалъ къ вамъ новое представленіе, съ пополненіемъ примѣченнаго вами въ настоящемъ недостатка. А почтеннымъ вашимъ ко мнѣ письмомъ отъ того же числа изъясниться изволили, что господинъ Веселицкой продолжаетъ стараться хана Крымскаго и правительство тамошнее согласить и склонить на уступку въ наше содержаніе Крымскихъ мѣсть, по точному вашего сіятельства учиненному ему подтвержденію: ибо, въ слѣдствіе моего къ нему отъ 31-го Генваря письма (съ котораго я и вашему сіятельству имѣлъ честь тогда же сообщить копію), хотя и долженствовалъ онъ оставить дальнѣйшее въ томъ стараніе

до прибытія въ Крымъ господина генерала поручика Щербинина, но вы не разсудили за потребно пропускать времени при представившейся надеждѣ къ полученію такъ нужнаго акта, въ чемъ и нынѣ господинъ Веселицкой предуспѣть наисильнѣйше удостовѣряеть.

Я уже доносилъ вашему сіятельству предъ симъ, а именно тѣмъ самымъ отъ 31-го Генваря письмомъ, что Ея Императорское Величество назначить изволила къ отправленію въ Крымъ въ качествѣ полномочнаго господина Щербинина, для присвоенія совершеннаго формалитета все тому, что понынѣ предпріято было въ разсужденіи установленія независимаго правительства въ семь полуостровѣ, слѣдовательно и у всѣхъ Татаръ, отъ подданства Турецкаго отторженныхъ. Теперь же позвольте мнѣ, милостивый государь мой, и во всей подробности изъяснить, въ чемъ такой формалитетъ состоятъ имѣть и сколько оной нуженъ и полезенъ для прочности и собственныхъ вашихъ подвиговъ, подъятыхъ на освобожденіе Крыма отъ порабожденія Порты Оттоманской, послѣ чего я удостовѣренъ, что ваше сіятельство, по ревности вашей къ пользѣ отечества и къ собственной вашей славѣ (совокупляясь въ семь случаевъ та и другая во едино) одного будете со мною мнѣнія и совершенно согласитесь, что, при настоящемъ положеніи нашихъ съ Татарами дѣлъ, частныя съ ними постановленія всего нашего съ сими народами на будущее время взаимства не рѣшать съ точностію и съ твердостію, ниже могутъ имѣть и достаточную инфлюенцію въ признаніе ихъ независимости отъ другихъ дворовъ.

Когда, при открывшейся настоящей войнѣ, первыи въ разсужденіи Татаръ покушенія подали надежду отторгнуть ихъ отъ Порты: то въ рескриптѣ, отправленномъ къ брату моему отъ 2-го Апрѣля 1770 года, во время предводительства его,

изъявлено уже во всѣхъ обстоятельствахъ основаніе принятой здѣсь объ нихъ и о самомъ Крымскомъ полуостровѣ системы: то-есть, что въ неподверженное состояніе всѣхъ Нагайскихъ Татаръ и съ Крымомъ привести и въ томъ утвердить желается, но что сего не можно будетъ исполнить инако, какъ занятіемъ навсегда нѣкоторыхъ Крымскихъ мѣстъ, по добровольной оныхъ Татарами уступкѣ, завися отъ того удобность съ стороны нашей защищать ихъ отъ противныхъ Турецкихъ покушеній, а по Черному морю распространить корабленаваніе, какъ для того, такъ и для взаимнаго отъ коммерціи прибытка. Когда же, благословеніемъ Всевышняго, ниспосланнымъ на справедливое Ея Императорскаго Величества оружіе, при мужественномъ вашего сіятельства онымъ въ прошедшую кампанію предводительствѣ, Крымской полуостровъ въ здѣшнюю волю предался: то однакожь, дабы и при томъ слѣдовано было прежде принятой системѣ, и вся Европа видѣла, что не одно здѣшнее желаніе есть видѣть Татаръ отгорженными отъ бывшей надъ ними Турецкой власти, но что и сами они тому всеохотно соображаются, и по натуральному къ Портѣ недовѣренію тотчасъ и возчувствовали нужду въ нашемъ ихъ защищеніи перенятіи, и поручено уже было вашему сіятельству (отправленнымъ къ вамъ отъ 27-го Августа 1771 года рескриптомъ) стараніе, въ бытность вашу въ Крымскомъ полуостровѣ, не наклонить и согласить Татаръ на какую-либо уступку, но благоразумнымъ вашимъ обращеніемъ и управленіемъ ихъ разсудка собственную ихъ заботу и рвеніе возбудить, чтобъ они какъ бы собственнымъ же познаніемъ на прошеніе поступили, и не мы того ищущими, но они о томъ намъ докучающими видѣлись по наружности.

Я не сомнѣваюсь отдать собственному вашему сіятельства проищанію судить, можетъ ли господинъ Веселицкой нынѣшними своими трудами замѣнить, что могло только ожидаемо и дѣйствительно произведено быть важностію вашего сіятельства состоянія, по чину и начальству, и еще во время вашего посреди Татаръ пребыванія. Тогда, говоря свойственно по тому времени, и самой громъ бывшаго въ рукахъ вашихъ оружія давалъ бы грубому ихъ понятію ощущать прочность и пользу въ препорученіи всегдашней намъ стражи ихъ свободы и неподверженности, и сдѣлать бы ихъ не только податными, но и желающими, чтобы и дѣйствительно въ томъ положительныя мѣры безъ упущенія предпріяты были. Напротивъ того, господина Веселицкаго домогательства, при настоящемъ нашихъ гарнизоновъ во всѣхъ укрѣпленныхъ Крымскихъ мѣстахъ содержаніи по праву завоеванія, и по резону только продолжающейся войны, кажется, неминуемо опасныя Татарамъ воображенія подавать имѣютъ; особливо же что съ ихъ стороны и начались уже представленія о испражненіи и всего Крыма отъ здѣшнихъ войскъ, коль скоро ваше сіятельство оттуда отлучились, и безпредѣльное жителей сего полуострова къ магометанству усердіе получило весь досугъ ополчить ихъ прежнею противъ христіанства ненавистію. Не могутъ ли они заключать теперь, видя наше время отъ времени возобновляемая усиленная искательства, съ подкрѣпленіемъ дачами и подарками, что мы ищемъ навсегда въ ихъ отечествѣ утвердиться не для ихъ уже защищенія, но для собственной нашей выгоды, а представленіемъ и ихъ въ томъ пользы только что легковѣріе ихъ уловить стараемся? Ибо, примѣняясь къ образу Татарскихъ мыслей, вѣтранныхъ и по большей части настоящимъ временемъ занимающихся, а будущимъ очень мало, или совсѣмъ

ничего, едвали множайшіе изъ нихъ, находясь нынѣ въ покойномъ положеніи и упражняясь въ своей набожности, и уважають не столько могущую быть имъ отъ Турокъ опасность, сколько соблазнъ и предосужденіе ихъ закону отъ тѣснаго съ христіанскою державою соединенія и преданія себя въ ея покровительство и руководство. А чтобъ сіе сумнѣніе въ конецъ разрушить и истребить, не довольно уже (примѣняясь же и еще къ образу Татарскихъ мыслей) однихъ, такъ сказать, глухихъ и скромныхъ стараній, о которыхъ только начальникамъ извѣстно, а всему обществу нimalo; но съ тѣмъ соединены быть должны и паружныя оказательства, умы Татарскія занимающія и чувствительно удостовѣряющія ихъ о здѣшнемъ къ нимъ доброжелательствѣ и уваженіи, не тонкостями, а кидающимся имъ въ глаза и убѣждающимъ cadaго изъ нихъ, какъ бы по неволѣ, преимуществомъ настоящаго своего свободнаго состоянія сообразить и снести съ рабствомъ, въ какое они низвержены были.

Такимъ образомъ, хотябъ ваше сіятельство и сами время пмѣли привести Татаръ на всѣ здѣшнія желанія, то для вышеизъясненныхъ причинъ, собственно къ нимъ Татарамъ относящихся, а не меньше, или еще и больше, и для того, чтобъ Крымъ и всѣ принадлежащія къ сему полуострову Ногайскіе народы прямо свободными и неподчиненными посторонней власти и для всего свѣта видѣлися (слѣдовательно раздѣленными отъ Порты, прежде ими владычествовавшей, по равнымъ образомъ не присовокупленными и къ Россійской Имперіи) и былобъ, однакожъ, необходимо отправленіе къ нимъ торжественнаго посольства: ибо по введенному въ Европѣ обыкновенію и этикету не можетъ ничѣмъ дѣйствительнѣе, явнѣе и достаточнѣе доказано быть признаніе со стороны здѣшняго двора независимости Татарской, какъ симъ поступ-

комъ, предполагающимъ ихъ достойными быть непосредственнаго съ почтительными державами сношенія и пересылки.

Дворы христіанскіе, внимая сему убѣдительному опыту и примѣру нашего уваженія къ Татарамъ, изъ рабства и неволи возникшимъ, не больше ли возымѣютъ побужденія и съ своей стороны признать ихъ свободными? А тогда и Порты должна будетъ мнимое свое право уничтожить и отъ нихъ отступиться.

Между тѣмъ, увидя Татара у себя полномочнаго Ея Императорскаго Величества, отдающаго имъ на собственной разсудокъ и произволъ избрать способы къ будущей своей безопасности, можетъ быть, по такому ласкательству ихъ честолюбія, скорѣе и прямодушнѣе согласятся и на всѣ здѣшнія желанія, натуральнымъ образомъ не будучи въ собственныхъ ихъ силахъ предохранить Турецкія на Крымъ во всякое время покушенія безъ здѣшняго участванія. Но что бы уже ни воспослѣдовало, по крайней мѣрѣ все то, что полномочнымъ съ Татарами постановится и заключено будетъ, составитъ цѣльной договоръ, на доброй ихъ волѣ основанной и къ предъявленію свѣту удобной, вмѣсто того, что до прибытія его, какія бы съ ними сдѣлки господинъ Веселицкой ни предпріялъ, они не могутъ имѣть равномѣрной достовѣрности и важности, какъ частныя, по временамъ происшедшія, а не совокупленныя вообще въ составъ, свойственный формальному трактату, но къ чему онъ и необходимою довѣренностию и полною мочью отнюдь и не снабденъ. А безъ того онъ (принимая вещи въ такомъ разумѣніи, въ какомъ свѣтъ судить можетъ) неизбежны отъ вида нѣкотораго приневоливанія, слѣдовательно и отъ самаго подозрѣнія, повреждающаго прочностъ и священностъ подобныхъ инструментовъ, по настоящему нашему надъ Татарами, въ разсужденіи дер-

жимыхъ въ нашихъ рукахъ Крымскихъ мѣсть, превозможенію, и пока торжественно не ознаменована еще съ нашей стороны Татарская вольность и независимость, и собственное ихъ верховное начальство (будучи по всему вышесказанному нужно предварительно исполнить сей обрядъ). А первымъ изъ того слѣдствіемъ и произведется уже совершеніе съ Татарами трактата, всѣ здѣшнія намѣренія объемяющаго, кои касаться должны будутъ не только до всѣхъ нашихъ къ нимъ отношеній, но и до тѣхъ самыхъ, въ какихъ Крымскіе жители съ прочими Ногайскими народами, новую Татарскую область составляющими, оставлены быть могутъ, и что такожде для внутренняго сей области благоустройства, а потому и въ предвареніе всякихъ затруднительствъ, весьма надобно. Но о семъ послѣднемъ пунктѣ трактовать и на мѣрѣ положить свойственныя жъ господину Щербинину, не только какъ полномочному Ея Императорскаго Величества, но какъ имѣющему въ своемъ производствѣ дѣла Татаръ Ногайскихъ, слѣдовательно и въ состояніи находящемуся войти во всю оныхъ связь и подробность при толь нужномъ случаѣ.

Нетшетоу я ласкаюсь надеждоу, что вы, милостивый государь мой, разсмотря съ обыкновеннымъ вамъ безпристрастіемъ всѣ сіи основательныя уваженія, и сами изволите справедливость отдать мнѣнію моему въ томъ, что предовольно было бѣ съ господина Веселицкаго, когда бѣ онъ старался только о расположеніи духовъ Татарскихъ въ благонамѣреніе, и тѣмъ бы приготовлялъ ихъ къ лучшему вниманію предложеній, кои имѣ отъ здѣшняго полномочнаго въ свое время учинены будутъ, и что лучше вдругъ за все отплатиться, нежели по частямъ имѣть расхоть, какой Татарское корыстолюбіе на счетъ ни поставитъ при будущемъ съ ними чрезъ господина Щербинина трактваніи.

Но я принужденъ -и еще вамъ, милостивый государь мой, здѣсь же открыться, что равнымъ образомъ совѣмъ излишнимъ почитается и учиненное господиномъ Веселицкимъ хану присовѣтованіе объ отправленіи съ нарочнымъ прошенія къ Ея Императорскому Величеству, чтобъ перенято было стараніе Крымскую вольность, при постановленіи съ Портою мирнаго договора, утвердить. Когда Ея Императорское Величество дозволяетъ всѣмъ Татарамъ, отъ подданства Турецкаго отложившимся, высочайшее свое покровительство (и въ чемъ они неоднократно обнадежены, а Крымской ханъ съ тамошнимъ правительствомъ и чрезъ ваше сіятельство): то само собою разумѣется, что въ толь нужное и на всегда ихъ жребій опредѣляющее время по всей возможности попеченіе объ нихъ имѣть оставлено не будетъ. Правда, въ вышеозначенномъ отъ 27-го Августа 1771 года къ вашему сіятельству отправленномъ рескриптѣ, между другимъ, сказано было, что нѣтъ намѣренія допустить Татаръ къ непосредственному трактованію съ Портою о признаніи ихъ независимости, съ отступленіемъ бывшаго на нихъ права ея, а все то собственному здѣшнему попеченію предоставляется; но все сіе изъясненіе сдѣлано единственно для того, чтобъ ваше сіятельство видѣть могли, сколь нужно, для облегченія употребляемыхъ въ томъ стараній, предшествованіе съ Крымцами условія объ оставленіи въ нашихъ рукахъ нѣкоторыхъ ихъ мѣстъ, а не для того, чтобъ господинъ Веселицкой часть своей неогіяціи составилъ изъ того, чтò могло только Крымцамъ съ нашей стороны внушаемо быть, къ побужденію ихъ къ намъ признанія и благодарности и въ поспѣшествованіе нашего искательства.

Извините меня, ваше сіятельство, въ моей къ вамъ довѣренности, до сего человѣка принадлежащей. Онъ разумъ и

употребленіе приведенныхъ въ рескриптѣ словъ понималъ, конечно, по извѣстной его способности; но, написавъ самъ въ репортѣ къ вашему сіятельству, что надѣется у хана актъ на уступку Крымскихъ мѣстъ вынудить, когда можетъ быть, доброю волею пріобрѣсть не удастся, не попускается ли въ такую посползновенность, которая совсѣмъ съ здѣшними видами несходна и весьма удалена отъ тѣхъ правилъ и началъ, кои имѣли ему при томъ служить руководствомъ, а тѣмъ и не производятъ ли сумнѣнія, что въ искушеніи и желаніи находится въ состояніи быть доказать, коимъ образомъ и одинъ все сдѣлать могъ бы, чему по его разсужденію опытомъ служить и имѣло преклоненіе хана поступиться на пылѣннее прошеніе? Но ему разсудить надлежалобъ, что дѣйствительное совершеніе важныхъ негоціацій предоставляется всегда не только особамъ, особливою монаршей довѣренности удостоеннымъ и публичными характерами снабленнымъ, но и приличному къ тому времени, и что однакоже и другіе трудящіеся къ облегченію подобныхъ дѣлъ и къ предваренію неудобствъ встрѣчающихся, не теряютъ цѣны своихъ подвиговъ.

Какъ бы то ни было, но продолжающіяся съ стороны ханской сюда присылки и представленія весьма препятствовать могутъ отправленію здѣшняго полномочнаго, требуя новыхъ для него наставленій во всякой новой случай, пока еще онъ не вступаетъ въ свой путь, а не меньше и тому производству, какое здѣсь съ калгою-салтаномъ настоятъ, въ облегченіе комиссіи сего полномочнаго. Потому и спѣшу я просить ваше сіятельство предписать господину Весслицкому, сколько возможно не помедляя, чтобъ онъ, увѣдомя хана объ отправляемомъ къ нему и къ Крымскому правительству торжественномъ посольствѣ, съ точнымъ обнадеживаніемъ о постановленіи Крымской свободы и независимости на проч-

номъ основаніи во все послѣдующее время, и чрезъ которое посольство съ нимъ ханомъ также трактовано будетъ и о всѣхъ мѣрахъ, принадлежащихъ къ обезпечиванію Крымскаго полуострова отъ опасности съ Турецкой стороны, удерживалъ его впредъ отъ присылки сюда своихъ парочныхъ. Но можетъ ли находящійся нынѣ у вашего сіятельства присланной отъ хана парочной, безъ огорченія его хана, возвращенъ быть назадъ, по симъ же основаніямъ, ближайшему вашему разсмотрѣнію предаю, съ присовокупленнымъ только прошеніемъ, что ежели бы заблагоразсудить изволили отправить его сюда, по полученіи отъ хана представленія въ такой силѣ, въ какой ваше сіятельство быть оному желали и требовали, то по крайней мѣрѣ, пожалуйста, милостивый государь мой, прикажите сего Татарина остановить на дорогѣ въ городъ Торжкъ, гдѣ и прежде отправленной отъ хана парочной понынѣ еще удерживается, и мнѣ дать знать предварительно.

Пребываю въ прочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію вашего сіятельства,

всепокорный и всепослушный

слуга графъ Н. Панинъ.

С.-Петербургъ,
28 Марта 1772.

2.

Милостивый государь мой князь Василій Михайловичъ.

По нѣсколькихъ дняхъ отправится калга-салтанъ отсюда въ возвратной путь свой чрезъ Москву, гдѣ на самое только короткое время остановится для обозрѣнія древняго сего столичнаго города, а половина изъ его свиты напередъ уже предъ нѣкоторымъ временемъ дѣйствительно отправлена, и сіе учинено для того, чтобъ съ тѣмъ большею удобностію исправиться можно было по дорогѣ въ поставкѣ лошадей, которыхъ и при такомъ раздѣленіи однакожъ не меньше ста сорока для каждаго стана приготовлено по необходимости.

Какъ теперь, соглашеніемъ хана Крымскаго и правительства тамошняго на трактатъ, предложенный имъ со здѣшней стороны чрезъ Евдокима Алексѣевича Щербинина, миновались уже тѣ причины, кои въ отпускѣ калги-салтана въ Крымъ нѣкоторымъ образомъ препятствіе полагали: то, по пріѣздѣ его къ вашему сіятельству въ Полтаву, онъ и далѣе такожде путь свой безъ остановки продолжать можетъ, коль скоро потребныя къ тому распоряженія учинятся по вашимъ повѣленіямъ; а съ симъ отправляю я къ вамъ, милостивый государь мой, секундъ-маіора Варавкина, присланнаго сюда изъ Крыма съ депешами, препоручивъ ему препроводить до Полтавы отраженнаго отъ калги-салтана нарочнаго Татарина, казначея его, по имени Булатъ-Шахъ-агу съ однимъ слугою, котораго онъ истребовалъ дозволеніе послать предъ собою для увѣдомленія хана о своемъ отъѣздѣ.

Итакъ покорно ваше сіятельство прошу, отпуская онаго Татарина изъ Полтавы въ Крымъ, по снабденіи всѣмъ нужнымъ для сей дороги, пожаловать приказать отправить и се-

купцъ-маіора Варавкина къ Евдокиму Алексѣевичу, гдѣ бы онъ между тѣмъ ни находился.

Изъ приложенныхъ при семь копій съ двухъ Ея Императорскаго Величества грамотъ, къ хану и къ правительству, препорученныхъ калги-салтану, ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что оныя такъ расположены, какъ бы еще Евдокимъ Алексѣевичъ и теперь видѣлся непредуспѣвшимъ въ своей негоціаціи, но еще во всемъ подвигѣ. Сіе обстоятельство произошло отъ того, что грамоты получилъ калга вскорѣ послѣ отпускной аудіенціи, а о совершеніи трактата къ Крымцами только на сихъ дняхъ дошло сюда извѣстіе; между тѣмъ удерживанъ былъ здѣсь онъ подѣ разными предлогами, вслѣдствіе учиненныхъ примѣчаній отъ Евдокима Алексѣевича о непомезности въ томъ, ежелибъ въ такое время въ Крымъ прибыть успѣлъ, когда еще Татара въ упорствѣ пребывали по негоціаціи; да и самъ отбытіемъ своимъ не весьма дотолѣ торопился, пока, по представленіямъ и домогательствамъ своимъ о плѣнникахъ, многихъ дѣйствительно не получилъ, съ точнымъ обнадеживаніемъ, что и впредѣ находимые неотмѣнно также возвращаемы будутъ, и употребится къ тому стараніе возможное. Но будучи однакожь сихъ грамотъ содержаніе наполнено и удостовѣреніями наилучшими о сохраненіи Крыму и всѣмъ Татарамъ независимости, съ продолженіемъ къ нимъ Ея Императорскаго Величества покровительства, пристойными по тому и почтены остаться въ рукахъ у калги-салтана, и чтобъ онъ только съ оными въ Крымъ отправился: ибо перемѣна ихъ теперь, по совершеніи трактата, другими съ настоящими обстоятельствами сходнѣйшими, составила бы нѣкоторымъ образомъ и самую того трактата ратификацію, которая по земь учинена быть можетъ съ лутчею удобностію.

Что касается до бывшего здѣсь домогательства отъ калги о плѣнникахъ, прилагается при семъ же для извѣстія вашему сіятельству, какъ первое его въ семъ дѣлѣ представленіе, и съ отвѣтомъ на то учиненнымъ, такъ и вторичное, которымъ онъ требовалъ возвращенія по крайней мѣрѣ такихъ, кои въ здѣшней столицѣ и въ околичностяхъ оной сысканы быть моглибъ, предъявя особую запискою, какова и здѣсь такожде прилагается *). въ чьихъ оныя находятся и рукахъ. Сверхъ того просилъ онъ о освобожденіи и нѣкоторыхъ поимянно изъ военноплѣнныхъ Турковъ, которые по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію тотчасъ же ему и отданы, съ припамятованіемъ, коимъ образомъ никогда они къ вреднымъ покушеніямъ безъ сумнѣнія и допущены не будутъ, въ чемъ онъ сильнѣйшія и подалъ обнадѣживанія. А изъ Татаръ назначенныхъ отъ него хотя нѣкоторые и остались за отдачею, не росписываю я здѣсь ни тѣхъ ни другихъ, а предоставляю донести объ нихъ вашему сіятельству пристава его майору Путятину; по случившемуся въ томъ затруднительствѣ главнѣйшею причиною только и было, что по запискѣ калги еще со многими людьми необходимо надлежитъ сдѣлать справки, а къ тому и время требуется.

Но онъ требовалъ еще, чтобъ и пристава его данъ былъ отверстой указъ, по силѣ котораго имѣлъ бы сей офицеръ право и дозволеніе встрѣчающихся съ ними по дорогѣ Татарскихъ плѣнниковъ же, у кого бы оныя ни были, отбирать и съ собою брать. Напротивъ того, признано здѣсь занесходно на сіе поступить по многимъ уваженіямъ: ибо толь необыкновеннымъ снисхожденіемъ и податностію оказано было преизлишнее ласкательство невѣжественной Татарской

*) Этихъ приложений не отыскано. П. Б.

высокомѣрности, а нѣкоторымъ образомъ и собственная власть ихъ въ лицѣ калги въ нашихъ нѣдрахъ и предѣлахъ какъ-бы однакожъ дѣйствительною имъ возмечтаться могла бы, умалчивая, что и крещенныхъ изъ Татаръ едвали они покинуть похотѣли бѣ. А чтобъ со всеѣмъ тѣмъ и въ семъ послѣднемъ требованіи отчасти удовольствованъ былъ калга-салтанъ, для того при учиненномъ ему изъясненіи о невозможности по содержанию и силѣ здѣшней имперіи законовъ исполнить его желаніе, сказано ему, что приставъ его имѣеть по дорогѣ, естлибѣ гдѣ усмотрѣны были плѣнники Татарскіе, записавъ ихъ и распрося о всеѣхъ принадлежащихъ обстоятельствахъ, донести потомъ вашему сіятельству, для дѣйствительнаго по вашему предварительномъ разсмотрѣніи употребленія способовъ, отъ васъ зависящихъ, къ ихъ возвращенію и заимствованію въ томъ, ежелибѣ нужно было, и здѣшняго пособія.

Въ самомъ дѣлѣ, государь мой, при настоящемъ положеніи нашихъ съ Татарами дѣлъ, возвращенныхъ пакн (не смотря на бывшее въ нихъ замѣшательство) въ надлежащій порядокъ и установленіе, а при томъ и по той надеждѣ, что заключаемымъ съ Портою Оттоманскою миромъ жребій и участь Татаръ по нашему же желанію рѣшатся, съ признаніемъ и съ Турецкой стороны ихъ независимости, коль полезно, толь и нужно при представляющихся случаяхъ подавать Татарамъ удостовѣрительные опыты о прочности новой ихъ съ нами связи, развѣ бы совсѣмъ непредвидимыя и незапныя перемѣны и правилъ нашихъ перемѣну произвели относительно Крымскаго полуострова, чего, однакожъ, теперь ожидать не можно.

Пунктъ о плѣнникахъ есть для Татаръ безспорно изъ нѣжнѣйшихъ по самымъ ихъ закона положеніямъ и началамъ;

и потому, если ваше сиятельство время отъ времени нѣкоторыхъ къ нимъ отсылать будете, наиболѣе чувствительнѣйшее тѣмъ имъ удовольствіе оказывано быть имѣетъ, при чемъ особливо я за нужно признаю примѣтить вашему сиятельству о плѣнникахъ одиннадцати человѣкахъ, кои по предъявленію калгисалтана будто у господина генерала-поручика Берга находятся, и о которыхъ онъ почти больше, нежели о всѣхъ другихъ, и настоятъ. Но удовольствованіе его въ томъ невозможнымъ сдѣлавъ небытность здѣсь господина Берга, составило необходимость внушить калгисалтану, чтобы онъ адресовался объ нихъ къ вашему сиятельству, по пріѣздѣ своемъ въ Полтаву, поелику господинъ Бергъ подъ вашимъ предводительствомъ находился во время послѣдней противъ Крыма кампаніи. Вотъ, милостивый государь мой, отговорка, повидному, къ вашей тягости; но по крайней мѣрѣ, если посредствомъ и вашимъ господинъ Бергъ доведенъ быть не могъ бы къ возвращенію держимыхъ имъ Татаръ противъ ихъ воли, ваше сиятельство прикажите въ походной вашей канцеляріи и по другимъ мѣстамъ вашего начальства справиться, не найдется ли точныхъ извѣстій, какъ о числѣ ихъ и состояніи, такъ и о случаяхъ, при какихъ оныя ему достались, чтобы изъ всего того здѣсь уже надлежащее употребленіе сдѣлать было можно. А калгисалтанъ, когда и вашими отзывами такожде удостовѣренъ будетъ, что требованіе его объ нихъ не только не забыто, но и дѣйствительное отысканіе производится, и не возымѣетъ по справедливости причины случившееся замедленіе напраснымъ проводамъ причитать.

Слѣдующее здѣсь росписаніе будетъ служить къ извѣщенію вашему сиятельству и о издержкахъ на его обратное отправленіе употребленныхъ, а что принадлежитъ до учиненныхъ ему и свѣтъ награжденій, то, не считая содержанія на

каждой день по сту рублей, получилъ онъ при первомъ случаѣ сверхъ шубы и прочаго платья, и шанки богатыхъ (при чемъ шестерымъ и изъ его чиновныхъ, которые были съ нимъ на первой аудіенціи, также хорошія шубы и другое платье сдѣлано) пять тысячъ рублей и столовой серебряной сервизъ, потомъ вскорѣ еще десять тысячъ рублей, а при отпускѣ, какъ ваше сіятельство изволите усмотрѣть изъ описанія, на себя двадцать тысячъ, съ саблею золотомъ и дорогими камнями оправленною, а для свиты своей десять тысячъ; имъ же дано и по портицу сукна. Да по случаю бытности его въ Царскомъ Селѣ, во время высочайшаго Ея Императорскаго Величества тамъ же присутствія, пожалованы ему перстень и табакерка немалой цѣны, и наконецъ, по отзывамъ его, что со всѣмъ симъ награжденіемъ не могъ бы еще всѣхъ сдѣланныхъ имъ долговъ заплатить (ибо и подлинно жилъ здѣсь наирасточительнѣйшимъ образомъ и весьма съ худымъ хозяйствомъ) и еще двѣнадцать тысячъ рублей выдано, причемъ и я подарилъ ему перстень. Я вашему сіятельству о всемъ томъ доношу съ подробностію для того, что хотя онъ здѣсь къ толь великой къ нему монаршей щедротѣ наичувствительнѣйшимъ быть казался, предъявляя всѣ знаки глубочайшей благодарности, но неизлишно однакожь будетъ, когда и ваше сіятельство, при подающемся приличномъ случаѣ, въ слѣдствіе воспріятой симъ Татариномъ къ вамъ, милостивый государь мой, довѣренности, искуснымъ образомъ изволите дать ему выразумѣть, что онъ по первоначальному уваженію больше награжденъ, нежели Крѣмцы со всѣмъ своимъ начальствомъ заслуживали, по бывшимъ предъ симъ провѣществіямъ.

Приставу его дано какъ на издержки въ дорогъ, такъ и на прогоны до Полтавы, по семуже здѣсь приложенному ро-

Архивъ Князя Воронцова XXVI. 7

списанію. довольное число денегъ, считая и прогоны отсюда до Полтавы, на уѣздныя лошади и на лѣтніе мѣсяцы: снѣтъмъ приведенъ будетъ въ состояніе комиссію свою исправить безъ нужды и затрудненія, а ваше сіятельство, по пріѣздѣ его къ вамъ, прикажите сдѣлать ему отчетъ во всѣхъ сихъ деньгахъ.

Мнѣ осталось послѣ всего вамъ, милостивый государь мой, сказать еще здѣсь же и о свиданіи вашего сіятельства съ симъ знатымъ Татариномъ.

Желательно, чтобъ онъ, по пріѣздѣ своемъ въ ваше мѣсто, учинилъ вамъ первую визиту. Безспорно, что самолюбіе его найдетъ тутъ претительность, особливо на основаніи перваго примѣра; но пожалуйста, милостивый государь мой, я открываюсь вамъ съ довѣренностію, не торопитесь въ томъ. Татарская спѣсь, удостовѣрясь о непремѣнности требованія вашего, можетъ быть, сей разъ уступить пристойности, тѣмъ больше, что калга-салтанъ въ продолжительную здѣсь бытность, кажется, къ намъ благонамѣреннымъ учинился и довольно уже примѣниться могъ къ вѣжливому обхожденію; а я и приставу его препоручилъ, чтобъ онъ старался во время дороги къ такому поступку его расположить, требуя того съ его калги-салтана стороны важность всемилостивѣйше ввѣреннаго вамъ поста, чина и персональнаго вашего состоянія.

Имѣю честь быть и пр.

С.-Петербургъ,
8 Декабря 1772.

Исчисленіе издержекъ при отпускѣ калги-салтана.

имянной списокъ находящимся въ свитѣ калги-салтана татарамъ, съ различеніемъ ихъ состоянія, учиненный премьеръ-маіоромъ княземъ путятинымъ.

1. Мегметъ Баки Мурза, Ширинъ—отличный отъ всѣхъ прочихъ; понеже оный не въ свитѣ салтанской присланъ, но посланъ отъ всего Крыма, яко совѣтникъ и свѣдущій въ дѣлахъ отечества своего человѣкъ.

ПЕРВАЯ ПАРТІЯ.

1. Ибрагимъ ага.
2. Ширинъ Темиръ Казы мурза.
3. Ширинъ Катыръ шахъ мурза.
4. Ширинъ Муратъ шахъ мурза.
5. Балатша ага.
6. Касымъ ага.
7. Хаджи Али ага.
8. Темиръ Казы ага, казнадаръ.
9. Мегметъ эфендій.
10. Османъ мурза.
11. Арсланъ ага.
12. Абдыръ Рахманъ эфендій.
13. Мегметъ ага.

Люди лутчихъ фамилій, и какъ по онымъ, такъ по чинамъ своимъ и по лѣтамъ предъ всѣми преимущественно уважаемые и собственныхъ своихъ подданныхъ имѣющіе.

В Т О Р А Я П А Р Т І Я .

Дворяне посольства.

1. Мегметъ шахъ мурза.
2. Мурза Арсланъ бей, прибывшій отъ хана къ калгъ-салтану.
3. Девлетъ шахъ мурза.
4. Муратъ шахъ мурза.
5. Мустафа мурза.
6. Абдиль Челеби.
7. Омеръ.
8. Девлетша ага.
9. Абдуръ Агманъ ага.
10. Игнаетшахъ ага.
11. Мегметъ ага.

Дворяне хорошихъ фамилій, но по молодости своей не столько какъ перваго класса старшины уважаемы, изъ которыхъ нѣкоторые изрядные въ своемъ отечествѣ чины имѣютъ.

Т Р Е Т Ъ Я П А Р Т І Я .

1. Асанъ ага чешнегиръ, метръ дотель.
2. Асанъ ага ибриктаръ.
3. Халиль ага пешкерджи.
3. Абдиль Баки ага, старшій кофешенокъ.
5. Усамединъ, подаетъ трубку.
6. Молла Осанъ.
7. Муртаза ага.
8. Али ага.
9. Ибрагимъ.

Люди немного значущіе, однако гораздо отъ простыхъ услужниковъ отличаемые.

ЧЕТВЕРТАЯ ПАРТІЯ.

1. Сали.
 2. Исмаилъ.
Инаетша.
 4. Ахметша.
 5. Абдулла ага.
 6. Ахметъ ага.
 7. Его помощникъ.
 8. Калмукъ.
 9. Молла омеръ
 10. Арапъ.
 11. Эмиръ Мегметъ.
 12. Ахметъ.
 13. Мурдаша.
 14. Чегодаръ.
 15. Чегодаръ.
 16. Чегодаръ.
 17. Сеймень.
 18. Сеймень.
- } Прислужники
} придворные.
} Служивые военные
} люди.

Итого 52 человекъ, при нихъ служителей 21 человекъ

Всего въ свитѣ калги-салтана Татаръ 73 человекъ.

ВЪ НАГРАЖДЕНІЕ ДАНО ПРИ ОТПУСКѢ.

	Руб.
Калгъ-салтану деньгами.....	20.000
(Въ томъ числѣ половину золотомъ, а другую ассигнаціями банковыми).	

Свитѣ его, которая состоитъ въ 73-хъ человекъ, деньгами жъ.	10.000

(Оныя отданы на его жъ калги-салтана распоряженіе).

Руб.

Да сверхъ того каждому изъ нихъ сукна по 6 аршинъ, разныхъ цѣнъ, по различію ихъ состоянія, на что употреблено.	1.059
Да при самомъ отъѣздѣ еще дано калгѣ-салтану..	12.000
Итого въ награжденіе.	43.059

издержки обратнаго калги-салтана отсюда отправленія.

Р. К.

На покупку для него дорожной кареты и для свиты его четверомѣстныхъ и двумѣстныхъ 12 колясокъ и 47 телѣгъ по изчисленію.	1.765 —
На 213 уѣздныхъ подводъ до Полтавы по двойному платежу.	7.037 52
На дорожное содержаніе на 60 дней по 50 р. на каждой.	3.000 —
На могущія случиться въ дорогѣ разныя исправленія	2.000 —
Итого на отправленіе..	13.802 52
Всего въ награжденіе и на отправленіе	56.861 52

при томъ же по прежнимъ примѣгамъ дано въ награжденіе.

Премьеръ-маіору князю Путятину.	800 —
Капитану Гаврилову...	300 —
Переводчику Кутлубицкому	200 —
Сержанту, толмачу и пяти человѣкамъ рядовымъ	400 —
Итого приставу съ командою въ награжденіе.....	1.700 —
Итакъ вся сумма награжденія и отправленія сочиняетъ....	58.561 52

Письма графа Н. И. Панина къ императрицѣ Екате- ринѣ Великой *).

1.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Во исполненіе высочайшей апробаціи Вашего Императорскаго Величества на представленныя отъ меня ремарки по врученнымъ отъ графа Сольмса Прускимъ бумагамъ, содержащимъ дѣло о разграниченіи съ Польшею, я, давъ имъ надлежащую форму для доставленія его Прускому величеству, здѣсь оныя всеподданнѣйше подношу. Первая—отвѣтная министеріальная записка для графа Сольмса, которая и слѣдуетъ ему быть вручена чрезъ министерство Вашего Величества; а вторая -- собственный отъ лица Вашего Императорскаго Величества откровенный отвѣтъ его высочеству принцу Генриху на представленное отъ него особенно письменное разсужденіе, доставленіе котораго въ руки сему принцу зависитъ отъ высочайшаго соизволенія Вашего Императорскаго Величества: непосредственно ли сами Вы отдать ему позволите или по примѣру того, что онъ чрезъ графа Сольмса

*) Печатаются съ подлинниковъ. П. Б.

свою бумагу доставилъ Вашему Императорскому Величеству угодно будетъ оный отвѣтъ такимъ же образомъ ему отдать, о чемъ я буду ожидать высочайшаго повелѣнія отъ Вашего Величества и пребываю со всеглубочайшимъ подобострастіемъ Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ

графъ П. Папинъ *).

Въ С.-Петербургѣ. 28 Апрѣля 1776 г.

2.

Послику состояніе силъ моихъ дозволяетъ, я сими строками всеподданнѣйше препровождаю вложенный здѣсь билетъ ко мнѣ отъ графа Сольмса, для объясненія котораго я сейчасъ съ нимъ видѣлся, и онъ внизу подписалъ на немъ имя того человѣка, съ которымъ Шампаніоло разговаривалъ. а притомъ мнѣ сказалъ, что сей *Курантъ* открылся въ томъ его легационъ-секретарю съ тѣмъ, что и самъ онъ графу Сольмсу тоже пересказать можетъ, о чемъ я и просить сего графа, чтобы его распросилъ **.

Написавъ по сіе мѣсто, получаю я сей моментъ отъ графа Сольмса дополнительный допросъ, который здѣсь же включаю, который онъ самъ самолично ему сдѣлалъ; себя же подвергнувъ къ монаршимъ стопамъ, пребываю со всеглубочайшимъ подобострастіемъ.

С.-Петербургъ
11 Маія 1776.

*) Въ дальнѣйшихъ письмахъ обычныя начала и окончанія опускаются въ печати. П. Б.

**) Дѣло идетъ о Русскихъ фальшивыхъ ассигнаціяхъ. П. Б.

3.

Высочайшее повелѣніе Вашего Императорскаго Величества отъ 11-го сего мѣсяца я получилъ того же дня въ полночь, и во исполненіе онаго поручилъ я графу Сольмсу уговаривать *Куранта* о дальнѣйшемъ развѣданіи существа дѣла, такъ какъ и съ генераль-прокуроромъ видѣлся. Первый, по исполненіи своей комиссіи, ко мнѣ прислалъ слѣдующую здѣсь своей руки записку; а со вторымъ разсуждали согласно, что, по всѣмъ видимымъ обстоятельствамъ, дѣло идетъ несумнѣнно о Польшѣ и что срокъ сказанной *Шампаніоломъ* Августа мѣсяца, къ полученію отъ Браницкаго точныхъ наставленій, весьма близокъ къ сроку Польскаго сейма. Посему мы тѣмъ паче удержалися его теперь арестовать, ибо онъ еще нѣсколько дней уѣхать не можетъ, и чтобы пустого шума не надѣлать. И подлинно сей самой *Шампаніоло* еще больше не знаетъ какъ то одно, что онъ выговорилъ, или будетъ нечѣмъ изъ него больше вывѣдать; къ тому же и чтобы вѣрнѣе отъ вратить было можно какой-либо прямо злодѣйскій отъ Поляковъ замыселъ къ новымъ замѣшательствамъ: то не угодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству приказать условиться съ Курантомъ снабдить его червонныхъ до трехъ сотъ съ обнадеживаніемъ большаго награжденія, яко въ вѣрности доказанному человѣку и велѣть ему ѣхать съ его подговорщикомъ до того мѣста, гдѣ предпріятіе ему точнѣе открыто будетъ, снабдя его для того адресами къ министрамъ Вашего Величества, о чемъ я буду ожидать высочайшей резолюціи; ибо обыкновенной пашпортъ за границу изъ Иностранной Коллегіи еще не отданъ *Шампаніоло*, и я приказалъ его задержать подъ приличнымъ предлогомъ до завтрашняго дня; а по развѣданію князя Вяземскаго, корабль его отсель

въ Кронштадтъ отправился третьяго дня, только еще своего пашпорта не имѣеть же.

Рекредитивную для посланника Нумсена грамоту съ указомъ въ Статсъ-контору для высочайшаго подписанія и обвѣстительную грамоту отъ короля Великобританскаго всеподданнѣйше здѣсь подношу.

С.-Петербургъ,
13 Маія 1776.

4.

Послѣднее Вашего Императорскаго Величества высочайшее повелѣніе я имѣлъ счастье исполнить слѣдующимъ образомъ. Извѣстный *Курантъ* сего утра отправился въ Кронштадтъ, чтобы вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ оттуда выѣхать на кораблѣ въ Любекъ. Я третьяго дня и вчерась съ нимъ у себя видѣлся, и истребованныя мною отъ Адама Васильевича *) триста червонныхъ ему вручилъ съ тѣмъ, чтобы онъ старался въ пути своемъ какъ возможно скорѣй и обстоятельнѣе вывѣдать злое предпріятіе и, не теряя времени, увѣдомилъ бы ближайшаго въ разстояніи отъ него нашего министра, для чего и далъ я ему особенное *слово*, съ которымъ онъ надежно адресоваться къ каждому изъ нихъ можетъ. Какія же я къ тѣмъ министрамъ сегодня на штафетѣ отправилъ увѣдомительныя письма о семъ дѣлѣ, со оныхъ копію здѣсь всеподданнѣйше подношу.

За сими слѣдуютъ депешы изъ Варшавы, сего числа полученныя съ нарочнымъ курьеромъ. Миѣ видится, всемилостивѣйшая Государыня, что новизна въ особенномъ ко миѣ письмѣ отъ графа Стакельберга имѣеть нѣчто сообразное съ Шампаніоловыми затѣями.

*) Олсуфьева.

Отъ генерала-порутчика Бриля реляцію съ препровождающимъ оную ко мнѣ письмомъ, такъ какъ и письмо ко мнѣ отъ барона Асебурга, всеподданнѣйше подношу, ожидая по первому всемпотѣстивѣйшаго повелѣнія: къ кому отослать я долженъ буду присланнаго съ Китайскими вещами курьера для отдачи оныхъ.

С.-Петербургъ.

16 Маія 1776.

5.

На всевысочайшее повелѣніе Вашего Императорскаго Величества, вчера мною полученное, должноію поставляю всеподданнѣйше донести, что нѣтъ больше такой суммы субсидныхъ денегъ, каковою Ваше Величество короля Польскаго ссудить намѣрены; ибо изъ остающихся на послѣди ста тысячъ рублей былъ заплаченъ послѣдній Стакельберговъ вексель въ пятьдесятъ тысячъ, который онъ выслалъ при отъѣздѣ своемъ изъ Варшавы, по причинѣ, что тамъ у него не оставалось наличной для всегдашнихъ расходовъ казенной суммы; теперь же остальные пятьдесятъ тысячъ рублей надлежитъ къ будущему сейму къ нему перевести для составленія общей трехъ высокихъ дворовъ суммы полутора ста тысячъ рублей, двѣ части которой, по объявленію князя Лобковича и графа Сольмса, ихъ дворы уже доставили къ своимъ въ Варшавѣ министрамъ.

Пакетъ съ секретными письмами, а другой сегодня полученный отъ посла князя Репнина, всеподданнѣйше подношу.

С.-Петербургъ,

18 Маія 1776.

6.

Всеподданнѣйше здѣсь подносимыя бумаги получилъ я вчерашняго числа съ нарочнымъ курьеромъ изъ Гамбурга отъ министра Гросса. А какъ тутъ извѣстный Курантъ въ своемъ письмѣ ссылается на письмо свое къ Прусскому легационъ-секретарю, то я чрезъ графа Сольмса и поручилъ ему секретарю своею рукою снять четкую копію и оную тутъ же влагая, потому что оригинальное къ нему весьма нечетко. Ваше Императорское Величество усмотрѣть изволите, въ чемъ главнѣйше состоятъ скаредныя затѣи Польскихъ заговорщиковъ; и не угодно ли будетъ Вашему Величеству указать подъ рукою выправиться, какой былъ въ войскѣ Вашего Величества полковникомъ или подполковникомъ баронъ *Физеръ* или *Физенъ*, когда онъ изъ службы вышелъ и не шатается ли и теперь по Москвѣ. Также не въ указъ представить осмѣливаюся мое всеподданнѣйшее мнѣніе: не угодно ли будетъ, чтобы я чрезъ нашего министра въ Гагъ увѣдомилъ Куранта о неправономъ полученіи его писемъ съ дозволеніемъ ему продолжать свою связь съ Шампаніоломъ, и стараться, по заготовленіи въ Ліежѣ матеріаловъ, переѣхать со своею фабрикою въ Любекъ, такъ какъ онъ самъ ко мнѣ пишетъ въ своемъ письмѣ: ибо намъ будетъ гораздо способнѣе тамъ схватить всѣ ихъ учрежденія и фабрику. А между тѣмъ, можетъ быть, Курантъ еще больше открыть намъ можетъ безпутство Польскихъ головъ, особливо когда Шампаніоло самъ въ Польшу съѣздитъ, а Куранту ввѣрить одному заготовленіе въ Ліежѣ инструментовъ.

С.-Петербургъ,

21 Іюня 1776.

7.

Исправясь по всей возможности силъ моихъ, въ исполненіе высочайшаго мнѣ Вашего Императорскаго Величества повелѣнія отъ 14-го сего мѣсяца, подношу чрезъ сіе всенеподданнѣйше составленный на апробацію рескриптъ къ посланнику и полномочному министру въ Царѣ-Градѣ Стахіеву. Намѣреніе онаго изъ самаго его содержанія Ваше Величество конечно сами проникнуть позволите: ибо когда Турецкое министерство не усумняется чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе и чаще представлять раздробительно всѣ свои прихотливыя и вѣроломныя требованія и притязанія, то дальнѣйшее съ здѣшней стороны противу того молчаніе можетъ, наконецъ, поставлено быть намъ въ умышенное коварство, а особливо тогда, какъ скоро откроется дѣйствіе предположеннаго намѣренія Вашего Величества. и Турки сочтутъ тогда, что мы подлинно не для разрушеннаго отъ нихъ равенства, въ взаимномъ съ обѣихъ сторонъ трактатномъ положеніи, отклонялись отъ дружжелюбнаго трактованія, а единственно хотѣли выиграть время, чтобъ съ большею незапностію выступить изъ мирнаго состоянія, чѣмъ ихъ грубость и невѣжество могутъ столько воспламениться, что никакому благоразумію внимать будутъ не въ состояніи; напротивъ же чего, если заблаговременно посланникъ Стахievъ найдетъ въ состояніи дружжелюбно съ доброю вѣрою и твердостію сдѣлать отвѣтъ рейсъ-ефендію на каждый пунктъ его съ нимъ послѣдней конференціи, то тутъ Оттоманскому министерству другаго заключить не останется, какъ только то, что Ваше Императорское Величество съ такою же искренностію и доброю вѣрою желаете сохранять миръ и тишину между обѣихъ имперій, съ каковою твердостію опровергаете прихотливыя и несообразныя ихъ

принципи къ правостямъ, торжественнымъ трактатомъ приобритеннымъ. А сіе самое можетъ способствовать къ вящему ихъ колебанію въ тѣхъ намѣреніяхъ, въ коихъ они, можетъ быть, и по сей часъ еще не рѣшились: наипаче когда представленная отъ меня Вашему Величеству чрезъ графа Остермана записка удостоится высочайшей апробаціи, и Вѣнскій дворъ дастъ съ своей стороны почувствовать Туркамъ ихъ невѣжества замашку, чего съ надеждою отъ сего двора и ожидать можно. А столь искренной и столь ясной съ высочайшей стороны Вашего Величества сей поступокъ послужить уже удостовѣрительнѣйшимъ основаніемъ правости Вашего Величества въ исполненіи средствъ, поставляющихъ васъ въ равенство трактатнаго положенія съ Оттоманскою Портою, и тогдашняя декларация съ высочайшей стороны вашей о призывѣ Порты къ негоціаціи будетъ основана на семъ предварительномъ дружескомъ изъясненіи съ Турецкимъ министерствомъ.

Относительно до части Кубанскихъ дѣлъ не могъ я при всѣхъ моихъ размышленіяхъ лучшаго примыслить, какъ то, если угодно будетъ Вашему Императорскому Величеству оставить ихъ въ рукахъ бригадира Бринка, какъ чловѣка теперь ближе свѣдущаго о новомъ ихъ развратѣ, и для того здѣсь же подношу проектъ особливаго къ нему рескрипта, такъ какъ и еще два проекта рескриптовъ же къ генераль-порутчику князю Прозоровскому и къ Керченскому обер-коменданту Борзову, коими составляется связь возлагаемаго вновь на бригадира Бринка производства. Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше напаятовать соизволите, что вся сія связь относится къ предположенному осеннему предпріятію, кое въ Совѣтѣ еще неизвѣстно.

Врученную принцемъ Лобковичемъ отвѣтную грамоту отъ императрицы-королевы здѣсь же всеподданиѣйше препровождаю.

С.-Петербургъ,

23 Іюня 1776.

8.

Во всеподданиѣйше здѣсь подносимыхъ секретныхъ письмахъ, послѣдней тетради, Ваше Императорское Величество усмотрѣть соизволите содержаніе полученныхъ принцемъ Лобковичемъ съ послѣднею почтою депешей. Сей министръ вчерашняго числа у меня былъ для прочтенія оныхъ передомною и при томъ оказывалъ двора своего безпокойство, чтобъ не подѣйствовали здѣсь несправедливыя со стороны Берлинскаго двора внушенія относительно до ихъ поведенія при Оттоманской Портѣ. Принцъ Кауницъ въ своемъ къ нему письмѣ ссылается на ту конференцію, которую онъ имѣлъ съ министромъ Вашего Императорскаго Величества, княземъ Голицынымъ, и что онъ предъ нимъ честію своею отвѣтствовалъ въ несправедливости приписуемыхъ имъ подстреканій у Порты въ неисполненіи ся съ нами трактатныхъ обязательствъ. Я принцу Лобковичу отвѣтствовалъ, сколь напрасно его дворъ безпокоится о томъ, чтобъ постороннія внушенія могли производить здѣсь какую перемѣну или алтерацію въ политическихъ правилахъ Вашего Императорскаго Величества. Ваше Величество въ самыхъ наивеличайшихъ публичныхъ дѣлахъ дѣйствительными опытами всей Европѣ, а особливо Вѣнскому двору, достаточно доказали, во все время Вашего царствованія, съ каковою твердостію Вы послѣдуете Вашимъ собственнымъ принципямъ, которыя единожды приняты на основаніе естественной связи непремѣнныхъ инте-

ресовъ Вашей Имперіи и относящихся оттуда таковыхъ же интересовъ съ другими державами, что всегда и было истиннымъ основаніемъ той персональной дружбы, довѣренности и доброхотства, кои Ваше Величество при всѣхъ дѣлахъ ихъ Римскихъ императорскихъ величествъ оказывать изволили, и что наконецъ принцъ Кауницъ можетъ совершенно спокойно оставаться, что никакой посторонній вымыселъ, ниже клевета не нарушать собственныхъ сентиментовъ Вашего Величества. А о сей истинѣ онъ теперь имѣетъ въ своихъ рукахъ еще новые опыты: ибо еслибы Ваше Императорское Величество хотя мало колебалися въ своемъ образѣ мыслей о ихъ Римскихъ императорскихъ величествахъ, тогда бы конечно удержалися открыть съ такою дружескою довѣренностію Ваше беспокойство о Турецкомъ отзывѣ касательно до сего новаго ихъ съ ними разграниченія. Князь Лобковичъ тутъ самъ ко мнѣ вызвался и говорилъ, что самый простой разсудокъ при прочтеніи его писемъ ему сію истину представилъ и что весь его двору своему отвѣтъ будетъ основанъ на ономъ. А какъ онъ извѣстнымъ образомъ никогда не былъ похвалителемъ политическихъ дѣлъ принца Кауница, то и при семъ случаѣ онъ съ откровенностію мнѣ говорилъ, сколько сей министръ своимъ персоналитетомъ противу короля Прускаго оскорбляетъ дѣла и тѣмъ, по большей части, себѣ только причиняетъ большія и излишнія заботы, и что онъ, принцъ Лобковичъ, будучи столько лѣтъ самъ очевидецъ и свидѣтель здѣшнихъ дѣлъ, никогда не будетъ своими доношеніями подкрѣплять тамошнія ихъ мечты. Въ продолженіе пріятельскаго моего съ симъ министромъ разговора, онъ мнѣ въ конфиденцію открылъ, что Венеціанская республика отправляетъ секретно двухъ именитыхъ сенаторовъ: Моросинія сюда, а

Сакрубія во Францію, о чемъ его дворъ, увѣдомясь, нѣсколь-
ко беспокоится, не зная прямого намѣренія таковыхъ не-
обычайныхъ двухъ миссій.

Ульяика.

12 Юля 1776.

9.

Вчера мною полученныя съ нарочнымъ курьеромъ изъ
Гаги отъ князя Голицына письма здѣсь всеподданнѣйше под-
ношу, а при нихъ и изъ Берлина отъ повѣреннаго въ дѣ-
лахъ Мальцова о полученіи имъ чрезъ того же курьера па-
кета къ послу Стакельбергу. Изъ письма ко мнѣ извѣстнаго
Куранта другаго теперь не видно, какъ только то, что его
товарищъ имѣетъ корреспонденцію въ Польшу съ такимъ та-
мошнимъ полковникомъ, о которомъ графъ Стакельбергъ мо-
жетъ подать нѣкоторое объясненіе.

Ульяика.

15 Юля 1776.

10.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменской при-
слалъ ко мнѣ чрезъ двухъ въ службѣ Вашего Императорска-
го Величества находившихся Грековъ письмо съ однимъ при-
ложеніемъ, изъ котораго изволите Ваше Величество усмо-
трѣть, какую строгость употребила республика Венеціанская
противу оныхъ и другихъ въ Вашей службѣ бывшихъ сво-
ихъ подданныхъ. Здѣсь же всеподданнѣйше подношу на вы-
сочайшую апробацію изготовленную мною въ запасъ къ мар-
кизу Маруцію депешу, дабы испытать, не найдется ли сред-
ства къ отмѣнѣ изданнаго декрета.

Равнымъ образомъ всенижайше представляю къ усмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества написанное письмо къ послу графу Стакельбергу по дѣлу извѣстнаго Куранта.

Ульянка,
20 Іюля 1776 г.

11.

Изъ всеподданнѣйше здѣсь подносимыхъ депешей отъ посла графа Стакельберга, полученныхъ мною вчерашняго вечера, Ваше Императорское Величество усмотрѣть соизволите, какими дѣйствіями начали теперь оказываться заговоры Любомирскаго шайки съ ихъ гетманами; но какъ все сіе имѣетъ образъ начинаемыхъ внутреннихъ вновь замѣшательствъ, чѣмъ и сеймическія необходимыя дѣла будутъ подвержены неустройству и вреднымъ слѣдствіямъ общей системѣ трехъ сосѣдственныхъ дворовъ, то и требуется теперь стараніе очищать сколько возможно сеймъ отъ двоеобразно выбранныхъ на сеймикахъ нунціевъ при ихъ въ Варшавѣ лежигимациі, такъ какъ и серіознымъ образомъ показать затѣйщикамъ неспокойствій и всему шляхетству Польскому, что Ваше Императорское Величество купно съ своими высокими союзниками отнюдь попустить не изводите, чтобъ настояцій сеймъ своимъ неустройствомъ духовъ оставилъ дѣла, трактатами и гарантіями всѣхъ трехъ высокихъ сосѣдей установленныя, въ нерѣшимости, съ отверстіемъ слѣдовъ къ новымъ въ республикѣ замѣшательствамъ и ихъ собственнымъ по сосѣдству съ нею вновь заботамъ и безпокойствамъ.

Предписанная отъ Вашего Величества съ послѣднимъ курьеромъ графу Стакельбергу декларация ознаменуетъ достаточно таковыя правила соединенной между тремя высокими дво-

рами системы; а что къ тому по содержанію сихъ депешей прибавить и распорядить надобно будетъ, объ ономъ представляю себѣ счастье представить на высочайшую апробацію Вашего Императорскаго Величества, какъ скоро получу возвратно оныя депеши и вторично прочту съ достаточнымъ вниманіемъ.

Ульянка,
23 Іюля 1776 г.

12.

Сейчасъ получа Германскую почту, спѣшу здѣсь всеподданнѣйше поднести письмо ко мнѣ изъ Берлина отъ посланника князя Долгорукова; а при томъ включаю для высочайшей апробаціи вслѣдствіе послѣднихъ Варшавскихъ депешъ два проекта писемъ къ послу графу Стакельбергу и ноту для врученія Цесарскому и Прусскому министрамъ.

Р. S. Прочія депеши еще не разобраны.

Ульянка,
28 Іюля 1776 г.

13.

Сообразуясь съ мыслями Вашего Императорскаго Величества по состоянію болѣзни его свѣтлости брата Вашего, и чтобъ потому не оставить безъ отвѣта принца Ангальтъ-Бернбургскаго на его ко мнѣ письмо, я здѣсь оной всеподданнѣйше представляю на высочайшее усмотрѣніе. Правда, Всемилоствѣйшая Государыня, что по всѣмъ видимымъ обстоятельствамъ немного найтись можетъ движимаго имѣнія въ княжескомъ Цербстскомъ домѣ, да къ тому жъ и принцесса его супруга можетъ имѣть нѣкоторое притязаніе на оное; но

8*

аллодіальныя вотчины, какъ-то господство Гевернское (а можетъ быть, нѣтъ ли и другихъ подобныхъ вотчинъ) при пресѣченіи бездѣтства владѣющей линіи обращается въ наслѣдство Вашему Императорскому Величеству, естли нѣтъ никакихъ особенныхъ фамильныхъ пактовъ, перемѣняющихъ общее Германское установленіе о наслѣдствѣ.

Полученное мною со вчерашнею почтою письмо изъ Гаги отъ князя Голицына здѣсь особенно всеподданнѣйше подношу, такъ какъ и письмо изъ Варшавы отъ Цесарскаго министра Ревизкаго къ князю Лобковичу, которое сей послѣдній мнѣ вчера сообщилъ.

Ульянка,
31 Іюля 1776 г.

14.

Я видѣлъ съ Курляндскимъ маршаломъ графомъ Матюшкою и изъ откровеннаго его со мною разговора я могъ спознать осязательно, что герцогъ Курляндской, не воображая себѣ никакой особенной цѣны своему холодному обращенію съ герцогинею, считаетъ оное простымъ домашнимъ семейскимъ дѣломъ, и потому никакихъ, ни моральныхъ, ни политическихъ, уваженій тутъ и не вмѣщаетъ; однимъ словомъ, всемилостивѣйшая Государыня, мнѣ кажется, что какъ онъ съ индиферентностію самъ насмотрѣлся въ Ярославлѣ на многія посадскихъ людей семьи, кои живутъ въ согласіи и въ несогласіи безъ всякихъ особенныхъ слѣдствій, такъ и думаетъ онъ теперь, что и его образъ житія съ женою для всѣхъ индиферентенъ же его публичному состоянію, а неудовольствія и жалобы фамильныя почитаетъ только домашнею въ семьѣ крамолою и сплетнею, что при-

знавъ, самъ графъ Матушка увѣрялъ меня, что герцогъ, позволя себѣ единожды холодности или отвращенія противъ своей супруги, не помышлялъ еще ничего, чѣмъ кончиться можетъ такое положеніе. Я съ надлежащею пристойностію не могъ оставить, чтобъ ему не дать почувствовать, что сіе положеніе такъ оставаться не можетъ: онъ, герцогъ, тѣ лѣта вѣка своего давно пережилъ, въ которые подвиги страстей безразсудныхъ извиняются; что моральное положеніе его состоянія совсѣмъ не такое, чтобъ ему оставаться индифферентнымъ о наслѣдствѣ его области; что онъ худо сбережетъ славу отца своего, который всеѣмъ своимъ вѣкомъ жертвовалъ для возвышенія своей фамиліи, когда одною своею персональною прихотью разрушить въ своей персонѣ и потомство, и наслѣдство его; и что, наконецъ, герцогство Курляндское не есть простая вотчина дворянскаго наслѣдства, о баковой помѣщикъ безопасно можетъ забывать и безпечно оставлять кому бѣ она послѣ него ни досталась, а мыслить только какъ бы ею по смерть свою пользоваться. Курляндія есть область, отъ которой происходятъ разные виды и интересы многихъ знатнѣйшихъ государствъ; а посему всякое сумнительное положеніе будущаго ея жребія долженствуетъ конечно тревожить собственное спокойство и твердость герцогову. Графъ Матушка, внявъ чувствительно мои ему внушенія, испросилъ у меня дозволенія отписать оныя къ герцогу съ тѣмъ, чтобъ досконально узнать, на чемъ совершенно рѣшился сей князь въ разсужденіи своей супруги, и оный графъ мнѣ общалъ откровенно показать, какой ему будетъ сдѣланъ отвѣтъ отъ герцога.

Я здѣсь въ молчаніи оставляю предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ многія подробности, о которыхъ мнѣ поминаемый графъ сказывалъ, яко такой клябодажь или сплет-

ни, кои только служили и служатъ на обѣ стороны къ вѣ-
щему раздраженію духовъ, особливо между людьми весьма
сокращеннаго понятія и просвѣщенія, отнюдь же не заслу-
живающія нимаго высочайшаго Вашего Величества вниманія.

Ульянка,
6 Августа 1776.

15.

По высочайшему предписанію Вашего Императорскаго Ве-
личества касательно до просьбы короля Польскаго о гаран-
тіи займа изъ Бреславскаго банка я здѣсь подношу на все-
милостивѣйшее усмотрѣніе проектъ письма къ графу Ста-
кельбергу; а какъ Вашему Императорскому Величеству угод-
но было повелѣть, чтобъ и мое мнѣніе притомъ представле-
но было, еже я симъ всеподданнѣйше исполняю.

Когда всѣ предписуемыя графу Стакельбергу обстоятель-
ства приведены будутъ въ настоящую ясность, и когда ин-
струментъ или актъ отъ стороны республики Польской на
тотъ денежный заемъ установленъ будетъ съ достаточною
твердостію, то я ничего такого предвидѣть не могу, что бѣ
могло навлечь какой-либо рискъ высочайшей гарантіи Ваше-
го Величества: ибо заподлинно извѣстно, что Польша по сей
часть не имѣетъ на себѣ никакихъ общихъ долговъ, и что
ея физическіе ресурсы превосходятъ несказанно настоящихъ
ея статскихъ доходовъ; съ другой же стороны, можно тутъ
счесть и тотъ политическій авантажъ, что Ваше Император-
ское Величество, при всякомъ замѣшательствѣ или въ какомъ
разстройствѣ Польскихъ дѣлъ, особенное право или причину
получить изволите вступаться въ ея внутренность для пред-
охраненія ипотека или заклада подъ Вашею гарантіею.

Ульянка,
9 Августа 1776.

16.

О перемѣнѣ рейсъ-эфендія Ваше Императорское Величество усмотрѣть изволите изъ слѣдующаго здѣсь писъма ко мнѣ отъ князя Репнина; также всеподданѣйше подношу полученныя мною вчерашняго числа съ куріеромъ депеши изъ Варшавы. Требуемый въ оныхъ изъ предосторожности графомъ Стакельбергомъ актъ ратификаціи Вашего Императорскаго Величества на подписанный инструментъ комисарами разграниченія я сегодня приказалъ въ коллегіи изготовить.

Ульянка,
10-го Августа 1776.

17.

На случай преднамѣряемыхъ замысловъ гетмана Браницкаго помѣшательству на сеймѣ утвержденія сдѣлки новой границы съ республикою Польскою, требуемую посломъ графомъ Стакельбергомъ ратификацію на оную сдѣлку всеподданнѣйше здѣсь подношу къ подписанію Вашему Императорскому Величеству; а затѣмъ влагаю письмо ко мнѣ отъ генерала-поручика князя Прозоровскаго.

Ульянка,
14-го Августа 1776.

18.

На высочайшее усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества имѣю честь здѣсь всеподданнѣйше представить два письма съ ихъ приложеніями ко мнѣ, мною полученныя изъ Гаги отъ посланника князя Голицына. Сколь извѣстнаго Куранта вымысль въ нихъ ни темень, однакожъ, соображая его

письмо съ письмомъ князя Голицына вмѣстѣ, Ваше Величество усмотрѣть изволите прямое содержаніе его мысли, а можетъ быть и то, что онъ далеко простираетъ свои изысканія, чтобъ болыше открыть затѣваемые Чарториской шайки намѣренія на сеймѣ, о чемъ по видимому Шампаніоло и самъ не болыше знаетъ, какъ столько, сколько ему надобно было къ возбужденію въ немъ отваги и ревности къ висѣлицѣ сдѣланіемъ подложныхъ денегъ. Однакожъ я стараюсь теперь подъ рукою обстоятельно развѣдать о состояніи и пребываніи въ Петербургѣ жены Шампаніола и о двухъ его наперсникахъ, Московскихъ учителяхъ, и что по сему на сихъ дняхъ свѣдаю, не премину всеподданнѣйше представить Вашему Императорскому Величеству, такъ какъ и буду тогда ожидать высочайшія резолюціи: не будетъ ли угодно пресѣчь уже сію вредную фабрику за арестованіемъ по пріѣздѣ ихъ въ Любекъ со всѣми ихъ инструментами.

Третьяго дни графъ Сольмсъ читалъ передъ мною шифрованную депешу къ нему отъ короля его государя. По важности ея содержанія я у него испросилъ въ особенную конфиденцію съ нея копію для усмотрѣнія Вашего Императорскаго Величества, которую здѣсь всеподданнѣйше подношу, такъ какъ и письмо отъ меня къ бригадиру Бринку, составленное мною по высочайшему соизволенію Вашего Величества.

Ульянка,
16-го Августа 1776.

Какову депешу получилъ я вчерашняго числа чрезъ принца Лобковича изъ Вѣны отъ полномочнаго министра князя Голицына, оную въ оригиналѣ здѣсь поднести счастье имѣю. Князь Лобковичъ отъ своего двора получилъ тѣже самыя бумаги, служащія въ отвѣтъ на наше домогательство и при томъ читалъ передо мною депешу свою отъ князя Кауница, которою ему приказано наиточнѣйшимъ образомъ удостоверить высочайшій дворъ Вашего Императорскаго Величества о томъ истинномъ удовольствіи ихъ Римскихъ императорскихъ величествъ, съ каковымъ они приняли довѣренность Вашего Величества, и что какъ въ семъ случаѣ, такъ и во всякомъ другомъ они всегда искренно желаютъ оказывать всякія удобовозможныя удовольствія въ доказательство истинной дружбы и высокопочитанія къ освященной особѣ Вашей. Я удостоверяю, всемилостивѣйшая Государыня, что чинимая теперь отъ Вѣнскаго двора сія декларация воспричинствуетъ у Порты большое внутреннее недоумѣніе. Ваше же Императорское Величество сами теперь увидите изволите, что у Вѣнскаго двора нѣтъ никакихъ съ Портою новыхъ обязательствъ, касающихся до нарушенія или до развращенія нашего съ нею мирнаго трактата.

Изъ слѣдующаго здѣсь перлюстрированнаго листа Ваше Императорское Величество удостовѣритесь соизволите, что жена извѣстнаго Шампаніола дѣйствительно въ С.-Петербургѣ находится (а живетъ на наемной квартирѣ въ домѣ лейбъ-хирургія Рейслена) и что содержаніе сего къ ней письма отъ ея мужа весьма согласно съ Курантовыми ко мнѣ увѣдомленіями. Объявляемые въ ономъ разные товары, конечно, будутъ тѣ самыя банковые цеттели, которые Шампаніоло, при-

ѣхавъ въ Любекъ, хочеть отправить къ своей женѣ и которые Курантъ общаетъ, вмѣсто отправления къ ней, доставить въ руки резидента Вашего Величества въ Гамбургъ.

Ульянка.

20 Августа 1776.

20.

По высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію размышляя о способахъ прибранія къ рукамъ извѣстнаго Шампаньола, не нахожу я лучшаго и надежнѣйшаго въ успѣхѣ, какъ порученіе сей комиссіи Вашего Величества въ Гамбургъ находящемуся, а равномѣрно и при городѣ Любекъ аккредитованному резиденту Гроссу, да отправление въ сей городъ нарочнаго судна для безопаснаго сюда перевода арестанта, по примѣру тому, какъ прежде всегда казенные пакетботы были посланы въ Гданскъ и Любекъ для экзерцицин и пассажировъ; для чего, не открывая намѣренія, не оставилъ я предварительно изъясниться съ графомъ Иваномъ Григорьевичемъ Чернышовымъ, отъ котораго получилъ въ отвѣтъ, что судно, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ въ Любекъ отправляемое, конечно, успѣетъ еще возвратиться нынѣшнею осенью если не въ Крондштатъ, по крайней мѣрѣ въ Ревель, что для нашего предмета весьма равно; напротивъ чего—отправление арестанта изъ Любека сухимъ путемъ, или же на наемномъ суднѣ, могло бы подвержено быть великимъ неудобствамъ. На примѣчаніе мое, чтобъ на суднѣ былъ такой офицеръ, коему бы нѣкоторую комиссію подъ дирекцію резидента Гросса ввѣрить было можно, вызвался графъ Иванъ Григорьевичъ, что не трудно во множествѣ людей выбрать человека способнаго и расторопнаго, обѣщая впрочемъ сдѣ-

дать по Адмиралтейской Коллегіи цѣлое отправленіе очень скоро и самымъ непримѣтнымъ образомъ.

Если Ваше Императорское Величество изволите сію мою мысль всемилостивѣйше апробовать, то и прошу я всенижайше приказать графу Ивану Григорьевичу, дабы онъ немедленно возымѣлъ сношеніе со мною; а тогда буду я уже въ состояніи дать нужныя наставленія и тому офицеру, который имъ будетъ избранъ.

А какъ городъ Любекъ производитъ знатную торговлю въ области Вашего Величества, а потому и старается всегда угождать двору вашему, то и не сумнѣваюсь я, что оный въ поручаемой резиденту Гроссу комиссіи арестованія Шампаньоло не откажетъ подать ему всякое и конечно дѣйствительное вспомошествованіе.

Что принадлежитъ до находящихся въ Москвѣ Шампаньоловыхъ сообщниковъ: барона Розеттія, который гдѣ-то учителемъ, и Дюнана, Французскаго драгунскаго офицера, мнится мнѣ, всемилостивѣйшая Государыня, что не время еще ихъ арестовать: ибо ежели у нихъ есть уже установленная съ Шампаньоломъ связь, то арестованіе ихъ можетъ скоро огласиться и привести его къ другимъ мѣрамъ; для чего не дозволено-ли, если Вашему Императорскому Величеству угодно будетъ предписать Московскому оберъ-полицеймейстеру, чтобъ онъ объ нихъ подробнѣе навѣдался и между тѣмъ весьма непримѣтное имѣлъ примѣчаніе за ихъ поступками?

Въ С.-Петербургѣ.

27 Августа 1776 г.

Собственноручное письмо Екатерины Великой.

Графъ Никита Ивановичъ. Вы увидите изъ письма вице-адмирала Грейга, что въ Кронштадтѣ задержанъ одинъ Французъ изъ друзей Шампаніоловыхъ, который не безсумнителенъ, и можетъ быть, что отъ него узнаете какія ни на есть обстоятельства для объясненія дѣла. Итакъ хочу писать къ Грейгу, буде вы въ томъ не найдете излишества, чтобъ онъ сумнительнаго Француза прислать скрытнымъ образомъ къ вамъ, а судно подъ видомъ контръ-бандъ осмотрѣть велѣть. Вы увидите изъ письма Шампаніолова къ его женѣ, что онъ ее проситъ *de lui procurer un passage libre*. Я ожидать буду вашего отвѣта.

21.

Сейчасъ получивъ высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе, съ приложеннымъ къ оному извѣстіемъ вице-адмирала Грейга объ арестованіи Француза Балле де Сентъ-Симона, поставляю я въ долгъ себѣ всеподданнѣйше донести чрезъ сіе, что какъ теперь воспослѣдовало уже рѣшительное Вашего Величества соизволеніе арестовать извѣстнаго Шампаніолова въ Любекѣ, а для того и отправить туда нынѣ же подъ предлогомъ обыкновеннаго пассажирамъ перевоза нарочной пакетъ-ботъ: то мнѣ видится, что въ настоящемъ моментѣ всего нужнѣе, для сохраненія въ непроницаемости сей важной тайны, избѣгать всѣхъ тѣхъ мѣръ, кои бы о свѣдѣніи Шампаніолова злодѣйства ему или которому ни есть изъ его сообщниковъ могли подать нѣкоторое подозрѣніе чрезъ какую-либо въ здѣшней публикѣ огласку, или же чрезъ возбужденіе ея вниманія на происшедшее въ Кронштадтѣ съ

тѣмъ кораблемъ, который привезъ туда арестованнаго Француза. Почему, усмотря изъ донесенія вице-адмирала Грейга, что онъ нѣсколько уже изъяснялся съ симъ арестантомъ о извѣстномъ Шампаніоло, считаю я за нужно, дабы оный далѣе въ Кронштадтѣ подѣ смотрѣніемъ господина Грейга въ крѣпкомъ и безымянномъ арестѣ оставленъ и содержанъ былъ подѣ претекстомъ контръ-банды, безъ дозволенія ему ни съ кѣмъ никакого сношенія и свиданія до тѣхъ поръ, какъ здѣсь получено будетъ извѣстіе о прибытіи въ Любекъ посылаемаго туда пакетбота, тѣмъ наиначе, что привозъ его сюда и содержаніе здѣсь подѣ карауломъ, сколь бы оныя ни были сокровенны, не могутъ теперь быть полезны, когда Шампаніолово злодѣйство само по себѣ довольно извѣстно и когда опять всѣ его сообщники послѣ чрезъ него или же чрезъ Куранта безъ всякаго труда открыты быть могутъ. Повергая сію мысль къ высочайшему Вашего Императорскаго Величества усмотрѣнію, осмѣливаюсь я въ тоже время представить, не угодно ли будетъ поручить еще господину вице-адмиралу Грейгу, дабы онъ при отпускѣ сюда корабельщика, привезшаго въ Кронштадтѣ Француза Балле де Сентъ-Симона, объявилъ ему безъ афектаціи, что оный взятъ подѣ караулъ за контръ-банду, которая чаятельно и въ самомъ дѣлѣ на суднѣ сыскана быть можетъ.

Такимъ образомъ арестантъ останется въ рукахъ, а причина арестованія его будетъ покрыта предлогомъ, который по видимому не произведетъ здѣсь никакихъ сумнѣній и гаданій, кои инако родиться, а можетъ быть и до самаго Шампаніоло или же сообщниковъ его дойти могли бы.

А если при осмотрѣ корабля, который вице-адмиралъ Грейгъ учинить намѣренъ былъ, явились какія сумнительныя бумаги, или же другіе признаки, то оставляю я по разсмотрѣніи оныхъ

представить послѣ Вашему Императорскому Величеству мое всенижайшее мнѣніе, прося между тѣмъ повелѣть, чтобъ всѣ такія сумнительныя бумаги ко мнѣ доставлены были.

С.-Петербургъ,
29 Августа 1776.

22.

Въ минувшій Понедѣльникъ, по высочайшему повелѣнію, Вашего Императорскаго Величества Адмиралтейской Коллегіи вице-президентъ графъ Чернышовъ со мною видѣлся, и мы, согласясь о мѣрахъ для отправленія въ Любекъ фрегата, распорядили слѣдующимъ образомъ. Дабы скрыть намѣреніе, для котораго оный посылается, на завтра, т.-е. во Вторникъ, Адмиралтейская Коллегія по прежнему обычаю обнародовала чрезъ Санктъ-Петербургскую газету для желающихъ пассажировъ на семь пакетботъ въ Любекъ отправиться; а вчерашняго дня выбранному графомъ Чернышовымъ для сей комисіи флота капитану Селифонтьеву я отдалъ всю экспедицію къ резиденту Гроссу, съ которой копии на высочайшее усмотрѣніе здѣсь имѣю честь поднести, и притомъ сдѣлалъ ему подробное наставленіе, какимъ образомъ, пріѣхавъ въ назначенное мѣсто, онъ долженъ себя представить резиденту Гроссу и по его руководству поступать въ исполненіи порученнаго ему дѣла. А какъ вчерашняго вѣчера вѣтръ настоялъ непротивный, то я и надѣюсь, что онъ уже изъ Кронштадта съ своимъ пакетботомъ и отправился. Сверхъ сего вчера же съ нарочною штафетою я отправилъ къ Гроссу дубликаты при особенномъ письмѣ, такъ какъ и писалъ въ Варшаву къ послу графу Стакельбергу, на случай если бы капитанъ Селифонтьевъ замѣшкался въ своемъ пути, а Шам-

паниіоло между тѣмъ явился бы въ Варшавѣ; съ того и другаго письма равнымъ образомъ здѣсь же слѣдуютъ копіи на высочайшее усмотрѣніе.

С.-Петербургъ,
1-го Сентября 1776.

23.

По высочайшему повелѣнію, объявленному чрезъ Петра Васильевича Завадовскаго, я чрезъ сіе всеподданныйше подношу актъ ручательства на заемъ Польскій. Оный переписанъ въ той формѣ, что если удостоится всемилостивѣйшей апробаціи Вашего Императорскаго Величества, то въ то же время и подписанъ быть можетъ подъ оригиналомъ Россійскимъ. къ которому и слѣдующій переводъ на Французскомъ языкѣ припечатанъ будетъ государственною печатью. Равнымъ образомъ подношу на высочайшее усмотрѣніе письмо ко мнѣ изъ Гамбурга отъ резидента Гросса, такъ какъ и для подписанія двѣ отвѣтныя грамоты къ герцогу и принцу Лудвигу Виртембергскимъ, если Вашему Величеству угодно будетъ ихъ оными почтить.

18-го Сентября
1776.

24.

Прусской министр графъ Сольмсъ чинилъ предъ нѣкоторымъ временемъ домогательство по указу двора своего о позволеніи Прускимъ офицерамъ купить на Дону нѣкоторое число ремонтныхъ гусарскихъ лошадей. Я отозвался къ нему въ отвѣтъ на оное, чтобъ онъ прежде изъяснился съ княземъ Григорьемъ Александровичемъ Потемкинымъ о возможности такого дозволенія по наличному нашему достатку въ лошадяхъ въ Донскихъ жилищахъ. Графъ Сольмсъ исполнилъ по моему примѣчанію и спозналъ отъ князя Потемкина, что на Дону нѣтъ теперь въ лошадяхъ недостатка, почему онъ и подалъ мнѣ слѣдующую здѣсь записку. Всеподданнѣйше поднося оную Вашему Императорскому Величеству на собственное высочайшее усмотрѣніе, осмѣливаюсь я представить чрезъ сіе, не угодно ли будетъ истребовать отъ князя Потемкина, какъ главнаго командира тамошней стороны, мнѣнія: можетъ ли просимый Прускимъ дворомъ выпускъ лошадей съ Дону дозволенъ быть безъ неудобства для собственной нашей, ремонтны, дабы по оному или вовсе отклонить оный подъ оговоркою недостатка, или же вручить графу Сольмсу требуемый имъ паспортъ.

Впрочемъ дозвольте, всемилостивѣйшая Государыня, повергнуть здѣсь къ монаршимъ Вашимъ стопамъ благоговѣйнѣйшее и всеподданнѣйшее благодареніе за оказанную вчера внуку моему князю Куракину высочайшую милость пожалованіемъ его въ прапорщики гвардіи.

23-го Сентября 1776 г.

Рукою Екатерины II-й:

НВ. Въ безплатномъ выпуску лошадей отказываю.

N O T E.

Le général de Lossow, au service de sa majesté le roi de Prusse, désirant de pouvoir envoyer dans peu dans les états de Sa Majesté l'Impératrice de Russie du côté du Don pour l'achat des chevaux de remonte pour son régiment de housards et celui des Bosniaques, un détachement consistant dans:

Le capitaine Kale,
Les lieutenants de Féege,
„ „ de Malinovsky,
„ „ de Krosnowsky,
Les cornets de Drieberg,
„ „ de Traun,

de huit bas-officiers, un trompète, un chirurgien, un maréchal-ferrant et trente neuf housards. Le soussigné, ministre plénipotentiaire de sa majesté le roi de Prusse, a l'honneur de prier le ministère de Sa Majesté Impériale de vouloir bien lui fournir le passeport nécessaire pour l'entrée et la sortie libre du dit détachement dans et hors des frontières de l'Empire de Russie avec la franchise de la douane pour la sortie des chevaux.

A Pétersbourg, le 15 Septembre 1776.

J. J. c. de Solms.

25.

Всеподданнѣйше здѣсь подносимое письмо я получилъ сейчасъ съ штафетою изъ Гамбурга отъ резидента Гросса, и по содержанію онаго должностію поставляю всенижайше представить къ примѣчанію Вашего Императорскаго Величества: 1) что если отправленному въ Любекъ фрегату вѣтры были способные, то онъ кругъ того же времени, какъ Шампаніоло съ Курантомъ собирался выѣхать изъ Любека въ Гданскъ, могъ пріѣхать туда и ихъ тамо застать; ибо тотъ же способный вѣтръ для фрегата долженствовалъ быть противнымъ къ выѣзду изъ Любскаго порта. 2) Если бы же по какимъ ни есть причинамъ фрегатъ ихъ тамъ не засталъ, и они бы дѣйствительно въ Варшаву отправились, то въ семъ случаѣ посоль Стакельбергъ не преминетъ ихъ тотчасъ тамъ арестовать и Шампаніоло сюда прислать подъ самымъ крѣпкимъ карауломъ, потому что онъ уже давно имѣетъ въ полученіи высочайшія о семъ повелѣнія Вашего Величества съ предписаніемъ всего того, что ему въ исполненіе оныхъ соблюсти должно; и наконецъ 3) доставленный Курантомъ сундукъ и пакеты съ воровскими матеріалами резидентъ Гроссъ не оставитъ конечно отправить сюда съ возвращаемымъ изъ Любека фрегатомъ.

25-го Сентября 1776 г.

26.

Сію ночь привезень ко мнѣ отъ посла графа Стакельберга изъ Варшавы со всеподданнѣйше при семъ подносимыми бумагами извѣстный воръ Шампаніоло. Я, не выдавшись съ нимъ, велѣлъ его прямо отвести въ домъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, и тамъ въ особенной палатѣ посаженъ онъ подъ крѣпкимъ карауломъ, такъ что о перевезеніи его сюда конечно никто провѣдать не можетъ. Вышепомянутыя бумаги я всѣ пересмотрѣлъ, и такъ какъ графъ Стакельбергъ сказываетъ, ничего важнаго въ себѣ не имѣють, а состоятъ въ старыхъ пашпортахъ и другихъ партикулярныхъ письмахъ и запискахъ времени его состоянія въ службѣ Французской.

Вашему Императорскому Величеству уже извѣстно изъ письма ко мнѣ отъ резидента Гросса, что всѣ касающіяся до злодѣянія Шампаніолова вещи и бумаги отправлены на фрегатъ изъ Любека, который еще сюда не бывалъ, о чемъ о всемъ всеподданнѣйше симъ донеся, буду теперь ожидать Вашего Императорскаго Величества высочайшаго повелѣнія, какъ мнѣ далѣе поступить съ тѣмъ арестантомъ, и не угодно ли будетъ, чтобъ наступающаго вечера я его къ себѣ привезъ и распросилъ обстоятельнѣе о всѣхъ намѣреніяхъ его и его сообщниковъ. При семъ также всенижайше представить себѣ должностію поставляю, не соизволите ли, всемилостивѣйшая Государыня, между тѣмъ указать жену Шампаніолову, со всеѣмъ ея домомъ, посадя въ коляску, отправить въ Ригу подъ стражу одного добраго офицера, и тамъ ее содержать до рѣшенія жребія ея мужа, дабы чрезъ то отвратить лишнія движенія, любопытство и дерзкія развѣдыванія здѣшнихъ ихъ земляковъ; тѣмъ наипаче, что особенные распросы сей

женщины не могут никакъ служить къ вѣщему объясненію дѣла: ибо оное, конечно, достаточно открыто къ обличенію ея мужа, который, такъ какъ привезшій его офицеръ мнѣ сказывалъ, самъ признается въ злодѣйскомъ своемъ намѣреніи.

Октября 14
1776 г.

Р. S. Сей моментъ явился у меня курьеромъ и самъ Курантъ, котораго депеши отъ графа Стакельберга всеподданнѣйше подношу. Я не могъ обойтись, чтобъ его на первой случай не обнадежить высочайшей милостію Вашего Величества.

27.

Князь Лобковичъ, по повелѣнію своего двора, сообщилъ мнѣ вчерашняго вечера всеподданнѣйше здѣсь прилагаемую копію съ доношенія надворному канцлеру князю Кауницу отъ Вѣнскаго при Портѣ находящагося повѣреннаго въ дѣлахъ Тассара. Ваше Императорское Величество сами высочайше усмотрѣть соизволите изъ сей бумаги, каковымъ образомъ извѣстное Вѣнское увѣщеваніе было исполнено у Порты. Невозможно, кажется, сумнѣваться, всемилостивѣйшая Государыня, чтобъ оное дѣйствительно еще болѣе не озаботило той сансаціи, которую долженствовала произвести съ Сераля послѣдняя конференція посланника Стахіева; а что мы по сіе время не имѣемъ еще извѣстія прямо изъ Царяграда, оное отъ того статья можетъ, что посланникъ Стахіевъ ожидаетъ своимъ ко двору отправленіемъ формальнаго отъ Турокъ отвѣта на его представленія, который также долго уже замѣшкаться не можетъ, потому что и Вѣнской повѣренный въ дѣлахъ о своемъ настоять и Порту понуждать будетъ.

Октября 18 дня
1776 г.

28.

Познавъ высочайшую Вашего Императорскаго Величества волю, не оставилъ я сообразовать оной вновь при семъ всеподданнѣйше подносимыя бумаги.

Сокращаясь всячески въ проектъ чинимой Туркамъ декларации, не осмѣлился я однакожь оставить безъ упоминовенія о листахъ султанскомъ и визирскомъ, порученныхъ послу князю Репнину при отпускѣ его, и о возвращеніи подвигомъ на Перекопъ двору Вашего Величества равенства въ трактатномъ положеніи обѣихъ имперій.

Упоминовеніе о листахъ кажется мнѣ необходимо-нужнымъ потому, что они, какъ актъ публичный и формальный, одни свидѣлствуютъ и констатируютъ существованіе нелѣпыхъ и странныхъ требованій Порты Оттоманской, когда словесные предъ тѣмъ отъ рейсъ-эфендіа чененные отзывы не могли и не должныствовали отъ насъ приниматься быть за послѣднюю резолюцію Порты Оттоманской.

А что сіи листы признаемъ мы въ торжественномъ образѣ, тому въ доказательство и въ замѣну будетъ служить нынѣшняя наша Портѣ даваемая декларация, какъ актъ со стороны Россіи не меньше публичный и не меньше образующій истинныя Вашего Величества усмотрѣнія и намѣренія по поводу Турецкихъ прихотей, на которомъ оныя и разрѣшиться должны.

Признавая же декларацію г-на Стахіева быть такого важнаго существа и знаменованія, разсуждаю я, что надобно въ ней чрезъ отзывъ о возвращеніи себѣ разрушеннаго Турками равенства въ положеніи обѣихъ имперій относительно до Татаръ, взаимно и прямо показать имъ ту черту, которую Ваше Императорское Величество изволилъ опредѣлить намѣреніямъ своимъ въ подвигъ на Перекопѣ, дабы инако завистники славы и дѣлъ Вашихъ не возымѣли повода укорять насъ внезапнымъ посреди мира овладѣніемъ Крыма.

По сокращенію и ближайшему въ терминахъ апресированію проекта деклараціи надлежало мнѣ сократить и предписываемыя въ рескриптѣ г-ну Стахіеву наставленія; а вмѣсто того, какъ развязка дѣлъ будетъ непосредственно зависѣть отъ графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго, отослать его и къ непосредственному руководству сего военачальника, дабы, по неизвѣстности, какимъ образомъ намѣренъ онъ открыть свои дѣйствія въ порученномъ ему дѣлѣ, не дать отсюда г-ну Стахіеву наставленій, кои бы только поступки его въ коффузію приводить могли. Почему и нужно, чтобъ снабждалъ его оными прямо отъ себя графъ Петръ Александровичъ согласно съ его дальнѣйшими расположеніями и мѣрами.

Син уваженія руководствовали перомъ моимъ въ обоихъ проектахъ; но, представляя ихъ къ собственному Вашего Императорскаго Величества высочайшему усмотрѣнію, погрѣшу я предъ вѣрностію, на весь мой вѣкъ Вашему Величеству посвященною, если къ собственному Вашему прозорливому вниманію всеподданнѣйше не представляю здѣсь о тѣхъ коренныхъ правилахъ и основаніяхъ, съ коими въ отправленіи ввѣренныхъ мнѣ дѣлъ сообразовалъ я всегда мои мысли и мои разсужденія.

Ваше Императорское Величество изволите, съ перваго дня царствованія Вашего, являть вездѣ такое праводушіе и такую откровенность, что ни въ одномъ изъ дѣлъ Вами произведенныхъ нельзя было укорить политическое поведеніе Ваше неясностію или же двоякостію видовъ. Изъ того родилось и укоренилось, по теченію времени, общее всѣхъ дворовъ удостовѣреніе, что правила и система Вашего Величества искренны, прочны и надежны для соучастниковъ. Отъ сего удостовѣренія послѣдовало далѣе, что и тѣ самые дворы, коихъ интересы въ естественномъ положеніи разнствуютъ отъ Россійскихъ, старались всегда пріобрѣтать для себя персональную Вашего Величества дружбу, и при всякихъ удобныхъ аспектахъ оказывать ихъ готовость къ большему сближенію съ Вами. Истина сія всѣмъ ощутительна, а тѣмъ меньше смѣю я сказать, и конечно безъ всякой лести, можетъ она сокрыться отъ собственной Вашего Величества прозорливости.

Когда же все то не можетъ ни отъ кого и ни въ чемъ оспорено быть, то и въ нынѣшнемъ нашемъ съ Портою Оттоманскою казусѣ свойственно есть признанному отъ всей Европы характеру праводушія и откровенности въ дѣлахъ Вашего Величества поступить такимъ образомъ, чтобъ вся справедливость предъ свѣтомъ осталась на сторонѣ двора Вашего, еслибъ отъ занятія Персекопа дошли дѣла до разрыва, вопреки всѣмъ нашимъ усердѣйшимъ стараніямъ.

Какъ во внутреннемъ управленіи нужно государямъ одно только собственное и внутреннее удостовѣреніе о пользѣ и надобности ихъ дѣлъ и узаконеній, такъ напротивъ въ пунктъ разрѣшенія на войну и на пролитіе крови человѣческой принято отъ всѣхъ и во всѣ времена за правило истощевать напередъ всѣ предупредительные способы, а по тщетномъ

оныхъ истощеніи предъявляютъ уже напослѣдокъ свѣту истинныя и ясныя причины таковой крайности; а безъ сего, отъ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ свято и ненарушимо наблюдаемаго, правила не было бы, въ общемъ составѣ сильныхъ и слабыхъ правленій, ни доброй вѣры, ни безопасности, ниже основанія прочнаго къ взаимной между ими связи.

Я руководствовался сими двумя соображеніями въ первомъ моемъ Вашему Императорскому Величеству по Турецкимъ дѣламъ всенижайше представленномъ мнѣніи, положивъ тогда занятіе Перекопа средствомъ возстановленія равенства въ положеніи обѣихъ имперій, слѣдовательно же и сохраненія предъ свѣтомъ, а не предъ однимъ Турецкимъ невѣжествомъ высочайшаго Вашего достоинства въ неприкосновенной цѣлости, а при томъ еще и средствомъ переведенія Порты изъ упорства въ нескладныхъ ея настояніяхъ къ гибкости. Въ самомъ дѣлѣ, надобно изъ занятія Перекопи послѣдовать съ ея стороны новымъ отзывамъ и аспектамъ. Если оныя будутъ умѣренны и резонабельны, то не для чего отчаяваться, чтобъ не могли дѣла возвращены быть доброю манерою въ определенное имъ мирнымъ трактатомъ положеніе, чего одного Ваше Величество и желать изволите. Если же Турки, не разрѣшаясь вдругъ на войну по занятіи Перекопи, станутъ упорствовать въ своихъ нелѣпыхъ требованіяхъ или же чинить другіе неудобъ дозволяемые запросы, въ такомъ случаѣ были бы на послѣдній конецъ выиграны время и свобода сообразовать впредъ дѣла наши съ положеніемъ въ Европѣ общихъ, кои теперь по всей вѣроятности приближаются къ нѣкому важному кризису, и опредѣлить тогда рѣшительно, по достаточномъ разсмотрѣніи, прямую цѣну предстоящихъ трудностей.

Когда бы признались оныя въ существѣ своемъ нестоящими войны, то, уступая напоследокъ съ какою-либо замѣною въ нашу пользу желаніямъ Порты, не подвергнулось бы тутъ достоинство двора Вашего Императорскаго Величества предосужденію; потому что такая уступка, не истекая уже отъ худшаго нашего предъ Турками положенія, стала бы справедливо относиться къ одному Вашего Императорскаго Величества челоѣколюбію, отвратившемуся отъ невинной крови.

Если же прихоти и требованія Турецкія будутъ стоить новой войны, какъ послѣдняго между государями пособія, въ такомъ случаѣ оказываемая съ стороны Вашего Величества умѣренность послужить въ другихъ дѣлахъ Вашихъ новымъ доказательствомъ пріобрѣтеннаго единожды Вашимъ Величествомъ непоколебимаго характера праводушія и откровенности, а потому и доставить Вамъ самимъ больше свободы управиться съ Портою и привести ее въ раскаяніе.

Октября 26 дня

1776 г.

29.

Аглинской повѣренной въ дѣлахъ г-нъ Оксъ вручилъ мнѣ отзывную грамоту кавалера Гунинга, съ препровожденіемъ ко мнѣ отъ него письма. Я все оное Вашему Императорскому Величеству симъ всеподданнѣйше поднести счастье имѣю и пребываю со всеглубочайшемъ подобоострастіемъ.

Ноября 28 дня

1776.

30.

Удостоившись принять высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе о представленіи моего всеподданнѣйшаго мнѣнія по поводу послѣднихъ депешей посланника Стахіева, перечитывалъ я нынѣ всѣ бумаги съ самаго заключенія мира для лучшаго обнятія въ мысляхъ моихъ настоящаго кризиса дѣлъ нашихъ съ Портою Отоманскою. Оттуда обратя всѣ силы вниманія, старался я, всемилостивѣйшая Государыня, сообразить по лучшему уразумѣнію моему разныя обстоятельства донесеній онаго посланника и вывести изъ нихъ вѣроятнѣйшія заключенія къ собственному моему руководству. По симъ послѣднимъ и по существу отзывовъ, внушеній и изъясненій къ господину Стахіеву, какъ управляющихъ дѣлами персонъ, такъ и партикулярныхъ его каналовъ и пріятелей, кои между собою въ главномъ мало разнствуютъ, сузу я теперь не безъ причины, что въ Константинополѣ обще отъ всѣхъ признается и ощущается надобность кончить дѣла съ дворомъ Вашего Императорскаго Величества безъ поврежденія мира, въ надеждѣ, однакожь, что въ главной Турецкаго правленія заботѣ о независимости Татарской достигнуто будетъ нѣкоторое облегченіе, подъ предлогомъ обрядовъ Магометанской вѣры. Сіе мое гадаліе утверждается еще и тѣмъ, что въ отвѣтъ Порты Отоманской на декларацію 3-го Декабря употребленъ противу обыкновенія ея тонъ

умѣренности и убѣжденія, даже до того, что въ существѣ и самое занятіе крѣпости Орской съ ея линіею не сочтено за нарушеніе или поврежденіе мира и дружбы, а именовано только превосходствомъ претендуемаго нами для себя равенства во взаимномъ положеніи. Не должна удивлять насъ толкая скромность въ политикѣ сераля. Она согласуется весьма съ народными въ Константинополь расположеніями, съ настоящимъ упадкомъ и истощеніемъ Турецкихъ силъ, и съ тѣмъ планомъ, которому министерство Оттоманское издавна уже слѣдуетъ, съ одной стороны, работая въ Крыму, подъ именемъ Девлетъ-Гирей-хапа на укорененіе тамъ прежней неограниченной власти султана; а съ другой, устремляясь отвлекать вниманіе наше съ сего существеннаго пункта взаимныхъ распрей на побочные меньшей важности интересы, слѣдовательно же и усыплять насъ временными своими въ сихъ послѣднихъ снисхожденіями, кои, однакожь, умѣетъ оно ставить въ довольно дорогую цѣну. Нельзя сомнѣваться, что Турки и далѣе станутъ являть такое же скромное поведеніе, доколѣ не узнаютъ они, что мы проникли уже сію ихъ хитрую ухватку и не даемся въ обманъ наружному ихъ спокойствію по случаю занятія Перекопи, какъ такого проществія, которое во всякое другое время неминуемо воспринимствовало бы отъ нихъ войну по самому первому извѣстію. Но между тѣмъ, думаю я, всемилостивѣйшая Государыня, что моментъ деклараціи министра вашего былъ въ самомъ дѣлѣ моментъ разрѣшенія правительства Оттоманскаго въ будущихъ его предначинаніяхъ и той крайней степени, до которой положило оно снисходить къ нашимъ требованіямъ въ неисполненныхъ еще статьяхъ мирнаго трактата безъ подверженія себя явной опасности, и гдѣ опять останавливаясь ставитъ уже собственное свое сохраненіе и бытіе на общее съ самою

имперією разрушеніе, предпочтительно личной и односторонней его гибели въ столицѣ своей. А какъ тутъ ни польза дѣла, ни слава превосходной въ оныхъ прозорливости Вашего Императорскаго Величества не дозволяютъ намъ оставаться долго въ неизвѣстности и въ пассивномъ ожиданіи первыхъ съ Турецкой стороны предложеній, коими они натурально всячески медлить будутъ, стараясь, между тѣмъ, приводить дѣла больше въ затрудненіе и затмѣніе побочными интересами, нежели въ сближеніе и прямой свѣтъ, дабы больше времени потребно было на ихъ развязку: то для сего, для скорѣйшаго познанія послѣдней черты въ резолюціяхъ Турецкаго правительства и для встрѣченія его политики равными съ нашей стороны податливостями въ побочныхъ случаяхъ и довѣло уже бы мнѣ изъяснить здѣсь мысли и усмотрѣнія мои о томъ, что (соразмѣрно и соотвѣтственно такому Турецкому разрѣшенію) съ нашей стороны вопреки предназначенья слѣдуетъ. Но я признаю долгомъ служенія моего и всеподданнѣйшей моей Вашему Императорскому Величеству вѣрности представить напередъ въ возможной краткости истинную картину настоящаго положенія тѣхъ дворовъ, кои собственное наше бдѣніе болѣе другихъ интересовъ могутъ, дабы просвѣщенные очи Вашего Величества, объемля единовременно все изъ онаго истекающія уваженія, не могли уже ничѣмъ затрудняемы быть въ опредѣленіи рѣшительной мѣры собственнымъ вашимъ высочайшимъ резолюціямъ.

Вѣнской дворъ обязанъ своимъ естественнымъ положеніемъ ко всегдашнему вниманію на взаимныя наши дѣла съ Турками. Теперь оное по важности настоящихъ хлопотъ долженствуетъ быть усугубленное и, конечно, неусыпное. Съ другой стороны политическая сего двора связь съ Версальскимъ, отъ времени до времени возрастающая и усиливающаяся, откры-

ваетъ свѣту два важные предмета Австрійской политики. Первый изъ оныхъ идетъ къ приведенію себя въ непосредственное состояніе морской державы, къ чему ревностно заводимымъ торговымъ кораблеплаваніемъ подданныхъ своихъ полагается уже дѣйствительное начало, въ надеждѣ преуспѣянія онаго на ущербъ Великобританской торговли. Исполненіе сего вида Бурбонской политикѣ толь свойственнаго будетъ, конечно, и впредь служить прочнымъ узломъ къ связанію ея съ Австрійскою. Второй предметъ Вѣнскаго кабинета стремится нынѣ на вящей распространеніе и укрѣпленіе инфлюенціи его въ полуденной части Европы. Она нужна ему для пріобрѣтенія меньшимъ сыновьямъ императрицы-королевы новыхъ областей и для вящаго въ имперіи Германской властвованія, въ чемъ тѣсная связь съ Франціею преподаетъ Австрійскому дому великія удобства. Доколѣ императрица-королева пребудетъ въ жизни, по тѣхъ поръ будетъ несумнѣнно продолжаться сія система; напротивъ чего, со вступленіемъ императора Римскаго въ дѣйствительное правленіе наслѣдственныхъ земель, надобно ожидать, судя по извѣстному его праву, что жадность властвованія неограниченнаго возьметъ первое мѣсто въ его дѣяніяхъ и подвигахъ. Предстоящее пресѣченіе разныхъ въ Германіи владѣтельныхъ домовъ, какъ-то Баварскаго, Анспахъ-Барейтскаго и Пфальцскаго, относительно до наслѣдства въ княжествахъ Юлихскомъ и Бергскомъ, можетъ тутъ вскорѣ отворить двери къ величайшимъ послѣдствіямъ.

Важность такого, по всякому вѣроятію, неудаленнаго момента долженствуетъ натурально раздѣлять вниманіе Вѣнскаго двора; но со всѣмъ тѣмъ, еслибъ хлопоты наши съ Портою Оттоманскою дошли до разрыва, вопреки истиннымъ Вашего Императорскаго Величества намѣреніямъ, нѣтъ возможности

разсудкомъ и прозорливостію человѣческими постигнуть, не придетъ ли ему тогда охота вмѣшаться въ нашу войну, или же урывкою воспользоваться оною къ лучшему уравниенію границъ своихъ со стороны Турецкой, гдѣ въ семъ послѣднемъ случаѣ можетъ хищность его положить себѣ мѣру и какимъ опять образомъ приступить высокомѣріе Австрійское къ исполненію своихъ видовъ: соглашаясь ли предварительно съ дворомъ Вашего Императорскаго Величества о мѣрахъ общихъ, или же само собою, безъ всякаго отъ насъ способствованія. Разныя въ сихъ случаяхъ градаціи, а по онымъ большее или меньшее къ намъ уваженіе, будутъ всемѣрно зависѣть отъ успѣховъ оружія и обстоятельствъ времени; но при томъ и другомъ всякая тогда отъ насъ податливость, къ подкрѣпленію непосредственныхъ видовъ Вѣнскаго двора противу Порты, будетъ натуральнымъ образомъ соразмѣрно ослаблять собственные наши интересы относительно до нея.

Франція сдѣлала уже систематическую привычку перечить вездѣ дѣламъ имперіи Вашего Величества. Хотя она передъ нѣкоторымъ временемъ и показывала видъ исканія къ дружбѣ Вашего Императорскаго Величества, но сія маска несвойственна ея политикѣ и не препятствовала конечно оной дѣйствовать при Портѣ и вездѣ къ затрудненію настоящихъ нашихъ хлопотъ. Того же самаго и впредъ всегда ожидать надлежитъ, какъ собственно отъ Версальскаго двора, такъ и отъ всѣхъ Бурбонскихъ вообще; ибо сороколѣтняя практика доказала уже Франціи, что она тогда только и могла приближать Россійскій интересъ къ своимъ видамъ, когда Россія находилась въ большихъ затрудненіяхъ и заботахъ по своимъ внѣшнимъ дѣламъ.

Король Шведскій возобновляетъ при всякомъ случаѣ сильнѣйшія и точныя обнадеживанія о его миролюбіи и истинной

преданности къ Вашему Императорскому Величеству. Я на сей разъ вѣрю, что оныя искренны, потому что онъ не успѣлъ еще ни прямо укоренить въ отечествѣ новой имъ установленной формы правленія, ни исправить всѣхъ недостатковъ военнаго ополченія своего. Въ такомъ положеніи неудивительно, что онъ намъ всячески ласкается и что опять, испустя скоро по революціи первый чадъ своей пышности противу Датчанъ, содержитъ теперь себя на всѣ стороны въ покой и тишинѣ, стараясь только какимъ ни есть актомъ или поступкомъ схватить таситное наше соглашеніе на перемѣненную имъ форму правленія. Но какъ тѣмъ не меньше главная короля Шведскаго цѣль безпрестанно устремлена на превращеніе Швеціи изъ положенія пассивнаго въ активное, для чего флотъ и сухопутная армія съ крайнимъ раченіемъ исправляются и умножаются; а съ другой стороны, Шведы никакъ изъ памяти у себя истребить не могутъ, что Россія основала въ свѣтѣ знатность свою на ихъ ущербѣ и упадкѣ: то и взыскиваетъ уже отъ насъ благоразуміе содержать себя противу сего сосѣда во всегдашней осторожности, а особливо при случающихся у насъ другихъ упражненіяхъ, тѣмъ паче, что искусство многихъ вѣковъ изобильно показываетъ, сколь поползновенны Шведы на самый малѣйшій соблазнъ.

Если Англія выбьется изъ войны съ Американскими ея селеніями и съ сохраненіемъ надъ ними нѣкоторой поверхности, чего однакоже никакъ еще навѣрное полагать нельзя, то и тогда надобно ей будетъ время и покой къ возвращенію силъ своихъ и къ восстановленію прежней инфлюенціи въ общихъ дѣлахъ.

Первый Вашего Императорскаго Величества союзникъ, король Датскій, при всей его привязанности къ системѣ и къ интересамъ Вашего Величества, не можетъ по мѣрѣ силъ и

ресурсовъ своихъ ни къ чему больше служить, какъ единственно къ обузданію короля Шведскаго и къ огражденію Балтійскаго моря отъ такихъ флотовъ, кои бы пришествіемъ своимъ могли иногда затруднить въ ономъ поверхность Россійскую, что уже и составляетъ само по себѣ пункты для насъ во всякое время довольно выгодные, а иногда и весьма важные.

Второй Вашего Величества союзникъ, король Прускій, одинъ теперь бдитъ и наблюдаетъ за обширными видами и интересами Австрійской политики по всѣмъ сторонамъ Европы; но онъ повидимому начинаетъ уже изнемогать въ сей своей активной стражѣ, какъ по приближенію конца жизни его, такъ и по краткости остающагося времени въ теченіе вторичнаго его съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ союзнаго трактата. Онъ беспокоится тѣмъ, что, слѣдовавъ вездѣ чрезъ четырнадцать лѣтъ за видами и системою Вашего Величества и дѣлившіи въ сіе время тягость дѣлъ нашихъ, существительнымъ напослѣдокъ исполненіемъ трактатныхъ обязательствъ по случаю Турецкой войны и Польскихъ замѣшательствъ, приближается теперь напротивъ къ такому пункту времени, гдѣ истеченіемъ союза съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ собственные его интересы должны будутъ остаться совершенно изолированными, безъ всякой политической связи и подкрѣпленія. Для сего, кажется, и начинаетъ уже его Прусское величество заранѣе готовить себѣ другія дороги, какъ о томъ возвѣщаетъ намъ учиненное недавно въ Вѣнѣ князю Дмитрію Михайловичу Голицыну важное откровеніе отъ весьма надежнаго, по его словамъ, канала. Не невѣроятно, что его величества намѣреніе, сондируя мнѣнія Вѣнскаго двора, къ тому идетъ, чтобъ оному подать поводъ къ откровенному между собою изъясненію о взаимныхъ

видахъ по случаю нашей съ Портою опасаемой войны и предварительно внушить князю Кауницу, что онъ имѣеть готовыя средства къ соглашенію тутъ интересовъ Австрійскаго дома съ собственными его интересами. Отъ удачи сего намѣренія можетъ королю Прусскому быть сугубая польза, то-есть и собственное его обезпеченіе отъ стороны Вѣнскаго двора, который одинъ болѣе всѣхъ его тревожитъ. и новый случай къ новымъ въ сосѣдствѣ пріобрѣтеніямъ.

Что принадлежитъ до Персіи, которая теперь нѣсколько озабочиваетъ Порту Отоманскую, не смѣю я, по извѣстнымъ ей внутреннимъ неустройствамъ, полагать, чтобъ диверсія Керимъ-хана значила болѣе какъ одно только моментное опустошеніе пограничныхъ Турецкихъ провинцій, безъ всякой въ потерѣ ихъ опасности. Есть въ самой Персіи множество хановъ, не повинующихся повелѣніямъ сего вожда, или же по крайней мѣрѣ весьма слабо исполняющихъ оныя, почему и нельзя надѣяться, чтобъ усилія его могли быть важны, долговременны и достаточны къ отвлеченію главнаго вниманія Порты на тамошнюю сторону. Турки знаютъ довольно, что корень имперіи ихъ, также силъ и важности ея въ Европѣ, ставятъ Европейскія свои провинціи гораздо выше Азіятскихъ, гдѣ издавна обыкли уже они видѣть весьма часто внутреннія неустройства между разными начальниками и попускать онымъ до явнаго почти бунта. Все сіе образую я здѣсь для того, чтобъ послѣ вывести заключеніе, которое по крайней мѣрѣ въ совѣсти моей признаю основательнымъ, а именно: что правленіе Отоманское не остановится за Персидскою войною въ разрѣшеніи своемъ на войну съ Россіею, когда оную почитеть необходимымъ уже для себя зломъ, и что опять въ сей крайности, для сохраненія своего въ Европѣ, не усумнится оно обратить къ отпору противу насъ послѣднія свои силы и

Архивъ Князя Воронцова XXVI. 10

пособія съ конечнымъ обнаженіемъ Азіятскихъ провинцій въ таковомъ предположеніи, что Персіяне съ настоящимъ ихъ правителемъ отнюдь неспособны вовсе отторгнуть ихъ отъ Порты и удержать за собою.

Отъ собственной Вашего Императорскаго Величества прозорливости не можетъ быть скрыто, что при всякомъ безпосредственномъ дѣлѣ съ одною державою, прочія обыкновенно собою дорожатъ, и что въ разсужденіи сего надобно со всѣми обходиться съ сугубою осторожностію, дабы инако не навлечь себѣ новыхъ хлопотъ и новаго по разнымъ мѣстамъ упражненія. Я слѣдовалъ всегда сему правилу въ части министерскаго моего поведенія, зная, что тѣмъ исполняю высочайшую Вашего Императорскаго Величества волю.

Отъ сего образованія возвращаясь къ пункту Турецкихъ дѣлъ и ко всеподданнѣйшему изъясненію мнѣнія моего по онымъ, встрѣчаю я въ мысляхъ моихъ слѣдующій результатъ, который и повергаю здѣсь вмѣстѣ съ собою къ монаршимъ стопамъ на собственное Вашего Императорскаго Величества мудрое и проницательное усмотрѣніе.

Препоручая графу Петру Александровичу занятіе крѣпости Орской съ ея линіею, извоили Вы, всемилостивѣйшая Государыня, возложить равнымъ образомъ на его искусствомъ и усердіемъ сопровождаемое попеченіе кончить и нерѣшенныя еще съ Портою дѣла и требовать отъ нея, чтобъ она отправила къ нему своихъ полномочныхъ комиссаровъ. Теперь изъ формальнаго ея отвѣта на предложеніе о семъ видно, что Порта предпочтительно желаетъ трактовать въ Константинополѣ и для того проситъ именно о снабженіи посланника Стахіева достаточною полною мѣною, въ чемъ одномъ главнѣйше замыкается все существо онаго отвѣта. Сіе ея требованіе можетъ имѣть разныя причины, а именно: что

дворъ Турецкой ставить иногда по своему невѣжеству за несовмѣстно отправлять полномочныхъ министровъ къ нашему военачальнику, или же что министерство Отоманское не находитъ себя въ достаточномъ кредитѣ вести толь важную негоціацію заочно отъ султана и безъ личнаго и безпосредственнаго въ ней законниковъ своихъ соучаствованія, которое одно народъ отъ жалобъ и роптанія воздержитъ сильно. Посему кажется, что нѣтъ нужды дѣлать затрудненія въ сей Турецкой просьбѣ, тѣмъ паче, что уже до ушей господина Стахіева допущено было, коимъ образомъ Порты не иначе можетъ согласиться на трактованіе съ нашимъ военачальникомъ, какъ чрезъ посредство отправляемаго отъ нея сераскера съ войсками, изъ чего весьма легко могли бы произрасти вѣщія только успѣху препоны, если уже не сущій миру разрывъ.

Не меньше однакожь можетъ предохранено быть высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе, что принадлежитъ до управленія дѣлъ графомъ Петромъ Александровичемъ въ теченіи самой негоціаціи. Для сего беру я смѣлость предложить на собственное Вашего Величества высочайшее опредѣленіе такой альтернативъ, чтобъ или вовсе удовлетворить желанію Порты ауторизаціею на мѣстѣ г-на Стахіева, въ чемъ повидимому не настоитъ никакой неудобности, или же, для сохраненія въ полной мѣрѣ равенства на обѣ стороны, предложить Портѣ присылку въ третье мѣсто взаимныхъ полномочныхъ комисаровъ на подобіе конгресса безъ всякихъ однакожь въ ономъ внѣшнихъ оказательствъ. Который изъ сихъ способовъ ни удостоится монаршей апробаціи, но въ обоихъ случаяхъ можетъ дирекція дѣлъ равно оставаться въ рукахъ графа Петра Александровича, предписывая отсюда именно посланнику Стахіеву или же нароч-

но отправляемымъ комиссарамъ, кто изъ нихъ будетъ употребленъ въ негоціацію, адресоваться всегда прямо къ нему для полученія точныхъ и рѣшительныхъ наставленій.

Нѣтъ возможности постигнуть теперь напередъ гаданіемъ послѣднюю степень въ резолюціяхъ правительства Турецкаго къ извлеченію предстоящихъ занозъ; но когда откроется въ Константинополѣ или же другомъ какомъ мѣстѣ дѣйствительная негоціація, тогда не трудно уже будетъ познать истинный оныхъ предѣлъ. Весьма имовѣрно, что и тутъ, въ надеждѣ лишнее выторговать, станутъ сначала Турки держаться за стѣною и выжидать отъ насъ первыхъ предложеній, а дѣло самое запутывать мелочми побочными; однакожъ съ другой стороны нельзя думать, чтобъ и могла долго устоять сія застѣнчивость противу формальнаго имъ въ первой конференціи объявленія на-отрѣзъ, что Россія заключаетъ въ первыхъ предложеніяхъ самый ультиматъ желаній своихъ, и что Ваше Императорское Величество повелѣли требовать на оныя скорого, яснаго и рѣшительнаго отвѣта для распоряженія дальнѣйшихъ Вашихъ мѣръ по соглашенію или же по отказу Порты, обѣщая въ первомъ случаѣ показать всякое резонабельное снисхожденіе въ побочныхъ пособіяхъ къ облегченію ея внутреннихъ заботъ; а на семъ основаніи и вести полюбовную негоціацію, которая иначе совсѣмъ уже мѣста имѣть не могла бы.

Въ самомъ дѣлѣ нужна для успѣха оной поспѣшность, дабы иначе взаимныя обѣихъ имперій исканія внутри Крымскаго полуострова не могли, повстрѣчаясь между собой, растравить больше зла существующаго и завести дѣлъ какимъ-либо нечаяннымъ приключеніемъ до явной уже вражды и самаго непріятельскаго дѣйствія.

По сю пору кажется мнѣ, что занятіе Перекопи произвело уже первые плоды нашего ожиданія, приведя Турковъ въ изумленіе и заставляя ихъ до послѣдняго края моральной возможности помышлять объ изысканіи приличныхъ средствъ къ прекращенію хлопотъ; но чтобъ отъ сей полезной импресіи извлечь взаимно и намъ всю возможную пользу, осмѣливаюсь я всеподданнѣйше доложить о представляющейся надобности, чтобъ нынѣ же и съ высочайшей Вашего Императорскаго Величества стороны рѣшительнымъ образомъ намѣру положено было, въ чемъ именно и до какого градуса снизить намъ въ удовлетвореніе внутреннихъ заботъ Турецкаго правленія и на чемъ опять избрать способъ оружія, предпочтительно цѣлѣуспѣшнымъ уступкамъ сопернику нашему, если прихоти его не преобразятся при переговорахъ въ требованія умѣренныя, сносныя и непротивныя существу мирнаго трактата.

Если посему изволите Ваше Императорское Величество принять за благо первую или вторую часть представленнаго мною альтернатива въ негоціаціи съ Турками, то въ семъ случаѣ нужно монаршее повелѣніе увѣдомить о томъ господина Стахіева для благовременнаго сообщенія Портѣ письменнымъ меморіаломъ, что Ваше Величество или снисходите на ея желаніе, уполномочивая его самого, или же для сохраненія на обѣ стороны равенства требуете отправленія взаимныхъ полномочныхъ комиссаровъ въ третье мѣсто, гдѣ бы они, сѣзжаясь немедленно, могли безъ всякихъ внѣшнихъ обрядовъ начать и кончить поручаемое имъ дѣло. Въ отправляемомъ господину Стахіеву повелѣніи можно будетъ предписать, чтобъ онъ для выигранія времени, когда быть сѣзду комиссарамъ, и согласился уже съ Турецкимъ министерствомъ, безъ описки съ дворомъ, какъ о мѣстѣ сѣзда въ земляхъ

республики Польской на равномъ отстояніи между границами обѣихъ имперій, такъ и о срокѣ одновременнаго въ оное прибытія взаимныхъ полномочныхъ комиссаровъ.

Сверхъ сего генеральнаго посланнику Стахіеву повелѣнія, въ отвѣтъ на требованіе Порты по пункту взаимной неготиціи и мѣста къ производству ея назначиваемаго, не угодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству снабдить его на тотъ случай, когда бы ему о дѣлахъ рѣшительно трактовать довелось, и точными уже наставленіями, какъ для дѣйствительнаго вступленія въ переговоры, такъ и для совершеннаго прекращенія настоящихъ хлопотъ, къ Вашему высочайшему удовольствію?

Сіи наставленія могутъ по моему мнѣнію состоять въ слѣдующемъ: чтобъ онъ, при врученіи министерству Порты меморіяла своего на ея отвѣтъ, объявилъ оному въ тоже время отъ имени двора Вашего, что какъ положеніе дѣлъ взаимныхъ достигло теперь до такого края, на которомъ сохраненію мира или же явному нарушенію онаго непосредственно рѣшиться слѣдуетъ, то и надобно съ обѣихъ сторонъ приняты за полюбовную развязку ихъ съ доброю вѣрою и равнымъ чистосердечіемъ, дабы не быть инако виною пролитія крови человѣческой и разоренія народовъ. Что Россія, руководствуясь тутъ строжайшею справедливостію и приступая къ дѣлу кратчайшимъ и яснымъ путемъ, требуетъ всячески отъ министерства Порты, дабы оное перестало съ своей стороны употреблять далѣе во зло нашу умѣренность и наше терпѣніе недѣльными и побочными своими отговорками, какого-то нежеланія Татарами вольности, несогласованія оной съ Магометанскимъ закономъ и опасности народнаго въ Константинополѣ возмущенія, коими по сю пору главное дѣло умышленно затрудняемо и затмѣваемо было, и что по-

тому надлежить оному министерству учинить въ негоціаціи начало предъявленіемъ истинныхъ и послѣднихъ желаній Порты, какимъ образомъ помышляетъ она согласить настоящія распри и удовлетворить справедливымъ нашимъ жалобамъ противу неустойки ея въ мирномъ трактатѣ.

Весьма статья можетъ, какъ и выше сказано, что министерство Турецкое, уклоняясь отъ праваго вызова, станетъ напротивъ настоять о предъявленіи ему нашихъ требованій, какъ стороны недовольной и отвергающей ея просьбы.

Судя по свойственной Туркамъ въ негоціаціяхъ медленности, думаю я, что сей отъ нихъ представляемый способъ будетъ полезенъ для развязки дѣлъ и для извлеченія отъ нихъ самихъ послѣдняго слова; чего ради и полагаю я далѣе, всемілостивѣйшая Государыня, что тогда настанетъ для господина Стахіева удобный моментъ учинить негоціаторамъ Отоманскимъ выше сего означенное объявленіе на-отрѣзъ; что первыя со стороны Россіи предложенія будутъ въ себѣ заключать и самый ультиматъ желаній ея; что онъ, приступая къ объявленію ихъ по собственному Турецкому домогательству, требуетъ въ тоже время со стороны Порты яснаго и рѣшительнаго отвѣта для донесенія двору Вашему, который, натурально, дальнѣйшія свои мѣры распорядитъ будетъ по соглашенію или же отказу ея, обѣщая въ первомъ случаѣ показать всякое резонабельное снисхожденіе въ побочныхъ пособіяхъ къ облегченію внутреннихъ Порты заботъ; а на семъ основаніи и вести полюбовную негоціацію, которая инако совсѣмъ уже мѣста имѣть не могла бы.

Приготовя симъ отзывомъ Турецкое министерство къ нашему послѣднему слову, слѣдовательно же и поставя его въ необходимость ознаменовать послѣднюю свою резолюцію не меньше рѣшительнымъ образомъ, надобно будетъ потомъ и

дѣйствительно объявить ему сущій ультимать требованій Вашего Императорскаго Величества, который можетъ сокращенъ быть въ таковомъ на письмѣ объявленіи, что Россія полагаетъ для негоціаціи непремѣннымъ и такимъ основаніемъ, отъ котораго она никогда и ни для чего не отступитъ—точные и матеріальныя обязательства мирнаго трактата съ одной стороны въ цѣлости и сохраненіи вольной и независимой области Татарской въ гражданскомъ и политическомъ ея положеніяхъ подъ управленіемъ собственнаго самовластнаго хана, а съ другой—твердость Магометанской вѣры въ той области и духовной ея связи съ калифствомъ въ особѣ Турецкихъ султановъ; что тутъ, въ облегченіе заботы (Отоманской Порты, мы не споримъ и не будемъ противиться непосредственному ея соглашенію съ Татарами о точномъ, единожды навсегда опредѣленіи духовныхъ обрядовъ оной связи, желая и требуя только, чтобъ Татары для такого трактованія напередъ возстановлены были въ корпусъ и состояніе націи вольной, независимой и управляемой собственнымъ своимъ, ни отъ кого же независящимъ ханомъ, по словесному уразумѣнію мирнаго трактата, изъ котораго они мало-по-малу вытѣснены происками и коварствомъ Девлетъ-Гирея; что доколѣ сей ихъ развратитель будетъ находится въ Крыму и Порта не объявитъ формально какъ ему, такъ и всѣмъ Татарамъ вообще, что она ни въ немъ, ни въ нихъ не беретъ больше никакого участія, но паче признаетъ ихъ націею вольною и независимою, по тѣхъ поръ не можетъ имѣть мѣсто такое ея съ Татарами непосредственное соглашеніе о узаконеніи духовныхъ обрядовъ торжественнымъ на всегдашнее время актомъ; что какъ, послѣ заключенія мира и въ бытность посла князя Репнина, неоднократно было отъ Порты намъ внушаемо о усматриваемой ею пользѣ установленія наслѣдственныхъ хановъ, то мы

теперь сію ея идею охотно принимая въ показаніе ей Портѣ угодности, Татарамъ самимъ нашего въ жребіи ихъ истиннаго безкорыстія, а свѣту всему сущаго нашего желанія кончить дѣла безъ новой войны, предлагаемъ съ своей стороны утвержденіе наслѣдственнаго ханства въ персонѣ извѣстнаго Шагинъ-Гирея, какъ человѣка душевно познающаго цѣну дарованной отечеству его вольности, слѣдовательно же по истиннымъ интересамъ обѣихъ имперій и совершенно надежнаго къ сохраненію оной навсегда въ неприкосновенной цѣлости, тѣмъ паче, что онъ отъ многихъ уже Нагайскихъ народовъ избранъ въ ханы законнымъ, въ трактатѣ опредѣленнымъ, порядкомъ; что сей новый ханъ, по надлежащемъ его отъ Порты признаніи въ семь качествъ, не уклонится, конечно, войти съ нею въ негоціаціи и узаконить торжественнымъ актомъ единожды навсегда духовную свою связь съ султаномъ, какъ верховнымъ калифомъ Магометанскимъ (ибо ему самому нельзя не знать и не чувствовать, сколько и къ чему можетъ его обязывать вѣра въ семь нѣжномъ пунктѣ); что для пресѣченія однимъ разомъ всѣхъ донинѣ настоявшихъ распрей, да и самаго корня оныхъ на будущее время, почитаетъ Россія за полезно, чтобъ обѣ имперіи торжественнымъ между собою актомъ согласились: Порты — признать Россію ручательницею вольности и независимости Татарской области въ гражданскомъ и политическомъ ея положеніяхъ, подѣ управленіемъ самовластныхъ и наслѣдственныхъ хановъ; а Россія — взаимно султана калифомъ Магометанской вѣры и духовную съ нимъ связь той области; и что, на послѣдокъ, если министерство Турецкое не убѣдится въ той истинѣ, что безъ сихъ условій дѣла поправлены быть не могутъ, а станетъ, напротивъ, проводить время въ пустыхъ и побочныхъ затрудненіяхъ, кои безъ того такъ далеко завели уже насъ, станетъ со-

бирать между тѣмъ войска свои и показывать видъ какого нибудь ополченія противу насъ или на Крымъ: на такой случай дворъ Вашего Императорскаго Величества поставляетъ послѣднимъ долгомъ прямотушїя, искренности и доброй вѣры своей заранѣе открыть оному министерству безъ всякаго запинанїя, что Россїя не возможетъ уже съ своей стороны обойтись отъ непосредственнаго обнятія войсками своими онаго полуострова и безъ отраженія силою оружія всѣхъ на оный Турецкихъ покушеній, въ какомъ бы числѣ оныя ни были и подъ какимъ бы предлогомъ ни стали приближаться, оставляя уже султану и его министерству отвѣтствовать предъ Богомъ за послѣдующія изъ того народныя бѣдствїя, кои упредить не въ ея уже возможности будетъ; ибо она теперь къ отвращенію отъ себя праведной укоризны заранѣе съ доброю вѣрою и прямо объявляетъ, что достоинство Вашего Императорскаго Величества не можетъ далѣе сносить неоправдательной медленности Порты Отоманской въ неисполненїи важнѣйшаго обязательства ея въ мирномъ трактатѣ, которому Ваше Величество изволили жертвовать толикимъ множествомъ завоеванныхъ областей и провинцій.

Я не отчаяваюсь, всемилостивѣйшая Государыня, чтобъ Порта вовсе отвергла сіи предложенія (кои я по внутреннему моему удостовѣренію считаю одни совмѣстными съ славою и интересами Вашего Императорскаго Величества) и предпочла способъ оружія уступкѣ по сущей оныхъ умѣренности; но думаю паче, что она, при усмотрѣнїи неподвижной твердости въ настояніяхъ министра вашего, сдѣлаетъ на послѣдокъ изъ нужды добродѣтель и согласится какъ на трактованіе, такъ и на конечную сдѣлку съ онымъ, покушаясь иногда одержать для себя во взаимство какія-либо побочныя выгоды,

о коихъ, однакожъ, на угадъ ничего съ подлинностію сказать нельзя.

Но какъ здравая политика требуетъ быть всегда и на всякій случай въ совершенной готовности къ отпору и къ упрежденію непріятеля (въ резолюціяхъ своихъ часто безразсуднаго и скоропостижнаго, съ каковымъ мы теперь дѣло имѣть можемъ и котораго видимъ поставленна на самой крайней чертѣ необходимости въ его разрѣшеніи): то, не взирая на сію, мною питаемую надежду, ставлю я тѣмъ не меньше долгомъ усердія и вѣрности моихъ къ службѣ Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше упомянуть здѣсь о нуждѣ благовременнаго устроенія внутри имперіи и по обширнымъ ея границамъ войскъ Вашихъ такимъ образомъ, дабы чрезъ обращеніе знатныхъ силъ къ одному пункту, то есть къ сторонѣ Днѣпра, куда ихъ мало по малу въ запасъ и сближать надлежитъ съ достаточнымъ къ прямому дѣлу заготовленіемъ всякихъ потребностей, прочія нужныя мѣста не были слишкомъ обнажены отъ достаточной стражи и охраненія.

Впрочемъ какъ Турецкой отвѣтъ на декларацію 3-го Декабря содержитъ въ себѣ разныя опроверженія нашихъ жалобъ и многія несправедливыя объясненія существа дѣла, о коихъ умолчаніе или недознаніе министра нашего на мѣстѣ о нашихъ на оныя возраженіяхъ могло бы Портою рано или поздно въ доводъ противу насъ употреблено быть: то разсудилъ я сдѣлать на всѣ части онаго отвѣта пристойныя возраженія, кои здѣсь къ собственному Вашего Императорскаго Величества усмотрѣнію поднося, испрашиваю высочайшаго повелѣнія сообщить ихъ посланнику Стахіеву не съ тѣмъ, чтобъ онъ сіи примѣчанія предъявилъ министерству Порты на письмѣ и въ настоящей ихъ формѣ, но для того, чтобъ доставить ему въ запасъ нѣкоторое руководство къ надле-

жащему опроверженію отговорокъ и аргументовъ министерства Турецкаго, когда бы оное вновь ихъ предъявлять стало. при чемъ господину Стахіеву на волю оставлено быть можетъ выдавать сіи возраженія кстати и по времени за собственные свои разсужденія или же за мнѣнія двора, какъ того обстоятельства и польза службы Вашего Императорскаго Величества требовать будутъ.

Февраля 3-го дня
1777.

31.

Графъ Сольмсъ вчерашняго вечера читалъ мнѣ свою послѣднюю депешу отъ короля, его государя. Я, нашедши въ ней нѣкоторыя подробности особенныя въ положеніи дѣлъ и обстоятельствъ Цареградскихъ, предваряющія послѣднія дополненія посланника Стахіева, испросилъ у него экстрактъ съ письма къ нему королевскаго и копію съ приложенной при немъ реляціи изъ Константинополя отъ ихъ повѣреннаго въ дѣлахъ Гофрена, кои для прочтенія Вашего Императорскаго Величества здѣсь всеподданнѣйше подношу. Ваше Величество всевысочайше примѣтитъ соизволите, что сія Гофренова реляція отправлена изъ Царяграда 6 числа прошедшаго Генваря по нашему стилю, слѣдовательно двѣ недѣли старѣе послѣднихъ посланника Стахіева доношеній. За симъ покорнѣйше здѣсь подношу письмо ко мнѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Эпинуса, объясняющее новую остановку его трудовъ.

1777.

32.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Всепоподаннѣйше здѣсь подносимое письмо отъ его Польскаго величества мнѣ вручено сего утра подъ моимъ кувертомъ резидентомъ Деболи. Я надѣюсь, что Ваше Императорское Величество въ ономъ найти изволите ту же самую спорной границы карту съ ея истолкованіемъ, которая сообщена отъ посла Стакельберга на послѣдней почтѣ.

Повергнувъ себя къ монаршимъ стопамъ пребываю со всеглубочайшимъ подобострастіемъ

Вашего Императорскаго Величества

всепоподаннѣйшій рабъ

Гр. Н. Панинъ.

Письма графа Н. И. Панина къ П. В. Баунину.

1.

Государь мой Петръ Васильевичъ.

Велѣдствіе почтеннаго писѣма вашего, мною полученнаго третьяго дня, позвольте, государь мой, мнѣ къ вамъ адресоваться о принесеніи предъ Ея Императорскимъ Величествомъ моего извиненія, что я, въ самое тяжчайшее время моей настоящей болѣзни, получа отъ графа Сольмса извѣстныя бумаги, не могъ объ оныхъ донести Ея Величеству. Теперь же для поднесенія всемилостивѣйшей Государынѣ здѣсь оныя включаю. Онѣ состоятъ: 1-е) Въ ландкартѣ рѣки Неци; означенная на оной желтая линія показываетъ тѣ земли, кои король Прусской занялъ въ свою границу; а двойная линія желтая съ красною опредѣляетъ ту уступку, которую онъ нынѣ изъ занятаго учинить намѣренъ. 2-е) Препровождаемая сію ландкарту двѣ бумаги представляютъ Ея Императорскому Величеству всѣ объясненія, какъ персональныя отъ принца Генриха, такъ и министерскія отъ гр. Сольмса, которыми они домогаются о здѣшнемъ содѣйствованіи. 3-е) Для лучшаго возобновленія памяти я прилагаю копію съ общаго нашего трактата съ Прусскимъ дворомъ. Третій тутъ артикуль, очерченный чер-

нильною линією, покажетъ въ точности существительное тогдашнее положеніе границамъ Прускимъ; а елико болѣзнь моя съ истиннымъ насильствомъ силъ моихъ мнѣ только дозволить могла, сдѣлалъ я особенныя ремарки на вышепредставленныя двѣ бумаги, препровождающія Прускую карту, которыя при семъ чрезъ васъ подношу Ея Императорскому Величеству, и если они удостоятся высочайшей апробаціи, то и могутъ тогда съ нѣкоторою пристойною перемѣною въ слогъ обращены быть въ таковыя жъ письменные отвѣты его высочеству принцу и графу Сольмсу, каковы суть врученныя имъ бумаги. Въ заключеніе сего также поручаю вамъ, государь мой, для поднесенія Ея Величеству два пакета: одинъ съ обвѣстительными грамотами къ высочайшему подписанію, а другой съ депешами изъ Польши; о себѣ же только скажу, что отъ слабости всегдашней лихорадки и отъ большихъ внутреннихъ болей ей-ей черезъ великую силу могу кончить диктатуру сего письма, и пребываю съ истиннымъ почтеніемъ вашъ, государя моего, покорно-вѣрный слуга

Графъ Н. Панинъ.

С.-Петербургъ,
Апрѣля 19-го 1776.

2.

Сейчасъ получилъ ваше письмо чрезъ князя Волконскаго и по содержанію онаго поспѣшаю здѣсь включить оригинальные Итальянскіе переводы съ Турецкихъ грамотъ съ переводами съ нихъ на Россійскій языкъ; а какъ для вѣщей еще точности усмотрѣнія Турецкихъ мыслей я отдалъ къ переводу и самые Турецкіе оригиналы, такъ оными наши Турецкіе переводчики и по сей часъ еще исправиться не могли въ разсужденіи большаго ихъ пространства.

Возвращаю также при семъ реляціи графа Петра Александровича *) и признаюсь, государь мой, предъ вами чистосердечно, что меня больше всего озабочиваетъ неизвѣстность о состояніи крѣпостей и ихъ гарнизоновъ: Ениколь, Керчь, и Кинбурнь, не подвергаются ли они какому-либо незапному захваченію отъ Татаръ съ подкрѣпленіемъ настоящаго малаго числа между ими Турокъ, особливо будучи во окруженіи теперь такою развратною и неустроенною сволочью, каковы суть показывавшіеся Албанцы и другіе, можетъ быть, имъ подобные пришельцы? Да и въ близости живущимъ нашимъ бывшимъ Запорожцамъ едва-ли много довѣряться можно, о состояніи которыхъ я также разсуждать не могу, не имѣвъ объ нихъ никакого дальнѣйшаго свѣдѣнія, послѣ разрушенія ихъ Сѣчи. Инако же, государь мой, невозможно думать, чтобъ Порта непосредственно явнымъ образомъ и съ своими собственными силами такъ скоро подняла военный щитъ; запутывать же и поддувать дѣла конечно станетъ, при чемъ возможно сожалѣть, что наши дѣла на Кубанской сторонѣ не

*) Румянцова.

по желанію остаются, и не можно ли, государь мой, какимъ ни есть образомъ обратить туда бѣльшее вниманіе, дабы хотя на первое время можно было содержать нѣкоторую шиизму между Татарскихъ племень?

С.-Петербургъ,
13-го Мая 1776 г.

3.

Вслѣдствіе высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, изображеннаго во вчерашнемъ почтенномъ вашемъ ко мнѣ письмѣ, касательно до сношенія моего съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ-Чесменскимъ объ упомянутомъ въ письмѣ князя Николая Васильевича Репнина Армянинѣ, не будучи я въ состояніи, какъ вамъ не безъизвѣстно, самъ съ нимъ видиться, посылая я сегодня къ нему для того нарочнаго и получилъ отъ него отвѣтъ слѣдующій: что сей Армянинъ ему довольно извѣстенъ, что онъ присланъ былъ къ нему съ письмомъ отъ Али-бея въ Архипелагъ не въ качествѣ посланца, но простаго рассыльщика; что онъ, получа отъ него отвѣтъ къ Али-бею, съ денежнымъ ему самому подаркомъ, потерялъ отвѣтъ и не довелъ онаго до рукъ его; но потомъ опять присланъ онъ былъ къ нему съ письмомъ же отъ Али-бея и жилъ при немъ въ Ливорнѣ шесть недѣль. Со всѣмъ тѣмъ графъ Алексѣй Григорьевичъ, называя сего Армянина бродягою, разсуждаетъ, что хотя онъ и не заслуживаетъ покровительства Ея Императорскаго Величества, но однакожъ изъ единственнаго человѣколюбія и жалости достоинъ допущенъ быть въѣхать въ Россію съ позволеніемъ жить въ оной въ какомъ нибудь городѣ, напримѣръ въ Астрахани; ибо онъ, будучи купецъ, можетъ имѣть про-

Архивъ Князя Воронцова XXVI.

11

питаніе отъ торговли, а особливо по тому уваженію, что онъ, не имѣя куды преклонить головы своея, будетъ принужденъ, можетъ быть, возвратиться въ области Порты Отоманской, гдѣ онъ конечно лишенъ будетъ жизни самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, какъ то уже и случилось съ нѣкоторыми изъ такихъ Грековъ, кои употреблялись во время бытности флота въ Архипелагѣ въ разныя посылки.

Такимъ образомъ объясня вамъ, государь мой, во всей подробности обстоятельства, въ каковыхъ вышеупомянутый Армянинъ находится, покорно васъ прошу поднести ихъ всемилостивѣйшей Государынѣ на всевысочайшее усмотрѣніе и увѣдомить меня о соизволеніи Ея Императорскаго Величества, привезть ли его въ Россію для предполагаемаго графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ призрѣнія, или оставить его за границею.

Въ Ульянкѣ,
16 Іюля 1776 г.

4.

Покорно благодарствую за почтенное ваше меня увѣдомленіе объ объясненіи князя Григорья Григорьевича касательно до извѣстныхъ артиллерійскихъ лошадей, изъ чего, государь мой, я и разумѣю, что теперь оныхъ лошадей въ иное употребленіе, кажется, и невозможно обратить, о чемъ также покорно прошу представить Ея Императорскому Величеству.

Въ Ульянкѣ,
20-е Іюля 1776 г.

5.

По прїѣздѣ изъ Москвы, авторъ сихъ бумагъ премѣнилъ всѣ свои ключи. Теперь одинъ изъ новыхъ открытъ, который здѣсь и разобранъ; да и извѣстной большой ключъ, называемый Дикціонеръ, начинаетъ открываться, чего ради и сіи бумаги нужны опять трудившемуся въ томъ.

6.

Прочитавъ со вниманіемъ бумаги господина бригадира Бринка, мнѣ видится, что, какъ онъ, такъ и калга-султанъ, обще съ нимъ, относятъ по догадкѣ своей на свою сторону главное дѣйствіе осенняго предпріятія для поправленія дѣлъ Татарскихъ; а по сему и калга, можетъ быть, такъ далеко распространяетъ свои расположенія, какимъ образомъ ему военною рукою дѣйствовать съ стороны Кубанской. По моему же мнѣнію на первый случай ему ничего другаго сдѣлать не надлежитъ, какъ только стараться себя усиливать кредитомъ и привязанностію такого числа народа, которымъ бы можно было его прокламировать ханомъ Татарскимъ, избраннымъ народомъ вольнымъ и независимымъ, по силѣ пріобрѣтенной ими вольности торжественными трактатами, и чтобъ сіе учинить въ самое то время, когда Перекопъ занята будетъ. Покорно прошу, государь мой, при удобномъ случаѣ представить сіе Ея Императорскому Величеству и при томъ доложить: не угодно ли будетъ мнѣ указать, чтобъ я оное порас толковалъ господину Бринку, дабы подвиги и старательства калги-султана могли быть управляемы вѣрнѣйшею дорогою, пока Ея Величеству угодно будетъ поручить сіе дѣло особенной персонѣ. Со всѣмъ тѣмъ однакожъ я не нахожу ни изъ

лишнимъ, ниже опаснымъ снабдить, по волѣ всемилостивѣйшей Государыни, калгу-султана оружіемъ имъ желаемымъ на 800 человекъ; ибо какъ ему онаго самимъ собою конечно достать трудно, такъ и его репрезентаціи можетъ послужить въ пользу.

Ульянка,
13 Августа 1776.

7.

По повелѣнію Ея Императорскаго Величества, объявленному мнѣ въ письмѣ вашемъ, имѣю честь здѣсь вложить письмо къ Прускому генераль-порутчику Лентулусу и покорно прошу васъ, государя моего, оное поднести для подписанія всемилостивѣйшей Государынѣ, и притомъ донести Ея Величеству, что во исполненіе Ея Высочайшаго приказанія я не премину всеподданнѣйше представить мое мнѣніе о возобновленіи союзнаго трактата съ его Прускимъ величествомъ, какъ скоро просмотрю настоящія наши обязательства съ симъ государемъ. Также прошу донести Ея Величеству, что жена Шампаніола конечно живетъ въ Петербургѣ, а только два учителя Французскіе его шайки Розетти и Дюнанъ, по моимъ извѣстіямъ находятся въ Москвѣ.

Ульянка,
17-го Августа 1776.

8.

Возобновившаяся предъ нѣкоторыми днями irritація въ онѣхъ ранахъ причиною, что я не былъ въ состояніи упражнить себя дѣлами столько, чтобъ можно мнѣ было въ сіе время исполнить высочайшія повелѣнія Ея Импер. Величества, а къ тому еще вчерашній день получилъ весьма мнѣ горчительное извѣстіе о смерти большой дочери брата моего. Васъ же, государя моего, покорно прошу, при поднесеніи всемилостивѣйшей Государынѣ слѣдующихъ здѣсь удовольствительныхъ Польскихъ депешъ, повергнувъ меня къ онаршимъ стопамъ, извинить предъ Ея Величествомъ въ вышеобъявленномъ.

Два письма графа А. Р. Воронцова къ графу Н. И. Панину *).

1.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь.

Въ минувшую Субботу имѣлъ я честь вашему сіятельству донести о печальномъ для меня приключеніи кончины барона Ферзена, которой съ начала имѣвъ геморожею, и отъ оной свободаясь къ удивленію всѣхъ, наконецъ впалъ въ неизлѣчимую чахотку, которою онъ мучился болѣе двухъ мѣсяцевъ, и еще за шесть недѣль передъ его смертію, докторы, послѣ разныхъ консультацій, заключили его неизлѣчимымъ; а только день шесть передъ кончиною его, по моему представленію, согласились они испытать, но бывалымъ уже примѣромъ, водяная поѣздка не учинить ли какую перемѣну полезную въ отчаянномъ его состояніи. Почему профессоромъ Гаубгусомъ ему и представлено было, и наконецъ удалось вообще его уговорить поѣхать моремъ въ Неаполь, къ чему и разпоряженія дѣлать начинали, какъ то оказываетъ и завѣтная имъ учиненная на сей случай, съ которой точную копию здѣсь прилагаю. Но въ самый тотъ вечеръ, какъ она имъ сочинена была и приготовленія къ дорогѣ были дѣланы, такъ слабымъ сдѣлался, а на другой день толь часто ошибали его

*) Съ черновыхъ подлинниковъ. П. Б.

обмороки и конвульсиі, что тогда-жъ заключили докторы о опасности его жизни. Однако-жъ онъ два дни въ семь состояніи перенемогался, и скончался въ 11 часовъ вечера въ Пятницу при свѣжей памяти и здоровомъ умѣ до самого издыханія; а только два часа передъ кончиной конечно отъ слабости не могъ уже говорить.

Я не сумнѣваюся, по извѣстному вашему великодушію, чтобъ ваше сіятельство не приняли какого участія въ сей потерѣ: ибо покойникъ былъ остраго разума, преисполненъ знаній и честности, усерденъ былъ къ службѣ и со временемъ не безполезенъ бы быть могъ, и до конца своего преданность его и глубочайшее почтеніе къ вашему сіятельству были неограничены.

Похороненъ онъ, по его желанію, въ киркѣ подлѣ самого моего дома и безъ всякой церемоніи. Сіе имъ отъ меня неоднократно требовано. Во все время болѣзни его былъ онъ у меня въ домѣ, и я имѣлъ неудовольствіе быть свидѣтелемъ кончины моего пріятели. Но нѣкоторымъ утѣшеніемъ служить могла твердость, съ которою сносилъ онъ жестокость его болѣзни и страданій, равно какъ и упованіе на Промыслъ Всевышняго.

Что касается до духовной его, то содержаніе оной и въ день кончины своей помянутой баронъ мѣя подтверждалъ неоднократно, требуя послѣднимъ знакомъ моея дружбы къ нему, чтобъ исполненіе оной на себя я взялъ; въ разсужденіи чего и почитаю я за долгъ въ сій хлопоты вступити: ибо дѣла въ крайнемъ безпорядкѣ, не имѣя ни росписи, ни описанія вещей ему принадлежащихъ, ниже долговъ его, кромѣ тѣхъ, о которыхъ онъ упоминалъ. И такъ прошу ваше сіятельство, желая исполнить волю покойнаго моего пріятели, сдѣлать мнѣ милость, исходатайствовать у Ея Императорска-

го Величества высочайшую ея аппробацію для духовной, и потомъ пожаловать приказать г-ну Гроссу, у котораго есть разные сундуки, принадлежащіе покойнику, дабы онъ приказалъ онымъ продажу въ аукціонѣ сдѣлать, дабы тѣмъ Французскіе его долги заплатить можно было, равно какъ и деньги имъ опредѣленныя въ награжденіе камердинеру его, которой во всю почти бытность его въ чужихъ краяхъ одинъ при немъ находился и во время болѣзни его весьма усердно служилъ. Также нижайше прошу васъ, милостивый государь, чтобъ о всемъ дѣлѣ меня г-нъ Гроссъ увѣдомить могъ съ точностію; и я между тѣмъ собираю разные счета и бумаги оставшіеся послѣ покойника, чтобъ тѣмъ придти въ состояніе заимодавцевъ его удовольствовать, что его крайне беспокоило въ послѣдніе дни его жизни.

Заслуженное жалованье барона Ферзена и чрезвычайныя его издержки, учиненныя еще въ Копенгагенѣ, которыхъ счетъ въ Коллегію имъ посланъ, прошу ваше сіятельство нижайше сюда приказать переслать на уплату мелкихъ его здѣсь долговъ, которые не простираются болѣе 80 червонныхъ. Сверхъ того для удовольствія докторовъ, въ аптеку и прочія подобныя издержки. Также долженъ онъ, какъ и самъ объявилъ въ завѣтной, нѣкоторую сумму здѣшнему банкиру Боасу, которой для лучшаго изъясненія на сихъ дняхъ мною будетъ призванъ. Денегъ у него осталось при кончинѣ 43 червонца и 7 гульденовъ. Когда всѣ дѣла его виѣстъ соберутся, и порядочная продажа учинится съ расчетомъ: я нимало не сомнѣваюсь, чтобъ не нашелъ достаточною для расплаты со всѣми его заимодавцами и исполненія его воли, и я тѣмъ болѣе усердствую къ хорошему окончанію оныхъ, что мнѣ не безызвѣстно, сколь покойной баронъ беспокоился въ послѣдніе дни жизни своей, чтобъ не потерялъ и не претерпѣлъ

бы тѣмъ кто изъ его заимодавцевъ, что и доказываетъ честность его нрава.

На другой день кончины его пришли изъ Франціи къ Амстердамскимъ банкирамъ Пельсамъ три ассигнаціи на помянутаго барона Ферзена, изъ Парижа, Ліона и Руанна. Всѣ три простираются до 300 рублей. Я писалъ къ г-мъ Пельсамъ въ отвѣтъ, чтобъ они сіи ассигнаціи у себя удержали, потребоуя отъ своихъ корреспондентовъ обстоятельныхъ счетовъ, и что по предъявленіи оныхъ, и буде они найдутся сходственны съ правдою, удовольствіе имъ оказать не оставлю, будучи учиненъ исполнителемъ завѣщанія покойника.

Во время сочиненія духовной меня при немъ не было: ибо въ то самое время былъ я у Датскаго короля. Я бы конечно не допустилъ, чтобъ онъ о мнѣ какое упоминаніе учинилъ, кромѣ исполненія его послѣдней воли. Онъ на сдѣланіе духовной уговоренъ былъ докторами, которые, видя слабое его состояніе, разсудили оную нужной, и дабы не утратить его, сказали, что, какъ онъ теперь въ силахъ, то-бъ симъ случаемъ воспользовался для сочиненія оной въ запасъ, предпринимая морское путешествіе. Но къ сожалѣнію моему онъ скоро послѣ того мало въ состояніи нашелся сей вояжъ предпріять; а послѣ хотя я и желалъ, чтобъ нѣкоторые артикулы отмѣнилъ, однакожъ онъ на то поступить не хотѣлъ, и такъ я не разсудилъ приличнымъ его беспокоить въ такое время, когда и безъ того онъ довольно страдалъ.

Наконецъ, извиняясь, милостивый государь, что васъ толь пространнымъ письмомъ о сей для меня непріятной матеріи трудилъ, обещаю я себѣ отъ великодушія вашего, что вы мнѣ оное милостиво упустите и резолюцій по оному удостоите.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Завѣщаніе барона Ферзена.

1.

En cas qu'il plût à Dieu de disposer de ma vie pendant le voyage que je vais entreprendre, je veux et j'ordonne ce qui suit.

Premier article.

Qu'on paye à mon domestique, valet de chambre Adam Milberg, 150 ducats, avec ma garde-robe et ma montre d'or.

2.

Un clavecin, ma bibliothèque, qui se trouvent actuellement à St.-Pétersbourg et encore une caisse de livres, qui est à Hambourg chez notre résident, deux caisses avec des habits et un lit, doivent être vendus, tant pour payer des dettes, s'il y en a, que pour employer le reste pour être mis avec les 1.200 roubles qui sont entre les mains de mes frères, et qui sont un présent provenant de feu mon grand-père.

3.

J'ai encore dû hériter de ma grand'mère, qui est dans un âge fort avancé; mais ma maladie m'empêche d'en prendre des informations si elle est encore en vie; je ne puis rien assurer de positif à cet égard.

4.

Mes tableaux en pastels, avec les dessus de portes et quelques estampes sont offerts de ma part, comme un foible marque de ma reconnoissance à monsieur le comte Alexandre de Woronzów; j'y comprends également une belle table appelée chifonnière. Tout le reste des meubles sont à monsieur de Bacounine, dont j'emporte au tombeau le souvenir de toutes les bontés.

5.

Tout l'argent qui pourroit rester après avoir mis ordre à mes affaires, serait remis à mon frère cadet le baron Jean de Fersen.

6.

Le baron de Mengden me doit 60 écus espèces, qu'il payera à la masse.

7.

Je dois à monsieur le comte Alexandre de Woronzow la somme de 60 louis, pour lesquels je le prie d'accepter mon vis-à-vis.

8.

Je dois aux sieurs Clément et Fendt, marchands drapiers, rue St.-Honoré au Château Couronné, à Paris; la somme de 666 l. argent de France.

9.

Je dois en outre au nommé Demay Désmarais au Lion d'Argent, rue des Bourdonnois, à Paris; la somme de 535 l. argent de France.

10.

Vu que la précipitation de mon départ je ne me permets pas d'entretenir le sieur Boas pour savoir de lui positivement ce que je lui dois; mais il est certain que je ne lui dois rien que pour des commissions, sur chaque desquelles il doit et peut produire mes lettres le tout peut aller environ, tout au plus, à 200 ducats, sans y comprendre cependant 40 ducats et 7 louis d'or qu'il m'a avancés ici.

11.

Je supplie monsieur le comte Alexandre de Woronzow de vouloir bien, comme ancien bienfaiteur, de servir d'exécuteur testamentaire et d'avoir bien garde qu'il ne se passe rien qui soit contre l'honneur et la probité.

12.

La cour me doit les appointemens de l'année courante, et mes dépenses extraordinaires pendant que j'étois chargé des affaires en Danemark, et outre cela 33 roubles et 33 copeks, pour s'être mépris du vieux au nouveau style, comme on pourra le voir par un billet de chancellerie de monsieur de Phylosophoff.

NB. Le total de mes dépenses extraordinaires se monte à 326 roubles, qui faisoient selon le change d'alors 791 florins de Hollande.

Fait à la Haye, ce 19 juillet 1768.

Signé:

Le baron de Fersen.

2.

Трудно-бъ было мнѣ описать благодарность и удовольствіе, съ которымъ получилъ я письмо вашего сіятельства отъ 27-го Іюня стараго стиля изъ Петергофа, коимъ вы мнѣ сообщить изволили о милостивой Ея Императорскаго Величества резолюціи о моемъ отзывѣ отсюда и возвращеніи въ Россію, толь давно мною желаемомъ. То правда, что прошеніе мое состояло въ томъ, чтобъ отсюда отлучиться; однакожъ намѣреніе мое никогда не было сюда опять возвратиться, а еще менѣе оное могло быть мною желаемо. По недѣлію здѣшнему вмѣсто пользы какой-либо я ничего обѣщать себѣ не могъ какъ забвеніе прежняго малаго званія; по неустройности же домашнихъ дѣлъ, коимъ и не предвидѣлъ хорошаго окончанія, желалъ я только выѣхать отъ сюда съ дозволеніемъ, дабы тѣмъ не обезпокоить напрасно людей, коимъ я долженъ былъ. Но какъ отецъ мой весьма великодушно со мною поступилъ (не смотря что и безъ того въ шестилѣтнее мое министерство довольно уже я ему стоилъ, такъ какъ и во время моихъ вояжевъ по всей Европѣ) въ намѣреніи конечно сдѣлать меня удобнымъ къ службѣ Ея Императорскаго Величества, приславъ ко мнѣ нарочитую сумму денегъ вмѣстѣ съ деньгами, кои ожидаю я изъ Коллегіи, и съ нѣкоторыми еще распоряженіями, мои дѣла такъ становились, что я выѣхать отъ сюда въ состояніи безъ всякаго долгу, но и удовольствуя всѣхъ. Я не иначе какъ съ крайнею радостію принимаю сей отзывъ, которой всегда мною желаемъ былъ, какъ то вамъ и не безъизвѣстно, и онъ тѣмъ удобнѣе, что до

отъѣзда моего всё пожитки мои убрать могу для отправленія въ Россію будущею весною, нежели бѣ въ нерѣшимости моего жребія оныя оставлять здѣсь и содержать людей для смотрѣнія оныхъ. И такъ я за сію резолюцію не иначе какъ долженъ вашему сіятельству свою благодарность засвидѣтельствовать, получа то, что давно мною желаемо было.

Не менѣе обязательнымъ я почитаюсь за дозволеніе вамъ мнѣ данное отъѣхать отсюда, не дожидаясь преемника моего господина Пушкина, который по всёмъ оказательствамъ не могъ бы скоро сюда быть. И такъ не премину я, по полученіи отзывной грамоты, аккредитовать совѣтника посольства Воронцова, для престереженія дѣлъ Ея Императорскаго Величества во время небытности здѣсь министра, которой потомъ при господинѣ Пушкинѣ и остаться имѣеть. Но по сему случаю позвольте вамъ, милостивый государь, нижайше примѣтить, что помянутый мой родственникъ служитъ въ настоящемъ своемъ чинѣ безъ всякаго происхожденія съ 1759-го году. Также и по случаю бракосочетанія статгалтерскаго, будучи принужденнымъ войти въ нѣкоторыя издержки, не получилъ никакого награжденія изъ Коллегіи, о чемъ осмѣлился я уже прежде васъ трудить.

При отъѣздѣ моемъ архивъ и всё дѣла останутся въ надлежащемъ порядкѣ для врученія господину Пушкину; а между тѣмъ, не премину я снабдить совѣтника посольства Воронцова наставленіями для лучшаго исполненія и теченія дѣлъ, какъ то и учинено уже было во время отсутствія моего въ прошломъ году къ водамъ, которое вы мнѣ толь милостиво исходатайствовать изволили.

Уповаю я отсюда выѣхать чрезъ недѣлю по полученіи желаемого мною отзыва и присылки обѣщаннаго жалованья

дорожныхъ денегъ; за приказаніе же вашимъ сіятельствомъ
анное въ Коллегіи о немедленной пересылкѣ оныхъ, равно
акъ и о назначеніи трехъ тысячъ рублей мнѣ на дорогу, ни-
айше благодарствую, признавая оное большимъ знакомъ
щедроты Ея Императорскаго Величества и особливо мило-
сти вашей.

Мое намѣреніе есть, чтобъ прежде осенней слякоти при-
йти уже къ мѣсту, и для того выѣхать не умѣю, тѣмъ
олѣе, что нѣсколько дней въ Берлинѣ остаться я намѣренъ;
бо его величество король Прусскій къ тому меня милостиво
пригласить изволилъ. Освѣдомясь, что я скоро въ Россію
озвращаюсь, сей государь приказалъ своему министру здѣсь
езидующему мнѣ именемъ его комплиментъ весьма ласка-
тельной учинить, и что онъ желаетъ со мною видѣться въ
роздъ мой въ Берлинъ съ тою ласкательною прибавкою,
то онъ уповаетъ прежнее свое знакомство возобновить, и
надеется, что я пріемомъ его буду доволенъ. А сколь здѣсь
звѣстно, то сей государь въ половинѣ Апрѣля мѣсяца по-
хатъ изволить въ Шлезію, и только въ первыхъ числахъ
Сентября возвратится въ Потсдамъ. И такъ буде не застану
его въ Берлинѣ, то и благопристойность требуетъ, чтобъ
возвращенія его тамъ дожидаясь, что надѣюсь и найдется
ходственнымъ со мнѣніями вашего сіятельства, которыя
сегда были главнымъ предметомъ поступковъ и видовъ моихъ,
равно какъ и заслужить удовольствіе и аппробацію вашу.
По со всей сей остановкой въ концѣ Сентября уповаю я
быть въ Россію.

И такъ на щедроту Ея Императорскаго Величества пола-
аюсь и на милость вашего сіятельства уповаю, что мнѣ вы-
дѣлаете благодареніе исходатайствованіемъ, дабы я, пріѣхав-

ши туда, министерскимъ своимъ жалованьемъ пользовался до конца года. Оно не можетъ учинить большую разность казнь Государыни Императрицы: ибо, если бъ я не такъ скоро прїѣздомъ своимъ воспѣшалъ, или-бъ остался здѣсь до прїѣзда господина Пушкина, конечно не прежде я тогда возвратился бы въ Россію какъ въ концѣ года, а я сею щедротою ту находку имѣть буду, что найдусь и приведенъ буду тѣмъ въ состояніе возвратить въ Коллегію остальной мой долгъ изъ четырехъ тысячъ рублей мнѣ данныхъ впередъ для отъѣзда къ водамъ въ прошломъ году, изъ которыхъ уже по 30-е Мая нынѣшняго года, по счетамъ присланнымъ изъ Коллегіи, вычтено уже у меня тысяча шесть сотъ семьдесятъ шесть рублей; и такъ остается на мнѣ еще двѣ тысячи триста тридцать четыре рубля, кои легко вычтены быть могутъ изъ Сентябрьской трети; а вы мнѣ тѣмъ, милостивый государь, новой знакъ милости вашего сіятельства окажете.

Также принужденнымъ я нахожусь васъ трудить по причинѣ, что экипажъ мой, нѣкоторыя мебели, фарфоръ для употребленія стола и остатки винъ конечно не безъ крайняго урона здѣсь проданы быть могли, также и серебряный сервизъ. Часть сего экипажа отправленнаго уже съ двумя каретами, а остальной будущей весною въ С.-Петербургъ придетъ; чтобъ ваше сіятельство сдѣлали мнѣ милость исходатайствованіемъ у Ея Императорскаго Величества милостивое дозволеніе все сіе ввезть въ Россію безъ пошлины: ибо если-бъ я съ оныхъ вещей по тарифу платить принужденъ былъ, то-бъ претерпѣлъ конечно немалые убытки. Собою однакожъ разумѣется, что въ исходатайствованіи сего ничего новаго быть не должно, а только то, что въ домѣ у меня было и въ употребленіи неоднодѣтнемъ. Всѣ сіи вещи дорого поку-

паются; а когда-бъ я оныя продавать здѣсь принужденъ былъ, то-бъ ни третьей доли цѣны ихъ достать не могъ; а по ужасной пошлинѣ у насъ на мебели, фарфоръ, вины и кареты, конечно-бъ мнѣ оное весьма тягостно было. Впрочемъ я заранее ручаюсь, что во всемъ экипажѣ моемъ и людей моихъ ничего конечно не найдется, что бѣ могло служить къ продажѣ, а только то, что въ домѣ было у меня въ употребленіи, а вина только остатки провизіи, которую мы здѣсь въ обыкновеніи заготовлять года на два. Я надѣюсь, что ваше сіятельство сіе мое прошеніе найдете справедливымъ; ибо въ мѣстахъ нашихъ нельзя, чтобъ не чинить нѣкоторое излишество сихъ вещей и при отъѣздѣ продавать оныхъ безъ крайняго уцербъ. И такъ если-бъ по возвращеніи въ отечество съ нихъ должную пошлину требовали, на основаніи какъ оную берутъ съ тѣхъ, кои домами въ Россіи живутъ, то конечно-бъ иностранныя комиссіи довольно тягостны были. Въ Англіи, гдѣ крайняя строгость наблюдается въ таможняхъ, король самъ оныя платя для вещей ему привозимыхъ, министры его величества, при возвращеніи въ отечество, съ вещей ими употребляемыхъ во время ихъ комиссіи, отъ всѣхъ пошлинъ освобождены. А по пребываніи ихъ въ Лондонѣ подвержены уже пошлинамъ, какъ и прочіе обыватели сего города. Впрочемъ если-бъ нашлось у меня что новаго въ экипажѣ или платьѣ, то и по справедливости уже съ того пошлины брать должно.

Наконецъ, позвольте мнѣ изъяснить, ваше сіятельство, всю мою чувствительность за милостивое ваше оказаніе желанія меня скоро видѣть. Вѣрьте, милостивый государь, что я давно съ крайнею нетерпѣливостію ожидаю, дабы имѣть случай васъ персонально возблагодарить за всѣ ваши милости и снис-

хожденіи. Вы во мнѣ всегда найдете человѣка вамъ прямо преданнаго, и которой ничего такъ не желаетъ какъ быть въ командѣ толь добродѣтельнаго и остроумнаго министра, достоинства котораго вся Европа признаетъ; и если ваше сіятельство найдете меня не совсѣмъ излишнимъ, я за счастье почту всегда служить и употребленъ быть подъ смотрѣніемъ вашимъ въ Россіи или внѣ государства и лучшимъ награжденіемъ и удовлетвореніемъ трудовъ моихъ почту я, если удостоюсь аппробаціи и продолженія милости вашей. Пребывая за всегда въ сихъ мнѣніяхъ, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію.

Графъ Александръ Воронцовъ.

Копія съ письма, писаннаго собственною Ея Императорскаго Величества рукою къ фельдмаршалу графу Салтыкову изъ Санктъ-Петербурга отъ 8-го Ноября 1768 года.

Возвратясь перваго числа Ноября изъ Сарскаго Села, гдѣ я имѣла оспу, во время которой мнѣ запрещено было производить дѣла, нашла я здѣсь полученное извѣстіе о заарестованіи моего резидента Обрѣзкова въ Царѣ-Градѣ. Такой поступокъ не иначе могъ мною принять быть, какъ объявленіе войны. И такъ нашла я за необходимое приказать нашему войску собраться въ назначенныя мѣста; команду же поручила я двумъ старшимъ генераламъ, то-есть главная армія князю Голицыну, а другая графу Румянцову. Дай Боже первому счастье отцовское, а другому также всякое благополучіе!

Естлибъ я Турокъ боялась, такъ бы мой выборъ палъ несумнѣнно на лаврами покрытаго фельдмаршала Салтыкова; но въ разсужденіи великихъ безпокойствъ сей войны я разсудила, не обременяя, побережь лѣта сего именитаго воина, безъ того довольно имѣющаго славу. Я совершенно увѣрена, что на кого изъ моихъ генераловъ ни палъ-бы мой выборъ, всякой лучше будетъ соперника визиря, котораго непріятель нарядилъ начальникомъ. На начинающаго Богъ! Онъ

видить, что не я начала. Не первой уже разъ Россіи побѣждать своихъ враговъ; опасныхъ побѣждала и не въ такихъ обстоятельствахъ, какъ нынѣ находится. И такъ какъ отъ Божескаго милосердія, такъ и храбрости моего народа всего добраго ожидать должна. Въ прочемъ остаюсь непремѣнно къ вамъ доброжелательная

Екатерина.

Р. S. Въ пятія сутки изъ Петербурга всѣ приказанія повсюду разосланы были. Изволь теперь судить, мѣшкаты-ль мы?

ЗАПИСКА ШВЕЙЦАРЦА ВАНЬЕРА
О ВОЛЬТЕРѢ И ОБЪ ЕГО КОНЧИНѢ.

Ваньеръ былъ съ дѣтства своего воспитанникъ и довѣренный секретарь Вольтера. По кончинѣ его онъ перевозилъ въ Петербургъ его библіотеку и пользовался пенсією отъ нашего правительства, которая въ 1803 году продолжена была его вдовѣ. Нѣсколько писемъ его къ графу А. Р. Воронцову напечатаны въ V книгѣ этого изданія. Ваньеръ оставилъ послѣ себя памятныя записки и особое сочиненіе о Вольтерѣ. Графъ А. Р. Воронцовъ, лично знавшій Вольтера, былъ однимъ изъ горячихъ почитателей его дарованій. Тутъ онъ сходилъ въ мысляхъ съ Екатериною Великою (что у него бывало не часто). Нижеслѣдующая записка печатается съ подлинника. П. Б.

A M E S E N F A N S.

Récit du voyage de m-r de Voltaire à Paris, et de sa mort.

En 1777 m-r le marquis de Villette, dont on connaît les goûts et la conduite, se promenant un jour aux vaux-hall avec une dame, fut rencontré par une demoiselle du monde, fort connue de lui. Elle lui dit en passant et en le touchant avec son éventail: „Adieu, Villette“. Celui-cy, feignant de ne pas la connaître, passa sans lui répondre. Elle récidiva. Alors m-r de Villette la frappa avec une baguette qu'il avait à la main *).

Outrée de ce procédé, elle alla se plaindre à un officier Suisse qui alors était son amant. Celui-cy pour venger l'affront fait en public à sa maîtresse, fit avertir m-r de Villette de se rencontrer dans tel endroit et à telle heure, qu'il s'y rendrait pour avoir l'honneur de lui donner (quoique Suisse) une leçon de politesse envers les dames.

*) Plusieurs personnes prétendent que cette demoiselle assurait que m-r de Villette lui avait pris des diamants, et que l'ayant rencontrée, il lui demanda s'il était vrai qu'elle l'en accusât; que celle-cy ayant répondu que cela était très-vrai, m-r de Villette la frappa.

M-r de Villette, qui n'aime point ces sortes de choses, alla au rendez-vous trois heures avant celle que lui avait indiqué son adversaire, lequel ne s'y trouva pas. M-r de Villette revient sur-le-champ chez lui, fait son paquet, et part dans l'instant pour s'éloigner de Paris, sans être décidé où il irait, et s'il se rendrait à Marseilles ou à Genève. Il préféra malheureusement ce dernier endroit *).

Il vint, en septembre 1777 voir m-r de Voltaire à Ferney, chez qui il avait passé quelques jours il y a quatorze ans, lorsque son père, avec lequel il était brouillé, mourut (m-r de Voltaire fut obligé de lui prêter cinquante louis pour faire sa route jusqu'à Paris).

M-r de Voltaire l'engagea à venir loger chez lui; et quelque temps après m-r le marquis de Villeville, ami de m-r de Villette, arriva aussi à Ferney.

Mad. Denis, nièce de m-r de Voltaire, avait, depuis deux ans, pris auprès d'elle, pour lui tenir compagnie et par commisération, une jeune demoiselle, fille de m-r de Varicourt, garde du corps, père de onze enfans.

Dès que m-r Villette fut arrivé, il dit qu'il voulait épouser m-lle de Varicourt, ce qu'il fit enfin, après avoir cependant tergiversé près de trois mois **).

*) Je tiens ce récit d'un homme très attaché à m-r de Villette, et témoin oculaire.

**) Il n'est point vrai, comme on l'a dit, et comme on l'a imprimé, que m-r de Voltaire eût jamais l'idée d'offrir une forte dot à la femme de m-r de Villette; cela eût même été ridicule, puisqu'il s'annonça comme jouissant de cent vingt mille livres de rentes; par conséquent il n'a point eu aussi la gloire prétendue de refuser. M-r de Voltaire et mad. Denis donnèrent seulement quelques diamants à la jeune mariée. M-r de Villette a même cherché à faire croire que sa femme et lui étaient parents de m-r de Voltaire.

Pendant ce temps, m-r de Voltaire composa sa tragédie d'Irène, et il en fit la lecture à messieurs de Villette et de Villevieille; après quoi il l'envoya aux comédiens de Paris par m-r le comte d'Argental.

On avait commencé d'assurer à m-r de Voltaire que la reine, monsieur, monseigneur le comte d'Artois, toute la cour, avaient la plus grande envie de le voir; et dès lors il arrivait continuellement à Ferney de prétendues lettres qu'on disait venir de Versailles et de Paris, remplies des choses les plus flatteuses et les plus agréables pour m-r de Voltaire de la part de ces personnes illustres et de celle du roi-même, pour l'engager d'aller à Paris.

Enfin, m-rs de Villette et Villevieille, mad. Denis et mad. de Villette firent tout ce qu'ils purent pour persuader m-r de Voltaire que sa tragédie tomberait s'il n'allait pas lui-même pour la faire jouer et conduire les acteurs *), que c'était l'occasion du monde la plus favorable, puisque la cour, suivant les lettres qu'on lui lisait, était si bien disposée à son égard; que ce voyage convenait à sa gloire et pour dissuader les trois quarts de l'Europe, qui étaient persuadés qu'il n'osait pas retourner dans le lieu de sa naissance **); qu'il consulte-

*) Il y avait alors une violente querelle entre m-r le marquis de Thibouville et Lekain, qui ne voulait pas jouer dans Irène. Celui-cy écrivit à m-r de Voltaire qu'il était résolu de se battre contre le marquis auquel m-r de Voltaire en fit part; mais Lekain étant mort quelque temps après, le différent comique fut terminé. Cependant m-r de Voltaire avait été très-piqué de l'ingratitude de Lekain et de son refus. Cette ridicule aventure n'a pas peu contribué à notre départ pour Paris, et l'on saisit avec empressement ce prétexte pour redoubler les sollicitations.

**) Cette idée était si universelle que le roi de France lui-même en était persuadé, et le dit à m-r le prince de Beauvau, qui vint en parler à m-r de Voltaire, et qui le croyait aussi, comme il le lui avoua en ma présence. On assure que sa majesté fit compulser les registres des lettres de cachet.

rait à Paris m-r Tronchin sur sa santé; qu'étant presque obligé d'aller à Dijon pour un procès, il n'aurait plus qu'autant de chemin à faire, etc. etc. etc.

Toutes ces raisons, toutes ces sollicitations et ces manoeuvres déterminèrent enfin ce vieillard à entreprendre ce voyage. On convint que sa nièce, m-r et mad. de Villette iraient les premiers, que tous logeraient chez m-r de Villette, et que m-r de Voltaire ne resterait en tout que six semaines.

Ils partirent le 3 février 1778, et m-r de Voltaire avec moi le 5 à midy, sans autre domestique que son cuisinier.

La douleur et la consternation étaient dans Ferney lorsque m-r de Voltaire en sortit. Tous les colons fondaient en larmes, lui-même pleurait d'attendrissement; il leur promettait que dans un mois et demi sans faute, il serait de retour au milieu de ses enfans. Il est si vrai que c'était là son intention, qu'il ne mit aucun ordre à ses affaires, et n'enferma ni les papiers de sa fortune, ni ceux de littérature.

Nous allâmes coucher à Nantua. Etant arrivés à Bourg en Bresse, pendant qu'on changeait les chevaux, toute la ville se rassembla autour du carrossé, et m-r de Voltaire ne put même satisfaire à quelques besoins qu'en se faisant enfermer à la clef dans un magasin.

Le maître de poste voyant que le postillon avait attelé un mauvais cheval, en fit mettre un autre, et lui dit: „va bon train, crève mes chevaux, je m'en f...; tu mènes m-r de Voltaire“ *).

*) Ce propos énergique du maître de poste est une des choses qui ont le plus fait de plaisir et d'impression sur m-r de Voltaire dans tout son voyage.

De Nantua nous allâmes coucher à Sennecey, et le troisième jour à Dijon, où dès l'instant qu'il fut arrivé il alla voir quelques conseillers et le rapporteur d'un procès qu'il soutenait pour mad. Denis. Plusieurs personnes de la première distinction vinrent pour le visiter, et payaient les servantes de l'auberge afin qu'elles laissassent la porte de sa chambre ouverte. Quelques-uns voulurent même s'habiller en garçons du cabaret afin de le servir à son souper, et de le voir par ce stratagème.

Le lendemain nous allâmes coucher à Joigny, et de là nous comptions arriver le même jour à Paris; mais l'essieu du carrosse se cassa. On envoya un postillon à Moret, qui y trouva m-r de Villette qui venait seulement d'arriver, et qui vint nous chercher dans son carrosse, après quoi il repartit avec sa compagnie.

Enfin le 10 février, vers les trois heures et demie du soir, nous arrivâmes à Paris.

A la barrière les commis demandèrent si nous n'avions rien contre les ordres du roi? „Ma foi, messieurs“, leur répondit m-r de Voltaire, „je crois qu'il n'y a icy de contrebande que moi“. Je descendis du carrosse pour que l'employé eût plus de facilité à visiter. L'un des gardes dit à son camarade: „c'est, pardieu, monsieur de Voltaire“. Il tira le commis qui fouillait, lui répéta la même chose en me fixant; je me mis à rire. Alors tous regardant avec le plus grand étonnement mêlé de respect, prièrent m-r de Voltaire de continuer son chemin.

Il avait joui pendant la route de la meilleure santé; je ne l'ai jamais vu d'une humeur plus agréable; il avait été d'une gaieté charmante. Son grand plaisir était de faire tous ses efforts pour m'enivrer, disant

que puisque je ne l'avais jamais été, cela serait peut-être fort plaisant. Il reposait dans sa voiture, qui était une espèce de dormeuse, il lisait des moments, chantait, s'amusaît à causer avec moi, et à me faire des contes à mourir de rire.

Immédiatement après être descendu à l'hôtel de m-r de Villette, il alla à pied chez m-r d'Argental, son ancien ami qu'il ne trouva pas, et s'en revint. M-r d'Argental arriva un moment après, comme m-r de Voltaire entrait dans sa chambre; il lui dit qu'on venait d'enterrer Lekain. M-r de Voltaire fit un cri terrible à cette nouvelle.

Le bruit fut bientôt répandu dans Paris que ce grand homme y était arrivé; dès lors le salon de m-r de Villette et la chambre à coucher de m-r de Voltaire ne cessèrent d'être remplis d'un monde prodigieux. Sa politesse extrême lui fit recevoir toutes sortes de personnes. Il disait à chacun les choses les plus agréables et les plus spirituelles. Tous le quittaient enchantés. Tous les feseurs de vers et de prose lui en adressèrent, et chantèrent son retour dans sa patrie.

Dès cet instant on forma le projet de le faire rester à Paris.

Le surlendemain de notre arrivée, m-r le marquis de Jaucourt vint mystérieusement avertir mad. Denis que le retour subit de son oncle à Paris avait occasionné beaucoup d'étonnement à Versailles. On ne put le cacher à m-r de Voltaire, à qui cela causa une grande surprise. On s'intrigua, on fit parler à mad. Jules de Polignac, intime amie de la reine; on engagea m-r de Voltaire à lui écrire; elle lui fit une réponse fort honnête; elle vint même le voir quelques jours après, et il fut un peu rassuré. Cependant cette

petite aventure laissa une forte impression dans son esprit, et lui fit faire des réflexions.

Les prêtres commencèrent aussi bientôt à murmurer. Le curé de St.-Sulpice chercha plusieurs fois de voir et de parler à m-r de Voltaire, mais il ne put alors y parvenir.

Le genre de vie que menait ce vieillard depuis son arrivée, était exactement contraire à celui qu'il avait embrassé à Ferney, où il était tranquille, n'y remplissant aucun de ces devoirs gênants de la société, ne voyant presque personne, jouissant en tout sens de la plus grande liberté, passant la plus grande partie du temps dans son lit à travailler, se promenant des moments dans ses jardins, dans ses forêts ou dans ses possessions, dirigeant lui-même les travaux de la campagne, goûtant le plaisir de créer et de voir prospérer sa colonie. Ce nouveau genre de vie, dis-je, lui fit bientôt sentir qu'il altérerait sa santé; les jambes lui enflèrent de la fatigue de se tenir debout pour recevoir ceux qui venaient le visiter.

Un ex-jésuite, nommé l'abbé Gautier, lui écrivit pour lui offrir ses services spirituels si l'occasion s'en présentait. M-r de Voltaire le remercia par écrit. L'abbé vint le voir et laissa son adresse. Quand il fut sorti, je demandai à mon maître s'il était content de monsieur Gautier; il me répondit que c'était un bon imbécile.

Quelques jours après la visite de cet abbé, il vint un homme habillé en habit court de prêtre. Il me dit qu'il désirait ardemment de voir m-r de Voltaire, qu'il venait de quatre mille lieues. Cela excita ma curiosité. Je lui répondis que m-r de Voltaire était malade, et qu'il ne pouvait accorder que des audiences très-cour-

tes. Je demandai à mon maître la permission de lui présenter cet homme qui disait venir de si loin. „Eh bien, qu'il vienne un moment; il pourra peut-être m'apprendre quelque chose de nouveau“. Je retournai auprès de mon prétendu voyageur, et lui demandai son nom et sa patrie; il me répondit qu'il s'appelait l'abbé Marthe, qu'il était d'Italie, ce qui me causa de la surprise.

Cependant, je l'introduisis dans la chambre de m-r de Voltaire, qui lui dit d'abord: „Vous avez là, monsieur, un habit qui ne paraît pas être celui d'un homme qui vient de quatre mille lieues“. L'abbé lui répondit que ce n'était pas son habit ordinaire; ensuite il supplia mon maître de permettre qu'il l'entretînt en particulier. M-r de Voltaire me pria, ainsi qu'un serrurier qui racommodait une sonnette, de les laisser seuls. Je sortis et me tins à la porte, disant au serrurier d'y rester aussi; il me prit une grande palpitation, et mon premier mouvement fut de porter machinalement la main à mon couteau.

Un instant après m-r de Voltaire s'écria avec véhémence: „Ah, monsieur, que faites vous? Relevez-vous!“ L'abbé, s'étant mis à genoux, dit: „Monsieur, il faut que tout à l'heure vous vous confessiez à moi, et cela absolument; il n'y a point à reculer, je suis icy exprès; dépêchez-vous“.

— „N'êtes vous pas Provençal?“—„Non, je suis du Languedoc“, reprit l'abbé.—„Ce que vous faites prouve que vous êtes au moins de la lisière; allez-vous-en dans votre paroisse y remplir vos devoirs envers Dieu, et laissez-moi remplir les miens dans ma chambre“.

J'étais rentré sitôt que j'eus entendu l'exclamation de mon maître. Je vis cet homme à genoux, qui ne

voulait pas se relever, qui avait les yeux étincelants et furieux. Je le chassai avec violence de la chambre; il tenta plusieurs fois de revenir dans la maison, mais on l'avait consigné à la porte.

L'envie du curé de St.-Sulpice de parler à m-r de Voltaire, la lettre et la visite de l'abbé Gautier, l'aventure étrange de l'abbé Marthe, firent une singulière impression sur mon maître. Il soupçonna que tous agissaient de la part de l'archevêque, que les prêtres se remuaient et cabalaient contre lui.

Le célèbre Franklin vint avec son petit fils voir m-r de Voltaire, et il lui demanda sa bénédiction pour ce jeune homme qui se mit à genoux; il la lui donna en l'embrassant et en prononçant ces mots: „Dieu, liberté et tolérance“. Cette scène fut très-attendrissante.

L'Académie Française lui fit une députation extraordinaire. Les comédiens vinrent aussi en corps; il leur dit: „Je ne veux désormais vivre que par vous et pour vous“.

Il leur distribua les rôles de sa tragédie d'Irène; il eut une très-grande peine pour arranger tout ce tripot, et il fallut beaucoup de négociations. Enfin, il leur fit faire devant lui une répétition dans laquelle mad. Vestris fut très-peu complaisante pour m-r de Voltaire, et Brisard lui répondit, lorsqu'il lui enseignait comment il devait déclamer son rôle: „Il suffit, monsieur, que vous me le disiez pour que je ne le fasse pas“.

Le 25 février, à midy et un quart, il me dictait de son lit; il toussa trois fois assez fort; je me retournai; il me dit: „oh oh! je crache du sang“, et sur le moment il jaillit par la bouche et par le nez avec autant de violence que quand on ouvre le robinet d'une fontaine dont l'eau est forcée. Je sonnai; mad. Denis entra; j'é-

crivis un mot à m-r Tronchin; enfin toute la maison fut en alarme, et la chambre du malade remplie de monde. Il m'ordonna d'écrire à l'abbé Gautier de venir, „ne voulant pas“, disait-il, „que l'on jetât son corps à la voirie“. Je fis semblant d'envoyer ma lettre, mais je la gardai, afin que l'on ne dît pas que m-r de Voltaire avait montré de la faiblesse. Je l'assurai qu'on n'avait pu trouver l'abbé. Alors il dit aux personnes qui se rencontrèrent dans la chambre: „Au moins, messieurs, vous serez témoins que j'ai demandé à remplir ce qu'on appelle ses devoirs“. Nous étions tous dans la plus grande consternation.

M-r Tronchin arriva bientôt; il tint le poulx du malade jusqu'au moment qu'il trouva convenable de le saigner. Enfin, après avoir perdu plus de trois pintes de sang, l'hémorragie diminua; il continua d'en cracher pendant vingt deux jours en assez grande quantité.

M-r Tronchin recommanda au malade de ne point parler, pria qu'on ne lui parlât pas, et qu'on ne laissât entrer personne chez lui. Il envoya une garde très-entendue, qui avait le plus grand soin de faire observer les ordonnances, et de faire retirer ceux que l'on amenait dans la chambre, ce qui déplut fort au maître de la maison et à la nièce du malade.

J'eus soin de faire coucher toutes les nuits un chirurgien auprès de m-r de Voltaire.

M-r de Villette, qui n'aimait pas m-r Tronchin, le critiquait continuellement et faisait sans cesse des plaisanteries sur la jeune garde. Il cherchait à donner au malade de la défiance sur son médecin; il courait, il écrivait aux autres membres de la faculté; il engagea m-r de Voltaire à exiger de m-r Tronchin de faire ve-

nir avec lui m-r Lory, ami de m-r de Villette, homme, il est vrai, très-instruit et très-aimable. M-r Tronchin lui écrivit sur-le-champ avec le plus grand empressement: m-r de Villette s'empara du billet, le garda, en écrivit un autre, afin de se vanter, comme il fit, que c'était lui seul qui avait fait venir m-r Lory, malgré m-r Tronchin, et sauvé la vie au malade.

M-r Lory trouva les ordonnances de son confrère très-bonnes, quelque chose qu'on pût lui insinuer pour dire le contraire. M-r de Villette avait la plus grande haine pour m-r Tronchin, et aurait désiré qu'il ne continuât plus de voir m-r de Voltaire. Cela était si violent que m-r Tronchin le prit un jour par le bras et le fit sortir de la chambre. Dès lors il se forma deux partis. J'ai été témoin des scènes les plus indécentes dans la chambre du malade dans le temps qu'il était encore en très-grand danger: on aurait dit qu'il y avait vingt paysans ivres prêts à se battre. On n'avait aucun égard pour les ordres du médecin, ni aux instances du malade, qui ne cessait de répéter qu'on le tuait. Je demandai en grâce à mad. Denis la permission de refuser la porte de la chambre à ceux même qu'elle y amenait: elle ne le voulut absolument pas, et me dit: „Oh! par ma foi“....

Chaque personne qui venait indiquait des remèdes, tous différents les uns des autres, et que souvent à force d'instances on faisait prendre, malgré les défenses de messieurs Tronchin et Lory. On parvint à faire renvoyer la garde que ce premier avait procurée. J'étais étonné qu'après tous les dégoûts possibles qu'on lui donnait, il continuât ses soins auprès de m-r de Voltaire avec la plus grande amitié. Mon coeur était navré de douleur de tout ce que je voyais.

On donna dans ce temps la première représentation d'Irène. Je fus témoin de la cabale violente contre cette pièce, dont les acteurs étaient la plupart habillés en abbés; mais leur voix fut étouffée par les acclamations extraordinaires. Il ne manquait à ce spectacle que le roi et l'auteur.

L'abbé Gautier étant venu un jour, fut introduit auprès de m-r de Voltaire, qui lui dit: „Il y a quelques jours que je vous avais fait prier de venir me voir pour ce que vous savez; si vous voulez, nous ferons tout à l'heure cette petite affaire“.—„Très-volontiers“, reprit l'abbé. Il n'y avait alors dans la chambre que m-r l'abbé Mignot, m-r le marquis de Villevieille et moi. Le malade nous dit de rester. Mais l'abbé Gautier ne le voulut pas. Nous sortîmes; je me tins à la porte qui n'était que de papier et n'avait point de loquet. M-r de Voltaire et l'abbé causèrent un moment, et celui-cy exigea que le pénitent lui donnât une rétractation de sa main, à quoi il consentit.

Je soupçonnai alors que le confesseur était un émissaire du clergé. J'étais au désespoir de la démarche qu'allait faire mon maître; je me frappais la tête contre les murs, mess-rs de Villevieille et Mignot accoururent vers moi et me demandèrent si je devenais fou? Je leur répondis que j'avais le coeur navré de douleur, parce que l'abbé Gautier allait faire signer un écrit à m-r de Voltaire, qui le déshonorerait peut-être.

Il m'appela pour lui donner de quoi écrire; il s'aperçut de mon agitation, m'en demanda la cause avec étonnement; je ne pus lui répondre.

Il écrivit lui-même et signa une déclaration dans laquelle il disait „qu'il voulait mourir dans la religion

catholique où il était né; qu'il demandait pardon à Dieu et à l'Église s'il avait pu les offenser“.

Il donna aussi un billet de six cent livres pour les pauvres de la paroisse de St.-Sulpice, payable après sa mort.

Ensuite l'abbé Gautier nous fit rentrer, et nous dit: „M-r de Voltaire m'a donné là une petite déclaration qui ne signifie pas grand'chose: je vous prie de vouloir bien la signer aussi“, ce que mess-rs Mignot et Villevieille firent sur-le-champ. Il vint à moi pour exiger la même chose; je le refusai. Il insista beaucoup. M-r de Voltaire regardait avec surprise la vivacité avec laquelle je parlais à l'abbé Gautier, auquel je répondis enfin, lassé de sa persécution, que je ne pouvais ni ne voulais signer, attendu que j'étais protestant. Et il me laissa tranquille.

Il proposa ensuite au malade de lui donner la communion. Celui-cy répondit: „Monsieur l'abbé, faites attention que je crache encore du sang; il faut bien se donner de garde de mêler celui de Dieu avec le mien“. Le confesseur n'osa répliquer; on le pria de se retirer, et il sortit.

Il est étonnant avec quelle espèce de lâcheté la plupart des prétendus philosophes, et de prétendus amis de m-r de Voltaire approuvèrent sa démarche et sa déclaration, sans même en savoir le contenu; lesquelles n'ont servi cependant à rien, comme on l'a vu à sa mort.

Le 28 février, étant seuls, je priai mon cher maître de vouloir bien me dire quelle était exactement sa façon de penser dans un moment où il me disait qu'il croyait mourir. Il me donna la déclaration suivante écrite et signée de lui:

„Je meurs en adorant Dieu, en aimant mes amis, en ne haïssant pas mes ennemis, et en détestant la superstition“.

signé: „Voltaire“.

Mad. Denis et les prétendus amis de m-r de Voltaire le persécutaient pour l'engager de se fixer à Paris. Il y avait une grande répugnance. Et comme il était très-mal logé chez m-r de Villette, où il lui fallait de la lumière à midy pour lire, on cherchait pour lui une maison à la campagne, sans pouvoir réussir. On en trouva une contiguë à l'hôtel Villette; mad. Denis donna sa parole, et une heure après son oncle lui ordonna de la retirer, parce qu'il voulait s'en aller à Ferney.

Elle était si désespérée de cette résolution, si enchantée de Paris où la gloire de ce grand homme rejaillissait sur elle; elle redoutait si fort de retourner à Ferney, qu'elle avait en horreur (m-r de Voltaire n'y voyant presque personne), que l'on remarquait sur son visage les divers mouvements de son âme, au point qu'elle était gaie quand on venait lui dire que son oncle n'était pas bien, et que la tristesse s'emparait d'elle lorsqu'il paraissait se porter mieux. Elle s'écria même une fois avec la plus grande douleur: „Est-il possible! Il va s'en retourner à Ferney, et je serai forcée encore de le suivre!“ Cela était si fort que ses domestiques s'en apercevaient ainsi que moi à chaque instant. Elle me détestait parce que m-r de Voltaire ayant pour moi de l'amitié et de la confiance, elle se doutait avec raison, il est vrai, que je fortifiais par mes conseils l'envie qu'il avait de repartir pour Ferney.

Quand on voulut donner la quatrième représentation d'Irène, il fit demander la pièce au souffleur, et

les rôles aux comédiens, afin que j'y portasse quelques corrections. Il fut bien surpris de voir que l'on avait corrigé son ouvrage à son insçu. Il fit avouer à sa nièce qu'elle y avait consenti. Il entra dans une si grande fureur contre elle et contre les correcteurs, que jamais, depuis vingt quatre ans, je ne l'avais vu dans un état si violent. Il donna un coup de poing sur l'épaule de mad.-Denis, qui la fit tomber sur un fauteuil, et dans les bras de celui qu'elle a épousé depuis. Lorsqu'on l'avait entendu venir dans le salon, on en fit promptement sortir m-r le comte d'Argental à qui il fesait les plus sanglants reproches. Personne ne voulait lui nommer les auteurs des vers ridicules que l'on avait mis à la place des siens *).

M-r d'Argental, qui l'écoutait d'une chambre voisine, rentra pour tâcher de se disculper, mais m-r de Voltaire le traita très-durement devant tout le monde; lui redemanda le Droit du Seigneur Corrigé, Agathocle, et les autres papiers qu'il lui avait confiés; força mad. Denis comme complice d'aller elle-même les chercher sur-le-champ chez m-r d'Argental, où elle fut obligée de se rendre à pied par la pluie. Tout cela ne servit pas à lui redonner de l'amitié pour son oncle.

Cette effervescence dura douze heures. Il avait encore son hémorragie. Je tremblais à chaque instant de le voir tomber mort, ce qui serait peut-être arrivé à un jeune homme qui se serait mis dans un pareil état;

*) C'étaient messieurs Thibouville, d'Argental, Laharpe, Villette, mad. Denis, etc. Il est bon de remarquer que toutes les pièces de théâtre que m-r de Voltaire envoyait à Paris, étaient toujours horriblement mutilées par ceux en qui il se confiait. On pourra en voir quelque chose dans sa correspondance avec m-r d'Argental, si tout est imprimé fidèlement.

cependant il ne s'en ressentit point, et son crachement de sang cessa quelques jours après. Je lui dis le lendemain devant m-r d'Alembert, que puisque cette aventure ne l'avait pas tué, il faudrait, quand on voudrait qu'il mourût, l'assommer avec une massue.

Pendant cette querelle dans le salon, il dit: „Pardieu, on me traite ici comme on n'oserait pas traiter le fils de Barthe“ *). Il ignorait que m-r Barthe fût en ce moment dans un coin de la chambre. Sitôt que m-r de Voltaire en fut sorti, celui-là se mit à faire un tapage du diable; il voulait absolument avoir raison de la prétendue insulte qu'on venait, disait-il, de lui faire; il se faisait tenir à quatre, on ne pouvait le calmer. Je croyais à chaque instant qu'il faudrait que m-r de Voltaire se battît avec lui. On alla en rendre compte au malade, qui fut très étonné d'apprendre que m-r Barthe l'eût entendu. Il lui fit dire qu'il n'avait prétendu insulter ni son fils, ni lui, ni ses vers, pour lesquels il avait tout le respect qu'ils méritaient. Il vint l'en assurer lui-même, et ajouta: „Si on avait corrigé aussi ridiculement des vers de votre fils que les miens, l'auriez vous souffert? Voilà ce que j'ai voulu dire“.

Tout fut terminé; on rit beaucoup, la scène avait été très-plaisante.

L'hémorragie étant arrêtée, le curé de St-Sulpice fut enfin introduit auprès de m-r de Voltaire. „Il parut être au désespoir de ce que l'abbé Gautier avait fait“, dit-il, „à son insçu“. Il ne fut question d'ailleurs que de politesses de part et d'autre.

Le malade étant enfin bien rétabli, nous allâmes à l'Académie Française, en attendant l'heure de la Comé-

*) C'est l'auteur de la comédie de l'Egoïste.

die. On lui fit croire que la reine y viendrait, mais elle alla à l'Opéra. Tout le monde a su par les relations, comment ce jour du triomphe de ce grand homme se passa. Jamais empressement ne fut plus grand. Nous pensâmes être étouffés au Louvre et à la Comédie, malgré les gardes qui nous ouvraient le passage, ainsi qu'à la sortie: on voulait au moins toucher ses habits; on montait sur son carrosse; une personne sauta par-dessus les autres jusqu'à la portière, priant m-r de Voltaire de permettre qu'il lui baisât la main, prit celle de mad. de Villette, et dit après l'avoir baisée: „Par ma foi, voilà une main encore bien potelée pour être celle d'un homme de quatre vingt quatre ans“.

Mgr le comte d'Artois envoya le prince de Thénin dans la loge de m-r de Voltaire lui faire des compliments de sa part. C'est la seule nouvelle qu'il ait eue de la cour, excepté de m-r le duc d'Orléans, au spectacle duquel nous fûmes invités deux fois.

Certainement jamais un homme de lettres n'a eu un moment plus brillant; aussi il disait: „On veut m'étouffer sous des roses“.

Cependant, je remarquai que tout cela n'avait pas fait sur lui toute l'impression qu'on aurait dû en attendre. Au contraire, lorsque je lui en parlais et lui témoignais ma surprise, il me répondait: „Ah, mon ami! Vous ne connaissez par les Français; ils en ont fait autant pour Jean-Jacques Rousseau; plusieurs même ont donné un écu à des crocheteurs pour monter sur leurs épaules afin de le voir passer, et on l'a décreté ensuite“. Aussi, quand nous allions nous promener, et lorsqu'il voyait les Parisiens courir après son carrosse, il se mettait de très-mauvaise humeur, et ordonnait au cocher de nous ramener à l'hôtel.

Le triomphe de m-r de Voltaire et tous ces applaudissements déplurent, nous dit-on, un peu à Versailles.

Cet empressement des Parisiens, ces honneurs dont on l'accablait, servirent de nouveau prétexte à mad. Denis, à tous les prétendus amis de ce grand homme, à la plupart des philosophes et gens de lettres, pour redoubler leurs efforts afin de l'engager à rester à Paris, d'abandonner Ferney où il avait la plus grande envie de retourner *), en l'assurant qu'il n'y trouverait que de l'ingratitude **), et dont on cherchait à le dégoûter. Ils se succédaient les uns les autres. Il paraissait ébranlé des moments, et l'on était au comble de la joie. Une couple d'heures après il persistait à vouloir partir: alors toute la cabale se réunissait et tenait continuellement des conseils pour trouver des moyens de le retenir. J'étais seul contre tous. On dit que c'était moi qui le portais à s'en retourner dans sa tranquille retraite, et l'on résolut à quelque prix que ce fût de me séparer de ce vieillard respectable qui m'avait élevé et servi de père, et à qui j'étais attaché depuis plus de vingt quatre ans.

*) Une preuve de cette envie est le billet qu'il écrivit de sa main à ma femme le 26 mars, conçu en ces termes: Ma chère mad. Wagnière, votre lettre m'a touché sensiblement. Je vous remercie de tous vos soins. J'ai eu deux maladies mortelles à quatre vingt quatre ans, et j'espère vous revoir à Pâques: je vous embrasse de tout mon coeur vous et Mimi“.

**) Son cocher, que j'avais fait venir pour nous reconduire, avait amené un très-beau chien que j'avais, que mon maître aimait beaucoup et qu'il appelait Fréron. Ce chien fit des caresses étonnantes à m-r de Voltaire. Il le fit monter chez mad. de Villette, et dit: „Vous voyez bien cependant que l'on me reconnaît à Ferney, et que j'y suis aimé“. Les larmes lui coulaient des yeux. Dès l'instant on défendit de laisser rentrer ce chien à l'hôtel.

M-r Tronchin seul avait eu l'amitié courageuse de lui parler avec vérité. Il dit ces propres mots à m-r de Voltaire:

„Je donnerais tout à l'heure cent louis que vous fussiez à Ferney: vous avez trop d'esprit pour ne point sentir qu'on ne transplante pas un arbre de quatre vingt quatre ans, à moins qu'on ne veuille le faire périr; partez dans huit jours: j'ai une excellente dormeuse toute prête”. — „Suis-je en état de partir?” — „Oui, j'en réponds sur ma tête”, reprit m-r Tronchin. M-r de Voltaire lui prit la main, se mit à fondre en larmes, et lui dit: „Mon ami, vous me rendez la vie”. Il était si attendri que son cuisinier, qui était présent, fut obligé ainsi que moi de sortir pour pleurer.

Il envoya visiter la dormeuse et m'ordonna d'écrire à Ferney pour faire venir sur-le-champ son cocher chercher son propre carrosse.

Mad. Denis ayant appris cette conversation de m-r Tronchin, l'en gronda beaucoup, et ne lui a point pardonné.

Plus ce vicillard montrait d'envie de s'en aller, plus on redoublait d'efforts pour le retenir. Il répondait qu'il reviendrait. On lui disait qu'il n'avait qu'à m'envoyer à Ferney, que je connaissais ses affaires aussi bien que lui. „Oui”, dit-il, „je sais que Wagnière est un honnête homme; il est ma consolation, et je le regarde comme mon frère, mais il faut que je m'en retourne”. — „Pourquoi cela, mon oncle?” — „Parce que j'adore la campagne, qu'elle me fait vivre; restez ici à vous amuser, vous qui la détestez”. — „Qui vous a dit cela, mon oncle?” — „Mon expérience”, reprit-il avec une espèce de fureur. Elle consentit à rester, et sortit désespérée.

Cependant, réfléchissant qu'il n'aurait pas été honnête à elle d'abandonner ainsi pour son plaisir ce grand homme à qui elle devait tout; qu'elle serait sans doute obligée bientôt de l'aller joindre, ses amis et elle lui proposèrent encore de lui procurer à la campagne une maison dans les environs de Paris, ou dans Paris même, plus agréable que son appartement. On lui en indiqua plusieurs, et enfin une très-jolie dans la rue de Richelieu, où il n'y avait encore que les murs avec un superbe escalier. Elle lui plut. Il voulait la faire finir pour que sa nièce pût l'habiter.

Il se tint plusieurs conférences pour trouver le moyen de me séparer entièrement de mon maître. On convint de me proposer de m'en aller à Ferney, de ne pas revenir, que l'on m'y ferait un sort heureux, et que l'on mettrait auprès de m-r de Voltaire une autre personne à ma place qui ne l'engagerait pas comme moi à partir. J'étais parfaitement instruit de tout ce qui se faisait et de tout ce qu'on disait.

Mad. Denis m'ayant demandé dans sa chambre, elle me fit la proposition dont je viens de parler. Je lui répondis: „Vous savez, madame, combien je suis tendrement attaché à m-r de Voltaire, que je le regarde comme mon père. J'ose croire que vous l'aimez aussi; jugez donc par votre propre amitié combien il en coûterait à mon cœur de me séparer d'un homme que j'adore; je ne le ferai pas, cela m'est impossible; et si on veut m'y forcer, je descends dans ma chambre me brûler la cervelle. Mais si mon maître a besoin que j'aille faire une course à Ferney pour ses papiers, je pars dans deux heures pour revenir sur-le-champ, et je vous déclare nettement que je ne me séparerai point de lui. Réglez-vous là-dessus“. Et je sortis.

Voilà une des grandes marques d'amitié qu'on a données à ce grand homme. Est-il besoin d'autres preuves du peu d'intérêt qu'on prenait à lui?

Mais hélas! ses derniers moments nous en ont fourni de plus cruelles encore.

Je suis bien loin de croire avoir plus de mérite qu'un autre; au contraire. Mais j'étais, par l'habitude réciproque, devenu nécessaire à ce vieillard, ainsi que par la connaissance que j'avais de ses affaires, de sa manière de vivre; par la confiance dont il daignait m'honorer, par les épanchements qu'il me faisait de son coeur, et par mon tendre attachement à sa personne.

Après notre conversation, mad. Denis parut un peu plus tranquille. Elle dit à son oncle que je consentirais d'aller à Ferney. Elle lui proposa un jeune homme à ma place, qu'elle protégeait et sur lequel elle pouvait compter; il le refusa, et m-r d'Argental se chargea d'en procurer un autre. Elle espérait que si une fois j'étais parti, on trouverait bien le moyen de m'empêcher de revenir.

M-r de Voltaire donna sa parole à m-r de Villarceau pour sa maison, et convint de l'acheter pour sa vie et celle de mad. Denis.

Malgré cela, il prit encore la résolution de vouloir venir passer, disait-il, seulement deux mois à Ferney *). Il avait même fixé le jour. Alors, pour dernière ressource, m-r de Thibouville **) écrivit à mad. Denis un billet, dans lequel il lui disait que tous les amis de

*) M-r le prince de Condé lui avait donné rendez-vous à Dijon à la tenue des états, et lui avait fait préparer un logement.

**) C'est le même qui a volé et vendu à cinquante louis d'or un des exemplaires manuscrits de la tragédie d'Irène.

son oncle croyaient devoir, par amitié pour lui, l'avertir que s'il s'en retournait à Ferney on allait lui faire défense expresse d'en sortir, et de revenir jamais à Paris; qu'ils espéraient qu'entfin m-r de Voltaire se rendrait à cette raison, puisqu'il avait rejeté toutes les autres; que m-r le duc de Praslin viendrait en conférer le soir avec elle, afin de tâcher d'arranger le tout comme l'on conviendrait.

Je l'ai tenu ce billet infernal*), rempli du plus horrible mensonge; je le regarde, et je l'appelle l'arrêt de mort de mon maître. C'était à Paris où les prêtres se préparaient à le persécuter, puisque même ils prêchaient déjà avec véhémence contre lui en chaire.

Quelques jours avant, je témoignais à m-r d'Alembert combien il était nécessaire que m-r de Voltaire, pour sa santé et sa tranquillité, retournât à Ferney; il me répondit: „Il ne s'en ira pas, je vous le promets. Pàrdieu, il n'est pas encore au bout“. M-r De-la Lande me répondit aussi qu'on l'empêcherait bien de partir. M-r d'Alembert fit élire m-r de Voltaire directeur de l'Académie Française, ce qui l'obligeait de rester au moins trois mois à Paris.

M-r De la Lande vint avec tous les francs-maçons^{*} prier m-r de Voltaire de se faire recevoir dans leur société, ils lui firent signer son nom sur leur registre, fixèrent le jour pour sa réception. Je refusai, quoique franc-maçon moi-même, de l'accompagner: tant j'étais étonné et révolté des singulières et petites démarches que l'on faisait, qui toutes tendaient au même but de le retenir à Paris. Celle-cy attira du ridicule sur ce vieillard.

*) Je le trouvai dans les cendres de la cheminée à mad. Denis.

On eut enfin la cruauté de faire part à m-r de Voltaire de ce qu'avait mandé m-r de Thibouville. Il en fut singulièrement frappé et étonné. Il dit: „C'est l'effet que sur moi fit toujours la menace“. Et dès ce moment il résolut de ne plus quitter Paris.

Pendant les dix jours qui suivirent, je le voyais sombre, inquiet: il me faisait continuellement des caresses à propos de rien: me disait: „Mon ami, vous êtes ma consolation: que ferais-je sans vous?“ Et à chaque instant il paraissait vouloir me faire part de l'état de son âme.

On me demandait tous les jours si mon maître ne m'avait point dit d'aller à Ferney; il ne m'en parlait pas, et cela donnait de l'inquiétude. Je voyais avec la plus grande douleur la situation contrainte de mon cher maître, qui avait envie de m'ouvrir son coeur et qui semblait redouter ce moment.

Le 24 avril, m-r d'Argental lui envoya un homme qu'il lui présentait pendant mon absence. Cet homme vint me l'apprendre. Alors j'allai vers monsieur de Voltaire, lui demandai s'il était vrai qu'il m'envoyât à Ferney, et qu'il prenait cette personne à ma place? Il se leva avec impétuosité de son fauteuil, me sauta au cou, criant de toute sa force: „Ah! mon ami! mon ami! écoutez-moi, je vous prie, écoutez-moi!“ Il me serra dans ses bras, et nous fondions en larmes. Ensuite il me dit: „Je ne puis m'en retourner à présent à Ferney. Je vous supplie en grâce d'aller y faire un petit tour“. Je lui dis que j'étais prêt à exécuter tout ce qui pourrait lui faire plaisir. Il me répliqua: Vous m'avez empêché de dormir bien des nuits, parce que je craignais que vous ne m'aimassiez point assez pour vouloir quitter votre femme et vos enfans, et venir rejoindre votre

pauvre malheureux maître“. Je le rassurai sur ses craintes.

Alors il me donna tous ses ordres par écrit et une procuration pour ranger ses affaires. fit arrêter ma place à la diligence de Lyon, où je devais passer pour lui envoyer de l'argent.

Le 27, étant seuls, il se tourna tristement vers moi, me tendit les bras, en me disant: „Mon ami, c'est donc après-demain que nous nous séparons, cela ne nous est pas arrivé depuis vingt quatre ans: je compte sur votre amitié et sur votre prompt retour“. Il pleurait comme un enfant, et j'étais pénétré.

Le lendemain, à cinq heures du soir, il alla avec mad. Denis chez son notaire signer le contract d'acquit de sa maison; il ne resta qu'une demi-heure et y laissa sa nièce. En descendant de son carrosse il se jeta sur moi comme un homme désespéré, et qui a le pressentiment d'un grand malheur; il me dit: „Ah, mon ami, je viens d'acheter une maison et je n'ai acquis que mon tombeau“.

Étant monté dans sa chambre, il se jeta sur un fauteuil, paraissant accablé d'une sombre douleur; il me dit qu'il voulait m'accompagner et me conduire lui-même à minuit jusqu'à la diligence. Je le refusai. Il s'assoupit; je sortis pour finir mon paquet; il se mit dans son lit tout seul et s'endormit jusqu'à dix heures et demie qu'il sonna. Me croyant couché, il dit à son cuisinier de venir de sa part me faire des compliments, me souhaiter un bon voyage et un prompt retour.

J'entrai dans cet instant et me jetai dans ses bras. Il me tint longtemps serré sans que nous pussions proférer une parole et fondant en larmes tous deux. Je lui dis enfin; „Puissé-je, mon cher maître, vous revoir

bientôt en bonne santé!“—„Hélas! mon ami“, reprit-il. „Je souhaite de vivre pour te revoir et de mourir dans tes bras“. Je m'arrachai alors des siens et me sauvai.

Telles sont les dernières paroles que j'ai entendu prononcer à ce grand homme, à cet être extraordinaire et bon, à mon cher maître, mon père, mon ami, qu'un destin fatal n'a pas permis que je revisse, et que je pleure chaque jour.

J'avais prié en partant une personne de la maison de me donner souvent des nouvelles de la santé de m-r de Voltaire, et j'appris à Lyon que le jour de mon départ il fut très-sombre et n'avait voulu voir personne.

Je lui fis tenir de Lyon quatre vingt mille francs par son banquier m-r Shérer, et vingt mille par m-rs Lavergne. J'adressai au premier seize cent louis d'or que je trouvai à Ferney.

Une couple de jours après mon départ, il alla à l'Académie des Sciences, où il fut reçu comme par tout ailleurs.

L'idée lui était venue d'engager l'Académie Française à refaire son dictionnaire. Il eut beaucoup de peine à faire passer son avis; il s'anima très-fort, ce qui parut un peu déplaire à ses confrères, mais principalement cette supériorité qu'il semblait être en droit de prétendre sur eux. Il prit en cinq fois, pendant cette séance, deux tasses et demie de café. On a induit en erreur sa majesté le roi de Prusse (et j'ai eu l'honneur de le lui dire) qui, dans l'éloge qu'il a fait de ce grand homme, prétend qu'ayant pris de suite cinquante tasses de café, cela lui avait allumé le sang et causé la mort. C'est sa nouvelle façon de vivre, s'est son séjour à Paris, c'est le chagrin intérieur qu'il éprouvait qui lui ont mis le sang en effervescence, ainsi qu'on

le voit dans le peu de lettres qu'il m'a écrites les premiers jours après mon départ.

Il avait promis de retourner deux jours après à l'Académie, mais il ne le put. Se promenant l'après-dîner, il rencontra mad. Denis et madame la marquise de St.-Julien la Tour Dupin, femme de beaucoup d'esprit, très-aimable, et qui lui était singulièrement attachée. Il leur dit que se sentant tout malingre, il allait se coucher. Deux heures après mad. de St.-Julien alla le voir, et trouva qu'il avait de la fièvre. Elle dit à mad. Denis qu'il faudrait envoyer chercher m-r Trouchin; celle-cy répondit que cela n'était rien, que le malade était accoutumé à se plaindre.

Mad. de St.-Julien, inquiète, revint encore vers les dix heures et voyant que la fièvre avait augmenté, elle témoigna son étonnement du peu de soin que l'on avait du malade; même réponse.

On envoya chercher un apothicaire chimiste, qui vint avec une liqueur. On proposa au malade d'en prendre; il se récria beaucoup, dit qu'il n'avait jamais fait usage de liqueur spiritueuse, et qu'il prendrait encore moins dans l'état où il se trouvait une drogue de chimie. Mad. de St.-Julien s'y opposa fortement. Cependant, à force d'instances, on engagea ce pauvre malheureux d'en avaler, l'assurant qu'il serait guéri le lendemain. Mad. de St.-Julien eut la curiosité de goûter de cette liqueur: elle m'a juré qu'elle était si violente qu'elle lui brûlait la langue, et qu'elle n'en put souper. C'est d'elle-même que je tiens tout ceci.

Le malade étant après cela dans une agitation terrible, écrivit à m-r le maréchal de Richelieu, et le pria de lui envoyer de son opium préparé. Mad. de St.-Julien et un parent de m-r de Voltaire insistèrent long-

temps auprès de mad. Denis pour qu'elle ne permît pas qu'il prit encore de l'opium, que ce serait certainement un poison pour lui; ils ne l'obtinrent point. Au contraire, m-r de Villette dit que le malade pourrait tout au plus être fou une couple de jours, que cela lui était arrivé.

On a prétendu qu'après lui avoir fait avaler une bonne dose de cet opium, la bouteille fut cassée, et le reste répandu; je n'ai jamais pu tirer au clair ce dernier fait: je sais seulement qu'ils se réunirent tous pour assurer au malade qu'il l'avait bue entièrement. M-r de Villette dit avoir vu m-r de Voltaire seul dans sa chambre, achever de la toute vider; mad. de St.-Julien lui répliqua alors qu'il était un grand misérable de n'être pas sauté sur lui pour l'en empêcher.

Quoique l'opium eût affecté le cerveau du malade, il écrivit lui-même une ordonnance, et envoya chercher des drogues chez cet apothicaire, quatre fois consécutivement dans une nuit*). On sent combien il peut être dangereux d'abandonner à lui-même un malade dans cet état, et combien il est facile de mettre une lettre, un mot pour un autre dans une pareille ordonnance, ce qui peut changer entièrement le nom et le genre des médicaments. Certainement, on doit avoir des reproches à se faire sur cet article au moins. L'apothicaire lui-même n'est pas excusable. Pourquoi n'avoir point fait tenir continuellement auprès du malade (comme je fis pendant son hémorragie) un médecin ou un chirurgien, qui l'aurait empêché de prendre ainsi des remèdes qu'on voyait faire un effet tout contraire à celui que le patient désirait? Mais....

*) L'apothicaire refusa enfin la 5-ème prise, mais il n'était plus temps.
Архивъ Князя Воронцова XXVI.

Il n'y eut plus alors de ressource. Ce qu'on lui avait fait prendre porta à la vessie, occasionna une rétention d'urine et ensuite la gangrène. Le malade souffrait des douleurs inouïes. Les bains, les remèdes rafraîchissants que lui ordonna m-r Tronchin quand on l'eut appelé, ne pouvaient le soulager; tout fut inutile, le mal était devenu incurable. Il a été ainsi pendant vingt jours.

M-r de Voltaire alors sentit toute l'horreur de son état, comme il avait été trompé *), combien il avait eu tort de quitter sa douce retraite. Il ne voulut plus rien prendre et fit sortir tout le monde avec de vifs reproches.

Dès que sa maladie parut sérieuse il recommanda que l'on m'écrivît de revenir sans délai. Au lieu de cela, on fit au contraire les défenses les plus expresses de me donner avis de l'état où se trouvait mon maître **). Il ne cessait de me demander, et on l'assurait que je ne tarderais pas d'arriver. Il m'écrivit en présence de m-r Tronchin, mais on retint la lettre. Je l'ai appris de m-r Tronchin lui-même, quand à mon retour à Paris il me fit les plus grands reproches de n'être pas venu sur-le-champ auprès de mon maître; mais il fut bien surpris d'apprendre que ma lettre avait été interceptée.

*) Voyez les lettres qu'il m'a écrites; il me dit dans une ces propres mots: „Ah! qu'on m'a trompé!“

**) Je reçus trois lettres non signées et d'une écriture inconnue, dans lesquelles on me le mandait; on me suppliait de les jeter au feu, afin que ceux qui les écrivaient ne pussent pas être compromis. J'ai eu cette délicatesse, après cependant les avoir faites lire à leur réception à plus de vingt personnes. J'étais dans un état horrible, et loin d'avoir terminé les affaires pour lesquelles on m'avait envoyé, je n'osais les abandonner (ne recevant aucune nouvelle, ni aucun ordre) pour courir au secours de mon maître.

M-r Autran, agent de change à Paris, manda à m-r de Voltaire qu'il avait ordre de m-r Shérer de Lyon, de lui compter quatre vingt mille livres. Il lui écrivit qu'étant malade il le priait de lui apporter cet argent; il donna le billet à son cuisinier; mad. Denis le lui prit, et lui dit de répondre qu'il n'avait point trouvé m-r Autran, à qui le malade écrivit encore plusieurs autres billets qui ne purent parvenir, et il est mort dans l'idée que cette somme avait été volée.

Il écrivit aussi plusieurs fois son notaire m-r du Tertre pour le prier de venir auprès de lui. Celui-cy ne reçut aucun des billets. Il supplia alors un soir mad. de St.-Julien d'aller elle-même le chercher; elle en fit part à mad. Denis qui lui répondit que m-r de Voltaire étant fou, elle ne devait point le faire. Le malade lui réitéra sa prière; elle le dit encore à mad. Denis qui fit la même réponse. Lorsque mad. de St. Julien rentra auprès de lui, voyant qu'elle n'amenait pas m-r du Tertre, il s'écria avec désespoir: „Ah grand Dieu! vous êtes donc, madame, comme tout le monde, vous me trahissez aussi“!

Il demandait en grâce son cocher pour sortir de cette maison; on empêcha cet homme, qui pleurait au pied du lit, de se montrer à son maître; on voulut même le renvoyer à Ferney *).

*) M-r Racle, ingénieur établi à Ferney, ami de mon maître, qui se trouvait à Paris dans ce temps, ayant après plusieurs tentatives inutiles malgré ses prières, trouvé le moyen de s'introduire secrètement auprès de m-r de Voltaire, le trouva seul dans sa chambre, sortant du bain, mourant de froid. Il lui fit de grandes lamentations sur le peu de soin que l'on prenait de lui, et combien il était à plaindre de ce que j'étais absent; qu'il craignait que je ne fusse tombé malade aussi, ajoutant: „Ah! s'il avait été icy, je ne serais pas dans le triste état où vous me voyez“

Voilà une petite partie des consolations que monsieur de Voltaire a eues les derniers jours de sa vie.

La nuit du 24 au 25 may, à trois heures du matin, voyant que je n'arrivais pas, il dit au domestique de mad. Denis, qui le veillait, de m'écrire sous sa dictée une petite lettre, avec prière de tâcher de me la faire parvenir. Ce garçon le fit en cachette, en me suppliant „de ne pas le dire, qu'il serait perdu“. J'ai encore sa lettre.

Le même jour, quand on vit que le malade était sans ressource, mad. Denis m'écrivit enfin, ainsi que son neveu m-r d'Hornoy (voyez ces lettres-cy après). Je reçus ces lettres le 28 à midy, je pris la poste sur-le-champ, passai par Lyon, et j'arrivai à Paris le 1-r juin, à 8 heures du matin.

Dès le 26, on avait ordonné de préparer le carrosse de mon maître pour le mener enterrer.

Deux jours avant sa mort, m-r l'abbé Mignot alla chercher m-r le curé de St.-Sulpice avec l'abbé Gautier, et les conduisit dans la chambre du malade, à qui on dit que l'abbé Gautier était là.—„Eh bien“, dit-il, „qu'on lui fasse mes compliments et mes remerciements“. L'abbé lui dit quelques mots et l'exhorta à la patience.

Le curé de St.-Sulpice s'avança ensuite et demanda à m-r de Voltaire, en élevant la voix: „s'il reconnaissait la divinité de notre Seigneur Jésus Christ?“ Le malade alors porta une de ses mains sur la calotte du curé en le repoussant et la lui couvrit de merde. Se

Je craindrais d'être accusé d'imposture si je racontais en détail l'abandon affreux et l'état misérable où s'est trouvé m-r de Voltaire les vingt derniers jours de sa vie; le coeur saigne de douleur et d'horreur.

retournant ensuite avec un geste violent, il répondit: „Laissez-moi mourir en paix“. Le curé se fit laver et partit avec l'abbé. M-r de Voltaire s'écria: „Je suis donc un homme mort!“ *).

Le 30 may 1778, à onze heures et un quart du soir, ce grand homme expira avec la plus grande tranquillité, après avoir souffert les douleurs les plus cruelles, suite du poison que son imprudence, et surtout celle de ceux qui l'entouraient, lui firent prendre. Dix minutes avant de rendre le dernier soupir, il prit la main du nommé Morand, la lui serra, et lui dit: „Adieu, mon cher Morand; je me meurs!“ Voilà les dernières paroles qu'a prononcées m-r de Voltaire.

Sa famille, voyant qu'on lui refuserait la sépulture dans Paris, obtint de m-r Amelot la permission de transporter le corps pour être enterré à Ferney ou ailleurs. Elle fit viser la déclaration donnée à l'abbé Gautier, et le curé de St.-Sulpice accorda celle d'emmener le cadavre.

Comme on devait naturellement présumer qu'on le conduirait à Ferney, l'archevêque de Paris écrivit consécutivement trois lettres à l'évêque d'Annecy, pour qu'il défendît au curé de Ferney d'enterrer et de faire aucun service pour le défunt.

*) Dans le temps qu'il était à Ferney, il m'avait toujours dit, si lorsque je serai malade il se présente quelque prêtre, je vous prie de le chasser. Et même pour éviter ces cérémonies qui ne servent qu'à effrayer l'imagination des malades, et souvent à les faire mourir, j'avais par son ordre loué, sous mon nom, une maison en Suisse, à quatre lieues de Ferney, où il voulait se faire conduire pour y finir ses jours tranquillement dès qu'il se serait senti malade. Il m'avait aussi chargé expressément de le faire ensuite transporter de là à Ferney et l'enterrer dans sa chambre des bains, quoiqu'il se fût autrefois fait construire une espèce de tombeau adossé à l'église de Ferney.

On embauma le corps. Les chirurgiens qui firent cette opération, m'ont assuré n'avoir jamais vu un homme si bien constitué; aussi a-t-il lutté trois semaines. Les apothicaires, les chirurgiens se sont partagés sa cervelle, qu'il avait extrêmement grande. M-r de Villette obtint facilement de mad. Denis le coeur de ce grand homme.

On porta en cachette le cadavre habillé dans sa voiture, préparée déjà pour cela. Son neveu m-r Mignot, son petit-neveu m-r d'Hornoy, avec messieurs Marchand et de la Houllière, aussi parents, l'accompagnèrent jusqu'à l'abbaye de Scellières, à sept lieues de Troyes en Champagne, dont m-r Mignot est abbé.

On mit le corps mort dans des planches de sapin (on n'a pas sans doute jugé qu'il fût digne d'avoir un cercueil de plomb *). Il fut inhumé dans l'église; et quelques heures après le prieur reçut de l'évêque de Troyes défense d'enterrer m-r de Voltaire, mais la chose étant faite ce prieur fut destitué.

Grand Dieu! Monsieur de Voltaire! Toi être enterré dans une église de moines! Toi faire dans vingt siècles la réputation d'une abbaye où tes mânes reposent! Toi, homme extraordinaire qui devais être inhumé extraordinairement! Toi qui m'avais recommandé cent fois de te faire enterrer à Ferney dans ta chambre des bains, au milieu de la colonie fondée par ta bienfaisance, que tes cendres auraient seules soutenue! O mon cher maître! Reçois l'expression de mes regrets; tu es enterré dans le fond de mon coeur, tes mânes connaî-

*) Quand on proposa à mad. Denis de faire faire un cercueil de plomb à son oncle, elle répondit. „A quoi bon! Cela coûterait beaucoup d'argent“

tront ma douleur, car tu es immortel dans tous les sens. Si ceux qui devaient être touchés de ta perte t'ont sitôt oublié, ton petit serviteur au moins t'offre son hommage tous les jours par ses larmes; il l'ose joindre à celui qu'a daigné te rendre la plus grande Souveraine du monde, et qui par là ajoute encore ce genre de gloire à tous ceux dont elle s'est couverte. Que ton coeur qui l'a véritablement aimée et admirée, serait attendri en voyant tout ce qu'elle seule a fait pour ta mémoire de digne d'elle et de toi! J'ai été témoin de l'émotion que lui fit éprouver la vue de ton buste, et de l'hommage attendrissant qu'elle lui rendit.

Copie des lettres que mad. Denis m'écrivit.

25 may 1778, Paris.

Mon cher Wagnière, je suis dans une inquiétude mortelle. Mon oncle est tombé malade depuis que vous êtes parti, de sa strangurie. Elle a toujours augmenté, et la fièvre s'y est jointe. „Tous les accidents sont cessés *); mais il est d'une faiblesse si grande qu'elle nous effraye, et elle cause la même inquiétude à m-r Tronchin.

Vous savez, mon cher ami, que je n'ai de confiance qu'en vous. Revenez, votre maître a besoin de vous: j'en ai besoin moi-même, apportez tous les papiers que vous pourrez, emballez les livres. Il vous demande avec impatience.... (icy des ordres particuliers indifférents).

*) Cependant vous aviez le matin donné les ordres de préparer le carrosse pour le mener enterrer. Il est bon, comme on voit, d'avoir de la prévoyance.

Je vais mander à m-r Christin d'aller vous trouver, et vous raisonnerez ensemble. Excepté m-r Christin je vous supplie de dire à mad. Wagnière de ne confier les clefs du château qu'à lui.

J'espère, mon cher ami, qu'à votre retour vous trouverez votre maître „en meilleur état“ *). Nous faisons de notre mieux pour le fortifier. J'ai grand besoin de vous, car mon cœur emporte ma tête. Apportez tous les papiers d'affaires que vous pourrez; „c'est l'essentiel“ **) et venez au plus vite. Vous connaissez mon amitié pour vous, elle est inaltérable. (Tarare).

Signé: Denis.

Le 26 may.

Mon cher Wagnière, mon oncle va beaucoup mieux ***) depuis hier, et j'espère que nous le conserverons; mais c'est à cause de cela même qu'il faut que vous reveniez le plus vite possible (icy des ordres particuliers indifférents). J'écris à Christin „que mon oncle va mieux“, et j'espère que nous le conserverons encore longtemps.

Notre maison avance, elle sera prête au plus tard vers le 10 juin, mais nous ne pourrons peut-être y aller qu'à la fin du mois.

Mad. Cramer Bellon a trois volumes à moi de chansons de m-r de la Borde; je vous supplie de vouloir bien les lui demander et les apporter ****).

*) Vous vous êtes sûrement trompée, vous vouliez dire mort.

**) Oh, pour cela j'en suis bien persuadé.

***)) Voyez les lettres suivantes

****) Oh! je le crois.

Adieu, mon cher ami, je suis aujourd'hui bien plus contente qu'hier *); comptez sur mon inviolable amitié. Embrassez votre fille et votre femme pour moi, je voudrais bien qu'elles fussent à Paris.

Signé: Denis.

Tout cela est arrivé.

Je prie que l'on compare les deux lettres suivantes de m-r d'Hornoy, petit-neveu de m-r de Voltaire, écrites les mêmes jours que les deux cy-devant, et reçues en même temps; après quoi on fera les réflexions que l'on voudra.

A Paris, ce 25 may 1778.

Mon pauvre oncle, mon cher Wagnière, est dans l'état le plus fâcheux. Mad. Denis a dû vous mander son accident. L'effet de l'opium est passé, mais il a

*) C'était sans doute pour accomplir la prophétie de m-r de Voltaire qui dans une épître au maréchal de Villars disait:

Faites dire à m-r Dupuis que mon oncle „va mieux“

Mais si quelque jour moi chétif
J'allais passer le noir esquil,
Je n'aurais qu'une vile bière.
Deux prêtres s'en i raient gaîment
Porter ma figure légère
Et la loger mesquinement
Dans un recoin du cimetière.
Mes nièces au lieu de prière,
Et mon janséniste de frère
Riraient à mon enterrement.
Et j'aurais l'honneur seulement,
Que quelque muse médisante
M'affublerait pour monument
D'une épitaphe impertinente.

laissé des suites cruelles. L'anéantissement est extrême. Il a un éloignement affreux pour tout ce qui pourrait le soutenir et le réparer; il ne veut point prendre de bouillon *). Tout ce que nous pouvons faire à force d'instances, de supplications, et même de propos faits pour l'effrayer sur son état, est de l'engager à avaler quelques cuillerées de gelée ou de blanc-manger; aussi sa faiblesse augmente, et elle est effrayante. Il vous désire vivement, moi surtout. Il m'a chargé de vous écrire pour vous presser de revenir le joindre. Ne perdez pas de temps. Vous auriez ici un spectacle bien cruel; mais peut-être auriez vous plus de crédit sur lui que nous. Il a assez de tête pour résister obstinément aux instances que nous faisons pour qu'il se nourrisse, et pas assez pour se rendre à la raison. Il est bien douloureux de voir un homme qui avait encore quinze ans à vivre, se tuer par son impatience. Vous partageriez ici, mon cher Wagnière, un spectacle bien déchirant, mais vous consoleriez peut-être les derniers moments d'un homme que vous aimez, qui vous aime beaucoup, et dont je partage bien les sentiments qu'il a pour vous.

D'Hornoy.

Paris, 26 May 1778.

Les nouvelles, mon cher Wagnière, sont toujours plus fâcheuses, et le deviennent tous les jours de plus en plus. La faiblesse augmente de jour en jour. L'impossibilité de faire prendre à mon malheureux oncle de la nourriture s'accroît encore. Ce serait se faire illu-

*) Que n'avait-il fait ainsi toujours!

sion que de conserver de l'espérance *). Il est affreux de lui voir terminer ainsi une carrière aussi brillante dans l'instant où il a le plus joui de sa gloire. Malgré son âge, cette carrière pouvait encore se prolonger; il l'a abrégée par son impatience **). J'adresse cette lettre à votre femme, parce que j'imagine que vous serez parti sur ma précédente. Si vous ne l'êtes pas, partez toujours; ce qui lui reste de tête est pour vous désirer. Il est fort douteux que vous arriviez à temps, mais au moins s'il vit encore, vous adoucirez un peu ses derniers moments. Adieu, mon cher Wagnière; je suis navré; je sais combien vous serez affligés l'un et l'autre; vous perdez un homme qui avait pour vous bien de l'amitié. Si celle que vous trouverez dans sa famille peut être un adoucissement, vous êtes sûr de la trouver ici.

D'Hornoy.

Ayant (comme j'ai déjà dit) reçu ces lettres du 25, que je viens de rapporter, je partis sur-le-champ pour me rendre auprès de m-r de Voltaire à Paris, où j'arrivai le lundy 1-er juin, à 8 heures du matin. Je ne me doutais guères qu'une des voitures que je rencontrai la nuit et qui couraient la poste, contenait le corps de mon maître mort. Personne à la barrière, où j'accusai des papiers et des effets de m-r de Voltaire, ne

*) On l'a un peu aidé, mais ce n'est pas vous; au contraire, je vous dois cette justice.

**) Mad. Denis m'écrivait cependant dans le même moment: „que son oncle allait mieux“, et qu'elle était bien plus contente. Il est vrai que m-r de Voltaire étant mort le samedi soir, elle ne l'avait pas revu depuis le mardy matin qu'il lui fit tant de reproches.

m'apprit cette nouvelle; je ne la sus que par le portier de m-r de Villette.

Toute personne qui a l'âme sensible, et qui a été véritablement attachée à quelqu'un, sentira l'état douloureux où je me trouvais dans ce moment; je tombai évanoui.

Malgré mon accablement, je voyais pour surcroît de peine que le peuple de Paris, dont quelques jours auparavant m-r de Voltaire paraissait être l'idole, ne prononçait pas plus son nom que s'il n'avait jamais existé. On sait que le gouvernement défendit de jouer ses pièces jusqu'à nouvel ordre. On m'avertit même de ne pas dire que j'avais été son secrétaire. Ce qui surtout me surprenait le plus, c'était la lâcheté de la conduite de sa nièce *).

Quand on apprit le contenu du testament du défunt, on en critiqua beaucoup les dispositions. J'ai entendu en France, en Allemagne et en Russie, plusieurs personnes le blâmer sur la somme modique qu'il m'avait accordée. Les papiers publics étrangers en ont parlé aussi d'une manière peu avantageuse pour sa mémoire. Ma reconnaissance exige que je rende ici justice aux intentions de mon maître à mon égard.

J'ose prendre à témoin mad. Denis elle-même, que son oncle craignait que s'il me procurait pendant sa vie une petite fortune, je ne le quittasse. Je n'avais que deux cents francs de gages par an, et ma femme cent; mais nous étions heureux et contents de notre sort pendant la vie de m-r de Voltaire.

*) Après être revenu de mon évanouissement, je courus comme en délire dans la chambre de mad. Denis, où je me roulai en poussant les hauts cris; la troisième question qu'elle me fit alors tranquillement fut: „mon oncle a-t-il laissé beaucoup d'argent comptant?“

Il me faisait toujours part de ses dispositions testamentaires; il voulait qu'à sa mort j'eusse vingt mille écus de ses bienfaits, y compris les huit mille livres portées sur son testament, qu'il me donnerait le surplus en billets de soi à mon ordre. Je les ai obtenus, mais je les lui rendis par délicatesse. Et quand il m'envoya à Lyon cinquante deux mille francs pour être un jour à ma disposition sur mes ordres, mon malheur a voulu que je n'aie pu être, comme il le désirait et malgré les instances, auprès de lui à sa mort, ni qu'il n'ait pu avoir son notaire, et par là il lui a été impossible d'exécuter ses bonnes intentions à mon égard; je ne lui dois cependant pas moins de reconnaissance, et le public devra lui rendre justice, et ne plus lui prodiguer le reproche d'ingratitude.

M-r de Voltaire voulait, par la modicité de la somme énoncée dans son testament, forcer mad. Denis sa nièce, dont il croyait l'âme noble et juste, d'avoir aussi la gloire de contribuer à mon bien-être et à celui de ses domestiques, puisqu'il la laissait son héritière universelle avec cent mille livres de rentes *).

Après avoir mis mad. Denis au fait de tout, je revins à Ferney chargé de sa procuration, y gérer ses affaires: elle me promit cinquante louis par an, et mon logement au château.

Trois mois après la mort de son oncle, nous reçûmes à Ferney la nouvelle que cette terre, qui devait rester perpétuellement dans sa famille, venait d'être

*) Elle hérita de six cent mille francs en argent comptant et en billets, outre des rentes et la terre de Ferney; m-r de Voltaire donnait à ses domestiques une année de leurs gages, et son héritière n'a voulu la payer qu'à une partie, tous les autres en ont été frustrés.

vendue au marquis de Villette pour deux cent trente mille livres. L'indignation y fut extrême, ainsi que dans les environs, surtout quand on apprit qu'elle avait refusé cette terre aux supplications de m-r d'Hornoy son neveu, qui la lui demandait aux mêmes conditions que m-r de Villette *). Cela fit renouveler les propos très peu honorables pour elle.

Je quittai alors la retraite qu'avait formée et habitée si longtemps monsieur de Voltaire.

Le nouveau seigneur en vint prendre possession en juillet 1779. Il y changea tout, fit vendre beaucoup de meubles, et presque tous ceux de la chambre de ce grand homme **), dans une armoire de laquelle il fit construire une espèce de petit tombeau de terre cuite vernissée, du prix d'environ deux louis, dans lequel il dit avoir déposé le coeur de m-r de Voltaire, ce qui n'est pas vrai. Il plaça dans cette chambre les portraits de l'impératrice de Russie Catherine 2, du roi de Prusse, et quelques autres en estampes, ainsi que sept cadres vides. Il fit mettre au-dessus du prétendu tombeau:

Mes mânes sont consolés, puisque mon coeur est au milieu de vous.

*) Son horreur pour ce lieu charmant créé par son bienfaiteur était forte, qu'elle eut l'infamie de m'écrire dans sa lettre du 29 7-bre 1778 ces propres mots: „Je voudrais que le feu fût à Ferney“. Elle les répète dans une à m-r Christin du 22 7-bre.

**) On voit avec serrement de coeur dans un cabaret de Ferney les portes mêmes de l'armoire de la chambre de m-r de Voltaire dans laquelle il renfermait ses papiers; m-r de Villette les a vendues au cabaretier, ainsi que son écritoire et ses flambeaux, et on peut juger par là combien la mémoire de ce grand homme est chère au nouveau possesseur de Ferney.

Et sur la porte de la chambre:

Son esprit est partout, et son coeur est icy.

L'auguste impératrice de Russie ayant bien voulu, par le canal de m-r le baron de Grimm (qui m'a servi comme de père) me faire appeler auprès d'elle, j'arrivai à Pétersbourg le 8 août 1779. Après avoir été longtemps à la mort, après avoir mis les livres et les papiers de m-r de Voltaire en ordre, le chagrin de la perte de mon maître altérant toujours ma santé, je fus obligé avec le plus vif regret de quitter cette princesse adorable, jusqu'à ce que ma famille et ma santé me permettent de retourner me jeter à ses pieds. Je m'en revins à Ferney comblé des bontés de cette souveraine *), qui outre l'argent qu'elle me fit remettre, a daigné m'accorder une pension viagère de quinze cents francs par an **). De sorte que c'est à elle seule que je dois d'être délivré de la crainte trop fondée que j'avais de ne savoir comment vivre avec ma femme et

*) L'héritière de m-r de Voltaire n'ayant voulu accorder aucune récompense aux domestiques de son oncle, son cocher qui l'avait servi dix-neuf ans, et qui l'avait soigné à son lit de mort comme il avait pu, se trouva très à plaindre; je le menai par commisération avec moi en Russie, et Sa Majesté Impériale, à la sollicitation de monsieur le comte Alexandre de Voronzof, a eu la générosité de le gratifier de cinq cents écus de France. O madame Denis! ne direz-vous jamais comme Mahomet: „Il est donc des remords!“

**) Je dois aussi la plus tendre et la plus respectueuse reconnaissance au respectable monsieur le comte Alexandre de Voronzof pour toutes les bontés qu'il a eues pour moi à Pétersbourg, pour l'intérêt qu'il a daigné prendre à ce qui me regardait, et pour tout ce qu'il a fait pour moi. Messieurs ses frères, messieurs de Besborodko, de Bacounine, de Lyof, de la Ferrière, et tous les autres amis de mon protecteur son excellence monsieur le comte Alexandre de Voronzof, ont pénétré mon coeur, et y ont laissé de sincères sentiments par la manière dont ils ont bien voulu me recevoir.

mes enfans, après la sujétion et le travail les plus pénibles pendant plus de vingt quatre ans. et n'ayant aucun état pour gagner ma vie. Car deux jours après mon retour de Russie la nièce de m-r de Voltaire me fit dire qu'elle ne me donnerait point les cinquante louis qu'elle m'avait promis, outre un billet de six mille francs à elle donné pour moi par m-r Panckoucke pour récompense. dont elle s'est emparée. *Auri sacra fames...*

A mon arrivée à Ferney, je vis avec la plus vive douleur tout ce qui s'y était passé pendant mon absence. Je fus surtout bien étonné des singulières descriptions que l'on avait insérées dans les journaux. par le nouveau seigneur de ce lieu autrefois si respectable, toutes remplies de mensonges; de cette habitation d'un homme immortel, laquelle je ne puis jamais regarder qu'avec le plus grand serrement de coeur, et qu'en versant un torrent de larmes.

Telle est, mes chers enfans, dans la plus exacte vérité, l'histoire des derniers jours de monsieur de Voltaire, et les causes du chagrin que vous voyez me tourmenter tous les jours. Vous l'adoucierez si vous vous rendez dignes d'oser vous vanter d'être nés dans la maison et sous les yeux de ce grand homme. Je dois l'espérer, puisque je vous vois déjà partager ma sensibilité et ma reconnaissance pour mon auguste bienfaitrice, et pour tous ceux qui s'intéressent à mon sort, ainsi que ma vénération pour m-r de Voltaire, qui daignait quelquefois s'amuser avec vous de vos petits jeux et de vos discours enfantins.

О весьма нужно - спасительномъ огражденіи дворянскихъ родовъ отъ примышляемаго отъятія у нихъ земель и деревень изъ спокойнаго ихъ владѣнія.

Здѣсь говорится о земской давности, на основаніи которой должны разрѣшаться споры и тяжбы между помѣщиками объ имѣніяхъ. Чьи это мысли, не видно; но почеркъ нѣкоего Монсеева, дѣльца, отъ котораго сохранилось нѣсколько писемъ къ графу А. Р. Воронцову. П. Б.

Нѣтъ нужды заимствовать стороннихъ и домашнихъ какихъ-либо примѣровъ въ томъ, сколь всякому благоустроенному государству и дворянству нужна безопасность на владѣемое издавна ихъ предками (а по нимъ и самими ими) недвижимое имущество, чтобы оно, переходя изъ рода въ родъ, никогда, ни у кого, посредствомъ подбора^{*)} примышленій, тѣмъ паче развратныхъ истолковываній, выводами силы древнихъ законовъ, какъ коронными начальствами, такъ и по просьбамъ семействъ пользующихся дворянскимъ правомъ (таковыхъ, кои тѣхъ недвижимыхъ, ни сами, ни ихъ предмѣстники не имѣли никогда во владѣніи) ни подъ какою завѣсою не могло быть отъято, исполнено къ тому раззорительными искомъ свершками *) и невинно доводится до впаденія цѣлыми фамиліями въ сущую нищету. Ибо всякому благомыслящему ощутительно, гдѣ въ имуществѣ владѣнія господ-

*) Свершки, старинное слово. вмѣсто проценты. П. Б.
Архивъ Князя Воронцова XXVI.

ствуешь безопасность, тамъ свободу-любящее правосудіе, твердость и въ возложенномъ правосудіи негибкая повѣренность, по мѣрѣ одаренія отъ природы разсудка, несомнѣнно лучшее обиталище находятъ и справедливую свою силу пріемлютъ. Гдѣ-же опасность отъятія необезсилена, тамъ одни по необходимости (дабы удержатъ спокойное число фамильнаго земель и деревнямъ владѣнія), а другіе не токмо сами, но предки ихъ, не имѣя и не владѣя никогда, для единственнаго пріобрѣтенія отнятіемъ у владѣющихъ, натяжно примышляемыми къ своей сторонѣ истолковываніями силы древнихъ законовъ и происками чрезъ сопомощниковъ и совѣтователей, не внемля жалости собрата своего невинно раззоряющагося и фамильнаго его стона и вопля, предоставятъ себя не къ твердости правосудія и настоящаго исполненія вѣреннаго правосудія, а къ однимъ только лакомымъ на угожденія и низко-ласкательнымъ гибкостямъ и проискамъ у тѣхъ, отъ кого въ предпріятіяхъ своихъ на отъятіе земель и деревень вспомошествоющія опоры находятъ будутъ. Горе творящимъ и терпящимъ сей соблазнъ, разрушающій общую дворянскую безопасность и спокойствіе.

Древности время до царя Михаила Ѳеодоровича, и при немъ и по немъ, доказываетъ ясно, что, по мало-имѣнію тогда противу нынѣшняго населеннаго народа, не токмо корона и дворянскіе роды не имѣли ни малѣйшей нужды въ земляхъ и лѣсахъ, по причинѣ, что тогдашнее множество земель лежали впустѣ, и неисчислимое количество лѣсовъ обитаемо звѣрями, кои преобращены уже трудами дворянскими цѣлымъ вѣкомъ расчисткою въ засѣваемые поля, но получали еще въ награду за число расчистное не одно только тѣхъ мѣстъ населеніе, но и за каждую десятину по 2 и по 3 рубля денежнаго награжденія, съ присовокупленіемъ къ тому и

льготы крестьянамъ отъ всѣхъ ихъ податей, на 2, на 3, на 5, на 10-ть и на 15 лѣтъ *). А потому дворянскіе роды, по мѣрѣ приумноженія крестьянъ, не имѣя ни отъ короны взыскуемыхъ притязаній, ни отъ стороннихъ дворянскихъ родовъ на тѣ земли никакого присвоенія и просьбъ, поселенія и переселенія на земляхъ занимали, селили, расчищали и распахивали земли цѣлымъ столѣтіемъ. Переходя же оно на таковомъ положенія изъ рода въ родъ, наслѣдствомъ, дачею въ приданое и продажами, пользовались всѣ спокойно, не опасаясь у нихъ и у потомства отъятія.

Потомъ, по истеченіи множества лѣтъ спокойному и безопасному владѣнію, когда потомство, умножая свое семейство, и мыслить не могло объ отъятіи наслѣдственного ихъ спокойнаго владѣнія, наступило время новѣйшему присвоенію и отъятію изъ-спокойнаго долгодѣтія, отъ коронныхъ мѣстъ въ видѣ названія казенными, а отъ потомства дворянскихъ родовъ, таковыхъ коихъ предки, и сами просители, никогда во владѣніи не имѣли, и прозебъ о принадлежности нигдѣ своимъ вѣкомъ не подавали, отыскиваніемъ: одни, утверждая предкамъ своимъ предъ предками, на кого просятъ, принадлежность; а другіе видами насильнаго поселенія и завладѣнія, лѣтъ за 30-ть, за 50-ть, за 70-ть, даже и за 100, съ присовокупленіемъ завладѣнію исковъ, такъ что потомство владѣющихъ на кого просятъ, за потъ и кровь, труды и службы ихъ предковъ, суммы взыскуемой короннымъ мѣстомъ, а просящихъ потомству, и всѣмъ имуществомъ, какое наслѣдство досталось и службою приобрѣтено, удовлетворить не въ

*) О семъ видно изъ указовъ 142-го и 150-го годовъ, да въ Уложеніи 17-й главы въ 27-мъ пунктѣ; и въ Писцовомъ 182-го года Наказѣ, въ 39-й статьѣ.

силахъ; умалчивая о невинномъ отъ того бѣдственномъ потомству цѣлыхъ фамилій раззорительномъ разрушеніи.

Изъ сего жадаемаго корысти источника, вмѣсто миролюбія и спокойствія, произрастались неисчислимыя по временамъ ябеды, ссоры и вражды, оставляемая потомству отъ одного рода къ другому. По мѣстамъ же учрежденнымъ подъ разными видами умножались (а довольно и нынѣ) тяжбы, говореніе судовъ, и по рѣшеніямъ нижнихъ мѣстъ переносъ изъ мѣста въ мѣсто дѣлъ на апелляцію; одни владѣніе сберегая и отъ исковъ себя освобождая, а другіе отъятія земель и исковъ достигая. По обѣ стороны, вмѣсто благословеннаго семейнаго обогащенія жатвою, и вмѣсто миролюбнаго и спокойнаго сожитія, отъ приказныхъ хлопотъ и издержекъ, протяженіемъ времени, въ награду потомству оставляли и оставлять одно только убыточное положеніе и ненавистное одного къ другому немиролюбіе, такъ какъ уподобляющееся сему не вдавнѣ живымъ примѣромъ и случилось, а именно.

Князь Михаилъ Никитичъ Волконской, управляя Москвою, нашель по вотчинной архивѣ, что, за протеченіемъ уже слишкомъ ста лѣтъ, оказалась въ виду помѣстная дача земли, данная въ окладъ князю Волконскому въ Тульской губерніи по Чернской дорогѣ на Патрикѣевскомъ отвершкѣ, которою землею ни онъ, ни предки его, ни самой тотъ, кому въ окладъ была назначена, не владѣли и не имѣли (можетъ для того, что тотъ, кому въ окладъ была назначена, по худобѣ того времени земли, или по малости дачи, брося и не отказывая за себя, получилъ себѣ въ окладъ по мѣстному приказу, умолча о первой дачѣ, въ другомъ мѣстѣ лучше). Развѣдавъ же и найдя, что земля Патрикѣевского отвершка цѣлымъ вѣкомъ была и есть въ спокойномъ владѣніи рода Исленьева, переходя по степенямъ наслѣдства,

дошла до владѣнія отставного гвардіи ротмистра Василія Исленьева, по могуществу управленія Москвою и по званію мѣста засѣданія, назвавъ того Волконскаго своимъ предкомъ, возжелавъ ту дачу и съ примѣромъ, и съ искомъ, отъ Исленьева къ себѣ получить, произвелъ о семъ просьбы, а Исленьевъ споры. Годами сіе разбирали; а напослѣдокъ въ пользу князя Михаила Никитича бывшая Межевая Канцелярія, или лучше сказать тогдашній во оной совѣтникъ Александръ Самоиловъ, а потомъ и 6-й департаментъ хранилища законовъ *), съ прикомандированнымъ нарочно для пропуска сего дѣла изъ Синодской Конторы тогдашнимъ прокуроромъ (а нынѣшнимъ отцомъ спосажденнымъ) господиномъ Рожновымъ рѣшили и землю изъ владѣнія Исленьева всю князю Михаилу Никитичу отдали. А онъ, получа всѣ земли, тѣмъ самымъ имѣя уже по отдачѣ владѣніе годами, не токмо Исленьева съ женою и съ тремя дѣтьми до скудости довелъ, но и слишкомъ 900 душъ деревню, по которой къ нему безъ остатку земли отошли, не оставя пашни и посѣва ни на квасъ, оголодиль; и крестьянъ годами, до времени, по особенному высочайшему повелѣнію поворота, по миру пустилъ. Самъ же, владѣя всѣмъ, лѣса порубкою на продажу между тѣмъ опустошилъ. Исленьевъ, имѣя жену и троихъ дѣтей, коихъ всѣхъ безнужное содержаніе было отъ одной только той деревни, подавъ къ высочайшимъ рукамъ просьбу, и по ожиданію на то повелѣнія, не дождавшись поворота, не перенесъ сей горести, чѣмъ и жизнь кончилъ. А возвращено уже послѣ него съ превеликими затрудненіями дѣтямъ его; они же, найдя лѣса опустошенные, рады хотя тому, что чрезъ многіе годы на силу землю свою достали, и мужикамъ есть уже земля на чемъ пахать.

*) Т. е. Сената. Отцы спосажденные—сенаторы. П. Б.

Въ награду же обоимъ симъ родамъ между собою осталась на предъидущія времена ненависть и непримиримость во отысканіяхъ опустошеннаго и въ болячкѣ потери жизни отца Исленьевыхъ отъ отъятія тѣхъ земель.

Вотъ плоды горестныя отъ опасности отъятія.

Безсмертная памяти императоръ Петръ Великій въ 1714-мъ году Марта 23-го, усугубляя къ владѣльцамъ земель и деревень монаршую свою милость, желая сдѣлать ихъ всѣхъ навсегда спокойными владѣтелями, узаконилъ: «Если кто, имѣя «и крѣпости, не только на какую-либо часть земли, но и на «цѣлыя деревни, по нимъ не владѣеть, а владѣютъ другіе, «тогда имѣющимъ право о возвратѣ бити челомъ въ годъ и «въ два. А кто въ сіе время не возвратитъ, то тѣмъ дерев- «нямъ и землямъ быть за тѣми людьми, кто ими владѣютъ не- «возвратно» *).

Сіе святое узаконеніе и донинѣ не токмо ни чѣмъ не отмѣнено, но еще владѣющею нами премудрою нашею Законодательницею, въ 1764-мъ году Апрѣля 26-го, по спорному дѣлу Милославскаго съ княжною Шаховскою, подтверждено, и именно сими рѣчьми сказано: *Пункты го- «тя и отставлены. но въ одномъ только первенствѣ. а впро- «чемъ во всемъ имѣютъ свою силу.*

Казалось бы изъ-за такого обнародованнаго яснаго законоположенія, когда бъ точность силы его была исполняема, мѣстамъ судебнымъ затрудненія въ рѣшеніи не навлекалось; а просителямъ, желающимъ отъятія у собрата своего изъ спокойнаго долготѣннаго владѣнія земель и деревень, поводы пресѣчься могли, и остались бы каждой миролюбно при

*) 10-й пунктъ сего указа 1714-го года Марта 23-го въ указной книгѣ на 9-й страницѣ.

спокойномъ своемъ владѣніи; но къ сожалѣнію, все то чело-вѣколюбивое, пресѣкающее вражду, законоположеніе оставалось и остается донинѣ безъ дѣйства: ибо къ рѣшеніямъ подъ выписками сего пункта не выписываютъ, почитая многіе отличнымъ високоуміемъ, такъ какъ бы не приличествовало къ дѣлу; а просители потомства предковъ своихъ, не видя препоны, подъ предлогами древнихъ окладныхъ предкамъ ихъ помѣстныхъ дачъ и видами насильнаго завладѣнія, просьбы свои расширяли и расширяютъ; и чрезъ то раззореніемъ ближняго достигаютъ искомъ и отъятія таковыхъ земель, коими ни предки, ни они, не владѣли, и во весь вѣкъ отъ предковъ ихъ жалобы и споровъ о принадлежности не подавано.

Когда жъ сила разсудка людей превышаетъ и самый законъ, тогда хоть златыми буквами узаконеніе напиши, да останется равно безъ исполненія; ибо законъ молчитъ и книгою спокойно лежитъ, а люди говорятъ и дѣйствуютъ.

Напоследокъ, и всеавгустѣйшая наша Монархиня, мать отечества, неуспинно пекущаяся о благѣ своего народа, желая доставить всѣмъ не токмо одно миролюбное спокойствіе, но и обогащеніе каждаго, чѣмъ только смертный наслаждаться можетъ, изливая неоскудно матернія свои милосердія, манифестомъ 1775-го года Марта 17-го всемилостивѣйше повелѣть соизволила: «Всякаго рода преступленія, коимъ десять лѣтъ прошло, и чрезъ таковое долгое время они не сдѣлались гласными и по нихъ производства не было, всѣ таковыя дѣла отнынѣ предать, если гдѣ объ нихъ взыскатели, истцы или доносители явятся, вѣчному забвенію» *). Пополнилъ сіе тогда-жъ въ проясненіе судебнымъ мѣстамъ и Пра-

*) На сіе вѣчное забвеніе, манифеста 1775-го года Марта 17-го, статья 44-я.

вительствующій Сенатъ разосланными указами, слѣдующими рѣшми: «Какъ-де можетъ легко случиться, что въ теченіи «прошедшаго времени были уже таковыя дѣла, по которымъ «взыскатели, истцы или доносители явились послѣ десяти «лѣтъ, а производства по симъ дѣламъ ни прежде, ни послѣ «не было, слѣдовательно-де и оныя подлежатъ таковому-жъ «забвенію».

По симъ обоимъ яснымъ неисчерпаемой монаршей милости обнародованіямъ, гдѣ уже всякой взыскатель, истецъ и доноситель, въ примышляемыхъ себѣ отъ другаго присвоеніяхъ тунѣ оставлены, казалось бы не токмо столѣтіемъ населявшіе и спокойное казенныхъ и дворянскихъ земель владѣніе имѣвшіе, погрѣшившіе предки, но и поздніе ихъ потомки, съ протеченіемъ отъ противной стороны на принадлежность десяти-лѣтняго промолчанія, генеральною всѣмъ къ спокойствію общему милостію, погрѣшеніямъ своимъ рѣшительной и не подверженной опасности конецъ получили. Но и сіе въ существѣ исполненія, относительно населенія и владѣнія земель, правомъ свыше десяти-лѣтняго промолчанія, не содѣйствуетъ, и на таковыя поземельныя дѣла подѣ выписками взыскующихъ просителей сего указа не «выписываютъ, пріемля на счетъ непринадлежности. Здѣсь повторительно сказать можно, когда жадающіе корысти собрата своего просители, а въ слѣдъ за ними и многія нижнія судебныя мѣста, въ видѣ казнѣ прибытка, на земли по одному только названію ихъ казенными, никогда и нигдѣ, въ древнія и слѣдующія времена не измѣряемыя, стануть дѣлать во отбираніи и искахъ притязанія, а не будутъ повсюду одинакими мыслями вникать въ прямую точность словъ и силы издаемыхъ узаконеній, и за то имѣть опасенія приличнаго себѣ воздаянія: тогда хоть Цицерона со всѣмъ его краснорѣчивымъ языкомъ воскреси, и златыми

буквами пиши, равно безъ содѣйствія останется; а просители по таковымъ дѣламъ, жадающіе корысти, просьбами, исками, говореніемъ судовъ и взносовъ на апелляціи, съ обоюдными самимъ имъ отъ протяжныхъ приказныхъ хлопотъ знаменитыми убытками, и недостиженіемъ желаемаго, намножать и мѣста судебныхъ разсматриваніями и стараніями объ отъятіи затруднять не оставляютъ. Вражда же и немиролюбіе одного рода къ другому предоставится, какъ и прежде, между ими въ потомство же.

Въ пресѣченіе таковыхъ съ раззореніемъ ближняго лаковыхъ гнилыхъ склонностей, и ко увѣрительной на всѣ времена издавна спокойно владѣющихъ, коронныхъ и дворянскихъ селеній, безопасности, на прозорливое, внемлющее слабостямъ человѣческимъ усмотрѣніе, подношу нижеслѣдующее.

1-е. Хотя бы гдѣ чѣмъ предкамъ, въ древнія времена и послѣ, дачи земель въ окладъ и въ вотчину, или родовыя, наслѣдственныя и купленныя, и оказались; а сами тѣ предки одинъ по другому не владѣли и о поворотѣ на владѣющихъ въ судебныхъ мѣстахъ въ жизнь свою не просили: таковыхъ поздніе потомки, жадающіе отъ спокойныхъ потомствомъ же владѣльцовъ повороту земель и исковъ, вѣчно да молчатъ. Ибо, когда предки не владѣли и молчали, то и потомокъ, не получа въ наслѣдіе владѣнія, при томъ же предка своего молчаніи да останется.

2-е. Земли, равно и крестьяне бѣглые, даже съ населеніемъ отъ древности цѣлыми семействами, а отъ того и деревнями, издавна въ спокойномъ владѣніи были и есть, не у однихъ только дворянскихъ родовъ и ихъ собратій, но равномерно и дворянскія въ коронныхъ селеніяхъ; просьбъ же о поворотѣ изъ коронныхъ въ дворянскія. и о искахъ меньше въ виду, нежели между равными дворянскими другъ на друга ро-

дами: потому что на коронѣ отъискивать одни не смѣли и не смѣютъ; другіе же смѣльчаки, хотя бы и пустились, но неизвѣстность достиженія останавливала и останавливаетъ; при томъ почитали и почитаютъ хлопотать тяжель и долѣ, нежели на партикулярныхъ владѣльцевъ. Примѣръ сему живой былъ весьма въ недавнемъ времени отъ осмѣливагося пуститься на таковую просьбу и искъ, въ жаданіи искомъ обогатиться, совѣтника Матвѣя Рудакова, который, начиная съ нижнихъ мѣстъ, многія лѣта хлопоталъ, потомъ по Сенату и свѣтѣ искалъ бѣглыхъ отъ его предковъ, поселившихся и причисленныхъ къ короннымъ, по названію экономическимъ; напоследокъ, по многолѣтнему истощенію имущества за симъ ходатайствомъ, возвращенія бѣглыхъ достигъ, но искъ за нихъ исчисляемой много-десятыми тысячами, въ чемъ за убытки и хлопоты всю свою главную обогатительность почиталъ (не такъ какъ между дворянскими родами) отъ короны не заплоченъ, а въ виду заплаты на отдачу Рудакову въ сумму иска, расположено собирать въ казну въ каждый годъ по полтинѣ съ души съ числа одного того селенія душъ, въ которомъ бѣгле въкомъ жили и рождались; отдать Рудакову тогда, когда вся сумма собрана будетъ, что и составило ожидаемой имъ отъ короны обогатительной сей за искъ заплаты ожидать сборомъ полтинами, какъ всю сумму сполна соберутъ, по исчисленію времени сего сбора, чрезъ пять сотъ лѣтъ впередъ, а не прежде. Вотъ и разность за иски коронаго платежа, не въ сравненіи съ дворянскими родами, съ конхъ, не смотря нимаго на раззорительное положеніе фамилій, искъ за всѣ годы сполна въ отдачу повсюду располагается.

3-е. Поелику, корона въ правѣ давняго владѣнія дворянскими землями и поселявшимися по временамъ ихъ бѣглыми крестьяны, равно и во всѣхъ крестьянскихъ выгодахъ, ни въ

чемъ преимущественно предъ дворянскими себя не отличала и ни отличается; да и отличать, въ разсужденіи неравенственнаго уже тогда поселянамъ въ выгодахъ спокойствія, не удобно: а по сему судятся и судились, равно же какъ дворянскіе, одинакимъ судомъ и правомъ. Для сего и нужно нынѣ въ общее спокойствіе между коронными и дворянскими поселянами, на протекшія древнія и послѣдующія за тѣмъ времена, на жадающихъ корысти отыскиваніемъ невладѣемыхъ земель, и за то исковъ, также и бѣглыхъ крестьянъ, наложить вѣчное всего съ назначеніемъ времени забвеніе; чѣмъ обѣ стороны спокойно отъ неисчислимыхъ настоящихъ и будущихъ просьбъ, ссоръ, вражды и исковъ, будутъ успокоены и урвнены. А владѣющіе, по разнымъ стеченіямъ отъ предковъ, на всегда со своимъ потомствомъ останутся безопасны, усугубленно прославляя въ неумираемые вѣки таковое отличное и нужное спокойствію милосердіе премудрой нашей Законодательницы, матери отечества. Много и много, сею безопасностію владѣемые дворянскіе роды какъ изъ мертвыхъ воскреснутъ и, утвердись на безопасности, въ повѣренностяхъ имъ тверже себя безъ низкихъ лаковыхъ угожденій на пользу общую обратятъ.

Въ заключеніе сего, сообразно силѣ узаконенія 1714-го года Марта 23-го, десятому отдѣленію, а наипаче высочайшему 1775-го года Марта 17-го сорокъ четвертой статьи, матернему милосердому манифестомъ обнародованію, осталось единое присовокупить. Въ прекращеніе неисчислимыхъ ссоръ, вражды и раззорительныхъ исковъ, къ общему всѣхъ на всѣ времена спокойствію и безопасности, если кто издавна донынѣ имѣли и имѣютъ у себя во владѣніи, подъ названіями казенныхъ или дворянскихъ, земель и поселившихся бѣглыхъ крестьянъ, а о поворотѣ и искахъ, отъ тѣхъ мѣстъ

и людей, кому они принадлежали, отъ времени завладѣнія десять лѣтъ въ подачѣ исковыхъ прошеній не было, а хотя бы и были, но за нехожденіемъ просящихъ, или за другими какими промолчаніями, учрежденными начальствами въ то десятилѣтнее время рѣшительнаго обвиненія на отдачу и иски приговора не учинено: всѣ таковыя долговременныя спокойныя владѣльцы да останутся при владѣніяхъ своихъ навсегда; а просьбы и иски нерѣшенныхъ о семъ дѣлѣ предать вѣчному забвенію и впредь не возобновлять.

Мнѣніе графа Миниха о Русской торговлѣ съ Пруссіею.

Примѣчаніе на поданную ноту отъ графа Сольмса Ноября 14-го 1771 г. его сіятельству графу Никитѣ Ивановичу Панину.

Какъ мнѣ неизвѣстны тѣ выгоды, о которыхъ министръ Прусской упоминаетъ, яко бы король его государь тому уже нѣсколько лѣтъ акордировалъ Россійскимъ купцамъ и Россійскимъ товарамъ, ввозимымъ въ его земли, такъ на продажу какъ и для провозу только чрезъ королевство: то я и не могу судить о той взаимности, каковой Берлинской дворъ ожидать право имѣетъ отъ стороны двора Россійскаго.

Сего ради я въ разсужденіе приѣмлю одни только требованія графа Сольмса съ стороны интереса государства Россійскаго, касающагося до коммерціи, до манифактуръ и до таможеннаго доходу.

Помянутой министръ требуетъ уменьшенія пошлинъ съ товаровъ, возимыхъ въ Россію, а родящихся или дѣлаемыхъ на фабрикахъ въ Пруссіи, а ѿменно:

1-е. Съ Берлинскаго порцелина.

2-е. Съ суконъ, штофовъ и другихъ шерстяныхъ матерій, перчатокъ, чулковъ, колпаковъ и пр.

3-е. Съ полотень, а особливо съ тѣхъ, которыя у насъ называются Силезскія, Бильфельскія и Вестфальскія.

Разсматривая сіи требованія, легко усмотрѣть можно, что оныя склоняются только къ тому, чтобъ пріобрѣсти Прусскому купечеству преимущество въ сихъ знатныхъ артикулахъ, ввозимыхъ въ Россію, передъ прочими государствами, каковыя она досего получала изъ разныхъ Европейскихъ государствъ. Купечеству Прусскому пошлина Россійская не можетъ быть тягостною, потому что продавецъ оную себѣ возвращаетъ съ покупателя, такъ какъ и всѣ прочіе расходы на товаръ его случившіеся.

Слѣдовательно, ежели дворъ Россійской поступитъ на такое уменьшеніе пошлинъ, то претерпитъ знатный уронъ своего дохода единственно въ пользу купечества Прускаго, а тѣмъ самымъ возбудится зависть не только другимъ торгующимъ съ Россіею націямъ, но нѣкоторыя и требовать того по справедливости не оставятъ, такъ какъ напримѣръ изъ первыхъ Англія, основываясь на трактатѣ, которымъ обѣщано поступать съ нею какъ съ наилучше фаворизованною націею, а по сему праву востребуетъ она такового же уменьшенія пошлины со всѣхъ своихъ шерстяныхъ товаровъ. Изъ сего произойдетъ великой коронный ущербъ въ таможенныхъ доходахъ, понеже сего рода товары, ввозимые въ Россію изъ Англіи, составляютъ знатное количество; ибо Англическихъ шерстяныхъ товаровъ, яко то суконъ, камлотовъ, косматыхъ шерстяныхъ и бумажныхъ матерій, каламенокъ, фланелевъ и прочаго, изъ Англіи въ Россію входитъ болѣе нежели на 500 тысячъ рублей.

Для ободренія мануфактуръ въ Россіи полезныхъ, яко то полотняныхъ, положена пошлина въ 1737 году, около 20-ти копѣекъ съ аршина на всѣ чужестранныя полотна, каковой бы они тонкости и качества ни были. Съ того самаго времени Россійскія фабрики до такого совершенства дошли, что

нималого сумнѣнія не остается, чтобъ они вскорѣ не удовольствовались все государство полотнами по меньшей мѣрѣ столько же хорошими какъ и Силезскія, Варендорфскія и Бильфельскія. Слѣдовательно, ежели требуемое уменьшеніе пошлины на полотна акордовано будетъ Берлинскому двору, то сіе самое сдѣлаетъ подрывъ Россійскимъ фабрикантамъ, а сверхъ того сходство самыхъ тонкихъ полотенъ Вестфальскихъ съ Голландскими подастъ поводъ обманывать таможеню. привозить полотна Голландскія подъ именемъ Вестфальскихъ. Сіе однакожь не именовано, чтобъ дворъ Берлинской ласкать себя могъ получить отъ двора Россійскаго столь знатное жертвованіе своихъ убытковъ: потому что, какъ выше сказано, не купецъ Пруской, будучи продавецъ, тягость пошлинную несетъ, но единственно подданный Россійскій, будучи послѣдній покупецъ того товара.

Надобно думать, что Пруской дворъ, дѣлая столь знатный запросъ, ищетъ въ семъ случаѣ торговаться съ дворомъ Россійскимъ, и для того требуетъ много, дабы было изъ чего убавить; цѣль же его, какъ кажется та, чтобъ пріискать большій расходъ своему порцелину, который хотя и дешевле продается нежели Саксонской, однакожь не можетъ идти наравнѣ съ симъ послѣднимъ, слѣдовательно и не имѣетъ такого расхода, каковымъ Берлинская фабрика порцелиновая могла бы возвратить съ прибылью тѣ убытки, которые наградить она старается.

Дворъ Берлинской повидимому ласкаетъ себя пріобрѣсти своему порцелину надежную распродажу въ Россіи и преимущественный расходъ противу Саксонскаго, а сего въ такомъ случаѣ ожидаетъ, когда изъ сорока процентовъ, положенныхъ по тарифу на порцелинъ Саксонской, нѣкоторая уступка сдѣлается въ помянутой пошлинѣ порцелину Прускому. Но

кромѣ того, что Саксонской порцелинѣ по своему качеству всегда преимущество имѣть передъ Берлинскимъ и что Саксонцы на нѣкоторое время могутъ спустить цѣну съ своего порцелина, ясно доказать можно изъ таможенныхъ вѣдомостей, что отъ 1767 по 1769 годъ включительно въ сложномъ году не болѣе въ Россію вошло всякаго порцелина какъ на 25 тыс. рублей изъ всѣхъ чужестранныхъ государствъ. почему и пошлыны со всего получено, считая по тарифу по 40 процентовъ съ рубля, десять тысячъ рублей. Такимъ образомъ и предвидѣть можно, что Прусія великой коммерціи чрезъ свой порцелинъ въ земляхъ Ея Императорскаго Величества себѣ не сдѣлаегь.

Но какой бы изъ того успѣхъ ни былъ, кажется (ежели политическіе резоны неотмѣнно уже того требуютъ) акордовать нѣкоторыя изъ сихъ требованій Берлинскому двору можно; а уменьшеніе пошлыны на порцелинъ будетъ выгоднѣйшее, потому что и зависти другимъ націямъ сдѣлаегь меньше и ущерба въ доходахъ коронныхъ великаго не доставить.

На подлинномъ подписано:

Гр. Э. Мвнихъ.

Записка о разныхъ способахъ, какъ ввозимые сюда товары избѣгаютъ платежа положенныхъ пошлинъ.

Требуется знать, сколь разными образами торгуютъ заподвѣдными товарами въ Россіи, или короче, какъ дѣлается запрещенная торговля или контрабандъ? Можно отвѣчать, что вообще употребляется къ тому три способа:

1-е. Или партикулярные, пріѣзжающіе въ Россію сухимъ путемъ или моремъ, берутся провозить нѣкоторые товаръ малой величины, которые они на себѣ скрываютъ, или стараются въ ящикахъ утаить отъ осмотра таможенныхъ. Но мы не станемъ много упоминать о семъ первомъ способѣ запрещенной торговли, какъ для того, что онъ самъ собою весьма маловаженъ, потому что не можно скрыть знатнаго количества товаровъ, да и немного находится охотниковъ подвергать себя опасности, такъ и для того, что производство сей запрещенной торговли довольно укрощено проворствомъ и происками опредѣленныхъ таможенныхъ, съ коими партикулярные пріѣзжіе не могли напередъ согласиться и которые слѣдственно, не имѣя участія въ дѣлѣ, тѣмъ прилежнѣе и осмотрительнѣе въ должности поступаютъ, что чрезъ то думаютъ командѣ своей оказать великую ревность

и тѣмъ прикрыть обманы и плутовства, которыя они сами себѣ ежедневно дозволяютъ.

Или контрабандъ производится шкиперами, да и большая часть такъ и дѣлается; или она производится купцомъ общесъ самими повѣренными и опредѣленными отъ таможи.

Контрабандъ производится шкиперами въ большихъ или въ малыхъ сверткахъ; въ малыхъ во всякое время, пока мореплаваніе продолжается; а въ большихъ сверткахъ только осенью и когда ночи уже темны.

Для сдѣланія контрабанда въ малыхъ сверткахъ Петербургской купецъ поручаетъ корреспонденту своему въ Зундѣ, въ Англіи, въ Голландіи, во Франціи или въ Любекѣ (ибо должно примѣчать, что нѣтъ никакихъ шкиперовъ, пріѣзжающихъ въ Петербургъ, кои бы не склонялись на сіе руководствіе; да и самые Англичане, какъ бы они о томъ ни говорили, въ томъ не застѣнчивѣе другихъ, а только что товары, которые Англія ставитъ Россіи, какъ ихъ натурою и качествомъ, такъ и по образу, какимъ они въ тарифѣ обложены, подаютъ меньше случаю и нужды къ контрабанду, нежели товары другихъ народовъ, и такъ запрещенная торговля Англическихъ домовъ не такъ знатна, какъ прочая обыкновенно въ Зундѣ шкиперами Англическими берется и привозится сюда, какъ на счетъ ихъ такъ и для домовъ Нѣмецкихъ, Французскихъ и прочихъ) класть въ малые пакеты такія вещества, чтобы могли легко войти въ матросскіе шаровары, такъ и въ запасные большіе карманы, которые шкиперы и помощники ихъ имѣютъ на подкладкѣ въ сюртукахъ, свернувъ въ вощанки, за особливою печатью отъ того, кто имъ оный товаръ повѣрилъ. Шкиперъ обязанъ отдать помянутые пакеты въ собственныя руки тому, кто ему покажетъ гербъ печати, коею реченные пакеты запечатаны, и который обыкновенно

за то получаетъ награжденіе условленное за каждый пакетъ отъ 7 до 10 процентовъ. Это заранѣе уже все условлено коммиссіонерами и шкиперомъ; сей послѣдній напротивъ того даетъ обязательство коммиссіонеру возвратить ему взятую сумму, въ случаѣ если пакетъ былъ бы отнятъ или потерянъ и когда бы не могъ онъ отдать отчетъ или показать видъ, что онъ доставилъ вещи до ихъ назначенія.

Такимъ образомъ Петербургскій купецъ не подвергается себя въ томъ никакому страху, потому что товаръ его приносятъ ему въ домъ безъ всякихъ его хлопотъ, заплатя только 7 или 10 процентовъ цѣны товара; а если товаръ отнятъ, ему за оный платятъ, и онъ только теряетъ то, что лишается ожидаемой отъ него прибыли; но оное рѣдко случается. Онъ не можетъ оговоренъ быть и на судѣ, когда бы таможня имѣла дѣло съ шкиперомъ въ случаѣ отъѣма: ибо кромѣ того, что шкиперъ не захотѣлъ бы охотно его имевать, опасаясь потерянія своего кредита и отчаяваясь впередъ найти кого нибудь, кто бы пожелалъ ввѣрить ему свои товары, но онъ и легко могъ бы въ томъ и отпереться; слѣдовательно шкипера признали бы обманщикомъ, и съ нимъ бы поступлено было какъ съ клеветникомъ, не имѣющимъ никакого письменнаго виду противъ Петербургскаго купца, котораго хотя онъ и знаетъ, но не имѣетъ къ нему ни коннессемента, ни адресу; ибо, какъ выше сказано, все основано только на условленной печати.

Шкиперъ съ своей стороны не очень много беретъ за свой страхъ, а чтѣ беретъ, то съ избыткомъ ему награждается заплатою отъ 7 до 10 процентовъ, которые онъ получаетъ съ цѣны привезенныхъ имъ заповѣдныхъ товаровъ: ибо кромѣ того, что, какъ всякому извѣстно, шкиперы имѣютъ на су-

дахъ своихъ потаенныя и надежныя мѣста, коихъ не можно наилучшему таможенному повѣренному найти, не разобравъ цѣлый корабль по частно, на чтò никто не захочетъ поступить, сверхъ того легкіе пакеты, какъ и всѣмъ извѣстно, весьма удобно выносимы быть могутъ на берегъ какъ капитаномъ, такъ и матросами, такъ что два сторожа, приставленные отъ таможни и нелегко то усмотрять. умалчивая, что сихъ двухъ сторожей можно легко подкупить да и не за большія деньги, а всего легче напоить до-пьяну, остави по близости ихъ никѣмъ не сберегаемую водку. Но и въ такомъ случаѣ, когда бы перехватили нѣкоторые пакеты съ заповѣдными товарами, шкиперъ всегда находитъ средство выйти изъ хлопотъ и освободиться отъ законнаго наказанія, сказавъ, что онъ не знаетъ, чтò то за пакетъ, что можетъ быть его помощникъ или кто нибудь изъ матросовъ взялся провезтъ оный въ его невѣдѣніи; но какъ сіи люди не въ состояніи платить штрафу, то ихъ засаживаютъ въ тюрьму, откуда капитанъ ихъ всегда выручаетъ при отъѣздѣ своемъ изъ порта, употребляя на то нѣсколько рублей.

Контребандъ въ большихъ и толстыхъ пакетахъ, сверткахъ или бочкахъ дѣлается только осенью въ темныя ночи. Шкиперъ, ѣхавъ по рѣкѣ отъ Кронштадта къ Петербургу, нимаю не торопится. Онъ могъ бы поспѣть въ 24 часа или въ двой сутки; но сія поспѣшность несходственна съ принимаемыми имъ мѣрами, и онъ всегда находитъ важную причину остановки: вѣтры противныя, или корабль по дну шаркаетъ и въ песокъ врѣзался и проч. Такимъ образомъ примѣчено, что корабль на рѣкѣ по 8 и 15 дней остается. А изъ того происходитъ слѣдующее: таможня сажаетъ двухъ человѣкъ на судно, коихъ подкупливаютъ или поятъ до-пьяна; а въ ночное время одни или многія шлюпки, подсланныя изъ

Екатериногофа, приѣзжаютъ къ кораблю и отвозятъ въ Екатериногофъ товары, которые хотять утаить отъ таможни.

Сими двумя образами ввозятъ товары, кои никакъ не могутъ войти въ таможню, потому что ввозъ ихъ запрещенъ. Таковы суть: блонды, золотое шитье для женщинъ и мужчинъ, которыя входятъ каждый годъ на знатныя суммы.

Сии два средства употребляютъ также для нѣкоторыхъ товаровъ, которые хотя могли бы идти черезъ таможню, однако платятъ такъ великую пошлину, что купецъ имѣетъ бѣльшій выигрышъ о семъ съговориться съ шкиперами, нежели съ таможенными, которыхъ жадность подкупаетъ великими подарками, какъ то ниже увидимъ. Таковы товары суть: шелковые чулки, шляпы и вина Бургонское и Шампанское.

Контребандъ дѣлается съ согласія съ повѣренными и приставами таможенными, и то различнымъ образомъ.

Надлежитъ сперва входящіе товары отличить отъ отходящихъ.

Обыкновенно думаютъ, что нѣтъ никакого контребанда въ товарахъ, выходящихъ изъ Петербурга. Ошибаются и въ томъ. правда, что предметъ сего контребанда весьма мало важенъ въ сравненіи контребанда входящихъ товаровъ; также и то не меньше правда, что прибыли отъ такого контребанда не бываетъ большой, да и торговецъ рѣдко похочетъ для толь малой выгоды подвергнуть свой кредитъ и себѣ пажить хлопотъ. Но однакожъ не меньше оказывается и то, что посыльщики отъ купцовъ въ таможню или и прикащики купцовъ на оное не рѣдко пускаются и, согласясь съ таможенными служителями, объявляютъ иногда только часть желѣза, пеньки и другихъ товаровъ, коими нагружаются корабли, и тѣмъ дѣлятъ между собою прибыль, а таможеннымъ сборомъ казеннымъ нарочитый убытокъ. Когда бы и не можно было

доказать, что сіе водится, довольно бы было для увѣренія себя обратить только глаза на издержки и образъ житія таможенныхъ въ сей части употребленныхъ и рассмотреть, соотвѣтствуетъ ли оно опредѣленнымъ имъ жалованьямъ.

Что касается до товаровъ, входящихъ въ Петербургъ, то можно ихъ раздѣлить на четыре рода:

- 1-е товары, кои платятъ по оцѣнкѣ,
- 2-е товары, кои платятъ по-аршинно,
- 3-е товары, кои платятъ по вѣсу,
- 4-е товары, кои платятъ по мѣрѣ.

Почему и надо теперь слѣдующія правила принять для сихъ четырехъ родовъ товаровъ, то есть, чтобъ торгующій съ успѣхомъ согласиться могъ съ повѣренными и приставленными въ таможенныхъ; надлежитъ, чтобъ онъ соглашался только на прибыль третьей части цѣны таможенной, такъ какъ на примѣръ: если купецъ долженъ заплатить 900 рублей въ таможенныхъ, онъ можетъ всегда договариваться съ повѣренными, чтобъ платить только 600 р.

Но сіи 600 р. не всѣ входятъ въ казну, затѣмъ что таможенные повѣренные не уступаютъ даромъ 300 р. торгующему, а только 300 р. входятъ въ казну, а другіе 300 р. остаются въ рукахъ таможенныхъ и дѣлятся на тѣхъ, кои по свойству ихъ званія должны были быть при осмотрѣ и запечатаніи товара. Также можно думать, хотя то доказать было бы трудно, что таможенные судьи, коихъ очень отличать надлежитъ отъ членовъ канцеляріи, имѣютъ участіе въ ихъ сдѣлкахъ; по крайней мѣрѣ способности и сноровки, какія они дѣлаютъ повѣреннымъ и служителямъ таможенъ, заставляеть тому нѣсколько вѣрить.

Но спросять безъ сумнѣнія: какъ то дѣлается? Можно дать одинъ примѣръ, взятый изъ товаровъ, кои платятъ по

оцѣнкѣ. Полагають, что Павелъ негоціантъ имѣеть ящикъ съ шелкомъ, который платитъ по оцѣнкѣ 30 процентовъ. Павелъ пойдетъ къ таможенному своему знакомцу, показывая ему *фактуру* своего ящика, котораго цѣна доходитъ до 3000 р.; они дѣлають другую фактуру, въ которой Павелъ цѣну товаровъ кладетъ только въ третью долю настоящей цѣны. Павелъ дѣлаетъ декларацію на основаніи сей новой фактуры; она пропускается безъ прекословія и по подписи; онъ платитъ 300 р. таможеннику и сообщнику, а себѣ чрезъ то сберегаетъ триста рублей.

Спросятъ еще: какъ можно, съ одной стороны, чтобъ торгующій могъ положиться на таможенного, который можетъ его обмануть и подписать на его счетъ декларацію униженную третью настоящей цѣны, и какъ, съ другой стороны, таможенный захочетъ подвергаться опасности тѣлеснаго наказанія, лишенія имѣнія и должности, склонясь на такой промыселъ, вмѣсто того, какъ подписавъ объявленный товаръ третьею долею его цѣны, онъ имѣлъ бы гораздо лучшую прибыль? Я отвѣтствую, что самые воры для ихъ корысти наблюдаютъ между собою нѣкоторое правосудіе и святость въ содержаніи ихъ условій. Тоже самое можно сказать о таможенномъ повѣренномъ и купцѣ. Дѣйствительно, купецъ до вольно знаетъ, что таможенный могъ бы еще столько выиграть, его обманувши; но онъ знаетъ и то опять, что таможенный, которому также и то не безызвѣстно, что обманувши его, потерялъ бы вовсе кредитъ и не нашелъ бы больше никого, кто бы захотѣлъ имѣть съ нимъ дѣло, и что онъ болѣе достаетъ черезъ годъ, согласясь съ купцомъ, нежели бы онъ могъ воспользоваться, подписавъ за себя фактуру: ибо торгующій, одинъ разъ будучи уловленъ, не объявилъ бы уже впредъ товаръ свой ниже настоящей цѣны. Вслѣдствіе

того купецъ беретъ ту только предосторожность, что приказываетъ, чтобы ящики, кои къ нему посылаются, были не-большіе и не содержали бы товаровъ на знатную сумму и показываетъ каждый ящикъ особливо, и не дѣлаетъ другой деклараціи, какъ только взявъ назадъ товары, показанные въ первой, дабы въ случаѣ, ежели бы таможенникъ покусился обмануть. то бы не могъ того сдѣлать вдругъ на знатную сумму.

Случается иногда, что товаръ, который слѣдуетъ показать, толь извѣстенъ и цѣна его такъ знаема, что не смѣютъ его представить какъ только съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ настоящей его цѣны, опасаясь, чтобъ господа таможенной канцеляріи не примѣтили обмана; но и тогда ставятъ оную какъ можно ниже; а выгода раздѣляется между на томъ же основаніи, то есть между торгующимъ и таможенными служителями.

О приведеніи ассигнаціоннаго банка въ лучшее состояніе.

1770 года Іюня 7 дня Ея Императорское Величество, присутствуя въ Совѣтѣ, изволила сдѣлать сей вопросъ: «Почитать ли банкъ государственныхъ ассигнацій вымѣнною мѣдной монетою конторою и оставить въ теперешнемъ состояніи, или сего привести въ такое положеніе, чтобъ онъ приносилъ государству пользу? Если сіе послѣднее взять основаніемъ, то для чего жъ отставлено требуемое Датскимъ банкиромъ поручительство онаго? Я желаю знать воспрепятствовавшія сему причины». Генераль-фельдцейхмейстеръ на сіе донесъ, что требуемое отъ банка поручительство отставлено до времени, потому что заимодавецъ поставилъ оное кондиціонально въ предложеніяхъ своихъ, и что въ читанномъ предъ симъ проектѣ акта сопряжены были два предмета, то-есть о поручительствѣ банка и о присоединеніи къ оному дворянскихъ банковъ, что на послѣднее поступить вдругъ не можно: ибо сила и союзъ банка во всѣхъ частяхъ государства и большіе денежные обороты могутъ причинить революцію въ цѣнахъ всѣхъ продуктовъ, а посему и необходимо должно войти въ разсмотрѣніе всѣхъ статей; что онъ не признаетъ большой пользы отъ великаго обращенія денежныхъ капиталовъ, и что кредитъ банка поручительствомъ его ни умаленъ, ни

увеличенъ быть не можетъ. Ея Императорское Величество изволила читать потомъ помянутый проектъ акта.

Вице-президентъ графъ Чернышовъ предложилъ, что поручительство банка почитаетъ онъ предосудительнымъ персонѣ Ея Императорскаго Величества, потому что не банку за Ея Величество, какъ отъ нея установленному, но ей за банкъ, въ случаѣ ежели бъ онъ занималъ, какъ установительницѣ онаго, поручиться надобно. Ея Императорское Величество отвѣтствовала на то: «Мое желаніе состоятъ въ томъ, чтобъ «не персонѣ государя, но государству вѣрили, яко виды свои «далѣе распространяю». Генералъ графъ Чернышовъ донесъ на сіе, что приведеніе банка въ лучшее состояніе находитъ онъ нужнымъ, но что потребно начать то съ внутренняго распоряженія, а не снаружи. Дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Панинъ представилъ послѣ того, что нѣтъ теперь большой надобности въ поручительствѣ банка, и что весьма полезно однакоже соединеніе всѣхъ банковъ подъ одно правленіе, дабы, получа тѣмъ силу и кредитъ, лучше соотвѣтствовали онъ полагаемому при его установленіи намѣренію. Выслушавъ все сіе, Ея Императорское Величество изволила сдѣлать сіе заключеніе: «Изъ всѣхъ вашихъ разсужденій вижу «я, что надлежитъ сдѣлать два проекта актовъ: одинъ о соединеніи банковъ и снабженіи правленія оныхъ такими преимуществами, чтобъ оно всѣми выгодами пользоваться и «кредитъ свой распространять могло; а другой о уполномоченіи его, на случай могущей быти нужды, въ чиненіи имъ «займовъ и поручительствъ».

**Копія всеподданиѣйшей записки, поданной отъ князя
Потемкина.**

Сейчасъ получилъ я непріятное извѣстіе о лѣсной битвѣ, происшедшей между Чеченцами и частію отряда полковника Піерія. Излишнее его презрѣніе къ непріятелю стоило жизни ему и немалому числу храбрыхъ Вашего Императорскаго Величества воиновъ.

Полковникъ Піери, будучи отряженъ для истребленія извѣстнаго лжепророка за рѣку Сунжу къ деревнѣ Алдѣ съ Астраханскимъ пѣхотнымъ полкомъ, Кабардинскимъ егерскимъ батальономъ и двумя ротами гренадеръ Томскаго пѣхотнаго полку, прибылъ къ сей рѣкѣ весьма скрытнымъ образомъ 6-го дня минувшаго Іюля. Переправясь на ту сторону съ батальономъ егерей и двумя гренадерскими Астраханскаго полку ротами, прошелъ онъ благополучно чрезъ лѣсъ къ той деревнѣ и къ самому дому лжепророка, едва успѣвшаго спастись бѣгствомъ. Жители по маломъ сопротивленіи разогнаны, деревня и домъ сожжены, и тутъ взято знамя лжепророческое. Между тѣмъ, Чеченцы, не осмѣливаясь показаться въ полѣ, сбѣгались въ великомъ множествѣ на дорогу, ведущую лѣсомъ къ рѣкѣ Сунжѣ, дабы сдѣлать нападеніе при обратномъ помянутой части войскъ проходѣ,

Полковникъ Піери, не уважая сего сборища, по сожженіи деревни, пошелъ назадъ къ своей переправѣ; но едва вступилъ въ лѣсъ, какъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ многочисленною толпою. Сраженіе между ними весьма было жестокое: гренандеры и егеря разстрѣляли всѣ почти свои патроны, бывъ стѣснены въ мѣстѣ къ защищенію неспособномъ; двѣ бывшія съ ними пушки не могли въ лѣсу дѣйствовать съ успѣхомъ. и сблизившіеся наконецъ Чеченцы, напавъ съ саблями и княжаками, были приняты въ штыки. Кровопролитіе умножилось; полковникъ Піери, храбро сопротивляясь и убивъ четырехъ непріятелей своею рукою, палъ отъ многихъ ранъ; командовавшій батальономъ майоръ Камарскій, приводя въ порядокъ и ободряя разстроенныхъ, раненъ и неизвѣстно убитъ ли, или попался въ плѣнъ, такъ какъ и еще четыре оберъ-офицера съ немалымъ числомъ нижнихъ чиновъ. Прочіе ретировались къ рѣкѣ и, переправясь черезъ оную, присоединились къ оставленному тамъ Астраханскому пѣхотному полку и гренандерскимъ Томскаго полку ротамъ, которыя, также бывъ отражены къ передовому дѣташаменту, выдержали сильную атаку въ лѣсу и принуждены возвратиться съ урономъ, не достигши онаго.

Полковнику Тамарѣ *), пожелавшему изъ доброй воли быть при сей экспедиціи, полковникъ Піери поручилъ командованіе оставленныхъ на здѣшней сторонѣ рѣки войскъ, на которыхъ опасался нападенія въ свое отсутствіе. Полковникъ Тамара имѣлъ перепалку съ Чеченцами у самой рѣки и, удерживая ихъ стремленіе, подавалъ способъ спастись ретирующимся съ противнаго берегу гренандерамъ и егерямъ. Когда же бо-

*) Кажется, это извѣстный въ послѣдствіи дипломатъ. Н. Б.

лѣе оныхъ не было, а число непріятеля умножилось, то онъ съ возможнымъ порядкомъ выбрался изъ лѣсу къ вагенбургъ и потомъ вышелъ на открытую дорогу.

Господинъ Піери, по презрѣнію, которое имѣлъ къ непріятелю, не захотѣлъ ни дать отдохновенія усталымъ солдатамъ при деревнѣ Алдѣ, ни остаться въ полѣ, пока прибудетъ къ рѣкѣ Сунжѣ отпавленный въ подкрѣпленіе ему съ деташаментомъ бригадиръ Апраксинъ, который, по достиженіи сея рѣки 8-го Іюля. въ нѣсколькихъ верстахъ ниже его переправы, разогналъ показавшихся Чеченцовъ, побивъ у нихъ болѣе трехъ сотъ человѣкъ, въ томъ числѣ одного изъ знатнѣйшихъ—князя Алхана, и разорилъ его владѣніе.

Лжепророкъ съ толпою своею, по сосѣдству Андреевцевъ и Аксаевцовъ съ Кизляромъ, появился съ ними близъ сей крѣпости; но, бывъ не допущенъ къ произведенію въ дѣйство каковаго-либо вреднаго намѣренія, возвратился за Сунжу; а чтобъ пресѣчь всякое со стороны его покушеніе, къ тому мѣры приняты.

Дабы стороннее увѣдомленіе о смерти полковника Піерія не могло послужить къ вѣщшему уваженію сего происшествія, счелъ я, всемилостивѣйшая Государыня, за нужно самъ о томъ сказать иностраннымъ министрамъ, съ которыми сегодня я видѣлся.

Дворцовый приказъ.

Отъ дежурнаго при Ея Императорскомъ Величествѣ генераль-адъютанта.

Караульному Кавалергардскаго Корпуса капралу.

Приказъ.

Строжайше наблюдать, чтобъ въ той комнатѣ, гдѣ кавалергардскій постъ состоитъ, отъ приходящихъ въ оную, какого-бъ званія и чина ни были, подобающее двору благочиніе соблюдаемо было, и чтобъ не токмо ни малѣйшаго безчинства, но и шуму не происходило, въ чемъ какъ самому господину капралу и часовымъ строго смотрѣть, и если-бы кто выходить сталъ изъ благопристойности, то о таковыхъ немедленно докладывать дежурному генераль-адъютанту.

На подлинномъ подписано тако:

Князь Потемкинъ.

Сентября дня 1779 г.

Приказъ состоящимъ часовымъ кавалергардамъ, кого Ея Императорское Величество повелѣтъ изволить пропускать за оный постъ.

1. Всѣхъ Ея Императорскаго Величества генераль-адъютантовъ и придворныхъ дѣйствительно служащихъ кавалеровъ.

2. Графиню Марью Андреевну Румянцову.

3. Графиню Прасковью Александровну Брюсову.

4. Ея Императорскаго Величества фрейлинь.

5. Графа Петра Александровича Румянцова.

6. Ихъ сіятельствъ графовъ Орловыхъ.

7. Графа Петра Ивановича Панина.

8. Ригскаго генераль-губернатора Броуна.

9. Генераль-прокурора князя Вяземскаго

10. Сенатора Бекетова.

11. Тайнаго совѣтника Юшкова.

12. Всѣхъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ.

13. Графа фонъ-Миниха.

14. Алексѣя Петровича Мельгунова.

15. Петра Дмитриевича Еропкина.

16. Михайла Алексѣевича Деденева.

17. Генералъ-порутчика Соловова.
18. Генералъ-порутчика Измайлова.
19. Генералъ-аншера Эльмпта.
20. Генералъ-аншефа графа Ивана Петровича Салтыкова.
21. Президента Хитрова.
22. Князя Юрья Владиміровича Долгорукова.
23. Всѣхъ гвардіи маіоровъ.
24. Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кадмина.
25. Тайнаго совѣтника Стрекалова.
26. Сенатора Соймонова.
27. Генералъ-порутчика Щербатова.
28. Тайнаго совѣтника и сенатора Козлова.
29. Ивана Перфильевича Елагина.
30. Лукьяна Ивановича Камынина.
31. Сенатора князя Вяземскаго.
32. Адмирала Синявина.
33. Шталмейстера Ребиндера.
34. Генералъ-аншефа князя Репнина.
35. Генералъ-аншефа князя Прозоровскаго.
36. Генералъ-рекетмейстера Маслова.
37. Статскаго совѣтника Левашова.
38. Сенатскаго оберъ-прокурора Перекусихина.
39. Генералъ-порутчика Озерова.
40. Генералъ-аншефа Николая Ивановича Салтыкова.
41. Полковника Шталя.
42. Принца Дармштадскаго.
43. Принца Голштинскаго.
44. Принца Ангальтъ-Бернбургскаго.
45. Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Самойлова.
46. Лейбъ-гвардіи караульнаго капитана.

47. Бывшихъ камеръ-пажей: Мальтица, Богдановыхъ, Саблукова, Журавлева, Аргамачева, Обрѣзкова, князя Голицына, Дубенскаго, Золотухина, Тараканова, Спиридова, Докторова, Аврепа, Миллера, Сиверса, Пуговишвинова, Козлова, Ладыженскаго, Френева, Дмитрія и Петра Глѣбовыхъ.
48. Караульныхъ гвардіи офицеровъ и кавалергардовъ во время баловъ и концертовъ въ той комнатѣ.
49. Графа Остермана.
50. Генераль-порутчика графа Румянцова.
51. Статскаго совѣтника Акчурпина.
52. Сенатора Остервальда.
53. Генераль-маіора Перфильева.
54. Статскаго совѣтника Пастухова.
55. Полковника Михельсона.
56. Оберъ-полиціймейстера Архарова.
57. Генераль-кригсъ-комисара Дурнова.
58. Всѣхъ губернаторовъ.
59. Генераль-порутчика Каменскаго.
60. Генераль-порутчика Текелли.
61. Генераль-маіора Муромцова.
62. Графа Браницкаго.
63. Бригадира графа Воронцова.
64. Въ должности церемоніймейстера полковника Пушкина.
65. Генераль-маіора Петра Васильевича Завадовскаго.
66. Ея Императорскаго Величества флигель-адъютантовъ.
67. Генераль-порутчика Игельштрома.
68. Генераль-маіора Волкова.
69. Полковника Безбородкина.

70. Графа Штакельберга.
71. Аристарха Петровича Кашкина.
72. Ивана Михайловича Ребиндера.
73. Лейбъ-гренадерскаго полка вице-полковника Александра Уварова.
74. Семена Гавриловича Зорича.
75. Генераль-маіора Карпа Егоровича фонъ-Гантвига.
76. Сенатскихъ оберъ-прокуроровъ: Рязанова, Рожнова.
77. Генераль-провіантъ-мейстера князя Щербатова.
78. Генераль-порутчика Ѳедора Ивановича Глыбова.
79. Сенатскаго оберъ-прокурора князя Волконскаго.
80. Генераль-маіора и кавалера князя Волконскаго.
81. Виртембергскаго камергера Берха.
82. Морскаго капитана-порутчика графа Войновича.
83. Полковника Потемкина.
84. Полковника Ефимовича.
85. Министра Симолина.
86. Его свѣтлость князя Григорья Александровича генеральсъ-адъютацтовъ Милошевича и Бахметьева.
87. Гамбургскаго министра Гросса.
88. Оберъ-полицеймейстера Лопухина.
89. Статскаго совѣтника Сухарева.
90. Генераль порутчика Лопухина.
91. Генераль-аншефа Берха.
92. Генераль-порутчика Суворова.
93. Цесарскаго генераль-порутчика князя Делиль.
94. Лейбъ гвардіи Преображенскаго полка капитана князя Николая Волконскаго и адъютанта Василія Ланскова.
95. Генераль-порутчика князя Вяртинскаго.

96. Сенатскихъ оберъ-прокуроровъ Балашева и Колокольцова.
97. Аркадія Ивановича Терскаго.
98. Московскаго оберъ-полицеймейстера Островскаго.
99. Вице-адмирала Грейга.
00. Генераль-порутчика Ганибала.
01. Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бакунина.
02. Сенатора Муравьева.
03. Сенатора Мансурова.
04. Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка порутчика Кушелева.
05. Польскаго генераль-аншефа графа Мнишка и съ фамиліею.
06. Генераль-маіора Петра Шепелева.
07. Капитана Алексіанова.
08. Санктъ-Петербургскаго вице-губернатора Маврина.
09. Во время баловъ и концертовъ пропускать во внутреннія комнаты княгиню Дашкову и дѣтей ея: дочь и сына, Семеновскаго полка капитана.
10. Принца Виртембергскаго съ супругою и графиню Левенштейнъ.
11. Санктъ-Петербургскаго полицеймейстера Рыльева.
12. Въ день Св. Георгія того ордена всѣхъ кавалеровъ.
13. Санктъ-Петербургскаго оберъ-полицеймейстера Тарбѣева.
14. Генераль-порутчика Петра Ивановича Мелисина.
15. Санктъ - Петербургскаго вице - губернатора Голохвистова.
16. Генераль-порутчика графа Ангальта.
17. Генераль-аншефа Миллера.

118. Тайнаго совѣтника Фитингофа.
119. Морскаго адмирала Голенищева-Кутузова.
120. Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сакена.
121. Графа Дебальмена.
122. Отправляющагося въ Швецію министромъ Моркова до
пробытія его здѣсь пропускать.

П Р И В Л Е Ч І Е:

По словесному приказанію пропускать господина Гримма.

Два донесенія Екатеринѣ Великой адмирала Грейга *).

(1783).

I.

Всеимпостивѣйшая Государыня!

Повинуясь вашей всевысочайшей волѣ, я при семъ полагаю предъ стопами Вашего Императорскаго Величества мое скуднѣйшее мнѣніе и примѣчаніе на разные члены сочиненія, каковое всеимпостивѣйше благоволили мнѣ препоручить; исповѣдая слабость моихъ силъ, дабы расположить толь обширный планъ надлежащимъ образомъ. Особливо шестой членъ требуетъ размышленія и положенія высочайшія прозорливости.

Припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, есмь Всеимпостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества, и пр.

Кронштатъ.

Генваря 12 дня 1783 года.

*) Писано за два мѣсяца до присоединенія Крыма, чемъ шли тогда непріятельные дипломатическіе переговоры, на случай неудачи конхъ Екатеринина готовилась дѣйствовать мѣрами воинскими. П. Б.

1.

Вопросъ Государыни.

1-е. На случай войны съ Турками, по числу 15 кораблей, въ Средиземное море отправляемыхъ, сколько потребно фрегатовъ и другихъ меньшихъ военныхъ судовъ, и какихъ именно?

Отвѣтъ Грейга.

При пятнадцати корабляхъ, потребно имѣть шесть фрегатовъ, два бомбардирскихъ корабля, и шесть или восемь каторовъ, шебековъ, или подобныхъ симъ судовъ, для всякой посылки; да не худо бы было еще имѣть два гошпитальные корабли для трудно-больныхъ или, въ случаѣ, для раненыхъ; также пять или шесть брандеровъ. Но сіи послѣднія суда можно приготовить въ Средиземномъ морѣ.

2.

Вопросъ Государыни.

2-е. Сколько надобно на все сіе вооруженіе людей, начиная съ офицеровъ и до послѣднихъ служителей?

Отвѣтъ Грейга.

При семъ прилагается табель всѣмъ офицерамъ и служителямъ, потребнымъ на вышепоманутое вооруженіе. И еще сверхъ означеннаго по табели, сколько флагмановъ Ея Императорскому Величеству благоугодно будетъ опредѣлить, со всѣми принадлежащими имъ штатами. Также докторъ или штаблѣкаръ.

3.

Вопросъ Государыни.

3-е. Сколько нужно имѣть тамъ сухопутныхъ войскъ для дѣйствій?

Отвѣтъ Грейга.

Чтобъ содѣйствовать съ успѣхомъ, нужно будетъ имѣть сухопутныхъ войскъ не менѣе 10.000 человекъ, изъ коихъ 5.000 регулярныхъ и 5.000 нерегулярныхъ, какъ-то: Сѣлавоновъ, Албанцовъ и Грековъ, которые тамъ могутъ быть набраны въ непродолжительное время, когда мѣры для оного заблаговременно будутъ приняты. Изъ числа 5 000 регулярныхъ войскъ 400-мъ человекъ должно быть артиллерійскимъ и 600 кирасиръ. Сіи артиллерійскіе и кирасиры могутъ быть помѣщены на корабляхъ и фрегатахъ, безъ утѣшенія, отъ чего надлежитъ остерегаться, дабы сохранить здоровье служителей. Остальныхъ 4.000 сухопутныхъ войскъ надобно будетъ переселить на транспортныя суда. Обыкновенно полагается на такое дальное плаваніе по одному ласту на каждого человека; и такъ для 4.000 войскъ потребно будетъ 4.000 ластовъ, и по сравненіи большихъ транспортныхъ судовъ съ малыми взять за среднюю пропорцію около 150 ластовъ; то на сіе число войскъ потребно будетъ до двадцати семи такихъ транспортныхъ судовъ. Ежели сіи транспортныя суда наняты будутъ у купцовъ, съ платою по пяти рублевъ съ полтиною за каждый ластъ на мѣсяцъ, что кажется для нихъ довольно будетъ выгодно, на 4.000 ластовъ, по пяти рублевъ съ полтиною, выходитъ 22.000 рублевъ на каждый мѣсяцъ, поколѣ въ нихъ будетъ надобность, а на цѣлый годъ выходитъ 264.000 рублевъ.

Относительно нерегулярныхъ войскъ, которыя тамъ будутъ забраны, довольно можно будетъ найти Греческихъ и другихъ мелкихъ судовъ, для перевоза оныхъ; особливо ежели заблаговременно будутъ взяты мѣры.

4.

Вопросъ Государыни.

4-е. Какія провизіи и другія снабдѣнія надобны, и гдѣ оныя заготовить лучше и для казны выгоднѣе; особливо что можно отсюда съ собою везти?

Отвѣтъ Грейга.

Отсюда надобно съ собою взять сухарей, муки, овсяныхъ и гречневыхъ крупъ и вина, на цѣлый годъ. Сія провизія, ежели только хорошаго качества и съ бережливостію хранима на морѣ, можетъ держаться на оное время безъ порчи; но какъ на военные корабли не больше какъ на пять мѣсяцовъ сей провизіи помѣстится можетъ, то остальную погрузить въ транспортныя суда. Коровья масла на шесть мѣсяцовъ. Говядины же и свинины весьма довольно будетъ везти съ собою на четыре съ половиною мѣсяца, для того, что сія провизія нашего пріуготовленія скоро въ тепломъ климатѣ портится; да когда и хранится безъ порчи, качество оной не такъ доброе и для служителей не такъ здоровое, какъ Ирландскаго пріуготовленія. того ради лучше будетъ запастись Ирландскою говядиною и свииною, на десять мѣсяцовъ, и нѣсколькимъ количествомъ коровья масла. И какъ нынѣ находится доволь-

*) Хотя Черкасскій скотъ и Россійская свинина ничѣмъ не хуже Ирландской, но образъ своего пріуготовленія весьма разнится. Въ Ирландіи быковъ кормятъ шесть недѣль до боя, сухимъ кормомъ, то-есть наилучшимъ сѣномъ, овсомъ, ячменемъ и отрубями, производить твердое мясо. Но у насъ быковъ бьютъ солятъ, привозя прямо поля, чрезъ что говядина скоро теряетъ свой сокъ и силу, а свиину покупають мерзлую и солятъ, которая никогда доброю въ качествѣ своемъ быть не можетъ.

ное число Россійскихъ купеческихъ судовъ въ Англіи, можно будетъ ихъ тамъ нанять, подъ видомъ будто оный грузъ везти изъ Ирландіи въ Лиссабонъ; и по отправленіи ихъ изъ Ирландіи, корабельщикамъ дать повелѣніе идти въ Лиссабонъ и ожидать тамъ дальнѣйшаго повелѣнія отъ своихъ купцовъ; и тамъ они могутъ соединиться со флотомъ. Считая число корабельныхъ служителей до 11.000 человекъ, сухопутныхъ войскъ 5.000, а всего 16.000: то количества мяса говяжья и свиного, погребнаго на десять мѣсяцовъ, будетъ около 56.000 пудовъ, или 466 ластовъ, полагая 120 пудовъ на каждый ласть.

На сіе потребно будетъ три судна, около 160 ластовъ каждое; и на каждое изъ нихъ надобно погрузить равное количество говядины и свинины, то есть около 77 ластовъ каждого, и по шести или по семи ластовъ коровья масла, на каждое же судно.

И такъ потребно будетъ всего до тридцати транспортныхъ судовъ.

Касательно до нерегулярныхъ войскъ, то для нихъ потребно только заготовить муки и сорочинскаго пшена, какъ они будутъ находиться токмо на малое время на своихъ судахъ, плавая отъ одного мѣста къ другому; и вездѣ куда они ни пристають, сыскиваютъ для себя свѣжее мясо. И такъ ежели можно заблаговременно тамъ приготовить 12.000 пудъ муки и 12.000 пудъ сорочинскаго пшена, сего количества на 5.000 человекъ можетъ стать на три мѣсяца или болѣе.

Въ продолженіи бытія флота въ Средиземномъ морѣ, островъ Сицилія былъ бы самымъ выгоднѣйшимъ мѣстомъ для покупки пшеничной муки на хлѣбъ, ежелибъ Неаполитанскій дворъ на то былъ согласенъ; но во время прошедшей войны сей дворъ оказалъ намъ столько своихъ неблагоклонностей, что

хлѣбъ оттуда намъ не отпустили, и нашъ агентъ въ Ливорнѣ принужденъ былъ выписывать пшеницу изъ Сициліи чрезъ купцовъ въ Ливорну, гдѣ оную мололи и пекли сухари для флота. Кажется, нынѣ не худо бы было заготовить пшеницы и муки въ Ливорнѣ заранее до 150.000 пудовъ или 50.000 по кантарю: а флотъ для себя всегда можетъ найти довольно количество сорочинскаго пшена съ добычныхъ судовъ. Мясо же соленое всякой годъ заблаговременно надобно выписывать изъ Ирландіи; но количество онаго будетъ умѣренное, по причинѣ, что вездѣ куда флотъ ни пристанетъ въ Архипелагѣ, командующіе стараться будутъ доставать для служителей свѣжее мясо, а соленое беречь.

Другія снабженія для флота въ Архипелагѣ состоятъ въ канатахъ, веревкахъ, парусинѣ и въ нѣкоторомъ числѣ якорей, и весьма будетъ выгодноѣ для казны, ежели потребное количество каждое лѣто отсюда отправлено будетъ. Касательно же до артиллерійскихъ припасовъ, довольно достаточнымъ количествомъ снабдиться надобно при отправленіи флота, дабы въ оныхъ не имѣть ни малѣйшаго недостатка послѣ.

Деньги выгоднѣйшія для употребленія въ Архипелагѣ суть Венеціанскіе червонцы и императорскіе талеры.

5.

Вопросъ Государыни.

Гдѣ назначить мѣста для сбора эскадры и для ихъ снабженія?

Отвѣтъ Грейга.

По выходѣ изъ Балтійскаго моря, Портсмутъ былъ бы хорошее мѣсто для перваго сбора и для снабженія водою, прежде нежели флотъ пустится въ океанъ. Но въ разсужде-

ни нынѣшнихъ обстоятельствъ, что сей портъ столько занять своими Англическими кораблями, что медленность можетъ воспослѣдовать въ доставленіи нужнаго: то, кажется, Лиссабонъ лучше будетъ для перваго сбора эскадръ, гдѣ они скоро могутъ запасти прѣсною водою. А по выходѣ изъ Лиссабона, въ случаѣ разлученія, опять могутъ собраться подлѣ острова Мальты и тамъ соединиться съ эскадрою, находящеюся нынѣ въ Ливорнѣ; въ случаѣ же педошедшихъ какихъ судовъ, разлучившихся съ эскадрами, оставить печатное повелѣніе у повѣреннаго въ дѣлахъ въ Мальтѣ, куда имъ слѣдовать за флотомъ. По соединеніи же флота въ Мальтійскомъ каналѣ, спуститься оттуда прямо въ портъ Наварино, гдѣ чаятельно городъ не долго противостоитъ такой превосходной силѣ. Въ семь портъ эскадры могутъ быть снабдены прѣсною водою, и всѣ нерегулярныя войска, какъ Склавоны и Албанцы, могутъ тамъ собраться въ непродолжительное время. А между тѣмъ приготовить пять или шесть брандеровъ, изъ небольшихъ Греческихъ судовъ, которые тамъ легко достать можно.

6.

Вопросъ Государини.

По бытности господина адмирала во всю прошедшую войну, не худо имѣть мнѣніе его, сколько можно судить предварительно о дѣйствіяхъ флота и куда оныя обратить?

Отвѣтъ Грейга.

Чтобъ не истощить сего вооруженія на маловажныя предпріятія, кажется, тѣмъ скорѣе и чѣмъ ближе нанести первый ударъ къ Царю Граду, особливо въ разсужденіи нынѣшнихъ замѣшательствъ и слабости въ Оттоманскомъ правленіи, тѣмъ

больше восчувствовано ими будетъ; для того и рѣшительность войны скорѣе можетъ воспослѣдовать. Главнымъ предметомъ сего вооруженія долженствуетъ быть завладѣніе Дарданелами и отрытіе пути къ самому Царю Граду. Но для ожиданія отъ сего предиріятія желаемого успѣха, оно должно нѣкоторымъ образомъ быть сопряжено съ дѣйствіями и успѣхами главной арміи; ибо вышеположенное число войскъ, хотя кажется довольномъ для внезапнаго нападенія на Дарданельскія крѣпости, однако, въ разсужденіи близости столицы и многочисленности окрестныхъ обывателей, непріятель въ краткое время можетъ собрать такую силу, что наши войска не въ состояніи будутъ сопротивляться, ежели вниманіе непріятелей не обратится на приближеніе главной арміи. И для поспѣшнѣйшаго доставленія извѣстій между главною арміею и флотомъ, надлежитъ имѣть два легкія судна, какъ-то: каторы или шебеки, въ портъ Фиумо, неподалеку отъ Триеста. Чрезъ сіе же мѣсто, всякое извѣстіе скорѣе можетъ быть доставлено, не токмо между арміею и флотомъ, но также между Петербургомъ и Архипелагомъ, нежели чрезъ Ливорну. А когда главная армія перейдетъ за рѣку Дунай, кажется тогда можно будетъ сыскать способъ чинить тайныя переписки со флотомъ чрезъ портъ Энно.

Касательно до атаки на Дарданелы, то по благоразумію, кажется, не можно на сіе отважиться въ зимнее время, ради жестокихъ бурь и непостоянныхъ погодъ, которыя продолжаются чрезъ всю зиму въ Архипелагѣ; да и въ лѣтнее время надобно пользоваться случаями благополучныхъ вѣтровъ и погодъ для сего предиріятія: ибо теченіе всегда имѣетъ свое стремленіе изъ Дарданель и иногда бываетъ такъ сильно, что корабль, съ умѣреннымъ благополучнымъ вѣтромъ, едва противу онаго плыть можетъ. При томъ и вѣтръ по большей

части бываетъ отъ Нордъ-Оста, а Зюйдъ — восточный вѣтръ, не часто случается, и то на краткое время. Сіе естественныя обстоятельства содѣлываютъ Дарданелы болѣе оборонительными противу морскаго приступа, нежели всѣ прочія ихъ укрѣпленія. Сего ради нужно будетъ высадить десантъ на сѣверную сторону Дарданель и стараться овладѣть крѣпостію и батареями съ береговой стороны, а флоту между тѣмъ тѣниться по обстоятельствамъ подавать имъ всякое вспоможеніе съ морской стороны.

Ежели Оттоманской флотъ не находится въ силахъ, или не разсудитъ за благо отважиться на морское сраженіе, то чаятельно, что онъ будетъ имѣть свое расположеніе около верхней Дарданельской крѣпости, гдѣ должно ожидать самаго сильнѣйшаго сопротивленія. Но все сіе дѣйствіе много зависить отъ обстоятельствъ, могущихъ тогда открыться и благо-разумнаго расположенія командующихъ, чтобы опяя употребить въ пользу.

Ежели собраніе флота и наборъ нерегулярныхъ войскъ продолжится до поздняго осенняго времени, такъ что не можно отважиться на сіе главное предиріятіе; то чтобы сіе вооруженіе не стояло праздно и безъ дѣйствія, чрезъ всю зиму въ Наваринскомъ портѣ, можно овладѣть островомъ Лемносомъ, въ которомъ находится весьма способная и безопасная гавань для цѣлаго флота, гдѣ они могутъ зимовать, ожидая благополучнаго случая для атаки Дарданель. И сей портъ въ такомъ положеніи, что можно крейсерами удерживать всѣ провизіи, везомыя въ Константинополь. На семъ же островѣ находится немалое количество скота, для снабженія служителей свѣжимъ мясомъ.

Между тѣмъ какъ зима продолжается, можно употреблять нерегулярныя войска въ небольшой десантъ, на берега

Наголии, Романии и на острова. дабы отвратить вниманіе непріятелей и учинить имъ вездѣ безпокойство, пока успѣхи главной арміи или другія обстоятельства позволятъ наступить противу Дарданель.

II.

Всеимпостиѣйшая Государыня!

На разные члены каковыя Ваше Императорское Величество всеимпостиѣйше благоволили мнѣ поручить и требовать мои мысли и изъясненія на оныя. на шестой членъ я упомяну, что главнымъ предметомъ морскаго вооруженія долженствуетъ быть завладѣніе Дарданелами и открытіе пути къ самому Царю Граду.

При семъ всеподданнѣйше осмѣливаюсь положить предъ стопы Вашего Императорскаго Величества планы расположенія Дарданельскаго пролива, съ изображаемыми на ономъ крѣпостями. Осмѣливаюсь еще приложить нѣкоторыя мои скудныя размышленія о произведеніи приступа на сіи крѣпости, исповѣдуя слабость моего знанія въ сихъ дѣйствіяхъ, которыя единственно относятся къ искусству сухопутныхъ генераловъ. Но какъ дѣйствія сухопутныхъ войскъ, при семъ случаѣ, нѣкоторымъ образомъ будутъ сопряжены съ дѣйствіями флота: то по извѣстнымъ мнѣ положеніямъ сихъ мѣстъ, я отважился изъяснить свои скудныя мысли, которыя токмо служить могутъ въ нѣкоторую помощь ихъ дальнѣйшимъ разсужденіямъ. Планы Дарданельскихъ крѣпостей сняты были инженернымъ офицеромъ барономъ Паленомъ по заключеніи мира, и по его искусству. я надѣюсь, что оныя довольно сходны.

Припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, есмь, всемилостивѣйшая Государыня. Вашего Императорскаго Величества и пр.

Генваря 20 дня
1783 года.

Размысленія относящіяся ко овладѣнію Дарданельскими крѣпостями.

Полагаю число сухопутныхъ войскъ, какъ въ прежнихъ листахъ означено, то-есть: 4000 пѣхоты, 600 кирасиръ, 400 артиллерійскихъ, и 5000 нерегулярныхъ войскъ. По прибытіи всего вооруженія противу Дарданель, оставя нѣсколько легкихъ фрегатовъ и каторовъ курсировать между сѣверныхъ Дарданель и островомъ Эмбросъ, для примѣчанія и доставленія заблаговременнаго извѣстія главному командиру, ежели непріятельскій флотъ отважится выдти изъ Дарданель, прочему вооруженію идти на сѣверную сторону Дарданель, высаditъ весь десантъ, подъ прикрытіемъ военныхъ кораблей, на способнѣйшее мѣсто, которое найдено быть можетъ вблизи крѣпости, и немедленно стараться произвести незапное нападеніе и овладѣть крѣпостію Молдавиджи-паша (означенною на планахъ литерою А). Сей приступъ учинить должно или эскаладами или пробитіемъ воротъ петардами, или посаженіемъ минеровъ въ углахъ обоихъ сѣверныхъ бастіоновъ, подъ защитою толстыхъ досокъ, для открытія прохода сквозь стѣны; что все вмѣстѣ можетъ быть предприемлемо вдругъ, какъ окажется способнѣе по обстоятельствамъ на мѣстѣ: ибо около сей крѣпости никакихъ рововъ не находится, и стѣны повидимому не выше 16 или 18 футовъ. Чрезъ овладѣніе сею крѣпостію, войска находятся будутъ въ твердомъ

и безопасномъ для себя укрѣпленіи, какъ оно имѣетъ свое положеніе на высотѣ и владѣетъ всѣми окрестностями, по самую Европейскую крѣпость (означенную на планѣ литерою С).

Чаятельно, не трудно будетъ овладѣть крѣпостію (къ означена литерою В), поелику она оставлена за вѣтхостію; но высота, на коей она имѣетъ свое положеніе, совершенно владѣетъ первою Дарданельскою крѣпостію С, которая уповательно не долго противустоять будетъ совокупнымъ дѣйствіямъ войскъ и флота, которые въ семъ случаѣ могутъ чинить другъ другу взаимное вспоможеніе; а по овладѣніи сею крѣпостію, всю артилерію въ ней разорвать, и также нѣкоторую часть укрѣпленія съ морской стороны подорвать, дабы корабли всегда могли имѣть свободный проходъ.

По разореніи нижней Дарданельской крѣпости, флотъ съ арміею долженъ слѣдовать противу верхней крѣпости (означенной на планѣ буквою D). Высокія горы, находящіяся въ близости за оною крѣпостію, совершенно ею владѣютъ, а завладѣніе оною почти единственно будетъ зависить отъ сухопутныхъ войскъ: ибо, отъ узкости канала, теченіе тамо такъ быстро, что корабль ни на малое время не можетъ стоять въ одномъ положеніи, отъ чего и пушки останутся безъ желаемого дѣйствія; также и въ разсужденіи близости крѣпости Абидосъ на Азіатскомъ берегѣ, гдѣ корабль будетъ находится въ самой большей опасности. Но по положенію сей крѣпости и высоты мѣсть позадь оной, уповательно, что сухопутныя войска скоро оною могутъ овладѣть.

Когда сею крѣпостію, Зестосъ, уже овладѣли, вся артилерія въ оной находящаяся можетъ обращена быть противу крѣпости Абидосъ, на Азіатскомъ берегѣ, которая въ разстояніи отъ оной меньше пушечнаго выстрѣла. Противу сей крѣ-

пости корабли также могут дѣйствовать и чрезъ совокупное ихъ дѣйствіе стараться изъ оной выгнать гарнизонъ. А ежели въ семь удастся, то, по овладѣніи оною, всѣ пушки разорвать и крѣпость сколько можно разрушить, чтобъ мимоидущимъ кораблямъ не могло впредь причиниться вреда.

Командующіе флотомъ и арміею могутъ между собою учредить сигналы на всякіе случаи во все время своего дѣйствія.

Чаятельно, что за сими крѣпостями Турецкій флотъ будетъ имѣть свое расположеніе, для атаки котораго Россійскій флотъ нынѣ обрящетъ открытый путь, когда вѣтръ и погода позволятъ. Хотя сей планъ дѣйствія противу Дарданельскихъ крѣпостей оказывается способнымъ, въ разсужденіи расположеній сихъ крѣпостей; но движенія непріятеля и разныя обстоятельства, могущія открыться тогда на мѣстѣ, могутъ причинить немалыя перемѣны въ семь расположеніи, какъ-то: напримѣръ, по овладѣніи крѣпостей Молдавиджи-паша, ежели число Турецкихъ войскъ окажется не велико, то 1000 человекъ регулярныхъ войскъ, 1000 нерегулярныхъ и 200 артиллерійскихъ могутъ почестъся за довольное число для атаки первой Дарданельской крѣпости; а всѣмъ прочимъ войскамъ немедленно идти для занятія высотъ, позадь верхней Дарданельской крѣпости Зестось, и укрѣпить себя ретраншамен-тами.

Какъ скоро обстоятельства позволятъ, нерегулярнымъ войскамъ идти чрезъ деревни, для набиранія лошадей и лошаковъ, къ снабженію кирасиръ и къ воженію артилеріи, амуниціи и провіанта.

Относительно разныхъ батарей по берегу, послѣку оныя безъ защиты съ береговой стороны, то чаятельно оставлены будутъ по приближеніи нашихъ войскъ, и останется токмо находящіяся на оныхъ пушки разорвать.

Сухопутные генералы конечно будутъ имѣть попеченіе снабдиться всѣми нужными инструментами, для всякаго рода атаки.

Ежели по прибытіи морскаго вооруженія въ Архипелагъ, достовѣрное извѣстіе доставлено будетъ, что многочисленныя непріятельскія войска находятся въ Дарданельскихъ крѣпостяхъ и въ окрестности оныхъ: тогда все вооруженіе можетъ идти прямо въ заливъ Саросъ и высадить десантъ на перешеекъ, не подалеку города Галиполи. до 1000 человекъ регулярныхъ, 2500 нерегулярныхъ, 100 артиллерійскихъ и 200 кирасиръ. Регулярнымъ войскамъ немедленно укрѣпить себя ретраншаментами и редутами, въ способнѣйшемъ мѣстѣ, для сохраненія сообщенія со флотомъ. А нерегулярныхъ выслать партіями по деревнямъ, для доставленія кирасирамъ лошадей и для сысканія Грековъ, или тамошнихъ обывателей, которые совершенно бы знали всѣ дороги и служили бы путеводителями. А потомъ употреблять нерегулярныя войска и кирасиръ на разныя маловажныя предпріятія въ семь перешейкъ, пока вниманіе непріятеля не обратится противу сего десанта. И какъ скоро примѣчено будетъ, что непріятельскія войска изъ Дарданельскихъ крѣпостей противу онаго выступили, то оставить довольное число фрегатовъ и транспортныхъ судовъ, для снятія сего десанта, когда за нужное почтется; а флоту съ прочими войсками идти немедленно изъ залива Саросъ къ Дарданеламъ, высадить войска и поступать такъ, какъ выше упомянуто, для овладѣнія крѣпостями.

ДѢЛО О РАЗВОДѢ

ГЕНЕРАЛЪ-ПОРУЧКА

СИВЕРСА

СЪ ЖЕНОЮ ЕЛИСАВЕТОЮ.

1779.

1.

Monsieur.

Comme le tems approche que ma malheureuse affaire va être décidée au Sénat, je prie très-humblement votre excellence de vouloir bien parcourir dans un moment de loisir l'extrait de mon affaire que j'ai l'honneur de lui envoyer ci-joint. Votre excellence y verra de quelle façon qu'on en a agi avec moi: je ne m'y serais attendue jamais. L'équité et la bienfaisance de votre excellence qui est connue me font espérer qu'elle me protégera et me rendra justice. Il ne me reste que d'assurer votre excellence que je serai toute ma vie avec la plus parfaite considération

de votre excellence

la très-humble et très-obéissante
servante C. E. de Sievers.

Ce 21 d'Août
1779.

2.

Переводъ письма господина Сиверса, писаннаго имъ къ дядѣ его, Карлу Ѳедоровичу Крузу, прежде начатія третейскаго суда.

Любезнѣйшій дядя!

Я съ поспѣшеніемъ увѣдомляю васъ, что Ея Императорское Величество въ письмѣ весьма милостивѣйшемъ, которымъ меня сегодня удостоить соизволила, повелѣла мнѣ несчастное мое дѣло съ женою моею разобрать чрезъ третейскихъ судей. Я, не вѣдая, знаетъ ли о томъ моя жена, васъ прошу ей о томъ дать знать. Должники ея меня беспокоятъ ежедневно; но сіе разобрать должно будетъ съ господами третейскими судьями.

Я навсегда пребуду истиннѣйшій вашъ другъ І. Сиверсъ.
Въ среду ввечеру.

3.

Переводъ другаго письма, писаннаго господиномъ Сиверсомъ къ дядѣ жъ его, его превосходительству Карлу Ѳедоровичу Крузу.

Любезнѣйшій дядя!

Не имѣя никакихъ извѣстій о выборѣ судьи со стороны жены моей, принужденъ повторить мою къ вамъ просьбу; время уже кончить нашъ взаимный стыдъ. Слышалъ я вчерась, что будто его сіятельство графъ Миннихъ вознамѣрился взять на себя сіе печальное дѣло. Я весьма тому радъ: онъ есть человекъ безпорочной совѣсти и добродѣтельной; я бы самъ хотѣлъ его избрать.

Я навсегда пребуду вашъ истинный племянникъ и другъ

Яковъ Сиверсъ.

Оригиналы обоихъ сихъ писемъ хранятся у его превосходительства Карла Ѳедоровича Круза, а данныя копии въ Государственную Юстицъ-Коллегію имъ засвидѣтельствованы

4.

Переводъ уполномочія господина Сиверса, даннаго его высокопревосходительству Адаму Васильевичу Олсуфьеву.

Какъ къ сожалѣнію между мною и супругою моею Елисаветою, дочерью графа Сиверса, дошло до того, что мы взаимно желаемъ развестися отъ стола, ложи, дома и имѣнія. препоручая оное третейскимъ судьямъ, то я нижеподписавшійся генераль-поручикъ и кавалеръ Яковъ Ефимовъ сынъ фонъ-Сиверсъ симъ объявляю, что я третейскимъ судьей избралъ его высокопревосходительство господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Адама Васильевича Олсуфьева для переговоровъ о томъ съ уполномочиваемымъ отъ жены моей третейскимъ же судьей и для опредѣленія онаго отъ стола, ложи и имѣнія развода, оставляя каждому изъ насъ собственное какъ наслѣдное, такъ и нажитое имѣніе; равномерно дѣлать по справедливости и благоразсмотрѣнію своему о прижитыхъ въ бракъ нашихъ трехъ дочеряхъ положеніе. Чтò же означенными обоими господами третейскими судьями по тому единогласно положено будетъ, оное я, *не прекослова, подписать и исполнить буду.* Въ случаѣ томъ, что избранные третейскіе судьи въ чемъ несогласны будутъ, оставляется имъ на волю избрать главнаго третейскаго судью и чтò тогда по большинству голосовъ опредѣлено будетъ, *оному не прекослова же подписать и исполнять буду непременно.* Въ вѣдѣніе того увѣреніе я сіе полномочіе подписалъ собственною рукою съ при-

ложеніемъ печати моей. Санктъ-Петербургъ, Октября 25-го дня 1778 года.

Яковъ Ефимовъ сынъ фонъ-Сиверсъ.

Оригиналъ сего уполномочія хранится у его высокопревосходительства Адама Васильевича Олсуфьева.

5.

Милостивая государыня!

Съ тѣхъ поръ какъ угодно было вамъ поручить мнѣ важную должность третейскаго главнаго судьи sугарбіге, для разобранія и рѣшенія дѣла о разводѣ вашего превосходительства съ супругомъ вашимъ, со тщаніемъ стремился я исполнить долгъ свой сходясь съ обстоятельствомъ дѣла, наблюдая при томъ справедливость и благопристойность. И потому, слѣдуя внутреннему совѣсти своей убѣжденію сочинилъ я прилагаемые при семъ пункты, имѣющіе служить основаніемъ вашего съ супругомъ развода. Истинное и нелицемѣрное усердіе поспѣшествовать взаимному вашему спокойствію заставляеть меня искренно желать, дабы по крайней мѣрѣ благополучіе дѣтей вашихъ сколько ни есть могло служить вамъ утѣшеніемъ въ несчастномъ вашемъ союзѣ.

Пребываю съ отмѣннымъ высокопочитаніемъ моимъ

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга князь А. Голицынъ.

6.

Пункты, на которыхъ основанъ разводъ господина Сиверса съ супругою его.

Избранные господиномъ Сиверсомъ и супругою его по сему разводному ихъ дѣлу съ достаточными уполномоченіями третейскіе судьи, arbitres, а именно со стороны г. Сиверса его высокопревосходительство господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Олсуфьевъ, а со стороны госпожи фонъ-Сиверсъ—его высокопревосходительство господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Минихъ, будучи по большей части въ мнѣніяхъ своихъ согласны, кромѣ только тѣхъ пунктовъ, кои касаются дѣтей ихъ и состоящаго по банку долга 10,000 рублей, упросили меня въ главные третейскіе судьи, sugarbitre, съ тѣмъ, чтобъ по причинѣ такового ихъ несогласія оныя пункты рѣшить. Вслѣдствіе того, разсматривая учиненный ими планъ, я справедливо нашелъ сдѣлать слѣдующее положеніе, *долженствующее служить господину Сиверсу и его супругѣ правиломъ* въ разсужденіи какъ развода, такъ и распоряженія обоюднаго ихъ и дѣтей имѣнія.

а.

Какъ происшедшія взаимныя съ обѣихъ сторонъ несогласія всѣ узы союза истребили, то и пребывать господину Сиверсу съ супругою его въ разлученіи отъ стола и ложа брачнаго, раздѣля по себѣ имѣніе какъ движимое, такъ и недвижимое.

б.

Съ той и другой стороны должно *передать забвенію все происшедшее*, и если когда случится имъ другъ друга гдѣ видѣть, то наблюдать благопристойность взаимно.

в.

Что касается до трехъ ихъ дочерей, то господинъ фонъ-Сиверсъ старшую оставляетъ при себѣ, принимая попеченіе о воспитаніи и содержаніи ея на свой счетъ, на требуя на то отъ супруги своей ничего. Средняя же и младшая дочери для воспитанія до совершеннаго возраста имѣють отданы быть въ благопристойное мѣсто, потому что воспитаніе ихъ по юности лѣтъ отъѣзднаго требуетъ попеченія, каковаго ему господину фонъ-Сиверсу, по причинѣ частыхъ своихъ по должности отлучекъ, объ нихъ имѣть никакъ не можно. А какъ кромѣ Новодѣвичьяго монастыря трудно пріискать такое мѣсто, которое бы было равно пристойно какъ для родителей, такъ и для дѣтей, то господинъ фонъ-Сиверсъ и супруга его имѣють прибѣгнуть къ высокомоуаршей Ея Императорскаго Величества милости и просить о принятіи оныхъ малолѣтнихъ ихъ дочерей въ общество благородныхъ питомицъ, и въ такомъ случаѣ обязываются г. фонъ-Сиверсъ платить двѣ, а супруга его—третью часть пенсіонныхъ денегъ, продолжая до совершеннаго ихъ возраста, по достиженіи котораго объ дочери имѣють пакъ возвратиться въ отцовскій домъ. Господинъ фонъ-Сиверсъ супругѣ своей не возбраняетъ посѣщать старшую свою дочь, коль часто заблаго-разсудить, только бы давала ей напередъ о томъ знать.

г.

Когда дочери достигнутъ тѣхъ лѣтъ, что могутъ выйти замужъ, тогда г. Сиверсъ съ супругою своею имѣютъ о приданомъ согласиться полюбовно такъ, что отецъ долженъ дать двѣ, и мать — третью часть, наблюдая таковую же пропорцію и въ разсужденіи алмазныхъ и прочихъ домашнихъ вещей. А дабы опредѣляемое такимъ образомъ дочерямъ приданое не подвергнуть какой либо опасности, то подлежитъ до совершенія брака сдѣлать рядную.

д.

Въ случаѣ смерти госпожи фонъ-Сиверсъ, оставшееся имѣніе должны получить дочери ея, яко законныя послѣ отца и матери наслѣдницы, предоставляя управленіе онаго до замужества дочерей господину фонъ-Сиверсу, какъ законному дѣтей своихъ опекуну, или опредѣленнымъ супругою его душеприкащикамъ. Тожъ самое служить и о имѣніи господина фонъ-Сиверса въ случаѣ смерти его такъ, что дочери по законамъ ему наслѣдуютъ; а мать, если нѣтъ опредѣленныхъ душеприкащиковъ, управлять имѣніемъ до тѣхъ поръ, пока дочери замужъ выйдутъ.

е.

Госпожа фонъ-Сиверсъ отъ супруга своего получила обратно все принесенное по реестру приданое свое, какъ наличныя деньги, такъ алмазныя вещи и мебели, въ чемъ имѣетъ ему дать надлежащую росписку.

Госпожа фонъ-Сиверсъ остается при своемъ имѣніи, состоящемъ въ алмазныхъ вещахъ и мебелихъ и проч., въ томъ числѣ и загородная дача съ принадлежащими къ ней угодьями. Равнымъ образомъ она имѣетъ вступить въ полное и совершенное владѣніе состоящихъ въ Ингерманландіи мызъ своихъ и сельца Имуратова, съ тѣмъ однако, что какъ сіи мызы въ разсужденіи управленія ихъ нынѣ были соединены съ мызою Гадебушъ, которая впродъ имѣетъ состоять за господиномъ фонъ-Сиверсомъ, то и остаться имъ въ управленіи тогожъ самаго прикащика, долженствующаго въ нихъ дать отчетъ въ будущій праздникъ Святыя Пасхи, то-есть по окончаніи положеннаго экономическаго года, раздѣля потомъ доходы по пропорціи полученныхъ съ каждой мызы продуктовъ. По прошествіи жъ онаго срока показанныя мызы имѣютъ управляемы быть порознь и, какъ мызы сельца Имуратова въ бревнахъ и дровахъ имѣютъ недостатокъ, то господинъ фонъ-Сиверсъ въ пользу дѣтей своихъ, кои сіи мызы получить имѣютъ, дозволяетъ супругъ своей изъ лѣсовъ мызы Гадебушъ рубить бревна и дрова, сколько собственно для нея и крестьянъ необходимо потребно быть можетъ, какъ о томъ предписано въ 4-мъ пунктѣ отцовской духовной.

ж.

А дабы наивяще утвердить благополучіе дѣтей, госпожа фонъ Сиверсъ общается мызы сельца Имуратова ни продать, ниже обременять долгами; а тожъ самое общается и господинъ фонъ-Сиверсъ съ своей стороны въ разсужденіи состоящихъ въ Ингерманландіи мызъ своихъ Гадебуша и Лопатины.

з

Что касается до требуемыхъ господиномъ фонъ-Сиверсомъ обратно 20.000 рублей, то какъ сіи деньги должно почитать за подарокъ супругѣ для покупки мызъ, особливо въ разсужденіи того, что сія сумма дѣйствительно и употреблена на покупку мызъ, которыя по 8 пункту имѣють достаться дѣтямъ, и для того онъ, господинъ фонъ-Сиверсъ, тѣхъ денегъ впредъ требовать не станетъ.

и.

Какъ на мызахъ госпожи фонъ-Сиверсъ, кромѣ занятаго изъ банка 10.000 рублей капитала, другихъ долговъ никакихъ не имѣется, а оныя мызы по силѣ 8-го пункта впредъ проданы и долгами обременены быть не могутъ, но должны отнынѣ почитаемы быть дѣтнимъ имѣніемъ, съ котораго мать пользуется токмо доходами: то въ разсужденіи того господинъ фонъ-Сиверсъ изъ любви къ дѣтямъ своимъ беретъ сей банковый долгъ на себя; а супруга его обязывается платить половинное число ежегодныхъ за оный капиталъ процентовъ до тѣхъ поръ, пока весь капиталъ заплаченъ будетъ.

і.

Наконецъ, господинъ фонъ-Сиверсъ снимаетъ на себя заплатить всѣ долги, которые супругою его сдѣланы для домашнихъ нуждъ по день возставшаго между ими несогласія, го-есть: сего года Сентября по 22-е число.

к.

И для того фонъ-Сиверсъ и супруга его имѣють письмен-но обязаться по вышеписаннымъ пунктамъ непремѣнное чинить исполненіе. Въ Санктъ-Петербургѣ Ноября 25-го дня 1778 года.

ВВ. Каждая спорящаяся сторона получила по оригиналу сей копій.

7.

Состояніе дѣла о Сиверсовомъ разводѣ.

По кончинѣ родителей госпожи Сиверсовой. мужъ ея перемѣнилъ съ нею свое поведеніе; изъ уваженія къ покойнымъ скрывалъ онъ нѣсколько при ихъ жизни свой жесто-кій нравъ; но по смерти ихъ сталъ явно оказывать женѣ своей всевозможныя оскорбленія. Въ Сентябрѣ прошлаго го-да жили они въ находящемся близъ Петербурга загородномъ домѣ. Тутъ оскорбленія его превзошли уже всѣ мѣры чело-вѣческаго терпѣнія такъ что госпожа Сиверсова прину-жденною нашлась прибѣгнуть къ милосердію Ея Император-скаго Величества и просить защищенія отъ неносимыхъ при-тѣсненій и обидъ, претерпѣваемыхъ ею отъ своего мужа. Для избавленія же себя отъ его лютости переѣхала она съ тре-мя малолѣтними дочерьми изъ загороднаго двора въ домъ графа Фермора.

Всемиловѣйшая Государыня, слѣдуя природному своему челоувѣколюбію, высочайше повелѣла несогласія господина Сиверса съ его супругою прекратить и рѣшить третейскимъ судомъ. Повелѣніе сіе возвыщено самимъ господиномъ Си-версомъ въ письмѣ къ родному дядѣ его супруги, господину Крузу.

Въ слѣдствіе сего господинъ Сиверсъ избралъ съ своей стороны арбитромъ его высокопревосходительство Адама Васильевича Олсуфьева, а госпожа Сиверсова избрала его сіятельство графа Мниixa. Сей выборъ ея весьма апробованъ господиномъ Сиверсомъ во второмъ письмѣ его къ господину Крузу.

Каждая сторона дала своему арбитру надлежащее уполномоченіе, подписанное собственноручно и съ приложеніемъ ихъ печатей. Въ уполномочіи своемъ господинъ Сиверсъ именно обязывается: все то, что третейскими судьями единогласно положено будетъ, не прекословя, подписать и ненарушимо исполнять. Сверхъ того тутъ же оставляетъ онъ на волю господъ третейскихъ судей, въ случаѣ несогласія ихъ въ какихъ либо пунктахъ, избрать главнаго третейскаго судью, и что тогда по большинству голосовъ опредѣлено будетъ, обязывается непрекословно же подписать и исполнять.

Господа третейскіе судьи, получа таковыя уполномочія, стали разсматривать существо дѣла и, будучи въ нѣкоторыхъ пунктахъ не одного мнѣнія, избрали въ третейскаго главнаго судью его сіятельство князя Александра Михайловича Голицына. Онъ своимъ голосомъ рѣшилъ третейскій судъ и сообщилъ приговоръ обѣимъ сторонамъ для исполненія.

По полученіи сего приговора, можно ли было ожидать отъ господина Сиверса другаго поступка, какъ точнаго исполненія рѣшенія, произнесеннаго судьями имъ самимъ уполномоченными и которое обязался онъ подписать и исполнять непрекословно? Но вмѣсто сего должнаго исполненія сдѣлалъ господинъ Сиверсъ поступокъ, который паче всѣхъ доказательствъ изъясляетъ свойство души его и сердца; забылъ онъ все то, что уважать долженствовалъ и что жена его,

будучи первымъ пунктомъ рѣшенія третейскаго суда разлучена съ нимъ отъ стола и ложа, сдѣлалась для него постороннею уже особою. Со множествомъ людей пріѣхалъ онъ въ домъ графа Фермора, когда госпожи Сиверсовой не было дома, ворвался во дворъ и увезъ дѣтей силою. Спмъ поступкомъ, нарушающимъ гражданскую безопасность, хотѣлъ онъ нанести лютейшій ударъ матери и, лишивъ ее дѣтей, повергнуть ее въ истинное отчаяніе. Ни важность сана и служенія его въ государствѣ, ни уваженіе къ столицѣ императорской, ни опасеніе несчастныхъ слѣдствій, могущихъ произойти отъ отпору хозяйскихъ служителей не воспретили жестокому движенію сердца его сдѣлать такой поступокъ, за который и послѣдній гражданинъ подвергается по законамъ тяжкому взысканію.

Изгнанная изъ дому своего жестокосердіемъ мужа, лишенная дѣтей, единаго утѣшенія въ горести своей, госпожа Сиверсова прибѣгла опять къ престолу всемилостивѣйшей Государыни. Въ правосудіи ея нашла она въ другой разъ свою защиту. Ея Императорское Величество повелѣтъ ей соизволила возвратиться въ домъ свой и жить въ немъ безопасно; а потомъ генераль-полиціймейстеръ по высочайшему же повелѣнію взялъ отъ господина Сиверса среднюю дочь и отдалъ ее матери; меньшая же не могла быть къ ней привезена за болѣзнію; а большая по третейскому приговору должна у отца и оставаться.

По долгу ли службы, или отъ стыда, сдѣлавъ поступокъ толь предосудительный своему имени, господинъ Сиверсъ уѣхалъ потомъ немедленно изъ Петербурга, поруча своему повѣренному подать въ Юстицъ-Коллегію челобитье о своемъ разводѣ и объ отдачѣ ему трехъ дочерей на воспитаніе.

Въ челобитѣѣ своемъ представляетъ онъ резонъ своего требованія разныя непріятныя ему происшествія, о которыхъ однакожь не упоминаеть; жалуется, что жена его съ загороднаго двора переѣхала не въ тотъ домъ, гдѣ онъ жить расположился и. приводя Шведскій законъ о побѣгѣ жены отъ мужа, просить, въ силу онаго, брачный союзъ развести и, его оправивъ, отдать дѣтей ему на воспитаніе.

При случаѣ семь уганлъ господинъ Сиверсъ весьма непохвально: 1) что онъ получилъ монаршее повелѣніе окончать его расири съ женою третейскимъ судомъ; 2) что самъ онъ уполномочилъ своего медіатора и обязался непрекословно рѣшеніе третейскаго суда подписать и исполнять; 3) что третейскій судъ произнесъ уже свое рѣшеніе, на которое по взаимному обязательству никто изъ нихъ апелациі взять не можетъ, равно какъ и Юстиць-Коллегія ни отъ кого изъ нихъ апелациі принимать не должна по ясному содержанію перваго закона кодекса, что «приговорамъ избранныхъ третейскихъ судей апелациі брать не должно»; 4) что переѣздъ съ загороднаго двора его супруги не въ тотъ домъ, гдѣ онъ живетъ, былъ неминуемое слѣдствіе ихъ положенія и не только существа, но ниже наружности побѣга не имѣеть. И, наконецъ, въ дополненіе несправедливости своей осмѣливается господинъ Сиверсъ требовать отъ Юстиць-Коллегіи къ себѣ ту самую дочь, которая отъ него взята и отдана матери именнымъ всевысочайшимъ указомъ. Благопристойность запрещаетъ дать истинное наименованіе сему поступку.

Госпожа Сиверсова всѣ сія обстоятельства открыла Юстиць-Коллегіи въ своемъ отвѣтѣ, въ исполненіе втораго пункта третейскаго приговора; не могла она въ ономъ своемъ отвѣтѣ ни принести на него жалобы, ниже отвѣчать на его нареканія. Еслибъ вступила она тутъ въ какія-нибудь изъ-

ясненія, то бѣ могла быть обвиняема въ единомъ преступленіи съ бывшимъ мужемъ своимъ, то-есть въ неисполненіи третейскаго приговора, коего второй пунктъ обызываетъ обоихъ предать забвенію все прошедшее. И такъ госпожа Сиверсова принуждена была, въ заключеніе своего объясненія, ограничиться только въ единой просьбѣ о принужденіи мужа ея къ исполненію третейскаго приговора въ силу Шведскаго экзекуціоннаго устава 10-го Іюля 1769 года, Лифляндскаго земскаго уложенія, стр. 236. гдѣ именно сказано: «Когда кто, имѣя ясное и неподозрительное обязательство, запись или договоръ или же учиненный отъ незазорныхъ третейскихъ судей приговоръ, и со всеѣмъ тѣмъ по той или другой причинѣ удовольствія своего получить не можетъ и принужденъ будетъ отъ начальства нашего просить объ учиненіи ему судебной въ томъ помощи; то справясь, за чѣмъ дѣло стало, челобитчика развести, смотря по обстоятельству каждаго дѣла, какъ за лучше и справедливѣе разсудится, и челобитчикъ доволенъ быть можетъ»

Что же надлежитъ до требуемаго господиномъ Сиверсомъ развода, то супруга его въ томъ же самомъ своемъ отвѣтѣ объявила на то свое согласіе, лишь бы только третейскій приговоръ мужемъ ея совершенно былъ исполненъ и разводъ бы учиненъ былъ не по претексту ложно и недостойно всклепаннаго на нее побѣгу, но по истинной законной и въ лютеранской религіи довольной причинѣ къ разводу, а именно по непреодолимому другъ къ другу отвращенію между мужемъ и женою. Каковое отвращеніе оба они ощущаютъ другъ къ другу конечно въ полной мѣрѣ, тѣмъ наипаче, что госпожа Сиверсова и вышла за него противъ склонности, повинувась родительской власти, а онъ на ней женился для одной своей фортуны.

На сей отвѣтъ госпожи Сиверсовой подалъ бывшій мужъ ея въ Юстицъ-Коллегію возраженіе. Оно заслуживаетъ особливаго вниманія какъ потому, что господинъ Сиверсъ сказалъ въ немъ все то, что только могъ примыслить къ обвиненію бывшей жены своей и къ своему оправданію, такъ какъ и потому, что челобитчикъ открылъ истинный образъ мыслей своихъ, который для удовлетворенія несправедливѣйшей злобы и мщенія заставилъ его пренебречь все то, что онъ за свяго почитать былъ долженъ. Пространство сей піесы не позволяетъ включить ее здѣсь отъ слова до слова: но для опроверженія всѣхъ его резонновъ, жалобъ и претензій слѣдуетъ здѣсь краткая выписка съ надлежащимъ возраженіемъ.

«Мнѣніе медиаторовъ», говоритъ г. Сиверсъ, «не есть приговоръ третейскаго суда, но простой проектъ примиренія, который по простому обѣихъ сторонъ согласію сочиненъ избранными особами; а оное ихъ согласіе не можетъ имѣть силы компромиса».

Въ уполномочіи своемъ г. Сиверсъ говоритъ точно сими словами: «что означенными третейскими судьями единогласно положено будетъ, оное непрекословно подписать и ненарушимо исполнять буду». Изъ сего ясно видно, что дѣло идетъ не о проектѣ примиренія, но о точномъ рѣшеніи, долженствующемъ произвестись отъ людей законно-уполномоченныхъ.

Тщетно избѣгаетъ г. Сиверсъ названія третейскаго суда, когда самъ, возвѣщая письменно монаршее повелѣніе, сказалъ, что Ея Величество повелѣла ему разобрать его съ женою распри третейскимъ судомъ, и когда въ уполномочіи его обязывается непрекословно исполнять что положено будетъ третейскими судьями.

Простое согласіе весьма разнствуеѣтъ отъ уполномочія за собственноручнымъ подписаніемъ и съ приложеніемъ печати. Отъ перваго худая совѣсть тотчасъ отпереться можетъ, а послѣднее есть такое обязательство, которое законъ принуждаетъ непрекословно исполнить. Таковое уполномочіе есть компромисъ въ существѣ своемъ и формѣ, ибо что есть компромисъ? Есть добровольное уполномочіе третейскаго судьи, въ коемъ обязывается подписавшійся исполнить непрекословно рѣшеніе третейскаго суда. Таковое точно уполномочіе далъ г. Сиверсъ и исполнить его долженъ, не только что по совѣсти, но и по ясному закону, изображенному точно въ сихъ словахъ: «приговоръ посредственныхъ судей исполненъ быть долженъ, былъ бы оный справедливъ или несправедливъ, и пускай на себя пѣняетъ, кто на посредственныхъ судей ссылался». Законы Римскіе, г. 27-я, § 2-й.

«Медіаторскій проектъ перемирія», говоритъ г. Сиверсъ. «мною не подписанъ, слѣдовательно и недѣйствителенъ».

Всякое рѣшеніе судейское подписывается только судьями, и для дѣйствительнаго исполненія нѣтъ никакой нужды, чтобъ спорящіеся тутъ же подписались. Г. Сиверсъ, въ уполномочіи своемъ, сказалъ уже, что обязуется все то исполнить что положено будетъ третейскими судьями. Вотъ его подписка; она одна совершенно обязываетъ его къ исполненію. Правда, что въ семъ же самомъ уполномочіи обязывается онъ рѣшеніе исполнить и оное подписать. Но сія подписка примышлена третейскими судьями отнюдь не для того, чтобъ безъ нея рѣшеніе было недѣйствительно, а только для того, чтобъ подписка его и жены его подъ рѣшеніемъ были доказательствомъ для дѣтей ихъ и потомковъ, что сей актъ есть оригинальный. Впрочемъ, для исполненія ими самими рѣшительнаго приговора конечно нѣтъ нужды, чтобъ они

сами рѣшеніе подписали. Оно уже единожды и напередъ ими подписано было тогда, когда дали они уполномочиванія за собственноручнымъ подписаніемъ и съ приложеніемъ ихъ печатей.

«Сторона, недовольная медіаторскимъ судомъ», говоритъ г. Сиверсъ, «имѣетъ по закону десятидневный срокъ на объявленіе своего неудовольствія, котораго срока я и не пропустилъ».

Чтобъ увидѣть ясно, сколь отзываетъ сей неприличіе и незаконіе, надлежитъ разсмотрѣть, откуда произошелъ третейскій судъ, рѣшившій его съ женою распри, кто былъ судьями и по какому праву?

Судъ господина Сиверса не походитъ на тѣ примирительные суды между людьми партикулярными, которые можно назвать домашними распоряженіями и которые, бывъ подвержены нерѣдко рѣшенію сродниковъ, пристрастныхъ или вруждающихъ, подчиняются по закону срокамъ, записямъ и всему тому, что добрую вѣру отъ коварства оградить можетъ. Но здѣсь представляется совсѣмъ другое обстоятельство.

Всемилоствѣйшая Государыня, увѣдавъ, что особа знаменитой степени являетъ въ домѣ своемъ примѣръ домашняго несогласія, всевысочайше повелѣла прекратить таковыя распри третейскимъ судомъ, яко способомъ приличнѣйшимъ для людей ихъ состоянія. Господинъ Сиверсъ возвыщаетъ самъ сіе высочайшее повелѣніе въ письмѣ своемъ къ господину Крузу, поспѣшаетъ самъ избраніемъ своего арбитра, побуждаетъ самъ жену свою къ избранію арбитра съ ея стороны; оба выбрали людей первыхъ степеней въ государствѣ, оба дали имъ уполномочія съ полною и неограниченною довѣренностію. Послѣ сего пусть всякій безпристрасно рассу-

дять: подходит ли подъ формалитетъ приказной сдѣлки третейскій судъ, происшедшій отъ толь священнаго источника, каково есть монаршее повелѣніе и произнесенный людьми по званію и честности знаменитѣйшими, совершенно безпристрастными и имъ самимъ избранными съ точнымъ обязательствомъ рѣшеніе ихъ исполнять непрекословно.

Но положимъ, что г-нъ Сиверсъ, не внемля никакимъ человѣческимъ уваженіямъ, надѣется избѣжать отъ исполненія своего обязательства помощію приказнаго обряда. И тутъ обманывается онъ въ своей надеждѣ. Законъ кодекса 76-го раздѣляетъ третейскіе суда на два рода; одинъ состоитъ въ томъ: «буде дѣло отдастся на разсмотрѣніе посредникамъ для изысканія средствъ къ примиренію», въ такомъ случаѣ законъ 5-го кодекса позволяетъ чрезъ десять дней объявлять свое несоглашеніе на медиаторское мнѣніе. Другой же родъ состоитъ въ томъ, буде обѣ стороны уполномочили своихъ арбитровъ съ обязательствомъ рѣшеніе ихъ непрекословно исполнять, въ такомъ случаѣ никакого срока и никакъ отговорки не дозволяется; по законъ точно сими словами повелѣваетъ: «медиаторскому приговору, былъ бы онъ справедливъ или несправедливъ повиноваться, когда судьи избраны съ точнымъ уполномочіемъ». Римскихъ законовъ глава 26-я.

«Въ договорныхъ пунктахъ», говоритъ г-нъ Сиверсъ, «медиаторы предложили такія распоряженія, на которыя я и не давалъ полномочія».

Господинъ Сиверсъ долженъ былъ сказать, чѣмъ судьи превзошли его уполномочіе? Надлежитъ только прочесть приговоръ ихъ, чтобъ увидѣть, съ какою честностію, съ какимъ правосудіемъ и съ какою нѣжностію размѣрили они обоюдные интересы мужа и жены и рѣшили ихъ судьбу, внемля единому гласу своей совѣсти.

«Положимъ», говоритъ г-нъ Сиверсъ, «что медиаторское мнѣніе заключаетъ въ себѣ подлинный приговоръ, то однако и въ такомъ случаѣ жалоба моя должна быть принята на разсмотрѣніе».

Какъ скоро полагаетъ г-нъ Сиверсъ, что такъ называемое ямъ мнѣніе медиаторское есть приговоръ подлинный, то уже и никакъ нельзя жалобѣ его быть принятой на разсмотрѣніе; ибо вторымъ пунктомъ сего приговора обязанъ онъ именно все прошедшее предать забвенію.

«Въ разсужденіи развода», говоритъ г-нъ Сиверсъ, «опека моя сама признается, что оный не подлежитъ къ рѣшенію медиаторовъ; и такъ, когда насъ развести, то подлежитъ найти къ тому законныя причины: праваго—оправдать, а виноватаго—обвинить; чего ради не удивляюсь, что жена моя, въ отвѣтъ своемъ, оспаривая требованіе мое о признаніи меня правымъ, не осмѣлилась однако испросить себѣ сего преимущества, что потому и служить къ моему оправданію».

Что г-жа Сиверсова соглашается на разводъ, то ее не обвиняетъ, ниже отъ исполненія приговора освобождаетъ ея мужа. Вышепомянутое по лютеранской религіи взаимное другъ къ другу отвращеніе между мужа и жены есть уже довольная причина къ расторженію брака, и нѣтъ нужды ни до чьихъ обвиненій, ни до чьихъ оправданій, чтобы быть разведенными и получить позволеніе обоимъ для втораго брака. Разлученіе стола и ложа произнесено уже первымъ пунктомъ третейскаго приговора; но формальный разводъ зависитъ, конечно, отъ Юстицъ-Коллегіи, почему г-жа Сиверсова и согласилась на оный, лишь бы только третейскій приговоръ былъ исполненъ во всей точности.

Здѣсь не излишне обличить г-на Сиверса, сколь неправильно употребляетъ названіе побѣга въ обвиненіи жены

своей. Живучи на загородномъ еще дворѣ, подала она жалобу на мужа своего Ея Императорскому Величеству, и повелѣніе о судѣ уже воспослѣдовало. Будучи съ нимъ въ такомъ положеніи, могла ли уже она жить съ нимъ въ одномъ домѣ? И такъ принуждена она была въѣхать въ городъ въ нанятый ею особый домъ, что все происходило въ Октябрѣ мѣсяцѣ. Въ Декабрѣ, два мѣсяца потомъ, хватился г-нъ Сиверсъ жаловаться, что жена его бѣжала; между тѣмъ, во все время имѣлъ онъ переписку съ роднымъ дядею жены своей, не говоря ни слова о ея побѣгѣ, избралъ своего арбитра, давалъ ему полномочіе, и по самое рѣшеніе третейскаго суда не входило самому ему въ мыслъ, чтобъ жена его бѣжала. Лишь только вышелъ третейскій приговоръ, то ухищреніе вселило въ него къ подачѣ челобитной въ Юстицъ-Коллегію несчастный поводъ и названіе побѣга. И такъ переѣздъ г-жи Сиверсовой въ нанятый ею домъ въ Октябрѣ, не признаваемый имъ за побѣгъ во все продолженіе Ноября, можетъ ли считаться побѣгомъ съ 1-го Декабря? Такое обвиненіе столь противно здравому разсудку, сколь несовмѣстно съ доброю совѣстію.

Но сему нечисляетъ господинъ Сиверсъ благодаренія свои къ женѣ и выхваляетъ свои добродѣтели. «Радуюсь», говоритъ онъ, „что жена моя подала мнѣ поводъ явнымъ признаніемъ соорудить покойнымъ ея родителямъ монументъ благодарности моей. Они чувствительнѣйшіе знаки оказывали мнѣ всегда пріязни и любви. Почитаю достойныхъ сихъ родителей во гробѣ» и проч.

Г-ну Сиверсу нельзя не признать великія благодаренія покойныхъ родителей жены его: имъ онъ обязанъ воспитаніемъ и, можно сказать, бытіемъ своимъ; они взяли его изъ бѣднаго состоянія младенцомъ на свои руки, воспитали его и

создали его счастье; ибо единымъ ихъ пособіемъ изъ ничего вышелъ онъ въ знаменитое и избыточное состояніе. Чѣмъ же воздалъ г-нъ Сиверсъ имъ за всѣ ихъ благодаренія? Приключилъ дочери ихъ вѣчныя слезы. Вотъ его благодарность! Вотъ монументъ, пмъ сооруженный! Чѣмъ оправдываетъ г-нъ Сиверсъ жестокосердіе свое предъ свѣтомъ, когда, женись на дочери благодѣтелей своихъ противу ея воли, одиннадцать лѣтъ сряду не могъ онъ ни за что и никому принести на нее ни малѣйшихъ жалобъ и когда, давъ теперь всю волю ожесточенію своему, по единому только претексту ложнаго и небывалаго побѣга, ищетъ подвергнуть ее конечной гибели и всегдашнему поношенію?

Въ заключеніе объясненія своего, попрекаетъ г-нъ Сиверсъ жену свою съ великою точностію малыми суммами денегъ, кои онъ ей будто бы далъ и кои всѣ вмѣстѣ двадцати тысячъ рублей не составляютъ; говоритъ, что по просьбѣ ея купилъ деревню, домъ и экипажъ и чрезъ то обременилъ себя долгомъ до ста тысячъ рублей и, наконецъ, будто бы бывшая жена его не въ полные четыре мѣсяца прошлаго лѣта прожила двѣнадцать тысячъ рублей.

Если разсудить, что г-нъ Сиверсъ получалъ собственные доходы жены своей 11 лѣтъ сряду безостаточно и приданнымъ ея основалъ свое состояніе, то всѣ его благодаренія состоятъ только въ томъ, что употреблялъ онъ доходы жены своей, по ея волѣ, согласно съ собственными своими видами. Г-жа Сиверсова не просила никогда, чтобъ мужъ ея купилъ деревню, домъ и экипажъ. Сіе ясно доказывается тѣмъ, что онъ купилъ все то на свое имя и донынѣ всѣмъ симъ одинъ пользуется. Всѣмъ сродникамъ и знакомымъ г-жи Сиверсовой извѣстно, сколь живо то, что будто бы она въ 4 мѣ-

сяца прожила двѣнадцать тысячъ рублей; а не знаютъ, что въ тѣ 4 мѣсяца не получала она отъ мужа своего ниже самонужнаго къ ея содержанію и жила въ недостаткѣ. Занмодавцы ея представлены были третьейскимъ судьямъ, кои по счетамъ видѣли, что небольшіе ея домашніе долги за пять или болѣе лѣтъ сдѣланы на необходимыя нужды, а не въ 4 мѣсяца прошлаго лѣта. Въ заключеніе же всего, чтобъ увидѣть, разорила ли г-жа Сиверсова мужа своего, надлежитъ знать, что купленная имъ за 50.000 р. деревня на его имя приносить ему десять процентовъ; домъ также даетъ знатный доходъ. Надлежитъ еще сравнять прежнее его состояніе съ нынѣшнимъ, въ которомъ онъ имѣетъ годового дохода 24.000 р., въ чемъ онъ самъ не однажды признавался. Какимъ же способомъ приведенъ г-нъ Сиверсъ въ сіе состояніе? Конечно не инымъ чѣмъ, какъ благотѣніями родителей жены своей и слѣдствіями даннаго ему воспитанія и вспоможенія.

Въ послѣднемъ своемъ объясненіи г-жа Сиверсова сообщила Юстицъ-Коллегіи пространно все то, чѣмъ здѣсь вратцѣ отвѣтствовано на возраженіе г. челобитчика; слѣдственно Коллегія совершенно знала всѣ обстоятельства дѣла и имѣла всѣ доказательства; но, ни на что не воззрѣвъ, сдѣлала отъ 2-го Мая несправедливое весьма рѣшеніе, коимъ г. Сиверса безъ основанія оправдываетъ, а г-жу Сиверсову винить и безъ причины хочетъ возложить на нее тяжкое и всегдашнее поношеніе; почему г-жа Сиверсова взяла въ Правительствующій Сенатъ апелляцію и чтобъ несправосудіе Юстицъ-Коллегіи представить во всей точности, то за нужно признается включить здѣсь отъ слова до слова коллежское опредѣленіе и препроводить оное нѣкоторыми примѣчаніями.

Опредѣленіе Юстицъ-Коллегіи.

1779-го года Маія 2 дня, по указу Ея Императорскаго Величества, государственная Юстицъ-Коллегія Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ, слушавъ челобитную генерала-порутчика и кавалера Якова Сиверса о разводѣ его съ женою Елисаветою, дочерью графа Сиверса, поданное на оную отъ жены возраженіе и съ обѣихъ сторонъ объясненія,

Приказали:

Хотя истецъ винить отвѣтчицу, якобы она, по многимъ крайне-непріятнымъ происшествіямъ, которыя онъ закрывать старался, по прибытіи его на Санктпетербургскую дачу прошлаго года въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, оставя всякое брачное съ нимъ сожитіе тѣмъ, что она, не взирая на многократныя его дружескія примиренія, дѣланныя имъ для пресѣканія явнаго разрыва и спустя послѣ того недѣлю, отказалась съ нимъ ѣхать въ городъ, наняла себѣ особливую квартиру и отъ него вовсе отошла; а самымъ же симъ умышленнымъ отходомъ по содержанію 8-й статьи 162 главы духовнаго устава отказалась она самоизвольно отъ настоящаго брачнаго сожитія.

Однако по дѣлу не доказано, чтобъ оное учинила она умышленно.

Примѣчаніе.

Въ чемъ состоитъ главнѣйшее преніе тяжущихся? Одна сторона утверждаетъ третейскій приговоръ, другая опровергаетъ. Одна доказываетъ, что третейскій судъ рѣшилъ уже дѣло и представляетъ всѣ документы законности рѣшенія. Другая проситъ Коллегію уничтожить приговоръ третейскаго суда, чтобъ избѣг-

нута исполненія онаго. Сей пунктъ въ процессѣ есть тотъ узелъ, котораго расплетеніе неминуемо: ибо если признать третейскій приговоръ законнымъ, то процессъ тѣмъ самымъ и конченъ совершенно. Надлежало бы тогда принудить только г-на Сиверса къ исполненію и, слѣдуя 2-му пункту приговора, разводъ учинить по *причинѣ обоюднаго другъ къ другу отращенія*. Если же третейскій приговоръ ничего не значить, то надлежитъ вновь рассмотреть дѣло и войти уже во всѣ подробности взаимныхъ обвиненій и оправданій. Словомъ, первый шагъ Юстиць-Коллегіи въ производствѣ сего дѣла долженъ быть ничто иное какъ утвержденіе или опроверженіе третейскаго приговора. Но кто-бы повѣрить могъ, что Юстиць-Коллегія въ опредѣленіи своемъ оставила сей пунктъ не только въ нерѣшимости, но ниже помыслила коснуться разсужденіемъ своимъ о третейскомъ приговорѣ. Молчаніемъ своимъ, кажется, совершенно презрела она всѣ резоны г-жи Сиверсовой къ утвержденію третейскаго суда, и всѣ резоны самого г-на Сиверса къ опроверженію онаго. Не удостоила Коллегія ни малѣйшаго уваженія приговоръ, произнесенный особами первыхъ степеней, *ниже выразумѣла важность того источника*, откуда проистекалъ сей третейскій судъ. Кто не ощутить, что оный судъ находится въ нераздѣльной связи съ существомъ всего процесса, а потому и совершенное немъ умолчаніе въ коллежескомъ опредѣленіи противно 10-й главѣ кодекса, въ которой именно сказано: чтобы отнюдь не слушать того, который старается дѣлать связь спорнаго дѣла и по особливой понаровкѣ въ разныхъ присутственных мѣстахъ искать того, что надлежитъ рѣшить одному суду, да и суду по должности своей наказать того, который въ противность сего закона о чемъ либо просить станетъ.

Но изъ того, а особливо какъ отвѣтчица опровергнуть всего не могла, видно, что она, во первыхъ, оставила вовсе брачное съ супругомъ сожитіе и во вторыхъ, чрезъ то оказавшуюся между ими вражду привела до крайности.

Примѣчаніе. Какъ могла отвѣтчица все опровергать, когда обязана она все забыть 2-мъ пунктомъ третейскаго приговора? Кто разрѣшилъ г-жу Сиверсову и мужа ея отъ исполненія третейскаго суда? И какъ изъ сего должнаго съ ея стороны исполненія могла заключить Коллегія, что г-жа Сиверсова привела вражду до крайности, оставя брачное сожитіе? Развѣ Коллегія не видѣла изъ объясненія г-жи Сиверсовой, что сіе оставленіе ею брачнаго сожитія было слѣдствіе обоюднаго другъ къ другу отвращенія и что къ тому разрѣшены они первымъ пунктомъ третейскаго приговора? Съ другой же стороны видѣла Коллегія изъ уполномочія г-на Сиверса, что и самъ онъ сіе взаимное отвращеніе утверждаетъ и изъявляетъ равное желаніе развестися съ женою отъ стола, ложа, дома и имѣнія.

И напротивъ того, чиненныя ему челобитчику отъ нея отвѣтчицы нареканія въ обидѣ, насильствѣ и угрозахъ по дѣлу неопредѣлительны, ниже доказаны.

Примѣчаніе. Г-жа Сиверсова не могла, въ силу 2-го пункта третейскаго приговора, приносить и доказывать свои жалобы на мужа; въ противномъ случаѣ, какъ выше сказано, была бы и г-жа Сиверсова въ такомъ же преступленіи, въ какомъ теперь находится мужъ ея, то-есть въ неисполненіи третейскаго приговора.

И какъ, по первому, конечное оставленіе взаимной помощи и союза брачныхъ по общему мнѣнію юристовъ, а именно: Стрика 6-го отдѣленія 21-й статьи о несогласіи между брачными; Безголда книги 3-й сочиненія 26-го, № 27; Брах-

мана богословскихъ правилъ статьи 630-й, признавается за оставленіе мужа и потому, а паче по содержанію 2-й главы Шведскаго земскаго уложенія, заглавія о брачныхъ дѣлахъ стр. 260-й (на Шведскомъ языкѣ), оное принято быть можетъ за основанія развода.

Примѣчаніе. Стрикъ, Безгольдъ и прочіе славные юристы имѣли конечно великій резонъ положить за основаніе развода между прочимъ и оставленіе брачнаго сожитія. Но гдѣ запрещаютъ они судьямъ разсмотрѣть причины сего оставленія; гдѣ уничтожаютъ они законный третейскій судъ и гдѣ позволяютъ обвинять человѣка безъ всякихъ доказательствъ?

По второму, за невослѣдованіемъ по употребленнымъ съ обѣихъ сторонъ всякимъ примирительнымъ средствамъ взаимной вражды прекращенія, пресѣкается всякій брачный предметъ и съ онымъ надежда къ миролюбному между ими браку.

Примѣчаніе. Здѣсь Юстицъ-Коллегія ссылается на законъ, который полагаетъ основаніемъ развода взаимное другъ къ другу отвращеніе мужа и жены. Сославшись на него, яко на законъ, по коемъ, кажется, процессъ рѣшить хотеть, рѣшить однакожъ не по немъ и не сказываетъ, по какой причинѣ его отмѣняетъ, такъ что усмотрѣть нельзя, для чего она о семъ законѣ здѣсь и упоминаетъ.

По такимъ важнымъ причинамъ и по правиламъ протестантской церкви *наиусерднѣйше* искомый съ обѣихъ сторонъ разводъ дозволяется.

Примѣчаніе. Г-жа Сиверсова говоритъ въ своемъ объясненіи, что на требуемый мужемъ ея разводъ она соглашается. Какъ же можно сіе согласіе назвать *наиусерднѣйшимъ* *иска-*
ніемъ?

И для того оный брак развестъ дозволяетъ, по силѣ 21-й главы Шведскаго земскаго уложенія, стр. 259-я (на Шведскомъ языкѣ), истцу, яко не виноватому, вступить въ другой дозволенной степени бракъ, а отвѣтчицѣ по вышенисаннымъ доводамъ запретить оное безъ точнаго отъ Юстиць-Коллегіи о томъ опредѣленія.

Примѣчаніе. Почему истецъ правъ? Почему отвѣтчица виновата? За что г-ну Сиверсу позволяется и за что женѣ его запрещается вступленіе во второй бракъ? Какое судилище имѣетъ право обвинять и оправдать безъ причины? Трибуналь, коего первымъ свойствомъ долженствуетъ быть правота и первымъ достоинствомъ просвѣщеніе, отъ коего рѣшенія зависить имѣніе, честь и жизнь гражданина, сей самый трибуналь осуждаетъ извѣстнаго состоянія женщину на вѣчное поношеніе и не сказываетъ, за что ее поражаетъ и не оправдаетъ ничѣмъ рѣшенія своего предъ свѣтомъ. Прискорбно терпѣть обиды, причиняемыя коварствомъ и злобою, но нестерпимо неправосудіе толь явное, толь лютое, толь противное ясному закону, содержащемуся въ § 35-мъ экзекуціоннаго устава, повелѣвающему: «Всѣ рѣшенія основывать на точныхъ и ясныхъ доводахъ и доказательствахъ и присутственнымъ мѣстамъ инако, какъ по точному оныхъ содержанію не судить». «Когда же истецъ иску своего не докажетъ, то отвѣтчикъ правъ: ибо кто желаетъ искать, тотъ искъ свой долженъ утверждать дѣйствительными доказательствами». Коллегіи сама сказала, что г-нъ челобитчикъ иску своего не доказалъ. Какъ же могла послѣ сего рѣшить она дѣло недоказанное; да и какія нужны были могли доказательства Юстиць-Коллегіи въ дѣлѣ совершенно ясномъ? 1) Видѣла она, что всевысочайшая воля была, чтобъ дѣло сіе, толь несчастнаго и деликатнаго роду, было рѣшено пристойнымъ образомъ

чрезъ третейскихъ судей, что уже было исполнено. То Юстиць-Коллегіи не можно было входить во вторичное онаго разобра-ніе. 2) Коллегія видѣла святость рѣшеннаго уже суда, видѣ-ла также, что челобитье г-на Сиверса совсѣмъ оному про-тивно, и для того не уважать оное, но взыскать за то дол-женствовала. 3) Она видѣла, что челобитчикъ жаловался на то, на что два мѣсяца прежде въ уполномочіи своемъ торже-ственно согласился, то есть, чтобъ съ женою своею болѣе не жить. 4) Весьма легко выразумѣть могла Коллегія, что не-прилично порицать ту злоумышленнымъ побѣгомъ, которая у высоко-монаршаго престола искала спасенія своего, и спо-собомъ отъ онаго проистекшимъ положенъ былъ предѣлъ ея несчастію. Послѣ сего всего какія могли быть нужны Юстиць-Коллегіи доказательства, чтобъ увидѣть рѣдкую, несправедность жалобы г-на Сиверса?

Что же касается до прочихъ пунктовъ, по которымъ отъ выбранныхъ третейскихъ судей воспослѣдоваль приговоръ, то Коллегія въ оныя пункты въ рѣшеніи своемъ вступать не можетъ, наипаче, что оныя по большей части до ея раз-бирательства не принадлежать.

Примѣчаніе. Здѣсь въ первый еще разъ во всемъ опредѣленіи упоминается названіе третейскаго суда и, давъ ему пменованіе приговора, а не простаго проекта, такъ какъ г. Сиверсъ его называетъ, не вывела однакожь Юстиць-Коллегія челобитчика изъ сего умышленнаго заблужденія и не предписала ему испол-ненія онаго. Она говоритъ, что въ прочіе пункты третейскаго суда ей вступаться невозможно. Но кто велѣлъ ей вступаться въ какіе нибудь пункты, или кто запретилъ ей вступаться въ прочіе? Сама Коллегія сказала, что тутъ приговоръ третей-скій былъ; и такъ, опровергнувъ жалобу его, непремѣнный долгъ имѣла принудить его исполнить оный.

Воспитаніе же дѣтей, имѣющее съ разводомъ сопряженіе, въ 3-й статьѣ оного третейскаго приговора, установлено на такомъ основаніи, что оное по общему праву 117-й новеллы, главы 7-й, заглавія кодекса объ оставленіи кому надлежитъ для воспитанія по разводѣ брака дѣтей, всеконечно и въ семъ случаѣ можетъ оставаться въ своей силѣ.

Примѣчаніе. Въ семъ пунктѣ находятся очевидныя противорѣчія. 1) Коллегія выше говоритъ, что кромѣ разводу до прочихъ пунктовъ третейскаго суда не вступается; а здѣсь входитъ въ установленіе судьбы младенцевъ. 2) Коллегія изъ всего третейскаго приговора утверждаетъ одинъ 3-й пунктъ и ничѣмъ не отзывается о прочихъ. Но можно ли утвердить или опровергнуть одну статью приговора, не касаясь до всего? Кто подчинилъ коллежской ревизіи содержаніе третейскаго приговора? Коллегія имѣла право сказать, дѣйствителенъ ли приговоръ или нѣтъ; но не имѣла никакого права судить рѣшеніе третейскихъ судей. 3) Утверждаетъ Коллегія 3-й пунктъ третейскаго приговора для того, что будто сходству-етъ оный съ закономъ кодекса. Есть ли же тутъ какое-нибудь сходство? Кодексомъ отдаются дѣти на воспитаніе правой сторонѣ; но третейскій приговоръ никого не винитъ и опредѣляетъ среднюю и меньшую дочь воспитываться въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ. Коллегія даетъ рѣшеніемъ своимъ право г-ну Сиверсу взять къ себѣ всѣхъ дѣтей немедленно: а третейскій приговоръ даетъ право г-жѣ Сиверсовой видѣть двухъ меньшихъ дочерей, воспитывающихся въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ. И такъ, что сдѣлала Коллегія, вмѣшавшись въ одинъ третій пунктъ третейскаго приговора? Нашла совершенное сходство между закономъ кодекса и третейскимъ приговоромъ въ такомъ пунктѣ, въ которомъ они совершенно разнствуютъ; поселила тѣмъ новый корень враж-

ды между истца и отвѣтчицы и едва не произвела новыя тяжбы.

На сіе несправое рѣшеніе Юстицъ-Коллегіи взяла г-жа Сиверсова апелляцію въ третій департаментъ Правительствующаго Сената. Отъ правосудія его испрашиваетъ она: 1) чтобъ мужъ ея принужденъ былъ исполнить по своему обязательству все пункты третейскаго приговора; 2) чтобъ толь незаконное ея обвиненіе Юстицъ-Коллегіею было уничтожено, и чтобъ въ силу 2-го пункта третейскаго приговора, повѣлывающаго обѣимъ сторонамъ забыть все прошедшее, учиненный уже разводъ основанъ былъ съ предоставленіемъ равныхъ правъ обѣимъ сторонамъ, и по одной причинѣ взаимнаго ихъ другъ къ другу отвращенія. За десять мѣсяцевъ предъ симъ Коллегія развела по сему самому поводу бракъ Марселетовъ. Въ опредѣленіи своемъ, позволяя обѣимъ сторонамъ вступать во второй бракъ, никого она не обвиняетъ. Хотя отвѣтчица Марселетова сама призналась въ умышенномъ оставленіи своего мужа, дабы съ нимъ не имѣть брачнаго сожитія. Сей есть новый опытъ оказаннаго Коллегіею неправосудія г-жѣ Сиверсовой. По одному основанію оправдала она жену Марселета, признавшуюся въ умышенномъ оставленіи мужа и обвинила г-жу Сиверсову, признаваясь, что мужъ ея ничѣмъ не доказалъ умышеннаго ея оставленія. 3) Чтобъ учиненное Коллегіею неправильное истолкованіе 3-го пункта третейскаго приговора было уничтожено и въ силу онаго средняя и меньшая дочери воспитаны были въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ.

Состояніе г-жи Сиверсовой достойно сожалѣнія и защищенія. Притѣсненія мужа ея нанесли ей убытку до десяти тысячъ рублей, за которыя проситъ удовлетворенія. Даетъ ей право законъ 27-й, § 7-й пандектовъ слѣдующимъ опреде-

ніємъ: «А буде въ договорѣ пени никакой не выговорено, но кто-либо точно обѣщался медиаторскій приговоръ исполнить, то на такового въ противномъ случаѣ искъ подать можно».

Сверхъ сего тягостнаго убытку отъ нарушенія гретейскаго приговору терпитъ г-жа Сиверсова крайній недостатокъ, оттого что удерживаетъ г-нъ Сиверсъ ея доходы, мѣшаетъ ей вступити въ порядочное владѣніе собственнаго ея имѣнія, разоряетъ ея деревни, удерживаетъ у себя крѣпости и подвергаетъ ее жестокимъ безпокойствамъ отъ займодавцевъ, которыхъ удовлетворять обязанъ онъ 6-мъ пунктомъ гретейскаго приговора. Одно скорое рѣшеніе Правительствующаго Сената удобно не допустить ея до крайняго разоренія. Съ полною довѣренностью предастъ она судьбу свою Правительствующему Сенату, твердо уповая, что правосудіе его отниметъ отъ нея поношеніе, навлеченное рѣшеніемъ Юстицъ-Коллегіи, доставитъ ей справедливое удовлетвореніе и онымъ прекратитъ ея бѣдствія.

Всеподданнѣйшее прошеніе помѣщицы Воейковой.

Марта 17-го дня 1786 г.

Августѣйшая Монархиня, всемилостивѣйшая Государыня!

Ужасное бѣдствіе, доведшее меня чрезъ безконечныя страданія до крайняго отчаянія, сопряженнаго при томъ и малолѣтнихъ дѣтей моихъ злополучія, столь велики, что никакой уже надежды не остается ко избавленію отъ нихъ, кромѣ единаго упованія на безприкладное къ несчастнымъ помилованіе Вашего Величества; почему въ сущей крайности принимаю дерзость повергнуть себя и дѣтей моихъ къ освященнѣйшему престолу Вашего Величества. Воззри, великодушная Монархиня, на претрашное состояніе наше и удостой божественнаго правосудія въ отличномъ отъ людей несчастіи нашемъ!

Мужъ мой Федоръ Александровичъ Воейковъ, дворянинъ Рязанскаго намѣстничества, которой съ начала жизни своей имѣеть свойства ко всегдашнимъ порокамъ и къ распутности, отъ чего и отецъ его во всю жизнь свою страдалъ отъ него, за что жестоко наказывалъ его за неприличныя для благороднаго человѣка поведенія и къ нему за непочтеніе; послѣ чего лѣтъ пять велъ себя онъ порядочно, а по-

томъ опять обратился къ прежнему поведенію и, согласяся съ офицеромъ Офросимовымъ, сочинилъ отъ имени матери своей подложной вексель, обманулъ купца, о чемъ мать его тогда же просила Ваше Императорское Величество, почему и содержался мужъ мой семь лѣтъ въ тюрьмѣ; и еслибы я не упросила Ваше Величество, онъ бы умеръ безъ рѣшимости, и по окончаніи военнаго суда приговоренъ былъ къ смертной казни. Но я, при всѣхъ его порокахъ, всѣ способы употребляла ко избавленію его, и сколько разъ осмѣливалась утруждать объ немъ Ваше Величество, и Вы, великодушная Монархиня, сжалившись со мною и съ дѣтьми нашими, по просьбѣ моей отъ тягчайшаго наказанія мужа моего простили, разжаловавъ только его изъ вахмистровъ гвардіи въ армейскіе солдаты, а товарища его Офросимова за тоже преступленіе, лиша чиновъ, имѣнія и дворянства, повелѣли сослать вѣчно въ Сибирь. И когда мужъ мой отосланъ былъ въ Военную Коллегію, тогда отецъ его подалъ на него туда прошеніе, въ которомъ прописалъ всѣ его пороки, и для спасенія жизни своей просилъ сослать его въ Сибирь. Но я, узнавши о томъ прошеніи, упросила его свѣтлость князя Григорія Александровича Потемкина отмѣнить мужу моему и то наказаніе; и когда онъ былъ солдатомъ, я, поражаясь симъ званіемъ, вторично упросила его свѣтлость объ немъ произвести его въ офицеры, а потомъ и объ отъемлемомъ отъ него имѣніи, чрезъ его превосходительство Петра Васильевича Завадовскаго испросила Вашего Величества высочайшее повелѣніе, по которому правосудіемъ щедротъ Вашихъ доставила и имѣніе мужу моему, окромѣ спорнаго, дошедшаго почти къ нему до трехъ тысячъ душъ. Нынѣ во владѣніи имѣетъ онъ 1500 душъ, съ коихъ воображала жить

порядочно; послѣ чего и жила я съ нимъ восемь лѣтъ изрядно, хотя и были по страстямъ его къ порокамъ и въ тѣ годы происходящія мнѣ отъ него прискорбности, которыя можно было отвращать моими просьбами.

А нынѣ вся жизнь наша разстроилась въ плачевныя обстоятельства, и никакая моя просьба, ни дѣтей нашихъ слезы убѣдить его не могутъ. Опять пришелъ въ распутную совѣмъ жизнь и въ непотребныя поведенія до крайности: проматываетъ все свое имѣніе, проигрывается въ карты и беретъ на содержаніе метрессъ, съ которыми только и имѣетъ дѣло. Гнусно и помыслить о нихъ по ихъ поведенію. И они, видя его безпечность, обираютъ не только деньгами и содержаніемъ, но и векселями. И окромѣ тѣхъ еще не оставилъ ни одной почти рабы и въ деревняхъ крестьянки, которая волею и неволею не была бы у него въ любовницахъ. Но я о тѣхъ уже не говорю и оставалась тѣмъ довольною, что онъ имѣлъ дѣло съ своими, а не съ посторонними, въ коихъ столько же раззоряется, сколько и въ карты и въ прочія всякія тому подобныя роскоши, накопляя чрезъ то на себя множество долговъ, сколько мнѣ извѣстныхъ, а вдвое еще тайныхъ, имѣвъ своихъ доходовъ 7000 рублей въ годъ; окромѣ, что послѣ отца досталось ему 50,000 рублей, да еще продалъ деревню за 10,000 рублей. И то все уже прожито, и теперь безпрестанно занимается деньги, не чувствуя, что лишается тѣмъ имѣнія. И я, живши съ нимъ шестнадцать лѣтъ, имѣвши шестерыхъ дѣтей и доставя ему просьбами и слезами моими жизнь, чины и имѣніе, и изъ-за того имѣю ли право говорить ему, чтобъ онъ воздержался отъ распутности страстей своихъ, въ коихъ утопая, не видитъ пороковъ и не стыдится въ сорокъ два года быть отчаяннымъ мотомъ? На то-ли спасла жизнь

его? Онъ разорилъ себя и дѣтей своихъ, и меня съ ними бѣдными всѣхъ несчастіе на свѣтѣ сдѣлалъ.

Но онъ, того не внемля, поступалъ со мною злодѣйскимъ образомъ: обобравши все, что я имѣла, сколько разъ билъ немилосердно, какъ я жива осталася, и Дадкою собакою травилъ, и плетми хотѣлъ сѣчь, и во все прошлогоднее лѣто, содержалъ меня въ загородномъ домѣ подъ карауломъ у людей его, коимъ велѣлъ мною ругаться и во всемъ мнѣ грубить, отъ чего я пришла въ жестокую чахотку и въ разныя мучительнѣйшія болѣзни. А потомъ для приумноженія въ домѣ своемъ презрительныхъ поведеніевъ, въ коихъ бы я ему не мѣшала, вздумалъ и совсѣмъ меня уже бросить, оставилъ одну въ пустомъ домѣ, отнявши всѣхъ дѣтей, людей и женщинъ, зная, что я собственныхъ ни людей, ни имѣнія не имѣю, чѣмъ бы могла себя содержать и должна теперь странствовать. Но всего тягостнѣе лишиться дѣтей: для нихъ только жила на свѣтѣ и въ нихъ имѣла все утѣшеніе мое и того лишилася, и болѣе семи мѣсяцевъ не только видѣть, ниже слышать о нихъ почти ничего не могу. Но я о себѣ столько не сожалею, что заплачена отъ него злымъ воздаяніемъ за всѣ къ нему заслуги, а поражаетъ меня горчайшее состояніе несчастныхъ дѣтей нашихъ: они бѣдныя безвинно погибаютъ, и окромѣ Бога и Васъ, Совмѣстница Божія, никого помощника ко спасенію своему не имѣютъ, потому что отецъ распутной, а мать не въ состояніи теперь ни малѣйшей сдѣлать имъ помощи, и не могу воспитать, какъ желала, и всѣ почти они малолѣтнія: дочери 15 лѣтъ, другой 14 лѣтъ, третьей 3 года, сыну 7 лѣтъ, другому 4 года, третьему 2 года. И по безопасности его совсѣмъ пропадутъ, и при живой матери сдѣлаютъ сиротами. До всякаго несчастія, болѣзней и пороковъ

дойти могут, со всѣхъ сторонъ (бстояніе ихъ угрожаетъ имъ быть несчастными.

И сколь ни жалостно положеніе малолѣтнихъ дѣтей моихъ, но еще больше устрашаютъ меня обстоятельства большихъ дочерей моихъ, потому что вѣзжи въ домъ къ мужу моему самыя непотребныя женщины, которыя дѣтей моихъ, по молодости ихъ, довести могутъ до всякой гибели и пороковъ, чего я перенести не могу. Такъ ли ихъ воспитывала, чтобъ быть столько имъ несчастливымъ? Я вела ихъ со всѣми въ Москвѣ знатыми дѣвушками наравнѣ, въ чемъ ссылаюся на все общество. Но теперь вмѣсто того они обращаются въ самой развратной и неприличной для честныхъ дѣвушекъ компаніи, почему и не могутъ спастись отъ пороковъ; ибо отецъ ихъ изъ дому своего сдѣлалъ вертепъ бордельной всѣхъ непристойностей не только для себя, но и для всѣхъ къ нему прѣзжающихъ, забывъ, что въ томъ-же домѣ живутъ двѣ дочери наши, которыхъ тою обидою смертельно убиваютъ. И великое число сего гнуснаго сорту людей къ нему собираются, и всякая дерзость, пьянство и разныя непотребности отъ нихъ происходятъ, отъ которыхъ и безвинно дочери его всякою напраслиною страдаютъ, отъ чего большая дочь наша съ печали отчаянно больна была презлою горячкою, и я вмѣсто бы горести благодарила Бога, естлибъ жизнь ея прекратилась.

И когда онъ отнял у меня дѣтей, тогда я просила угоривать его двоюродную ему тетку, съ высокопревосходительствомъ Анну Алексѣевну Хитрову, гдѣ нашла мужа своего, и она безмѣрно его просила обо мнѣ, если онъ со мною жить не хочетъ, то по крайности отдавъ бы мнѣ дѣтей, давъ особое имѣніе на содержаніе, сказавши ему: «Гдѣ тебѣ ихъ воспитывать? Ты и самъ совсѣмъ гибнешь». Но онъ на то

отвѣчалъ мнѣ при ней: «Я воленъ прожить свое имѣніе, и не только тетку, Государыни не послушаюсь. Гдѣ Государыня сыщеть законъ отдать тебѣ дѣтей и имѣніе мое? Да хотя и сдѣлаешь, я не послушаюсь, и надѣлаю еще прежде векселей тысячъ на триста; почему ты и съ указомъ ничего не возьмешь». И ея высокопревосходительство сказала мнѣ: «Надлежитъ тебѣ теперь просить Императрицу; она столь милосерда, что и родственникамъ узаконила отбирать отъ распутныхъ имѣнія и отдавать въ опеку, чтобъ наследники онаго не лишались. Но когда родственники въ то не входятъ, а по просьбѣ жены правительство опеки не дастъ, почему и должно тебѣ просить Государыню. Будучи ты ему женою, имѣвши шестерыхъ дѣтей, стала ближе всѣхъ въ мужѣ, въ дѣтяхъ и въ имѣніи участницею, какъ-бы при хорошихъ поведеніяхъ его, обще съ нимъ, пользоваться, такъ и лилася онаго страдать».

Августѣйшая Монархиня! Добродѣтельная Государыня! Вы прибѣжище всѣхъ несчастныхъ; удостой, по божественному милосердію Вашему, горько-страдающихъ дѣтей моихъ, получить отъ щедротъ Вашихъ спасеніе жизни и состоянію ихъ, чтобъ вѣчно не погибли отъ распутнаго отца и не лишились бы мотовствомъ его пристанища и пропитанія своего. Сблаговолите изъ высоко-материнскаго милосердія имѣніе его взять въ опеку, которое имѣніе все жалованное государями предкамъ его и присовокупленное отцомъ его, а не имъ приобрѣтенное. Почему и прошу, милосердая Государыня, окромѣ опеки, повелѣть сдѣлать на все то материнское и отцовское имѣніе запрещеніе, чтобъ онъ не могъ онаго ни продать, ни заложить, и если явятся на таковую великую сумму на него векселей, о коихъ онъ сказалъ мнѣ въ домѣ ея превосходительства, въ томъ прикажите, Ваше Величе-

ство, произвести слѣдствіе: ибо тѣ вексели выдутъ безденежно сочиненными къ точному только нашему разоренію; потому что мужъ мой теперь не болѣе еще долженъ, какъ тысячь до тридцати. И по извѣстнымъ его порокамъ, соблаговолите дѣтей отъ него взять и до совершеннаго возраста на воспитаніе мнѣ ихъ отдать, опредѣля изъ доходовъ нашихъ всѣмъ намъ содержаніе; также и по приложенному реестру людей и женщинъ, для услуги мнѣ и дѣтямъ нашимъ, повелите отдать же. А если той милости не удостоюся получить, тогда, слезно припадая къ стопамъ Вашимъ, прошу послѣднюю милость сдѣлать съ бѣдною матерью, чтобы я печалью сама себя не убила: повелите, великая Императрица, отдать только дѣтей моихъ мнѣ. Я хотя милостиною ихъ пропитаю; но все лучше будетъ имъ у меня, нежели у распутнаго отца, гдѣ совсѣмъ брошены безъ присмотра. а у меня по крайности будутъ въ призорѣніи и не сдѣлаются уродами и не займутся жизнію разныхъ пороковъ и непо потребностей, отчего и по возрастѣ будутъ счастливѣе судьбою ихъ.

Краткое изъясненіе о вольности Французскаго дворянства и о пользѣ третьяго чина.

Французское дворянство всегда-ль имѣло вольность? Какимъ образомъ пользовалось оно своей вольностью? И что одному въ разсужденіи сего нынѣ остается?

Три сіи вопроса легко рѣшить можно; но о первомъ совѣмъ и слѣдовать не надлежитъ. Возможно-ль представить себѣ невольное дворянство? Оно и неволя вмѣстѣ состоять не могутъ; сіи двѣ противныя себѣ въ естествѣ и существенности вещи противорѣчатъ другъ другу, разрушаютъ другъ друга, подобно какъ здравіе и болѣзнь, жизнь и смерть, существенность и небытіе, кои никогда въ одной вещи вмѣстѣ быть не могутъ.

Французское дворянство не только всегда пользовалось вольностію, но оно было всегда причиною вольности, равно какъ и самодержавства. Слово *Франкъ*, оттуда происходитъ имя *Француза*, значить *благороднаго* или *свободнаго*. Въ Салическомъ законѣ, уставленномъ *Кловисомъ*, не упоминается нигдѣ имя *благороднаго*; но между тѣмъ учрежденіе помѣстьевъ доказываетъ, что оное подлежало совѣмъ до дворянства; потому что, когда Кловисъ, предводительствуя Римскою арміею,

принять былъ Галлами какъ искусной политикъ и счастливой побѣдитель. то во всѣхъ различныхъ ихъ провинціяхъ были только Франки вольные, то есть, съ одной стороны. благородные, а съ другой, невольники.

Освобожденіе сихъ послѣднихъ произвело мѣщанство, третій чинъ, о которомъ говорено будетъ ниже. Слуга былъ освобождаемъ, а не производимъ въ дворяне; отъ того-то произошло сіе различіе, которое потомъ всегда было между благороднымъ и разночинцомъ. Сколь великое почтеніе должны имѣть сей послѣдній къ первому, которой не только пользовался драгоценнымъ даромъ вольности, но и могъ сообщать оную и, возвращая вольность человѣку, приводилъ его въ состояніе получать вышніе чины, еслили онъ ихъ заслуживалъ?

Такимъ образомъ вольность есть существенность Французскаго дворянства. И какъ тому быть иначе, когда избираетъ оно королей своихъ въ своей внутренности? И дѣйствительно, бываетъ то одна фамилія, одна кровь, коей поручаетъ оно самодержавство; но когда изъ сей славной фамиліи никто не остается, когда источникъ столь драгоценной крови совсѣмъ иссохнетъ, то благородные Французы, лишиая государя, вступаютъ во всѣ свои права и могутъ снова избрать преимущественную фамилію изъ достойнѣйшихъ между собою, чтобъ впредъ имѣть отъ нея своихъ государей и начальниковъ.

Другое доказательство существенной вольности благородныхъ Французовъ есть злоупотребленіе оной, учиненное ими безъ наказанія во времена, когда ихъ насильственное завладѣніе учредило нечувствительно между ими господства верховно-начальныя, непосредственныя и ни отъ кого независимыя, кон, давая всякому вассаловъ, дѣлали оныхъ малыми государями, подданными дѣйствительно королю ихъ владѣю-

щему государю, отъ котораго зависѣли они разными ихъ помѣстьями; но между тѣмъ въ состояніи были ему противиться, такъ же и воевать противъ его своими вассалами въ случаѣ несправосудія съ его стороны. Всѣ сии Французскіе помѣшники были дѣйствительно обязаны съ ихъ стороны присягать королю въ вѣрности и также служить во время войны: но сіе послѣднее было только съ начала, а потомъ обязаны они были къ тому въ случаѣ однихъ набѣговъ чужестранцовъ въ ихъ государство.

Способъ, коимъ короли пресѣкли злоупотребленіе вольности благородныхъ Франгузовъ, есть тому новымъ доказательствомъ: права ихъ признаны были, хотя оныя и сокращали. Государь исключенъ былъ отъ присяги, которую вассалы давали о учиненіи помощи противъ всѣхъ непріятелей ихъ непосредственныхъ господъ, но чрезъ то признаны были ихъ помѣстья. Имъ даны были перы для рѣшенія ихъ споровъ съ ихъ вассалами, или между ими; но тѣмъ признано было ихъ начальство; имъ не дозволено было судиться между собою, но они принуждены были имѣть судей, и различныя ихъ степени вѣдомства подвергнуты были постепенной апелляціи отъ независимаго до непосредственнаго, отъ непосредственнаго до верховноначальнаго, а отъ верховноначальнаго до самодержавнаго, до господствующаго, до короля, до парламента. Сіе есть лутчшее средство предостерегать, защищать и сохранять ненарушимыя права самодержавства; но по оному не больше ли признаются въ благородныхъ ихъ помѣстьяхъ и три суда ихъ, вышній, средній и нижній, коими они столько ласкаются и коими они столько ласкаться должны.

Наконецъ, власть въ состояніи была вывести изъ употребленія между благородными всѣ роды партикулярныхъ сраженій, какъ напр. зѣмокъ съ зѣмкомъ, помѣстье съ помѣсть-

емъ, и человекъ съ человекомъ; но съ другой стороны, на войну идти ихъ не принуждали, развѣ во время позыва; въ протчія же войны, когда они приходили, принимали ихъ съ радостію. Не было нужды побуждать ихъ къ тому, чего собственное ихъ усердіе отъ нихъ требовало.

Прежде сего во Франціи было только дворянство природное: но старшіе ихъ вступаться за государство и королей своихъ, по собственной своей охотѣ, причинило уронъ онаго чрезмѣрной величины. Въ награжденіе, сколько возможно, столь великаго урона произведены новые дворяне. Есть еще другое дворянство, которымъ жаловалъ государь чрезъ патенты, надлежащимъ образомъ въ протоколъ записанные.

Но есть еще третіе, которое называется дворянствомъ въ должности находящимся. то-есть кое пріобрѣтается тогда, кто въ продолженіи должности жизнь свою окончаетъ, или продолжаетъ оную за срокъ предписанной своего титулярства; къ чему надлежитъ дворянство воинское жалованное въ 1750 году отъ Людовика Любимаго храбрымъ своимъ воинамъ.

Сіи три класса дворянства составляютъ одинъ только корпусъ, надъ которымъ начальствуютъ государственные перы. Сей знатной корпусъ имѣетъ совершенную власть чинить добродѣяніе, воленъ самъ въ себѣ, въ своихъ имѣніяхъ и въ дѣлахъ всякаго изъ своихъ членовъ: имъ не дозволено только было разрушать свое общество и поступать худо съ своими вассалами. Сверхъ того могли они жить въ своихъ деревняхъ, или въ столицахъ, не дѣлая ничего, не служа государству, стараясь только о своей фамиліи и о своихъ увеселеніяхъ съ тѣмъ, чтобъ повиновались главнымъ законамъ, чтобъ исполняли всѣ надлежащіе до нихъ публичные должности, и чтобъ не иначе поступали, какъ по привилегіямъ, первенствамъ и преимуществамъ своего государства; имъ

ничего не запрещалось; имъ дозволено было дѣлать все по своей волѣ: они могли, если заблагоразсудятъ, ѣхать въ другія государства путешествовать куда желаютъ, однимъ словомъ быть въ отлучкѣ, съ тѣмъ чтобъ не ходили только въ непріятельскія земли, и чтобъ не обвиняемы они были оскорбленіемъ государя своего или измѣною. Они вольны были возвращаться во Францію, когда пожелаютъ, и не переставали быть гражданами до тѣхъ поръ, какъ переселялись для вѣчнаго житія въ государство, то есть записываясь въ подданство или принимая на себя тѣ протчія должности, кои надлежать до подданства; такъ же въ такомъ случаѣ, когда имѣютъ они дѣтей гражданъ, то получаютъ въ наслѣдство послѣ отца своего тѣ имѣнія, кои оставили во Франціи, когда приходятъ въ совершенныя лѣта.

Но таковая переѣмна съ стороны Французскаго дворянства бываетъ столь рѣдка, какъ и безчестная праздность въ военное время: пріятность страны, плодоносіе земли, веселое мѣстоположеніе, изобиліе въ необходимыхъ вещахъ для своего содержанія, услужливость, политика, или по крайней мѣрѣ искренность жителей, вкореняютъ въ нихъ навсегда любовь къ дражайшему отечеству; они всегда почтутъ себя изгнанными, когда находятся будутъ въ отсутствіи; и они дадутъ ему всегда преимущество предъ протчими странами во всемъ свѣтѣ. Что же надлежитъ до дѣйствія Французскихъ дворянъ во время войны, то слава своей націи, природное любочестіе, слава ихъ имени, честь, а особливо любовь къ государю, всѣ сіи сильныя причины повелѣваютъ имъ съ болышимъ успѣхомъ, нежели принужденіе рабское, жертвовать охотно жизнию наималѣйшему повелѣнію самодержавнаго государя. И такъ Французскіе короли не имѣютъ сильнѣйшей помощи, вѣрнѣйшихъ подданныхъ и ревностнѣйшихъ воиновъ,

какъ достойное дворянство; они непобѣдимы, когда оными окружены бывають. Нѣтъ такой степени благоговѣнія, котораго бы сіи имъ не оказывали; имъ дозволено опредѣляться въ службу военную и придворную. Они туда принимаемы бывають безпрепятственно и находятъ тамъ правосудіе, преимущество по достоинству, и самую милость.

Дворянство во всякой провинціи, гдѣ бѣ оно ни находилось, слѣдуетъ обычаямъ своихъ предковъ и имѣетъ удовольствіе жить, умирать и имѣть своихъ потомковъ, не премѣняя зря особливыхъ обычаевъ своей націи; они не обязаны оными жертвовать и повиноваться развѣ однимъ только указамъ, составлявшимъ общій законъ извѣстныхъ дѣлъ. Дворянство не можетъ иными быть судимо въ дѣлахъ гражданскихъ, кромѣ королевскихъ судей, а въ преступленіяхъ судится оно только всѣми собранными камерами королевскаго трибунала, какъ при подаііи перваго челобитья, такъ и въ случаѣ аппеляціи: словомъ, оно пользуется всѣми древними своими привилегіями, кои могли имъ оставить власть самодержавства. освобожденіе слугъ и ненарушимое благоволеніе къ третьему чину, который заслуживаетъ совершеннаго покровительства и который тѣмъ полезнѣе бываетъ, чѣмъ болѣе пользуется покровительствомъ дворянства и защищеніемъ власти.

Разсужденіе о третьемъ чинѣ.

Власть и дворянство старается весьма во Франціи не презирать третьяго чина: онъ душа общества; онъ политическому корпусу есть то, что желудокъ человѣческому; онъ счастливое посредство, чрезъ которое вышняя часть сообщается, не унижаясь, нижней части, и чрезъ которую сія возвышается къ другой.

Благородные одарены геройскими добродѣтелями. Они служатъ государю, защищаютъ отечество, слабыхъ обороняютъ, имѣютъ деревни, стараются о земледѣльствѣ, почитаются богатыми, щедрыми и живутъ великолѣпно. Народъ земледѣльствомъ своимъ производитъ плоды, различныхъ сортовъ товары, первыя матеріи богатства. Но третій чинъ, составляя одно съ народомъ, отъ коего происходитъ самъ, и который онаго привлекаетъ, старается о мануфактурахъ, устанавливаетъ промѣны вещей, оцѣниваетъ товары, учреждаетъ оныхъ расходы. Словомъ, онъ дѣлаетъ комерціи и производить счастье благородныхъ. Сіи низкія приношенія грубаго и непросвѣщеннаго народа не могутъ ласкать благороднымъ, но они весьма ласкаемы бываютъ со стороны честнаго и просвѣщеннаго мѣщанства: съ симъ третьимъ чиномъ и чрезъ оной пользуется дворянство своимъ преимуществомъ.)

Есть нѣкоторые изъ благородныхъ, кои успѣли въ наукахъ, имѣвшихъ отъ нихъ покровительство; но третій сей чинъ есть убѣжище наукъ и освященное мѣсто человеческого познанія. Нѣтъ такого рода заслугъ и добродѣтели, которыхъ бы не производилъ третій чинъ.

Кольбертъ, Вобанъ, Розе, Корнейль, Расинъ, Мольеръ были всѣ отъ третьяго чина. Онъ произвелъ великихъ ораторовъ, великихъ стихотворцевъ и великихъ министровъ. Медики, хирургіки, физики, нитуралисты, живописцы, рѣзчики, гравировальщики, золотарики, словомъ, всѣ художники во всѣхъ родахъ имѣютъ свое происхожденіе отъ третьяго чина. Во внутренности онаго произошли тѣ славные банкиры, тѣ великіе купцы, кои повелѣваютъ торгомъ во всемъ свѣтѣ и кои бываютъ помощію великихъ государствъ.

Благородные имѣютъ безъ сомнѣнія похвальныя качества, но иногда не достаетъ имъ случая производить оныя въ дѣй-

ство. Напротивъ того, третій чинъ упражняется ежедневно въ благоразуміи, честности, изобильномъ вспоможеніи, точности, постоянствѣ, терпѣніи и правосудіи.

Дворяне имѣютъ право производить судъ своимъ именемъ, но третій чинъ производитъ оной при первомъ подаіи челобитья, устанавливаетъ процессы, знаетъ форму, искусенъ въ юриспруденціи и произноситъ рѣшеніе. Изъ третьяго чина берутся въ различныя должности всѣхъ родовъ дѣла люди, служащіе безъ жалованья и несущіе всю тягость негоднати. а находящіеся въ должности отъ того себѣ честь получаютъ.

Всякая держава, въ коей не находится третьяго чина, есть несовершенна, сколь бы она ни сильна была: сіе весьма ясно видѣть можно. Рабской страхъ бываетъ тамъ вмѣсто ободренія; строгость, которую благородные производятъ, будучи ничѣмъ ненасытимы, есть неэффективна, потому что нѣтъ иныхъ побудительныхъ причинъ. Чего остается требовать отъ народа, лишеннаго надежды и которой не можетъ имѣть любочестія? Но о той странѣ, гдѣ находится третій чинъ, сказать сего не можно; нѣтъ тамъ такого мѣста, котораго бы не могъ получить человѣкъ третьяго чина, еслии онъ только заслужилъ оное. Третій чинъ есть училище великихъ людей, въ немъ воспитываются добрые подданные во всѣхъ родахъ, коихъ государь находитъ при случаѣ со всѣми ихъ способностями.

Сей третій чинъ не трудно учредить и въ Россіи. Со временемъ можно будетъ оплатить долги государственныя или партикулярныя, смотря на состояніе всякаго отъ неволи освобожденнаго раба: надлежитъ только продавать освобожденіе всѣмъ знатымъ купцамъ и славнымъ художникамъ; надлежитъ раздѣлять всѣ различныя художества по цехамъ: должно всякому члену доказать свое искусство и исправить то, что до него надлежать будетъ. Сверхъ того,

каждый цехъ долженъ купить освобожденіе всѣмъ своимъ членамъ. что всегда тѣмъ полезнѣе будетъ государству и знатымъ господамъ, чѣмъ болѣе добрые художники въ состояніи будутъ въ цехъ записываться.

Равнымъ образомъ всѣ тѣ, кои, упражняясь съ успѣхомъ въ наукахъ, обучатся въ университетѣ вышнимъ наукамъ, какъ то юриспруденціи, философій, математикѣ, медицинѣ, хирургіи, аптекарству и прочимъ полезнымъ знаніямъ, должны имѣть освобожденіе, по атестатамъ, кои они получаютъ будутъ. Когда всякой въ состояніи будетъ упражняться въ томъ, къ чему имѣеть дарованіе, составлять всѣ нечувствительно корпусъ третьяго чина съ прочими освобожденными, о коихъ выше упомянуто. Равнымъ образомъ должно быть сему и въ разсужденіи художествъ. Всѣ тѣ, кои въ оныхъ успѣютъ, должны имѣть освобожденіе.¹ Что можетъ возбудить болѣе къ добрымъ дѣламъ, какъ надежда почти уже извѣстная получить вольность свою и наити свое счастіе?

Сверхъ того, третій чинъ, однажды установленной, возвышенный освобожденіемъ и тѣмъ самымъ утвержденный въ своей комерціи или въ своемъ промыслѣ, придетъ болѣе въ состояніе платить государственныя подати, оставя оныя по прежнему, или перемѣня число оныхъ, какъ заблагоразсудится.

Въ разсужденіи мнимаго ущерба во всякой деревнѣ обыкновеннаго оброка освобожденнаго крестьянина думать надобно, что награжденъ оной будетъ другимъ какимъ-либо образомъ, когда всѣ знатные господа чувствовать будутъ пользу отъ третьяго чина, который въ короткое время учинитъ государство столь много цвѣтущимъ, сколь легко оное быть можетъ; а особливо, еслии продолжать будутъ привлекать къ тому чужестранцовъ, для нечувствительной перемѣны въ разсужденіи земледѣльства, лутчихъ къ оному способовъ и

пріобученія природныхъ жителей къ вольной службѣ весьма полезной и приносящей изобильные прибытки.

Словомъ, въ Россіи надлежитъ быть 1) дворянству совсѣмъ вольному, 2) третьему чину совершенно освобожденному. и 3) народу упражняющемуся въ земледѣльствѣ. хотя не совсѣмъ свободному, но по крайней мѣрѣ имѣющему надежду быть вольнымъ, когда будутъ они такими земледѣльцами или такими художниками, чтобъ со временемъ могли привести въ совершенство деревни или мануфактуры господъ своихъ.

Записка подпорутчицы Веселовской объ увозъ графомъ Наховскимъ дочери ея и причиненіи ей безчестія.

Увозъ дочери моеи графомъ Каховскимъ и причиненное ей безчестіе навлекло поношеніе на цѣлое семейство, два года уже переносящее огорченіе и доискиваясь правосуднаго удовлетворенія, терпитъ раззореніе состоянія своего.

Дѣло сіе, долженствующее рѣшить участь несчастной дочери моеи и оправдать безславіе, поступкомъ графа Каховскаго навлеченное на семейство, послѣдній шагъ имѣеть къ своему окончанію въ общемъ Сената собраніи.

Увѣрена въ нелицепріятіи верховнаго сего судилища; но если теперь приѣмлю смѣлость беспокоить особъ, правосудіе въ священномъ семъ мѣстѣ составляющихъ, то уповаю на одно великодушіе, что, предварительно рѣшительному окончанію дѣла, столь важное вліяніе на право жизни цѣлаго семейства имѣющаго, выслушана буду въ послѣдній разъ.

Не сумнѣваюсь я, чтобы правосудіе поставило въ равновѣсіе жребій обезчещенной дѣвицы съ жребіемъ обезчестившаго ее.

Существо дѣла сего, показывающаго якобы затруднительную развязку и тѣмъ самымъ дошедшаго до общаго Правительствующаго Сената собранія, заключаетъ въ себѣ пред-

метъ весьма въ краткихъ словахъ. 1-е) Обольститель, дѣлавшій сіе съ намѣреніемъ лишить дѣвицу добраго имени. 2-е) Обольщенная, требующая въ томъ правосудія. 3-е) Обида семейственная.

Не смотря на то, правосудіе встрѣтитъ дѣло сіе размноженное разными вымыслами графа Каховскаго и послабленіемъ ему въ томъ присутственныхъ мѣстъ.

Поеліку во всякомъ дѣлѣ приѣмлется основаніемъ начальная причина оному, то въ семъ дѣлѣ правосудіе увидитъ сію причину въ письмахъ графа Каховскаго, къ дочери писанныхъ, и что помѣщенные въ нихъ выраженія не суть маловажны, каковыми приняты въ Смоленскомъ Уѣздномъ Судѣ и Уголовной Палатѣ.

Исчислены въ нихъ имъ графомъ Каховскимъ достоинства несчастной дочери, которыми показывалъ онъ такъ сильно плѣнившимся, и во удостовѣреніе того, призывая имя Божіе, заключалъ наконецъ, что жить безъ нея не можетъ.

Хотя послѣдствія дѣла доказали, что сіе имъ Каховскимъ писано въ единственное дочери обольщеніе, но долженъ ли онъ быть правъ въ таковомъ умыслѣнн? И могъ ли послѣ того исчисленія достоинствъ поносить ее самыми безчестнѣйшими порицаніями, которыя видны изъ дѣла?

Сколько средства употребленныя имъ Каховскимъ на обольщеніе сей несчастной оправдываютъ ея поведеніе! Ибо съ таковымъ качествомъ, какое угодно Каховскому нынѣ приписать, не было бы надобности употреблять ему оныхъ средствъ для уловленія ея. Не меньше того, сіи самыя обольстительныя слова не суть ли достаточные признаки даннаго имъ обѣщанія на женитьбу?

Прямыхъ и твердо выговоренныхъ словъ о данномъ обѣщаніи на женитьбу, хотя въ письмахъ его и нѣтъ, но право-

судіе замѣтитъ изъ намѣренія, хитростію его расположеннаго, могъ ли онъ писать о данномъ на словахъ обѣщаніи, когда стремился только уловить простосердечіе несчастной.

Въ одномъ изъ его писемъ, изъясняясь о неограниченной его любви и о достоинствахъ дочери, плѣнившихъ яко бы его, вынуждалъ онъ отвѣчать ему, присылать ли за нею карету; о чемъ, какъ видно, на словахъ уговаривалъ ее; и тутъ же пеняетъ ей, что не отвѣчала. Не доказываетъ ли сіе, что она, какъ видно, имѣвши къ обольщеніямъ его склонность, колебалась еще дать письменное на то соглашеніе?

Потомъ, когда на сіе письмо отвѣчала ему, то сен самой отвѣтъ представивши онъ къ дѣлу, употребляетъ противу ея же орудіемъ, говоря, что на присылку кареты одно ея желаніе было.

Вымыслилъ онъ графъ Каховскій написать отъ имени ея подписку, показавъ въ ней ее отрицающуюся отъ брака; потомъ, желая показать ее въ виду правосудія въ самомъ полномъ видѣ и потому недостойною той защиты, о которой проситъ нынѣ семейство ея у правосудія, вымыслилъ клевету и сослался на генерала-маіора Пассека, склонившагося въ единомысліе съ нимъ, что она несчастная дѣвица яко бы прежде знакома была и ему Пассеку въ безчестномъ видѣ. Но сіи два пункта его Каховскаго умысленій сами собою въ дѣлѣ обнаружались несправедливыми: ибо подписка пайдена Сената 4-мъ Департаментомъ незаконною; и клевета ссылкою на Пассека недоказанною.

Да благоволитъ правосудіе взять въ примѣчаніе первое письмо, писанное бывшимъ г. генераломъ-прокуроромъ Беклешовымъ къ военному губернатору князю Гикѣ, каковы его мысли и тонъ были даны началу дѣла сего.

Князь Гика, отсылая слѣдствіе дѣла сего въ Смоленскій Уѣздный Судъ, не отослалъ онаго письма; не отослалъ и другаго его-жъ генерала-прокурора, въ которомъ объявлено ему высочайшее повелѣніе судить графа Каховскаго; не объявилъ сего высочайшаго повелѣнія Уѣздному Суду, и по двухкратнымъ письменнымъ моимъ о семъ къ нему прошеніямъ не хотѣлъ сего сдѣлать. Для чего же сіе дѣлалъ князь Гика? Правосудіе можетъ дать справедливую причину по обстоятельствамъ дѣла.

Князь Гика и предводитель Шагаровъ принимали въ самомъ началѣ дѣла сего мѣры, чтобы оставила я претензію на графа Каховскаго, тѣмъ, что первый стращаль, а другой полагалъ цѣну для удовлетворенія причиненнаго семейству моему поношенія; но въ объясненіяхъ, взятыхъ о семъ, давая видъ, прикрывающій нѣтъ въ дѣлѣ семъ пристрастіе, предводитель Шагаровъ показалъ, что отъ имени Каховскаго пропозировалъ мнѣ пять тысячъ рублей.

Правосудіе да положитъ тому цѣну, чѣмъ дѣвица обольщенная, увезенная изъ благороднаго дому и обезчещенная вѣчно, должна удовлетвориться? И чѣмъ удовлетворится благородная фамилія, приведенная тѣмъ въ поношеніе?

Законъ чистой и ясной Воинскаго Устава артикула 168-го: «кто честную жену, вдову или дѣвицу тайно увезетъ и изнасилничаетъ, хотя въ томъ и позволила, онаго казнить смертію, отсѣча голову», а въ толкованіи на сей артикулъ: «Сіе обыкновенное наказаніе силы не имѣетъ, ежели увезенная уводчица была невѣста заручная, а отеческой ниже душеприкащичевой волѣ подвержена не была».

Несчастная дочь моя не моей ли воли подвержена была, и несчастіе ей причиненное не сопряжено-ль съ семейнымъ оскорбленіемъ и поношеніемъ? Въ томъ же, что она увезена

графомъ Каховскимъ, и самъ онъ не запирается; для чего жъ Правительствующаго Сената 4-й Департаментъ не привялъ основаніемъ сего закона, по псей справедливости соразмѣрное преступленію Каховскаго наказаніе опредѣляющаго? Онъ у дочери моей отнялъ честь и доброе имя, увезя ее и лишивъ ея дѣвства; почему же законъ не долженъ у него равномѣрно отнять честь и оставить ему жизнь съ таковою полноностію, съ каковою оставилъ онъ несчастной его жертвѣ?

Сенатъ другимъ закономъ руководствовался, и именно того Воинскаго Устава артикуломъ 176-мъ, который служить совѣтъ не на увезенныхъ и въ другомъ смыслѣ; да и на сей артикулъ, между прочимъ, въ толкованіи узаконено тако: «Такожъ, когда доказательства и признаки, что онъ обѣщаль жениться, велики и сильны суть, а опасаются нарушенія присяги, то болѣе надлежитъ онаго къ супружеству принуждать, нежели присягою поступать».

**Копія съ письма къ вице-канцлеру графу Остерману отъ
князя Долгорукова изъ Берлина отъ 20 Апрѣля (1 Мая)
1784 года.**

Я узналъ чрезъ господина Лебрехта, которой во время своего здѣсь пребыванія имѣлъ случай познакомиться со многими здѣшними купцами христіанской вѣры и съ Жидами. что, не смотря на подтверждаемое всегда наикрѣпчайшимъ образомъ у насъ запрещеніе о вывозѣ изъ государства золотыхъ и серебряныхъ денегъ, оныя изъ Россіи въ великомъ множествѣ вывозятся; что одинъ здѣшній купеческой домъ получаетъ оныхъ до двухъ сотъ тысячъ рублей; что сен торгъ производится въ Лейпцигѣ на ярмонкахъ, я думаю, чрезъ Украину или Бѣлоруссію, и хотя рубли наши не стоятъ уже здѣшняго талера золотомъ, однакоже, переплавливая здѣсь оныя, получаютъ за нихъ около полутора талера.

Какъ г-нъ Лебрехтъ поѣхалъ вчера отъ сюда въ Лейпцигъ. и онъ сіе провѣдалъ, то я поручилъ прилежно стараться съ наивозможною предосторожностію о семъ точно провѣдать и увѣдомить обстоятельно князя Вѣлосельскаго по пріѣздѣ въ Дрезденъ о всемъ. что удастся ему еще касательно сего свѣдать и можно будетъ, въ разсужденіи великаго знакомства съ сими купцами. Я же князю Вѣлосельскому писалъ о всемъ

вышеписанномъ, и онъ, будучи въ той землѣ, изыскать можетъ тому причину, и гораздо скорѣе нежели я здѣсь, гдѣ всевозможныя употребляютъ предосторожности, чтобъ никто здѣсь не имѣлъ никакого сообщенія не только съ нами, но и съ находящимися при насъ. И онъ можетъ по полученіи надлежащихъ на его доношенія повелѣній, употреблять надлежащія мѣры, для пресѣченія сего злоупотребленія, которое болѣе умножиться можетъ заводимою въ Херсонисо-Таврическомъ портѣ торговлею.

Письмо отъ пріятеля къ пріятелю о томъ съ канимъ варварствомъ Турки иностранныхъ министровъ часто трактуютъ.

Вы не одни, государь мой, говорите, что мы во время заключенія нашего въ Едикулъ, потомъ будучи возимы въ походы съ Турецкой арміей, а наослѣдокъ находясь въ ссылкѣ въ Демотикѣ, напрасно боялись отъ Турокъ умерщвлены быть, каковыхъ-де примѣровъ еще не бывало, чтобъ Турки иностранныхъ министровъ умерщвляли, окромѣ-де, что будучи въ такомъ положеніи, натурально много нужды претерпѣть могли.

Но какъ вы желаете, чтобъ я показалъ вамъ хотя одинъ тому примѣръ, гдѣ-бы Турки поступили съ иностраннымъ министромъ противно народнымъ правамъ, и для того намѣренъ я здѣсь вамъ предложить не токмо одинъ, но и многіе примѣры и ясно доказать то, что въ Турецкихъ рукахъ столько же опасно быть для иностраннаго министра, какъ и для всякаго военноплѣннаго генерала, офицера и солдата, коихъ всѣхъ жизнь равно всечасной смерти подвержена.

Вопервыхъ, надлежитъ вамъ сказать, что Турки не только не знаютъ народныхъ правъ, но и никакова объ нихъ понятія не имѣютъ, правъ, кои одни только и дѣлаютъ ино-

страннаго министра безопаснымъ. Сверхъ же того, Турки иностраннаго министра еще и своимъ аманатомъ почитаютъ; слѣдовательно они, за ненаблюденіе его государемъ трактата или за недодержаніе слова, могутъ ихъ наказывать, смотря по важности дѣла. Каковымъ ихъ правиламъ слѣдуя, не только что они многихъ христіанскихъ министровъ всячески безчестили и мучили, но нѣкоторыхъ и умертвили. какъ то ниже сего будетъ показано.

Сіе уже обыкновенно, какъ скоро Порты объявить войну какой либо христіанской державѣ, такъ скоро повелѣваетъ арестовать оной державы посла или министра. Такимъ образомъ, объявя войну Венеціанской республикѣ, посла ея Саранца взяли за арестъ и посадили въ замкѣ, лежащемъ на Босфорѣ, гдѣ принужденъ онъ былъ терпѣть долгое и весьма трудное заключеніе. А первой его переводчикъ былъ удушенъ за то, что служилъ вѣрно своей республикѣ. Турки не любятъ тѣхъ переводчиковъ и министровъ, которые вѣрно служатъ своему государю; имъ надобны такіе, кои бы во всемъ имъ благоугождали и рабствовали, что часто нѣкоторые изъ нихъ и дѣлаютъ.

Такожъ Французской посолъ господинъ Десанно посаженъ былъ подъ караулъ по одному только подозрѣнію, думая, что онъ вспомоцествовалъ уйтить Польскому генералу именуемому Конецпольскій, взятому на войнѣ при Хотинѣ. 1621-го году, и посланному въ заточеніе въ одну Босфорскую крѣпость или замокъ, о которомъ уже выше упомянуто было, изъ которой свободился нижеслѣдующимъ образомъ. Прислана къ нему была шелковая вервь, запеченная въ пирогѣ, и пилы, которыми онъ могъ перепилить въ окнахъ своей тюрьмы желѣзныя рѣшетки и, упоя дѣбьяна своихъ караульныхъ, ночью спустился по оной веревкѣ въ низъ

изъ башни, гдѣ былъ содержанъ и, сѣдши на пріуготовленную для него тамъ лошадь, уѣхалъ въ Польшу. Турки, подозрѣвая быть въ томъ онаго Французскаго посла хитростямъ и проискавъ, безъ дальнѣйшаго изслѣдованія посадили его въ Едикуль, гдѣ онъ содержанъ былъ четыре мѣсяца и не иначе оттуда высвободился, какъ посредствомъ денегъ и усильнаго о томъ старанія Французскаго короля.

Съ другимъ Французскимъ посломъ Гайсомъ поступили еще и того суровѣе. Верховной визирь былъ въ Адріанополь, мирная негодіація между Портою и Венеціанскою республикою ведена была посредствомъ онаго Французскаго посла; въ самое то время принесено было къ Портѣ письмо, адресованное въ Венецію, писанное цифрами, и сказано визирю, что оное выдано было изъ дому Французскаго посла. Тотъ часъ посланъ былъ указъ въ Константинополь къ послу, чтобъ немедленно пріѣхалъ въ Адріанополь; но какъ онъ былъ старъ и боленъ каменною болѣзнію и подагрой, то послалъ своего сына съ наставленіемъ отвѣтствовать на все, о чемъ его спросятъ касательно означеннаго письма, надѣясь чрезъ то избавиться отъ зимняго и безпокойнаго пути.

По прибытіи въ Адріанополь тотъ часъ представленъ былъ визирю называемому Куперли, которой приказалъ ему оное письмо истолковать; но, видя его въ томъ отговорки и мужественное супротивленіе, пришелъ въ великое сердце и приказалъ Капиджи-башѣ ударить его въ щеку, которой, будучи человекъ сильный, исполнилъ сіе повелѣніе съ такой точностію и притомъ внутреннею злостію, что, удара его по щекѣ кулакомъ, вышибъ вонъ два зуба съ кровію; потомъ бросили его въ такое скверное и смрадное мѣсто, гдѣ часто дурные пары загашали свѣчу. Тоже бы учинено было и послу, если-бы онъ самъ на то время быть случился.

Въ сей запыльчивости тотъ часъ посланъ былъ отъ ви-
зири въ Константинополь указъ, чтобъ привести самого посла
Французскаго, котораго какъ скоро привезли въ Адриано-
поль, такъ скоро посадили въ тюрьму, но уже не съ такой
жестокостію какъ поступлено было съ его сыномъ, потому
что запыльчивость визирская уже имѣла время нѣсколько уто-
литься. Однакожь содержанъ онъ былъ въ тюрьмѣ болѣе
двухъ мѣсяцевъ, изъ которой не иначе освободился съ своимъ
сыномъ какъ силой золота; но едва успѣлъ пріѣхать въ
Константинополь какъ вторично посадили его въ Едыкуль по
причинѣ, что одинъ Французской корабль, нагруженный Ту-
рецкими товарами, ушелъ съ оными, изъ которой тюрьмы
также насилу вырвался посредствомъ немалой суммы денегъ.

Въ 1763 году въ Адрианополь также посадили въ тюрьму
Голандскаго резидента по причинѣ взятія одного Голанд-
скаго корабля Мальтійцами, на которомъ находились многія
вещи, принадлежащія султану и другимъ знатымъ Туркамъ,
изъ которой онъ не высвободился прежде какъ давъ обяза-
тельство въ четыре мѣсяца заплатить за оныя товары день-
гами, а именно девяносто тысячъ рублей.

Съ Цесарскими министрами еще жестокае прочихъ посту-
паемо бывало; и когда случалась между Портою и Вѣнскимъ
дворомъ война, министры ея завсегда саживаны бывали сперва
подъ строгой арестъ въ тюрьму, а потомъ возимы или лучше
сказать, таскиваны бывали за арміею, гдѣ они весьма много
нужды претерпѣвать должныствовали, угрожаемы безпрестанно
смертнымъ страхомъ.

Жеромъ Ласки, посолъ Венгерской, желалъ учинить миръ
между Портою и Фердинандомъ Австрійскимъ, которой тогда
имѣлъ право на королевство Венгерское: но, дабы удобнѣе
къ тому преклонить султана Солимана, представилъ ему наи-

краснорѣчивѣйшимъ образомъ. храбрость и могущество императора Карла Пятаго, брата Фердинандова, которой намѣренъ ему вспомоцествовать. Солиманъ вздумалъ тѣмъ быть обезчещенъ, что хвалятъ при немъ другаго государя, приказалъ тотчасъ бросить Ласкія въ тюрьму, гдѣ онъ весьма много претерпѣлъ, пока особливимъ трактатомъ былъ изъ оной освобожденъ. Амурадъ, наслѣдникъ Солимановъ, еще большее учинилъ варварство, приказавъ умертвить Фредерика Кренобина, посла императора Максимиліана Второго. и всю его свиту, безо всякой иной причины какъ разсердясъ только за то, что его государь дѣлалъ сильное сопротивленіе войскамъ его въ Кроаціи.

Россійской посолъ господинъ Толстой въ одинъ годъ трижды сажанъ былъ въ Едикуль, не упоминая о вице-канцлерѣ Шафировѣ и генералѣ Шереметевѣ, сынѣ фельдмаршала Шереметева, которые были, яко аманаты, послѣ Прутскаго несчастливаго приключенія.

Такожь въ 1709 году не получилъ ли всякое поруганіе и увѣчіе Цесарской интернонсъ господинъ Бруннеръ купно съ его женою, дочерьми и всею свитою, хотя и отъ народа, но Порта не учинила никакой почти сатисфакціи. Французской переводчикъ господинъ Раболій взятъ и посаженъ на каторжномъ дворѣ съ прочими всякаго званія содержанными тамъ невольниками, гдѣ и умеръ въ желѣзахъ, не возмогши перенести толь тѣснаго и жестокаго заключенія. Нѣкоторые сказываютъ, что султанъ приказалъ было ему отсѣчь голову; но визирь, для избѣжанія толь насильственнаго и безчестнаго поступка въ разсужденіи цѣлой Французской націи, приказалъ отправить его на тотъ свѣтъ посредствомъ яда.

Турки въ прежнія съ Цесарцами и съ Венеціанами войны военноплѣннымъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и

рядовымъ почти сплошь головы рубили, и вдругъ въ толикомъ множествѣ, что часто изъ нихъ около шатра Лелека высокія пирамиды складывали, во увеселеніе зрителей сего варварскаго и кровожаждущаго народа. По взятіи приступомъ въ Венгріи крѣпости Петерварадина коменданта оныи генерала Гренкера, бивши сперва палками, потомъ замуравили въ стѣну, оставя только маленькое окошко для подаванія ему туда хлѣба и воды, и то въ толь маломъ количествѣ, чтобъ только онъ съ голоду не умеръ, дабы чрезъ то продолжать его мученіе, гдѣ онъ прикованъ былъ къ стѣнѣ такимъ образомъ, что ему ни сидѣть, ни лежать, ни прямо стоять было не можно; потомъ водили его скованнаго повсюду съ ихъ арміею пѣшкомъ, и наконецъ, послѣ потерянной противъ Цесарцевъ баталіи, отсѣкли ему голову. Съ Венеціянскихъ же разнаго чина военно-плѣнныхъ, какъ въ Кипрѣ, такъ и въ Морѣ часто съ живыхъ кожи содирали, и другими различными тяжкими муками до смерти замучивали. Да и въ прошлую нашу съ ними войну со многими нашими военно-плѣнными тоже бы быть могло, если бы по счастью нашему не случилось, что прежде ихъ разнаго чина люди къ намъ въ полонъ попались, а не наши къ нимъ. Однакожъ, при всемъ томъ, при началѣ первой ихъ кампаніи, когда мы еще по ту сторону Дуная въ Исакчѣ находились, визирь пяти челоуѣкамъ нашимъ, плѣннымъ драгунамъ, приказалъ головы отсѣчь предъ его палаткою безъ всякой другой причины, какъ только потѣшить зрителей своей націи; а шестому изъ нихъ, часа за два прежде, также голова была отрублена на Исакинскомъ мосту топоромъ по приказу того командира, которой ихъ велъ для того, что онъ, будучи отягченъ ранами, не могъ поспѣвать и идти за своими товарищами.

Видя таковыя предъ глазами нашими варварскіе примѣры не имѣли ль мы справедливой причины повсечасно опасаться смерти, будучи въ ихъ рукахъ, чѣмъ они намъ часто и угрожали? Да и по всему казалось, что они насъ изъ своихъ рукъ живыхъ выпустить не намѣрены были. Первое, посадили насъ въ Едикулѣ въ такую тюрьму, въ которой, по сказанію нашихъ караульныхъ, напередъ сего многимъ знатнымъ Туркамъ и нѣкоторымъ Молдавскимъ господамъ головы были отрублены; однакожь они, намъ о томъ рассказывая, насъ жаловали и утѣшали, говоря, что авось-либо съ нами того не случится, для того-де, что вы нашему султану никакой измѣны не показали; развѣ-де за то прогибается, что вашъ государь миръ нарушилъ и много городовъ у него въ располхъ взялъ.

Во время, когда взяли насъ изъ Едикуля и повезли въ визирской лагерь, стоящій тогда при Константинополѣ, поступаемо съ нами было также съ неменьшимъ варварствомъ, какъ о томъ въ моемъ журналѣ уже довольно описано; а именно посадили насъ на лошадей самыхъ негодныхъ, измученныхъ, оборванныхъ и осѣдланныхъ самыми дурными Турецкими сѣдлами, а у многихъ и стремянъ не было. И все то дѣлалось для наибольшаго поруганія министерскому характеру и для показанія народу ихъ къ христіанскимъ державамъ презрѣнія. Везли же насъ за городъ какъ осужденныхъ на смерть; со всѣхъ сторонъ окружены мы были Янычарами приставленной къ намъ орты съ ихъ офицерами, которые, подлѣ насъ идучи, городомъ безпрестанно изъ ружей стрѣляли пулями вверхъ; народу же на той улицѣ, по которой насъ везли, находилось превеликое множество по большой части Турки, мушны и женщины, изъ которыхъ одни насъ подчи-

вали самую наигрубѣйшею бранью, а другіе проклинали, прося Бога, чтобъ намъ ни пути, ни дороги не было; а нѣкоторые кричали, что насъ всѣхъ въ пути изрубить надлежало. Однакожь мы принуждены тогда были притвориться, какъ будто ничего того не слышимъ и не разумѣемъ. Въ такомъ нашемъ жалостномъ состояніи видя насъ, многіе хрістіане отъ слезъ удержаться не могли.

Потомъ привезли насъ въ лагерь и, не доѣзжая за нѣсколько до визирской большой палатки, гдѣ обыкновенно диванъ собирался, остановили насъ противъ шатра, называемаго Лелекъ, подъ которымъ рубятъ головы. Нашъ чорбаджи послалъ донести визирю, что онъ насъ туда привезъ; между тѣмъ принуждены мы были немалое время, какъ осужденные къ смерти, стоять противу вышепомянутаго эшафота и дожидаться о себѣ рѣшенія, будучи всѣ въ томъ мнѣніи, что намъ хотятъ рубить головы; да и сами Турки многіе тожь думали, и для того со всѣхъ сторонъ толпами бѣжали къ шатру Лелеку на зрѣніе нашей смерти. Когдажъ велѣно было насъ вести къ тому мѣсту, которое подлѣ визирской ставки для насъ было назначено, Турки, сбѣжавшіеся на зрѣніе нашей смерти, пошли домой съ крайнимъ сожалѣніемъ, что оной имъ тогда видѣть не удалось. Но какъ палатки для насъ еще не были поставлены, и такъ мы принуждены были тогда стоять подъ дождемъ и дожидаться, покуда палатки совсѣмъ изготовлены были. Между тѣмъ приближалась ночь, а оставшія наши въ Едикулѣ постели и другія вещи хотя и обѣщали скорѣ за нами привезть, но точію того не исполнили. И такъ многіе изъ насъ на грязи цѣлую тогда ночь безъ сна просидѣть принуждены были. Все же оное умышленно было дѣ-

лапо для наибольшаго нашего мученія по имянному султанскому повелѣнію, а по наущенію злаго мурты Османа.

Въ бытность нашу при Адрианополѣ въ лагерь, многихъ людей нашихъ, которые были наемные, вдругъ взяли подъ караулъ, и одному изъ нихъ предъ визирскою ставкою, почти у насъ въ виду, отсѣкли голову, а прочихъ посадили въ тюрьму. Потомъ присланъ къ намъ былъ отъ визиря Музуръ-Аги писарь съ двумя палачами, которой, сѣдши у нашего чорбаджея въ палаткѣ, велѣлъ всѣхъ насъ къ себѣ призвать, окромѣ резидента, и бранилъ наигрубѣйшими словами и, кричавши во весь голосъ, укорялъ всю нашу націю и объявлялъ, будто бы Россійской дворъ подослалъ въ ихъ армію докторовъ, чтобъ отравить всѣхъ Янычаръ, и что мы съ оными докторами въ сообщеніи находимся, что слыша народъ, особливо Янычары, начали было между собою переглядываться, и конечно бы на томъ же мѣстѣ въ куски насъ разорвали, если бы нашей орты Янычары и офицеры, будучи нами довольно задобрены, не заговорили почти всѣ вдругъ и очень громко, что отъ насъ такова злодѣянія конечно быть не можетъ, потому что они насъ довольно знаютъ всѣхъ, что мы люди добрые и съ ними почти за всегда вмѣстѣ пьемъ и ѣдимъ, а никто изъ нихъ еще не умеръ, а когда-де такіе подосланные докторы въ лагерь находятся, таковыхъ пускай визирь и накажетъ, чему они достойны. Такимъ образомъ сіе страшное для насъ тогда явленіе кончилось, а писарь, сѣдши на лошадь и безпрестанно насъ браня, обратно къ визирю поѣхалъ, сожалья, что не могъ противу насъ народа возмутить.

Будучи въ лагерь при Бендерахъ, пришелъ туда возвратившійся отъ Польской границы съ партіею своею одинъ беглербей. гдѣ сказывали намъ, что онъ много Россіянъ побилъ

и въ полонъ взялъ, въ самомъ же дѣлѣ привезъ съ собою только тринадцать головъ человѣческихъ, воткнутыхъ на копьяхъ, кои и представлены были визирю, отъ котораго получалъ некоторое награжденіе, означенная партія нарочно по приказу визирскому мимо насъ ѣхала, и помянутыя головы на копияхъ везла въ самое то время, когда мы обѣдали, и потомъ въ недалекомъ же разстояніи предъ нашими глазами остановилась и повтыкала копія въ землю съ торчащими на оныхъ уже почернѣлыми и засмердѣлыми головами, кои отъ полудни до самаго захожденія солнца предъ нами стояли. И чтобъ зрѣлище сіе болѣе учинить для насъ чувствительнѣйшимъ и оскорбительнѣйшимъ, нарочно Турки сказывали намъ, что оныя головы были нашихъ земляковъ, хотя по обрѣтымъ ихъ волосамъ мы ихъ почли за Поляковъ или за Молдавцовъ, какъ то и въ самомъ дѣлѣ открылось.

Спустя послѣ сего трагедическаго зрѣлища дней чрезъ десять, сдѣлался было въ Янычарскомъ лагерѣ бунтъ, и хотѣли самаго верховнаго визиря убить; но онъ, увѣдавъ томъ, тою-же ночью уѣхалъ изъ лагеря въ Бендеры и тамъ заперся, но по счастью нашему оной при самомъ его началѣ былъ успокоенъ умерщвленіемъ нѣсколькихъ главныхъ того заводчиковъ.

Нашъ чорбаджи и всѣ нашей орты Янычары сами намъ признавались, что жизнь наша была бы въ крайней опасности, если-бы означенной бунтъ возымѣлъ свое дѣйствіе, и что имъ спасти насъ весьма-бы было трудно.

Всѣ торжествуемая въ лагерѣ Турецкомъ мнимыя ихъ надѣ Россіянами побѣды, также немало намъ страхъ и опасность причиняли, потому что, какъ скоро только у визирской ставки, въ знакъ о побѣдѣ радости, заиграетъ музыка.

и начнутъ изъ пушекъ стрѣлять, въ тожъ самое время всѣ находящіеся въ лагерѣ люди, имѣющіе заряженныя ружья или пистолеты, также выбѣжавъ изъ палатокъ, стрѣлять начинаютъ и сіе продолжаютъ во все то время, покуда у визирской ставки пушечная пальба происходитъ. И весьма часто случалось, что при такихъ случаяхъ многіе въ ихъ лагерѣ раненые или до смерти убитые бывали отъ стрѣляющихъ пулями безъ разбору, каковыя пули нерѣдко и мимо нашихъ ушей съ весьма непріятнымъ свистомъ летали, а раза съ два и палатки наши отъ пыжей ихъ загорались. Изъ сего заключить должно, что нѣкоторые изъ злостныхъ Турокъ умышленно въ насъ пулями стрѣляли, какъ то и случилось, что въ бывшую съ Цесарцами войну одинъ иностраннаго министра находящійся въ ихъ лагерѣ переводчикъ въ ночное время, при выходѣ изъ палатки, былъ до смерти застрѣленъ, котораго убійцъ и никакъ послѣ сыскать не могли.

Всего же для насъ страшнѣе и опаснѣе былъ тотъ день, въ которой Молдаванджи-визирь, послѣ потерянія нѣсколькихъ баталій, и съ ними города Хотина, принужденъ былъ со всею оставшеюся при немъ Турецкою арміею ретироваться за Дунай, какъ о томъ въ журналѣ моемъ пространнѣе описано, и для того я здѣсь сокращенно объявляю только то, что собственно съ нами случилось; а именно, означенной визирь, будучи Россіянами толь часто побѣжденъ, вздумалъ всю свою злость изліять противу насъ, и не только что не отпустилъ насъ по обѣщанію въ наше отечество, а потащилъ обратно съ собою за Дунай; но сверхъ того, въ день нашего изъ Хантепеси съ арміею похода, прислалъ къ намъ вдругъ Хасасъ-башу съ тридцатью палачами, а должность онаго Хасасъ-баша при арміи состоятъ въ томъ, чтобъ со-

держать у себя подъ карауломъ всѣхъ людей осужденныхъ на смерть, и по приказанію визирскому кого надлежитъ казнить и вѣшаетъ. Которые, пріѣхавъ къ намъ въ самое то время, когда мы на лошадей хотѣли садиться и по обыкновенію ѣхавъ за визиремъ, вдругъ насъ со всѣхъ сторонъ окружили. Увидя ихъ таковымъ образомъ около насъ стоящихъ верхами, казалось намъ, что они дожидались одного только сигнала, чтобъ насъ тутъ же на мѣстѣ порубить или переколотъ копьями. Которыя у многихъ у нихъ въ рукахъ имѣлись, называемыя по ихъ мизраки. Вскорѣ потомъ услышали мы, что у визиря заиграла музыка, и онъ, сѣдши на лошадь, въ путь свой отправился и, поровнявшись противу того мѣста, гдѣ мы стояли, оборотилъ къ намъ свое суровое лице и сѣдую бороду, однакожъ, ничего не сказавъ Хасасъ-башѣ, проѣхалъ мимо насъ. Тогда нашъ чорбаджи, будучи неменѣе нашего объятъ страхомъ (потому что его подозрѣвали быть весьма преданнымъ къ намъ) сказалъ намъ, чтобъ и мы сядились на лошадей. И такъ мы по обыкновенію въ слѣдъ за визиремъ поѣхали; но Хасасъ-баша, присоединяясь съ его командою къ нашей ортѣ, вмѣстѣ съ нашимъ чорбаджиемъ предъ нами поѣхалъ, а палачи его, одни на переди, а другіе позади насъ ѣдучи, до самого вечера насъ провожали.

И какъ мы послѣ уже свѣдали, что означенной Хасасъ-баша дѣйствительно имѣлъ отъ визиря повелѣніе, чтобъ, въ случаѣ есть-ли бы въ тотъ день наши войска на нихъ нападеніе учинили, всячески старался насъ увести въ Исакчу, а ежели того учинить будетъ не можно, то бы всѣхъ прирубить, а не допустить нашимъ войскамъ насъ у нихъ живыхъ отбить.

Сколько же и другихъ случаевъ бывало въ бытность нашу какъ въ ихъ лагерѣ, такъ и въ Демотикѣ, которые неменѣе

сего нашу жизнь смертію угрожали; но я объ оныхъ здѣсь умалчиваю, уповаю, что вы, государь мой, изъ вышеписанныхъ примѣровъ довольно уже усмотрѣли, что опасеніе наше отъ Турокъ въ разсужденіи нашей жпзни было не безъ основанія.

А что мы всѣ живы остались, оное болѣе надлежить почитать за особенное чудо, потому что Турки конечно нисколько о соблюденіи здоровья нашего не пеклись, какъ то всѣ ихъ съ нами поступки доказываютъ, напротивъ того всячески старались разными образами насъ изнурять и мучить.

Письма князя Потемкина къ великому Суворову *).

1.

Писано 9-го Октября 1789.

Объявленіе Гренамъ, служащимъ на флотъ.

Что я будущую кампанію самъ предводительствовать ими буду на морѣ, то и ожидаю отъ нихъ усердія и храбрости, что они подадутъ мнѣ случаи свидѣтельствовать предъ Ея Величествомъ ихъ неустрашимые подвиги.

Подполковнику Константину Чалони, чтобы прислалъ ко мнѣ вѣдомость, сколько ихъ можетъ быть будущую кампанію на флотъ, которымъ самъ намѣренъ предводительствовать.

Стронся въ Херсонъ Навархія, легкое судно сорока-пушечное, гдѣ я присутствовать буду; на оное отобрать самыхъ лучшихъ и исправныхъ воиновъ.

Къ Войновичу ордеръ.

О присылкѣ рапортовъ вѣрныхъ о числѣ Грековъ, служащихъ во всѣхъ мѣстахъ, какъ объ офицерахъ, такъ и о рядовыхъ.

*) На конвертѣ съ этими письмами надпись фельдмаршала князя Воронцова: „Оригинальныя письма князя Потемкина-Таврическаго къ графу Суворову, подаренныя мнѣ Иваномъ Онуфріевичемъ Курисомъ“.

2.

24 Октября.

Губернатору.

Чтобы ѣхалъ въ Херсонъ для слѣдующихъ исправленій:

1) Чтобы заготовить сѣна на супротивномъ берегу для конныхъ полковъ, отобравъ отъ Александра Васильевича, гдѣ онъ полагаетъ; доставить и овса.

2) Мнѣ нужно будетъ зимою подкрѣпить иногда Кинбурнь; то отъ мѣста до мѣста заготовить сѣна.

3) Карантинный домъ, также и другія строенія и лѣсъ, еслии сыщется у партикулярныхъ, купить и раздѣлить для строенія замлянокъ на Збурцевской сторонѣ и на устьѣ Ингула, что и перевозить немедленно.

4) О провіантѣ стараться снабдить Херсонъ, а паче Кинбурнь, да изъясниться съ адмиралтействомъ что имъ потребно.

3.

8 Генваря.

Радъ я, мой любезный графъ Александръ Васильевичъ, спасенію Мегметъ-аги. Желая спасти и прочихъ, посылаю теперь майора Югновича остеречь мухамиза Бендерскаго. Хорошо, еслии догонить.

Подайте способы въ случаѣ нужномъ.

Вашего сіятельства вѣрный другъ и покорнѣйшій слуга

Князь Потемкинъ-Таврическій.

4.

25 Января 1790.

Я слышалъ, что одинъ еще изъ Бендерскихъ вышелъ и къ вамъ, мой любезный другъ, явился; ежели это Ходжи-байрактаръ, былъ бы я крайне радъ; поспѣшите его присылкою ко мнѣ. За симъ я дамъ вамъ знать, какія я получилъ письма отъ визиря. Во всю жизнь

Вашего сіятельства вѣрнѣйшій другъ и покорнѣйшій слуга

Князь Потемкинъ-Таврическій.

5.

21 Февраля 1790. Ясы.

Мы лишились нашего союзника. Такъ Богу угодно! Великій князь Тосканскій теперь уже долженъ быть въ Вѣнѣ. Уповаю, что онъ отъ насъ не отстанетъ. Онъ человекъ твердый и болѣе систематичный; вотъ все, что могу вамъ, любезный и милостивой другъ, сказать.

Прилагаю списокъ произведеннымъ для вашего свѣдѣнія.

6.

9 Марта 1790.

Я немогу, мой милостивой другъ; и хотя уже полегче, но слабость день отъ дня умножается. Прикажи препроводить эфендія, отправленнаго къ визирю. Прилагаю извѣстія Польскія и есмь съ непремѣннымъ почитаніемъ на всегда вѣрнѣйшій другъ и пр.

Произвожденіе по вашимъ рекомендаціямъ на сихъ дняхъ
пришлю.

7.

Христосъ Воскресе!

Поздравляю васъ, мой милостивой другъ, съ торжествомъ
христіанства. Посылаю нѣкоторыя бездѣлки и прошу кушать
на здоровье.

Увѣдомьте меня, показывается ли кормъ полевой. У насъ
холодъ чрезвычайной остановилъ траву. Сія необыкновен-
ность была предшествіемъ землетрясенія, которое вчера было
сильное: мой домъ чуть не рассыпался. Мы чувствовали че-
тыре удара. По моему пребыванію въ Фокшаняхъ, а паче въ
Бобовѣ бывало сильнѣй другихъ мѣстъ. Скоро дамъ вамъ свѣ-
дѣніе о непріятелѣ и о моихъ предположеніяхъ.

27 Марта 1790

Ясы.

8.

Планы дѣйствіямъ на Лиманѣ каждому порознь со описа-
ніемъ.

Планъ стоящему нашему и Турецкому флоту, также и
флотиліямъ.

Сраженія и хожденія флота Севастопольскаго, тоже и про-
тиву его Турецкаго съ планомъ баталіи.

Стихи на Екатерининскія учрежденія.

Ежели гдѣ государевъ намѣстникъ
Будеть на взятки прелестникъ:
То и Губернское Правленіе,
Возметъ на то стремленіе,
Сыщеть и Казенная Палата,
Отъ чего будетъ богата;
Такъ же и Уголовная
Не будетъ въ томъ прекословная;
Гражданская и Магистратъ Губернской
Не погнушается сей страсти мерзкой;
Суды надворны
За деньги будутъ сговорны;
Верхнія и Нижнія Расправы
Постараются для своей исправы;
Верхніе и Нижніе суды
Не оставятъ тщетно свои труды;
Разбирать будетъ Совѣстной Судъ,
Кто на дачу хорошъ и кто худъ;
Да и Приказъ Общаго Призрѣнія
Не будетъ имѣть въ томъ зазрѣнія;
А паче всѣхъ Управа Благочинія

Имѣть всѣ способы своего безчинія.
Генерально всѣхъ тѣхъ мѣсть,
Конимъ и числа здѣсь нѣсть,
Предсѣдатели и засѣдатели
Только человѣческой плоти объѣдатели,
Такіе же воры
Стряпчіе и прокуроры,
Уѣздные градоначальники
И капитаны-исправники,
Секретари, давнишніе алтынники,
И подъячіе, неописанные шильники,
А у квартальныхъ хотя темлякъ на военной спицѣ,
Но рука всегда на поясницѣ;
При томъ стараются по ночамъ ходить
И думаютъ навсегда пьяныхъ купцовъ ловить,
А тѣмъ они какъ себѣ, такъ и частному приставу
Приносятъ прибыль на общую исправу.

Копія съ письма Екатерины Великой къ графу Самойлову.

Царское Село. 23-го Іюня 1794

Александръ Николаевичъ! Препровождаемъ при семъ къ вамъ прошеніе, поданное намъ отъ генераль-маіора Сергѣя и жены его Катерины Львовыхъ, содержащее жалобу на дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Воейкова, что онъ, подъ личиною дружбы, воспользуясь простодушіемъ и легковѣрностію Львовой, выманилъ у нея на многія тысячи безденежныхъ векселей, въ разныя руки теперь переданныхъ и частию уже предъявленныхъ ко взысканію съ векселедавицы. Столь наглый обманъ, въ столицѣ нашей произведенный, если подлинно онъ существовалъ, не можетъ остаться безъ строгаго изысканія, и виновные тому безъ должнаго по законамъ наказанія. Сего ради соизволяемъ, чтобъ вы, со всею точностію и подробностію, а при томъ самыми кратчайшими путями, изслѣдовали помянутое происшествіе, доходя до истиннаго познанія: когда, какимъ образомъ и при комъ даваны были отъ генераль-маіорши Львовой означенному Воейкову вексели, сколько числомъ, на какіе сроки и въ какой суммѣ, такожъ на чьи имена оныя писаны, и тѣ люди давали-ль ей, Львовой, написанныя въ векселяхъ деньги и имѣютъ ли на

то свидѣтелей или иныя какія-либо доказательства. вѣроятія заслуживающія. Наконецъ, сколько таковыхъ векселей вступило ко взысканію, отъ кого и какимъ образомъ оныя дошли въ ихъ руки, и въ чьихъ остальныхъ находятся? Словомъ, не оставьте ни малѣйшаго обстоятельства безъ вниманія и уваженія и старайтесь всѣми возможными образы достигнуть прямого существа сего дѣла. А между тѣмъ, остановя взысканіе по вступившимъ уже векселямъ до надлежащаго изслѣдованія объ оныхъ, истребуйте всѣ оныя къ вашему разсмотрѣнію, назнача для представленія ихъ срокъ. съ тѣмъ, что если не будутъ представлены въ назначенное отъ васъ время, таковыя послѣ того никакой уже законной силы и дѣйствія имѣть не могутъ. По окончаніи же всего того слѣдствія, внесите оное въ Сенатъ для рѣшенія тутъ по законамъ, такъ какъ и сей указъ предложите Сенату, дабы и со стороны его, въ чемъ надобность востребуеть, подано было вамъ пособіе къ скорѣйшему исполненію вышеизображенной воли нашей. Пребываемъ въ прочемъ вамъ благосклонны.

Е к а т е р и н а.

Петербургское приключеніе прошлаго вѣка.

Въ танцевальномъ клубѣ, нашего банковаго правленія совѣтникъ господинъ Дубянский разговаривалъ съ подполковникомъ Миллеромъ объ одной танцовщицѣ придворнаго театра, называемой Аннушкѣ, той самой, которая по его словамъ была знакома съ Валеріаномъ Александровичемъ Зубовымъ. Содержаніе же сего разговора, безъ сумнѣнія, сей госпожѣ не дѣлало великой чести и было пересказано слово отъ слова; а какъ сія госпожа имѣла у себя жениха армейскаго полку капитана, по прозванію Харачокъ и по случаю онъ въ сей день находился въ томъ же клубѣ, то ему также пересказалъ тотъ же Миллеръ, что было говорено Дубянскимъ въ честь обожаемой имъ нимфы. Капитанъ, будучи храбръ, разсудилъ, что честь его тѣмъ повредится, когда онъ не накажетъ того, кто столько былъ дерзокъ, что дерзнулъ безславить то божество, коему онъ въ жертву себя приносить. Вслѣдствіе сего опредѣленія, отозвавши Дубянскаго въ особый покой, спрашивалъ, правда-ль все то, что ему рассказывалъ Миллеръ, въ чемъ Дубянский предъ нимъ и не запирался и готовъ былъ подтвердить все то, что онъ уже слышалъ, когда онъ того отъ него потребуеть. Послѣ сего помянутый капитанъ отвѣтствовалъ ему доброю олеушиною, за коей слѣдовала другая;

а какъ храброй капитанъ служилъ въ арміи и знаетъ совершенно какъ производится огонь батальный, то и успѣлъ влѣпить третью пощечину, прежде пока бригадиръ, который о непріятель не имѣлъ никакого понятія, и не успѣлъ приготовиться къ оборонѣ; а какъ послѣ сей послѣдній упалъ на полъ, и народъ сбѣжался, то и капитанъ былъ задержанъ и отвезенъ къ оберъ-полицеймейстеру.

На другой день послѣдовала резолюція. Какъ я слышалъ. Государыня пишетъ къ господину Архарову въ своей запискѣ:

«Мужикъ. въ мужичьемъ платьѣ, въ мужичьемъ обществѣ. «судится по-мужически; а понеже сіе случилось въ обществѣ «мѣщанскомъ, и Дубянской былъ во фракѣ, имѣя при томъ «круглую шляпу: то и судится по-мѣщански».

Однако же далѣе ничего не послѣдовало. Дубянскому отказано право ходить за кавалергарда, коимъ пользовался онъ по камерпажеству; а капитану, исправя порученныя ему коммисіи, ѣхать въ полкъ.

Капитанъ сей оставленъ за коммисіями отъ Валеріана Зубова и считался при канцеляріи Платона Александровича. Отличной, сказываютъ, храбрости противъ непріятеля, чему имѣетъ доказательствомъ многія раны и у одной руки поврежденные пальцы.

Подлинныя донесенія графа Захара Григорьевича Чернышова Екатеринѣ Великой объ открытіи Московской губерніи.

1.

Всемиловѣйшая Государыня!

Во исполненіе высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа отъ 25 Маія сего года о внесеніи въ Московскую губернію высочайшихъ Вашего Императорскаго Величества учрежденій для управленія губерній въ нынѣшнемъ Октябрѣ мѣсяцѣ, имѣю счастіе всеподданнѣйше донести, что, по учиненному предварительно объ ономъ объявленію, дворянство Московской губерніи собралось сюда 3-го числа сего мѣсяца, почему вчера на всѣхъ площадяхъ и обнародовано, что съ нынѣшняго дня начнется исполненіе онаго высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа. Въ слѣдствіе того поутру сего дня собрались какъ опредѣленные въ губернію чины, такъ и все дворянство и изъ Московскаго купечества въ Грановитую Палату, гдѣ я имѣлъ честь объявить всему собранію высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе, дарующее древней столицѣ и губерніи Московской участіе въ томъ благоденствіи, конемъ наслаждаются прочія въ имперіи губерніи, управляемая

на основаніи учрежденій. Изъ Грановитой Палаты всѣ слѣдовали повелѣннымъ въ учрежденіяхъ порядкомъ въ большой Успенской Соборъ. въ коемъ, по совершеніи Божественной литургіи, прочтены высочайшій манифестъ и указъ объ открытіи губерніи; а по прочтеніи оныхъ, преосвященный Платонъ, архіепископъ Московскій и Калужскій, сказывалъ поученіе, приличное настоящему происшествію. Потомъ всѣ мы принесли теплыя къ Царю Царей молитвы о долготѣнномъ здравіи Вашего Императорскаго Величества, яко всемилостивѣйшей Виновицы всеобщаго нашего благоденствія. На послѣдокъ учинили присягу: опредѣленные чины на свои должности, а дворянство на выборъ предводителей и судей.

Изъ Собора слѣдовалъ я съ господиномъ губернаторомъ. приглася и преосвященнаго архіепископа Платона, въ устроенный для Губернскаго Правленія домъ, въ коемъ преосвященный по обряду церковному окропилъ священою водою покой; а послѣ того я вручилъ книгу высочайшихъ Вашего Императорскаго Величества учрежденій господину губернатору и всему Губернскому Правленію для исполненія и, прочтя изъ оныхъ главу о должности Губернскаго Правленія, открылъ оное на основаніи высочайшихъ учрежденій.

Я не могу осмѣлиться обременить освященнѣйшую особу Вашего Императорскаго Величества всенодданнѣйшимъ моимъ донесеніемъ въ подробности о томъ, съ кокимъ усердіемъ дворянство приступаетъ къ подлежащему дѣлу и какое стеченіе народа было какъ къ Успенскому Собору, такъ наипаче къ устроенному для губернскихъ присутственныхъ мѣстъ дому; но кратко заключаю, что вся Москва подвигнулась радостнымъ восторгомъ къ принятію спасительныхъ Вашего Императорскаго Величества учрежденій и къ тор-

жестованію при семъ первоначальномъ открытіи правленія по образу, въ оныхъ предписанному.

Завтра будетъ вторичное собраніе дворянства въ Грановитой Палатѣ для слушанія чтенія высочайшихъ учреждений, а въ слѣдующіе потомъ дни повелѣнные выборы производятся будутъ.

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ

графъ Захаръ Чернышовъ.

Въ Москвѣ

Октября 5 д. 1782 г.

2.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Послѣ отправленнаго всеподданнѣйшаго Вашему Императорскому Величеству донесенія моего отъ 5-го числа сего мѣсяца объ открытіи Московскаго Губернскаго Правленія, дворянство 6-го числа имѣло собраніе въ Грановитой Палатѣ для слушанія чтенія высочайшихъ учреждений; 7-го, раздѣлясь по уѣздамъ, въ разныхъ покояхъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, выбрало новыхъ уѣздныхъ предводителей, коимъ и списокъ у сего всеподданнѣйше подпишу; 8-го въ общемъ всего дворянства въ Грановитой Палатѣ собраніи избранъ въ губернскіе предводители графъ Пётръ Борисовичъ Шереметевъ; 9-го, въ Воскресенье, дворянство не имѣло собранія; а сегодня, собрався въ разныхъ покояхъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, выбрало уѣздныхъ судей, земскихъ капитановъ и засѣдателей Уѣзднаго и Нижняго Земскаго Судовъ. Я за долгу себѣ поставлю присовокупить здѣсь всеподданнѣйшее засвидѣтельство о томъ усердіи и радостномъ восхищеніи, съ коимъ дворянство при всѣхъ сихъ выборахъ въ собраніяхъ себя

оказывало, исполняя съ веселіемъ требуемое отъ него при семъ происшествіи.

Равномѣрно выбраны уже повѣренными отъ Московскаго купечества и мѣщанства городской глава, бургомистры, ратманы и засѣдатели въ Совѣстный Судъ и въ Губернскій Магистратъ; такъ какъ и отъ поселянъ повѣренные выбрали засѣдателей въ Нижнія Расправы и въ прочія мѣста по высочайшимъ учрежденіямъ.

Утрешняго числа предлежитъ дворянству выбрать засѣдателей въ Совѣстной Судъ и въ Верхній Земскій Судъ; а 12-го уповаю открыть засѣданіе въ палатахъ и во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ.

Въ прочемъ какъ здѣсь, такъ и во всей губерніи Московской на прошедшей недѣлѣ все въ надлежащей тишинѣ и спокойствіи происходило.

Вашего Императорскаго Величества

Всеподданнѣйшій рабъ

Графъ Захаръ Чернышовъ.

Въ Москвѣ,
Октября 10-го дня
1782 года.

Списокъ выбранныхъ въ уѣздные предводители.

Въ Московской уѣздъ—дѣйствительный камергеръ Алексѣй Нарышкинъ.

Въ Воскресенской—тайный-совѣтникъ и кавалеръ графъ Иванъ Воронцовъ.

Въ Богородской—генераль-порутчикъ Сергѣй Всеволожской.

Въ Бронницкой—генераль-порутчикъ и кавалеръ Николай Расловлевъ.

Въ Коломенской—гвардіи секундъ-ротмистръ Яковъ Та-
тищевъ.

Въ Серпуховской—надворный совѣтникъ Петръ Нащокинъ.

Въ Никитской—тайный совѣтникъ графъ Дмитрій Матюш-
кинъ.

Въ Подольской—дѣйствительный камеръ-геръ Александръ
Васильчиковъ.

Въ Звѣнигордской—генераль-маіоръ и кавалеръ Алексѣй
Сухотинъ.

Въ Рузской—маіоръ князь Иванъ Кольцовъ-Мосальскій.

Въ Можайской—секундъ-ротмистръ Николай Савеловъ.

Въ Волоколамской—гвардіи подпорутчикъ Иванъ Стреш-
невъ.

Въ Клинской—примеръ-маіоръ Платонъ Орловъ.

Въ Дмитровской—генераль-маіоръ и кавалеръ князь Иванъ
Голицынъ.

Въ Верейской — гвардіи секундъ маіоръ Александръ
Гурьевъ.

Графъ З. Чернышовъ.

З

Всемиловѣйшая Государыня!

Отъ 10-го сего мѣсяца имѣлъ я счастье всеподданнѣйше
Вашему Императорскому Величеству донести о происхожде-
ніи выборовъ дворянскихъ; а 11-го числа дворянство, подъ
предсѣдательствомъ губернскаго предводителя, графа Петра
Борисовича Шереметева, въ Грановитой Палатѣ, выбрало за-
сѣдателей въ Совѣстной Судъ и въ Верхній Земской Судъ, и
тѣмъ всѣ выборы на основаніи высочайшихъ Вашего Импе-
раторскаго Величества учрежденій кончены 12-го числа. Всѣ,
какъ нововыбранные, такъ и губернскіе чины и дворянство,

слушали въ Успенскомъ Соборѣ божественной литургіи, которую отправлялъ преосвященный Платонъ архіепископъ Московскій и Калужскій съ духовнымъ соборомъ и по совершеніи оной сказывалъ поученіе о должности судейской; а наконецъ, гласомъ всего собранія принесть благодарственное Богу моленіе о долгодѣльномъ здравіи Вашего Императорскаго Величества. По окончаніи онаго всѣ нововыбранные учинили присягу на свои должности, и потомъ все собраніе слѣдовало повелѣннымъ въ высочайшихъ учрежденіяхъ порядкомъ чрезъ Кремль до Спасскихъ воротъ при колокольномъ звонѣ и игрانی музыки отъ постановленной воинской команды, а оттуда по Красной площади въ домъ для присутственныхъ мѣстъ устроенный, куда и преосвященный архіепископъ Платонъ приглашенъ былъ и по обряду церковному окропилъ священною водою покои Уголовной, Гражданской и Казенной Палаты, Верхняго Земскаго и Верхняго Надворнаго Судовъ, въ коихъ я потомъ имѣлъ честь засѣданіе открыть. Въ сіе же время господинъ губернаторъ и вице-губернаторъ, приглася для окропленія священной водою по церковному обряду двухъ архимандритовъ, открыли засѣданіе, первый въ Губернскомъ Магистратѣ, въ Верхней Расправѣ, въ Московскомъ Уѣздномъ Судѣ, въ Уѣздномъ Казначействѣ, въ Дворянской Опекѣ и въ Нижнемъ Земскомъ Судѣ; а второй въ Нижнемъ Надворномъ Судѣ, въ Московскомъ Городскомъ Магистратѣ, въ Сиротскомъ Судѣ и въ Нижней Расправѣ.

Сегодня по утру, получа отъ судебныхъ мѣстъ представленія почти единогласныя о назначеніи въ совѣстные судьи изъ здѣшняго дворянства тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Михайла Михайловича Салтыкова, согласился я на оное по силѣ высочайшихъ учреждений, и потомъ засѣданіе въ Совѣстномъ Судѣ открыто. Сего жъ утра вступилъ въ

исправленіе своей должности Приказъ Общественнаго Призрѣнія.

Между тѣмъ дворянство, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя, имѣло собраніе въ губернской залѣ общаго собранія и положило единогласно принесть всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству благодареніе за всемілостивѣйшее дарованіе столицѣ Вашей и губерніи Московской высочайшихъ учрежденій и о томъ чрезъ губернскаго предводителя мнѣ представило. Имѣя счастье равно съ дворянствомъ, яко дворянинъ Московской губерніи, ощущать всемілостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества благоволеніе о всеобщемъ нашемъ благоденствіи, тѣмъ съ вѣщшею горячностію соотвѣтствовалъ я желанію дворянства; по посылку всѣ другъ предъ другомъ усердствовали поспѣшеніемъ къ высочайшему Вашего Императорскаго Величества двору, чего однако всѣмъ учинить невозможно, то назначены къ тому депутаты, кои у се о списокъ всеподданнѣйше подношу и кои вскорѣ и отправятся пасть къ престолу Вашего Императорскаго Величества съ искреннѣйшею жертвою благодарныхъ сердецъ нашихъ.

Напослѣдокъ, посылку всѣ уже выборы кончены, объявлено дворянству, что могутъ они возвратиться въ свои дома; а уѣзднымъ предводителямъ, судьямъ, земскимъ канцеляриямъ и засѣдателямъ дано знать, чтобы они слѣдовали въ свои уѣздные города. куда и предсѣдатели палатъ и Верхняго Земскаго и Верхняго Надворнаго судовъ отъ Губернскаго Правленія имѣютъ отправиться 15-го числа съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ оныхъ городахъ присутственныя мѣста не позже 25-го числа сего мѣсяца открыты были.

Въ заключеніе приѣмлю смѣлость повергнуть къ монаршимъ Вашего Императорскаго Величества стопамъ всепод-

даннѣйшее мое засвидѣтельствованіе объ усердіи, признательности и благоговеніи къ освященнѣйшей особѣ Вашего Императорскаго Величества здѣшняго дворянства, купечества и всего города, въ неописанную радость пришедшаго отъ внесенія въ здѣшнюю столицу высочайшихъ учреждений. Сіе истинно доказало дворянство и купечество при всѣхъ бывшихъ выборахъ, а народъ открытымъ веселіемъ во всѣ прошедшіе дни бывшаго торжества, наипаче же вчера несмѣтнымъ стеченіемъ разнаго состоянія, возраста и пола, едва вмѣщаясь въ Кремль и въ Китаѣ на всѣхъ зданіяхъ и площадяхъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ
графъ Захаръ Чернышовъ.

Въ Москвѣ
Октября 13-го дня
1782 года.

Списокъ назначеннымъ въ депутаты.

Губернской предводитель графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ.

Уѣздные предводители:

Московской—дѣйствительный камергеръ Алексѣй Нарышкинъ.

Воскресенской—тайный совѣтникъ и кавалеръ графъ Иванъ Воронцовъ.

Богородской — генераль-поручикъ Сергѣй Всеволожской.

Коломенской—гвардіи секундъ-ротмистръ Яковъ Татищевъ.

Можайской—секундъ-ротмистръ Николай Савеловъ.

Дмитровской—генераль-маіоръ и кавалеръ князь Иванъ Голицынъ.

Серпуховской—надворный совѣтникъ Петръ Нащокинъ.

Изъ дворянъ Московской губерніи графъ Николай Шереметевъ.

Бригадиръ Михайло Матюшкинъ.

Бригадиръ Иванъ Козловъ.

Графъ З. Чернышовъ.

4.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Имѣя счастье получить всемилоствѣйшее Вашего Императорскаго Величества начертаніе отъ 21-го Октября, не примнута я повторить благородному обществу здѣшнему, что раболѣпная ихъ признательность благоугодна Вашему Императорскому Величеству, и что назначаемыя ими депутаціи съ особливѣмъ высочайшимъ благоволеніемъ пріемлются. Возвѣщеніе толь милосердаго Вашего Императорскаго Величества снисхожденія къ здѣшнему дворянству привело ихъ въ неописанную радость и неизреченное возбудило въ нихъ благодарное чувствованіе, о коихъ получая теперь отъ дворянскихъ предводителей засвидѣтельствованія, пріемлю смѣлость повергнуть оныя купно съ моимъ глубочайшимъ благоговѣніемъ къ монаршимъ Вашего Императорскаго Величества стопамъ, яко чистую жертву благодарныхъ нашихъ сердець.

Въ Москвѣ

Октября 31 дня

1782 года.

5.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе отъ 21-го Октября съ запискою деньгамъ, всемилоствѣйше пожалованнымъ Приказу Общественнаго Призрѣнія Московской губерніи, я удостоился принять и немедленно предложилъ оному Приказу о должномъ по силѣ высочайшаго повелѣнія исполненіи, сообщая при томъ и Московскому Дворянскому Банку, такъ какъ и Казенной Палатѣ объ отпускѣ въ вѣдомство реченнаго Приказа хранящихся у нихъ денегъ, въ упомянутой запискѣ показанныхъ.

Въ прочемъ въ столицѣ Вашего Императорскаго Величества и во всей губерніи Московской все въ надлежащей тишинѣ и покоѣнствіи на прошедшей недѣлѣ происходило и нынѣ благополучно состоитъ.

Въ Москвѣ
Октября 31 дня
1782 года.

**Письмо архієпископа Казанскаго Амвросія къ графу А. Р.
Воронцову.**

1787.

Сіятельныйшій графъ!

Милостивый государь мой!

Уже ниѣль я честь писать къ вашему сіятельству въ Саратовъ, изъясняя чувствительнѣйшую мою благодарность за оказанную мнѣ благосклонность; нынѣ, тожъ повторяя, всеусердно поздравляю ваше сіятельство съ возвращеніемъ въ Санктъ-Петербургъ. Объ извѣстныхъ вашему сіятельству *новокрещенскихъ николахъ* писано ко мнѣ, чтобъ я представилъ отъ себя Всемиловѣйшей Государынѣ чрезъ графа Александра Андреевича Безбородку, что мною на сей же почтѣ и отправлено. Съ прошенія, по дозволенію вашего сіятельства, пріобщаю при семъ копію и прошу всепокорно употребить милостиваго старанія. Несумнѣнно надѣюсь, что изъ сего выдти можетъ со временемъ польза, соотвѣтственная матернему попеченію премудрой нашей Монархини о насажденіи просвѣщенія. Ваше же сіятельство, яко побудителя на сіе и моего покровителя, вознаградитъ Самъ Отецъ Свѣтовъ. Коего благость всегда призывать на особу вашу обязаннымъ

себя почитаю. Въ упованіи таковой милости, при совершенномъ моемъ высокопочитаніи и неизмѣняемой преданности, честь имѣю быть всегда

Вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всепокорный слуга и богомолецъ

Амвросій архіепископъ Казанскій.

Августа 23-го дня

1787 года,

Въ Казанѣ.

Копія.

Всеимилостивѣйшая Государыня!

По имянному блаженныя памяти государыни императрицы Елисаветъ Петровны высочайшему указу въ Казанской епархіи учреждены 1742 года школы, именуемыя новокрещенскія, въ коихъ обучаются дѣти изъ разныхъ, принявшихъ христіанскую вѣру народовъ Россійскому чтенію, пѣнію, письму, закону и уставу церковному въ надежду производства въ церковнослужители и высшія степени священства, къ удобнѣйшему просвѣщенію и утвержденію въ вѣрѣ христіанской новокрещенныхъ народовъ. И хотя какъ то по надлежащему исполняется, такъ и предположенная польза довольно ощутительна; но какъ въ благословенное царствованіе Вашего Императорскаго Величества изъ всѣхъ таковыхъ заведеній иныя приведены, иныя приводятся въ цвѣтущее состояніе, то дабы и оное новокрещенскихъ школъ заведеніе могло по возможности распространить пользу, сходственную съ матернимъ попеченіемъ Вашего Величества о просвѣщеніи народа своего, за приличное признаю онымъ новокрещенскимъ дѣтямъ

обучаться и въ Семинаріи наукамъ въ оной преподаваемымъ, дабы чрезъ сіе они: 1) будучи священниками, въ своихъ селеніяхъ могли говорить поученія на природныхъ языкахъ, что весьма нужно при незнаніи Россійскаго; 2) обучась въ Семинаріи по введенному въ оной нормальному методу, сверхъ священнической должности, могли бы споспѣшествовать къ заведенію въ тѣхъ же селеніяхъ народныхъ училищъ; и 3) окончивъ науки, успѣшнѣйшіе могли бы также достаточны быть на учительскія званія не токмо въ народныхъ тѣхъ селеній училищахъ, но и въ Семинаріи, что весьма лестно будетъ для самыхъ тѣхъ народовъ. Изъ сего безъ сомнѣнія для церкви и отечества можетъ послѣдовать польза несравненно большая. Для опыта на сей конецъ по назначенію моему чрезъ годъ уже 15 человекъ изъ тѣхъ учениковъ и обучались въ Семинаріи, гдѣ, оказавъ довольную склонность и успѣхи, произвели ревность къ тому же и въ прочей своей собратіи.

Сего ради не благоугодно ли будетъ, всемилостивѣйшая Государыня, повелѣть оныя школы съ Семинарією и суммы, на нихъ положенныя, соединить, дабы чрезъ одинаковое ихъ съ семинаристами содержаніе и чрезъ одинъ присмотръ удобнѣе было достигнуть желаемыхъ успѣховъ. Суммы на оныя школы со всеми чинами, кромѣ строенія, въ помянутомъ 742 году положено 2,912 р. 20 к., да на лѣкаря съ ученикомъ по указу 763 года 187 р. 70 к.: всего 3,099 р. 90 к. въ годъ. Хотя же по возвысившимся отъ того времени цѣнамъ и выдается нынѣ на припасы, по силѣ указовъ, по справочнымъ цѣнамъ, на наличное число учениковъ, а потому на каждого ученика и выходитъ больше положеннаго: то какъ положенное по штату число учениковъ рѣдко полное бываетъ, то

при добромъ хозяйствѣ и довольно будетъ положенной въ 1742 году ежегодно выдаваемой съ семинаристами 2000 р., что вообще составлять будетъ 5,099 р. 90 к. Впрочемъ все сіе предаю въ собственное Вашего Императорскаго Величества благоразсмотрѣніе.

Всемиловѣйшая Государыня
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій и богомолецъ
Амвросій архіепископъ Казанскій.

Августа дня
1787 года.
Въ Казанѣ.

Письмо неизвестнаго Француза къ графу А. Р. Воронцову.

Paris, 2 janvier 1781.

Monsieur le comte.

Je ne sais si vous avez jamais reçu une lettre que m-r de Boutourline s'était chargé de vous faire passer. Si elle ne vous est point parvenue, je suis chargé à votre égard de toutes les apparences du plus grand tort: car vous pourriez m'accuser de n'avoir pas répondu aux plusieurs lettres de vous, remplies de votre ancienne bonté et amitié pour moi. Je n'ai jamais cessé de mériter ces sentimens de votre part, puisque ni le temps ni l'absence ne sauraient jamais affaiblir ceux de l'attachement le plus tendre que je vous ai voués pour la vie.

Je saisis avec empressement l'occasion que m-r Khontinsky veut bien me fournir de vous en renouveler aujourd'hui les sincères assurances. Voici la 23-me année qui commence depuis l'époque où j'ai eu l'honneur de vous connaître. Que d'événemens se sont passés depuis, et combien de fois j'ai été occupé, même dans la Bastille, à rêver sur tous ceux qui pouvaient vous intéresser. Voilà m-r de Cobentzel qui

vous quitte bientôt, dit-on, pour aller aux Pays-Bas occuper la place de son père (le plus grand ministre et le plus aimable que j'aie connu). J'aime à croire que tôt ou tard vous remplirez celle de m-r votre oncle: je vois peu de Russes et bien rarement; mais dans tous ceux que j'ai déjà vus depuis longtems, je n'ai trouvé aucun qui, à mon gré, en fût plus capable. La jalousie même et l'injustice de quelques-uns à votre égard confirment cette vérité. Chez vous, comme chez nous, ce ne sont pas les sots et les ignorants qui ont *des ennemis*; au contraire, chacun les favorise, parce que personne ne craint de les rencontrer dans son chemin. On y est souvent attrappé, car ils arrivent à leur but et laissent derrière ceux qui les avaient mis en avant, comme des gens sans conséquence. Nous en avons icy plus d'un exemple. Il y en a de récents. Je ne connais pas assez votre cour pour savoir si la nullité y est aussi un moyen de faire son chemin. Les grandes lumières de votre Souveraine me font du moins douter que cette route y soit aussi sûre et aussi fréquentée; mais je n'en suis pas moins convaincu que les talents et le génie y trouvent souvent des obstacles, même aux yeux d'une Impératrice qui possède ces qualités et qui est si capable de les apprécier. Partout il y a des intrigues et des entours (nulle part autant qu'à Versailles).

Je ne serai pourtant jamais d'avis que dans votre position vous vous laissiez rebuter par aucun de ces obstacles. Et il y a longtems (vous vous en souvenez) que je vous ai prêché la constance et la persévérance, que j'ai combattu ces bouffées de la philosophie, ces rêves de retraite et de solitude dans lesquels vous croyez quelquefois entrevoir le bonheur. Il n'est fait

pour personne, que tout au plus pour les êtres insensibles et non-pensants. Cette classe n'est pas nombreuse. Tout le reste est malheureux, ou physiquement, ou moralement, ou métaphysiquement. Il n'y a point à ces maux de remède spécifique, mais seulement deux palliatifs: l'occupation et la dissipation. Ce n'est que par une alternative bien ménagée de toutes deux qu'on peut supporter patiemment le fardeau de la vie, et cette alternative ne peut pas exister dans la retraite et la solitude pour quelqu'un dont l'esprit actif et ardent a toujours été rempli de grands objets. Les imbéciles croient s'occuper quand ils se livrent à des amusemens puériles auxquels ils donnent l'importance du travail; mais vous, ni moi ne savons ni tourner, ni barbouiller du papier ou de la toile à copier des tableaux ou des dessins. Nous ne nous piquons pas non plus de faire de la musique ou d'en être amateurs: au bout d'une demi-heure au plus, le plus beau concert nous ennuye. Nous serions bientôt las d'un cabinet d'histoire naturelle ou de physique expérimentale. Quand on a parcouru tout cela, qu'on en sait la nomenclature et la pratique, un être pensant, qui n'a pas la petite vanité de montrer ses coquilles et de faire parler de sa collection dans les journaux, se trouve bien seul et l'esprit bien vide vis-à-vis de toutes ces bagatelles. La lecture alors est son unique ressource, mais on ne peut pas toujours lire, et quand on a autant lu et d'aussi bonne heure, on ne trouve plus guère rien de nouveau dans les livres nouveaux: on finit par les laisser-là. Que devenir donc quand on a été occupé, pour ainsi dire, des l'enfance de grandes et importantes affaires? Il n'y a qu'une ressource—c'est de s'en occuper encore et de remplir

les intervalles d'un travail noble et utile par les agréments de la société et par la variété des dissipations, qu'un homme du grand monde et de la bonne compagnie, qui a passé sa vie dans les cours, ne peut trouver à son gré que dans le tourbillon d'une capitale. C'est s'étondir—me direz-vous—plutôt que s'amuser. Soit, mais comme je disais à un certain ministre sombre et songe-creux qui me reprochait d'aimer le plaisir: moins on est heureux, plus il est nécessaire. Le plaisir est aux honnêtes gens ce que le verre d'au de vie est aux soldats et aux crocheteurs, un besoin physique et non pas un vice. Sans ce moyen de s'étondir les uns se pendraient, les autres se brûleraient la cervelle.

Restez donc à Pétersbourg, monsieur le comte. Vous y êtes toujours, à ce qu'on m'a dit, président du Collège de Commerce. C'est un beau poste et où vous pouvez faire beaucoup de bien. Vous êtes jeune, et par le cours naturel et ordinaire des choses et des événements, vous ne pourrez avec le tems qu'arriver au plus haut degré dans l'administration. Surtout n'allez pas prendre le change, et que la manie de la législation ne vous fasse pas demander un gouvernement de province: c'est un honnête exil, et si vous vous éloignez, vous vous ferez bientôt oublier. Il faut se tenir au courant et dans une sphère d'activité le plus près du soleil, si l'on veut être à portée d'en recevoir les rayons bienfaisants. Les nuages passent, l'horizon s'éclaircit, et la prospérité vient. Elle s'affermi sans retour, lorsqu'elle est soutenue des talents, du zèle et de l'utilité. Si vous me croyez, voilà votre horoscope.

Le mien depuis longtemps est accompli. Je ne suis rien: j'ai peu d'amis; j'en perds tous les ans par le cours ordinaire de la nature, et à mon âge on ne se soucie point d'en faire de nouveaux. On n'en a pas même les moyens, parce qu'on n'est plus aimable. J'aurais fort désiré du moins de continuer à me rendre utile. J'ai été applaudi et encouragé par des suffrages stériles; mais la preuve qu'au fond on ne goûtait pas mes idées, ou qu'on ne se sentait pas assez fort pour les adopter et les mettre en pratique, c'est qu'on a fait tout le contraire. Ce qu'on a fait n'a pas merveilleusement réussi, mais l'amour-propre a été blessé de la justesse de mes prédictions. Ici, comme à Jérusalem, on lapide les prophètes, et je n'ai gagné à tout cela que l'air d'être dans l'opposition, quoique à dire vrai, je ne suis assez important pour être d'aucun parti. Je dirai plus: dans tous les changements et les révolutions du ministère qui ont déjà commencé et dans le retour à la tête des affaires d'une cabale qu'on croyait abattue sans ressource, j'aurais beaucoup plus à craindre qu'à espérer (le baron, qui m'a tant persécuté, serait sûrement ministre des affaires étrangères). Et si le parti contraire l'emportait sur celui-là, ce serait bien pis: le duc, qui m'a fait mettre à la Bastille et qui comptait bien m'y faire périr, deviendra premier ministre. J'ai donc tout lieu de désirer, malgré les préventions qu'il a données contre moi à m-r de Maurepas, que ce vieux Mentor, honnête homme et point malfaisant, point tyran, au contraire d'un caractère doux et d'un esprit aimable, vive et reste toujours en place. S'il ne me fait jamais de bien, si, à cause de lui on n'ose point m'en faire, je suis trop sûr de sa justice, de son équité, de son humanité pour craindre qu'il me

fasse jamais du mal. Et m-r de Vergennes est pour moi (comme citoyen autant qu'individu) celui, dont je souhaite le plus sincèrement la stabilité: car il est sage, habile, expérimenté et aussi ferme dans les bons principes, que sa position orageuse et isolée peut le lui permettre. Je craindrais, si le vent continue à souffler du même côté, qu'il ne fût obligé de s'en écarter pour conserver sa place, ou qu'il ne succombe aux efforts de la cabale prépondérante. Je suis sûr que vous m'entendez sans que j'en dise davantage. Toutes ces craintes rendent ma situation assez pénible: car je suis malheureusement trop connu pour un apôtre et un martyr de l'ancien système renversé en 1746 par le cardinal de Bernis, détruit entièrement depuis par m-r de Choiseul, rétabli à peu près par m-r de Vergennes lors de la succession de Bavière, et nouvellement ébranlé depuis celle des Coadjutorerie de Cologne et de Munster. S'il arrivait à cet égard une révolution complète, qui remît les affaires au point où elle étaient il y a vingt ans, je ne sais ce que je deviendrais. On me chercherait peut-être une querelle d'Allemand pour m'ôter ma pension de 2000 écus, et par conséquent mon unique subsistance (que je tiens du feu roi directement sans l'intervention d'aucun ministre et même à l'insçu de tous ceux d'alors et que le roi régnant a daigné me confirmer). Heureux si je n'éprouvais pas quelque chose de pire, c'est à dire encore une captivité, qui cette fois et à mon âge ne finirait qu'avec ma vie. Le dois donc désirer autant pour moi que pour l'état que le système d'union et de la bonne harmonie entre votre cour et le roi de Prusse d'un côté, et la France de l'autre, puisse se soutenir et se fortifier contre les atteintes qu'il paraît qu'on lui porte. Nous sommes

dans la crise, et il est impossible, attendu la chaleur et la précipitation d'un certain parti, que les choses restent longtemps dans cet état d'incertitude.

Vous avez donc à présent le D'avaux de la Hollande, le baron de Staremborg, et le résultat de sa mission est la déclaration de guerre de ces fiers insulaires à ces pauvres Bataves, ces heavy Dutch, *) comme on les appelle en Angleterre. Je vous fais mon compliment, monsieur le président du commerce, si vous héritez de leur cabotage. Je vous y exhorte. Voilà une belle occasion de former enfin une marine marchande. Que du moins, sous votre pavillon, les Anglais respectent la neutralité armée, que vous veniez échanger nos denrées et nos marchandises, et nous apportiez des munitions navales. On vous les payera bien, et nous ferons ensemble de bonnes affaires.

Je finis, car je ne veux point sonder le secret de votre politique. S'il est tel que je l'imagine, le plan est sage, raisonné, calculé, digne des grandes vues et du génie supérieur de votre souveraine. C'est à nous à sentir le prix de son amitié (combinée surtout avec celle du roi de Prusse) et à nous défendre de toute démarche qui pourrait la refroidir.

Pour moi, comme citoyen, je serais alors très satisfait de voir réaliser ce qu'on a regardé longtemps comme un beau rêve et qui pourtant était indiqué par la nature des choses, c'est à dire d'union intime de deux puissances, qui par leur situation topographique ne peuvent jamais se faire directement le mal, n'ont aucun intérêt à s'en faire indirectement et qui, au contraire, peuvent et doivent se faire réciproquement beaucoup de bien.

*) Тяжелые Голландцы.

Je finis encore une fois, sans compliment et sans signature, car vous savez trop bien qu'il je suis et ce que je vous suis, monsieur le comte, pour la vie.

N. B. Je vous supplie de vouloir bien m'accuser la réception de cette lettre par m-r Khotinsky, et quand vous voudrez me donner de vos nouvelles, de vous servir de la même voie: il sait mon adresse et me fera passer vos lettres, et voudra bien se charger des miennes, quand il aura des occasions.

Hadnucy: A son excellence monsieur le comte Alexandre Romanowicz de Woronzoff etc. etc. etc. à Pétersbourg.

Копія съ рапорта Ея Императорскому Величеству отъ генерала аншефа Гудовича изъ крѣпости Георгіевской, отъ 7-го Ноября 1791 года.

Исполняя высочайшее повелѣніе Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйше доношу. При отправленіи моемъ изъ арміи къ командованію въ здѣшнемъ краю надъ корпусами Кубанскимъ и Кавказскимъ и Каспійскою флотилією, покойный генераль - фельдмаршалъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій, касательно Персидскихъ дѣлъ далъ мнѣ наставленіе, состоящее въ томъ, «что флотилія, находящаяся въ Астрахани, должна покровительствовать нашу коммерцію и содержать въ обузданности хановъ, коихъ владѣнія лежатъ на берегу Каспійскаго моря; что ханъ Дербентской и Муртаза - Кулиханъ, владѣющій въ Зензеляхъ изъясняютъ намъ свою преданность, также и шамхаль Тарковской; что надобно и къ нимъ оказывать опыты благорасположенія; что изъ канцеляріи предмѣстниковъ моихъ усмотрю я поведенія и прочихъ владѣльцовъ; чтобъ и постарался узнать ихъ точнѣе и, вошедши со всѣми въ сношеніе, обработить ихъ на пользу Россіи». {По пріѣздѣ моемъ на мѣсто, текущаго года, въ исходѣ Генваря мѣсяца, я писалъ письма къ ханамъ Дербентскому и шамхалу Тарковскому, извѣщая

ихъ о препорученіи мнѣ здѣсь команды и что, если они пребудутъ непоколебимы въ вѣрности и усердіи своемъ къ высочайшему престолу Вашего Императорскаго Величества, то могутъ надѣяться на милостивое и надежное имъ покровительство. Писалъ въ тоже время къ командовавшему тогда Каспійскою флотиліею, флота капитану генералъ-маіорскаго ранга Шишкину, дабы онъ, согласно данному мнѣ предписанію отъ покойнаго генерала-фельдмаршала, оказывалъ помянутымъ владѣльцамъ опыты благорасположенія, стараясь обратить ихъ на пользу Россіи и увѣдомя меня, какія имѣлъ онъ съ ними сношенія и въ какомъ расположеніи прочіе владѣльцы и народы, по берегу Каспійскаго моря обитающіе. Изъ канцеляріи предмѣстниковъ моихъ я никакого дальнѣйшаго свѣдѣнія о дѣлахъ Персидскихъ почерпнуть не могъ, а старался самъ узнавать всѣ тамошнія обстоятельства, а особливо отъ находящагося давно здѣсь свѣдущаго и надежнаго человѣка генерала-маіора Савельева, и о всемъ томъ тогда же репортовалъ покойному генералъ - фельдмаршалу. Послѣ того, получа въ Февралѣ мѣсяцѣ отъ Астраханскаго губернатора генералъ-маіора Брячанинова письмо Муртазы-Кулихана съ приложеніемъ его просьбы на имя покойнаго генерала-фельдмаршала о принятіи его въ подданство Вашего Императорскаго Величества, и пунктовъ, на которыхъ онъ входитъ въ оное, представилъ я о томъ покойному генералу-фельдмаршалу, а къ Муртазѣ-Кулихану въ одинакихъ благорасположенныхъ выраженіяхъ, какъ и къ прочимъ помянутымъ ханамъ, писалъ письмо. Приготовляясь тогда и имѣя весьма краткое время къ ранней кампаніи на поискъ крѣпости Анапы, не могъ я въ такое малое время узнать обстоятельно о расположеніи и силѣ всѣхъ Персидскихъ владѣльцовъ и войти со всѣми ими въ сношеніе, а отдаляясь со-

всѣмъ въ другую сторону къ Черному морю, писалъ я передъ выступленіемъ моимъ въ походъ командовавшему Каспійскою флотиліею, флота капитану генераль-маіорскаго ранга Шишкину, при отправленіи судовъ въ Персію для покровительства Россійской торговлѣ и въ томъ числѣ въ портъ Зензелянской, (какъ важнѣйшее для оной мѣсто, бывшее тогда во владѣніи Муртазы-Кулихана, просившаго въ то время о пособіи ему противъ его прогивниковъ), чтобъ начальникъ, посылаемый въ Зензели, оказывалъ сему хану по усердію его къ Россіи, сходно съ повелѣніемъ покойнаго генерала-фельдмаршала, въ возможныхъ случаяхъ опыты благорасположенія и виды вспомошествованія, по причинѣ, что торгующіе Россійскіе купцы находятся въ его владѣніи и особливо консулъ въ Зензелянскомъ портѣ пребывающій, не входя однакожъ съ противными ему ханами въ войну и драку; чтобъ затѣмъ дѣлать прилежныя примѣчанія на поведеніе и движенія прочихъ хановъ, коихъ владѣнія лежатъ по берегу Каспійскаго моря, и въ тоже самое время увѣдомлять о всемъ меня, дабы, примѣчая ихъ расположеніе, держать ихъ въ обузданности и тѣмъ больше покровительствовать Россійскую торговлю; что въ ономъ нужно наблюсти тонкую осторожность и политику, дабы, помогая показывающимъ къ Россіи опыты большаго усердія, не войти въ войну съ другими, почитая лучшею пользою, не входя въ предубѣжденіе и пристрастіе личное къ тамошнимъ владѣльцамъ, ни въ ихъ собственныя интриги, усиливать тѣхъ только, которые, Россіи будучи преданы, могутъ быть больше полезны, и стараться чужими руками приводить въ безсиліе таковыхъ, которые и склонности не показываютъ къ доброжелательству. Въ такомъ расположеніи замѣчено было, чтобъ Ага-Маметъ-ханъ усилившійся чрезвычайно въ Персіи завоеваніемъ Испагана

съ многими провинціями, не оказывающій никакого знака усердія къ высочайшему престолу Вашего Императорскаго Величества, пришелъ въ безсиліе.

Послѣ того, по умертвіи въ Мартѣ мѣсяцѣ Дербентскаго Ахметъ-хана, преемникъ его Шыхъ-Али-ханъ Дербентской, вступившій во владѣніе и оказывающій, равно какъ и предмѣстникъ его, усердіе къ Россіи, прислалъ ко мнѣ въ исходе Іюня мѣсяца подъ Анапу письмо, прося помощи о возвращеніи ему города Баки отъ отложившагося въ оной, (по случаю смерти предмѣстника его Ахмедъ-хана, его брата), Мухамедъ Кули-хана, называя его своимъ подданнымъ наибомъ дабы при осадѣ имъ Баки сдѣлать изъ Россійскихъ судовъ при Бакѣ находившихся нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Я писалъ тогда къ командовавшему Каспійскою флотиліею флота капитану генералъ-маіорскаго ранга Шишкину, во уваженіе, что фамилія Шыхъ-Али-хана всегда была усердна къ Россіи, что самъ онъ дѣлаетъ убѣдительныя увѣренія о непремѣнной вѣрности и преданности своей къ Россіи, и что онъ не съ ханомъ какимъ имѣетъ дѣло, а желаетъ только привести въ послушаніе отложившагося отъ него подданнаго, ежели дѣйствительно Мухамедъ-Кули-ханъ былъ опредѣленъ отъ Шыхъ-Али-хана токмо управителемъ въ Бакѣ, и владѣетъ теперь Бакою, употребивши во зло сдѣланную ему въ управленіи ея довѣренность, не имѣя на то правъ законнаго владѣльца (о чемъ я по отдаленности моей не могу знать подробно) то въ такомъ случаѣ просящему покровительства Дербентскому Шыхъ-Али-хану, показывающему особливую преданность къ Россіи и у котораго во владѣніи Россійская торговля происходитъ, дать просимое имъ пособіе произвожденіемъ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ судовъ Россійскихъ тамъ находившихся, и о томъ репортовалъ въ

тоже время покойнаго генераль фельдмаршала. По прошествіи 14 дней получилъ я письмо отъ осаждаемаго тогда въ Баки Мухамедъ-Кули-хана, въ которомъ онъ, называя себя законнымъ владѣтелемъ Баки, ища притомъ войти въ подданство Вашего Императорскаго Величества, просилъ о помощи противъ осаждающаго его Дербентскаго Шихъ-Али-хана, и приложилъ притомъ особое прошеніе къ Вашему Императорскому Величеству и письмо къ покойному генераль фельдмаршалу. Я послалъ тотчасъ нарочнаго къ командовавшему Каспійскою флотиліею флота капитану генераль-маіорскаго ранга Шишкину, чтобъ въ разсужденіи таковаго противорѣчія, что одинъ почитаетъ себя владѣльцемъ а другой называетъ его своимъ подданнымъ, по нахожденію его на мѣстѣ въ близи тамошнихъ мѣстъ, и потому имѣя лучший способъ узнать, точно ли Мухамедъ-Кули-ханъ есть настоящій владѣлецъ, какъ онъ себя называетъ, или отложившійся подданной, какъ называетъ его Шихъ-Али-ханъ, и по достовѣрному изслѣдованіи поступать сообразно тому, какъ польза государственная требовать будетъ, не входя въ предубѣжденіе личное на счетъ сихъ хановъ, и о томъ репортовалъ тогда же съ нарочнымъ куріеромъ покойному генераль фельдмаршалу отъ 7 Іюля, представя и присланныя ко мнѣ отъ Мухамедъ-Кули-хана прошеніе къ Вашему Величеству и письмо къ покойному генералу фельдмаршалу. Послѣ того въ Сентябрѣ мѣсяцѣ получилъ я увѣдомленіе отъ командовавшаго флотиліею флота капитана генераль маіорскаго ранга Шишкина, что во время осады Шихъ-Али-ханомъ Дербентскимъ города Баки находившійся тамъ съ фрегатомъ и ботомъ для покровительствованія Россійской торговлѣ флота капитанъ, лейтенантъ Моллеръ, по упорству города Баки и по сдѣланнымъ выстрѣламъ на суда Россійскія, стрѣлялъ по городу

обще съ осадившимъ Баку Шихъ-Али-ханомъ, и что онъ Шишкинъ намѣренъ послать туда еще фрегатъ для усилованія осады. Почему я послалъ поспѣшно нарочнаго какъ къ нему Шишкину, такъ и къ пріѣхавшему уже тогда на смѣну его капитану флота Ахматову—фрегата еще къ Бакъ отнюдь не посылать и въ войну и во драку не входить, удивляясь, что приступлено было къ формальной атакѣ города Баки, несогласно съ даннымъ отъ меня наставленіемъ, гдѣ сказано было сдѣлать только нѣсколько выстрѣловъ изъ Россійскихъ судовъ въ пособіе Шихъ-Али-хана, да и то въ такомъ только случаѣ, ежели дѣйствительно Мухамедъ-Кулиханъ не есть владѣлецъ, а отложившійся подданной. Но между тѣмъ дѣло сіе окончено. Бакинской Мухамедъ-Кулиханъ, уступивъ себѣ и покровительства судовъ Россійскихъ, помирился съ Шихъ-Али-ханомъ на условіяхъ давать ему нѣкоторую дань, и теперь уже все тамъ успокоено. Известясь потомъ, что шемхаль Тарковской, усердствующій Россіи, находится въ нѣкоторой связи съ Бакинскимъ Мухамедъ-Кули-ханомъ, бывшимъ въ осадѣ, и принимаетъ въ немъ участіе, дабы не возбудить ненависть противъ торгующихъ въ Бакъ Россіянъ, я далъ комиссію словесно внушить шемхалу Тарновскому чрезъ конфидентовъ, стороннимъ образомъ, что стрѣлянне по Бакъ было произведено ошибкою офицера находившагося съ судами при семь городѣ.

О всѣхъ происходившихъ дѣлахъ въ Персіи и всѣхъ извѣстіяхъ оттуда ко мнѣ доходившихъ я всегда въ свое время репортовалъ покойному генералу фельдмаршалу, но на то рѣшенія и особливыхъ никакихъ наставленій, кромѣ данныхъ мнѣ при отправленіи моемъ, больше не получалъ.

По послѣднимъ, сколько можно узнать, вѣрнѣйшимъ извѣстіямъ Персидскія дѣла въ состояніи ниже сего всеподданиѣше

доносимомъ. Ближайшій изъ хановъ къ границамъ Россійскимъ шемхаль Тарковской, котораго владѣніе начинается противъ Кизляра за Терекомъ, позади народа называемаго Кумыкъ, подданныхъ Вашего Императорскаго Величества, за Терекомъ противъ Кизляра обитающихъ. Сей ханъ, живущій въ городѣ Таркахъ и владѣющій Дагестаномъ по берегу Каспійскаго моря, оказывая всегда усердіе свое къ высочайшему престолу Вашего Императорскаго Величества, находится со мною въ сношеніи, и въ послѣднемъ ко мнѣ письмѣ недавно полученномъ дѣлаетъ многія увѣренія о вѣрности и преданности своей къ Вашему Императорскому Величеству. Онъ просилъ между прочимъ о возвращеніи его племянника уѣхавшаго съ генералъ-маіоромъ Горичемъ, о чемъ я представлялъ покойному генералу фельдмаршалу въ прошедшемъ Апрѣлѣ мѣсяцѣ. Сей ханъ въ большемъ уваженіи у многихъ малыхъ Персидскихъ владѣльцовъ его окружающихъ, хана Шемахинскаго и другихъ держитъ спокойныхъ, давая перевѣсъ своимъ пособіемъ и, сколько я могъ примѣтить, самъ спокойнаго расположенія.

За нимъ Дербентской Шыхъ-Али-ханъ, находящійся тоже въ сношеніи со мною, о которомъ я выше доносилъ, присылалъ прошедшимъ лѣтомъ своего посланника для отправленія къ высочайшему двору Вашего Императорскаго Величества; но онъ, будучи боленъ обыкновенною болѣзнію, умеръ въ Георгіевской крѣпости во время нахожденія моего подъ Анапою. О семъ посланникъ репортовалъ я въ свое время покойнаго генерала фельдмаршала. Теперь сей ханъ писалъ недавно ко мнѣ письмо, извѣстия меня, что онъ вновь хочетъ послать своего посланника для отправленія къ высочайшему двору Вашего Императорскаго Величества, на что я не писалъ къ

нему еще отвѣта, и тутъ же увѣдомляя о настоящихъ обстоятельствахъ Персидскихъ, показывая несклонность свою къ Агъ-Маметъ-хану, предлагаетъ свои услуги, только бы удостоенъ былъ высочайшаго Вашего Императорскаго Величества покровительства и милости. Наконецъ, пишетъ онъ, что Турки какъ до сего прашивали у него помощи, такъ и нынѣ оной просятъ же; но онъ не намѣренъ служить никому кромѣ Вашего Императорскаго Величества. Во владѣніи сего хана Дербентъ и городъ Куба. Городъ Бака тоже была прежде въ полномъ его владѣніи, но теперь только въ зависимости. Владѣющій оною помирившійся съ нимъ Мухамедъ-Кули-ханъ, дающій ему нѣкоторую дань. Въ семъ городѣ Россіане производятъ большіе торги и особливо шелковые.

Во владѣніи хана Дербентскаго находятся Сальяны при впадении рѣки Куры въ Каспійское море, гдѣ Россійскіе купцы берутъ на откупъ знатныя рыбныя ловли. За симъ владѣніемъ городъ Рящъ и портъ Зензелянской, въ которомъ консулъ Россійской находится, бывшіе во владѣніи до прошедшаго Марта мѣсяца нынѣшняго года Муртазы-Кулихана, ищущаго подданства и покровительства Вашего Императорскаго Величества. Городъ Рящъ два раза прошедшею зимою самъ Муртаза-Кули-ханъ съ помощію нѣкоторыхъ другихъ хановъ отбивалъ у брата своего роднаго сильнѣйшаго изъ всѣхъ Персидскихъ хановъ Аги-Маметъ-хана; но оной наконецъ прошедшее лѣто, собравши большое число войскъ, выгналъ Муртазу-Кули-хана изъ Зензелей и Рящи, которой теперь находится въ Талышахъ, а Рящъ и портъ Зензелянской остались во владѣніи Аги-Маметъ-хана. При семъ изгнаніи Муртаза-Кули-ханъ приносилъ большія жалобы на командовавшаго Каспійскою флотиліею флота капитана генералъ-маіорскаго ранга Шишкина, будто бы Ага-Маметъ-ханъ осмѣ-

лился изгонять его наиболѣе по внушенію тамъ находящихся морскихъ Россійскихъ офицеровъ, что Муртаза-Кули-ханъ лишенъ покровительства Россійскаго и будто противникамъ его дана была тайная отъ нихъ помощь. Ага-Маметъ-ханъ преслѣдовалъ его и въ самые Талашы чрезъ посылку 12.000 войска; но Муртаза-Кули-ханъ съ помощію Талышскаго Муштафы-хана далъ ему сильной отпоръ, по которому и принужденъ былъ Ага Маметъ-ханъ отступать въ Адырь-бежанъ. Сей Ага - Маметъ - ханъ большой братъ Муртазы-Кули-хана, которой одному изъ братьевъ своихъ глаза выкололъ, а другаго убилъ, самой тотъ, что генерала-маіора бывшаго на Каспійской флотиліи капитаномъ графа Войновича держалъ подъ стражею, сильнѣйшій изъ всѣхъ Персидскихъ хановъ, владѣть Испаганомъ и многими провинціями, по примѣчаніямъ намѣреніе и виды имѣть завладѣть всею Персією. Впаденія сего Аги-Маметъ-хана и царь Карталинскій и Кахетинскій опасался въ свои владѣнія. Прежде доходили извѣстія, что сей Ага-Маметъ-ханъ и съ Портою Оттоманскою былъ въ сношеніи всегда, о чемъ покойному генералу фельдмаршалу я репортовалъ. Я не имѣю сношенія съ симъ ханомъ, и оной ко мнѣ ни съ чѣмъ не адресовался. Торгующимъ въ Зензеляхъ Вашего Императорскаго Величества подданнымъ до сихъ поръ никакого не дѣлаетъ притѣсненія. Я, преходя съ нимъ въ молчаніи, не оказываю ему ни благорасположенія, ни неудовольствія, дабы не привести въ ненависть Россіянь, торгующихъ въ Зензелинскомъ портѣ, находящемся теперь въ его владѣніи, хотя безпрестанно Муртаза-Кули-ханъ, братъ его, проситъ противъ его помощи и по послѣднему его письму самъ собирается идти выгнать его изъ Рящи съ помощію своихъ пріятелей. Сей Муртаза-Кули-ханъ довольно смѣлой и предприимчивой человекъ, но

безсильной, показывающій великое усердіе къ Россіи, а потому и осмѣливаюсь донести Вашему Императорскому Величеству всеподданиѣйшее мое мнѣніе, что для Россійской торговли полезнѣе, ежели бы Муртаза-Кули-ханъ, будучи безсильнѣ, имѣя необходимость въ покровительствѣ Россійскомъ для уменьшенія силъ Аги-Маметъ-хана, желающаго сдѣлаться общимъ владѣльцомъ въ Персіи, удѣлилъ бы власть своего брата, и чрезъ то сдѣлались оба слабы. Персія останется въ равномъ расположеніи, раздѣлена на мелкія владѣнія и принуждена будетъ уважать тѣмъ больше покровительство судовъ Россійскихъ. Карабацкой и Шушинской Ибрагимъ-ханъ потомъ еще довольно силенъ, и какъ сей, такъ тоже Лютвъ-али-ханъ и Риза-Кули-ханъ, владѣющіе въ Тиграхахъ, меньшіе братья онаго сильнаго Али-Маметъ-хана и въ несогласіи съ нимъ находящіеся, но доброжелатели брата ихъ Муртазы-Кули-хана, намѣрены были съ помощію Аварскаго хана, владѣтеля Лезгинскаго, сдѣлать нападеніе на Испагань, то Ага-Маметъ-ханъ, опасаясь сего нападенія, по послѣднимъ извѣстіямъ долженъ былъ оставить Адыръ-Бежанъ и обратиться къ сторонѣ Испагана.

Сосѣдніе народы въ здѣшней сторонѣ, прилежающіе къ границамъ Имперіи Вашего Императорскаго Величества, начинающая отъ Чернаго моря.

Часть Большой Абазы, горской народъ прозываемой Натухажцы, больше числомъ всѣхъ прочихъ, котораго земли начинаются въ 20 верстахъ по Черному морю, далѣ Суджукъ-Кале въ горахъ, и простираются въ верхъ по Кубани до ста верстъ. Сей народъ по взятіи Анапы входилъ въ подданство Вашего Императорскаго Величества и давалъ аманатовъ. Живущій небольшой народъ около самой Анапы, прозываемой Шегачи, на земляхъ котораго и Анапа была построена, мало

значущій; по владѣлецъ онаго прозываемой Мухаметъ-Гирей-Зановъ, одинъ изъ важнѣйшихъ и значущихъ, уважаемой прежде отменно Портою Оттоманскою, бывшій во время осады крѣпости Анапы въ оной, имѣвшій особливую отъ султана грамоту, которая и представлена была отъ меня покойному генераль-фельдмаршалу, взятъ былъ раненой въ плѣнь, присягалъ на вѣрность Вашему Императорскому Величеству и потомъ отпущенъ съ прочими аманатами восвоясп. Къ Натухайцамъ сосѣдній народъ, прозываемой Шапсыхи, живущій въ горахъ и подъ горами, довольно сильной, присягавшій тоже на подданство Вашему Императорскому Величеству по взятіи Анапы. Къ народу Натухайскому, по берегу рѣки Кубани, прилегаеть народъ, называемой Зановцы, бывшій въ подданствѣ Вашего Императорскаго Величества по взятіи Анапы, котораго часть была прежде поселена по правой сторонѣ Кубани, но ушедшая прежде прошедшей войны съ прочими Татарами за Кубань; владѣлецъ сего народа Мисостъ-Зановскій оказывалъ больше прочихъ усердія къ Россіи и просилъ о переселеніи его опять на правую сторону рѣки Кубани. Потомъ вверхъ по Кубани народъ, называемой Атукайцы, имѣющій свои земли къ горамъ и по берегу Кубани. Сей народъ покорѣнъ былъ тоже въ подданство Вашего Императорскаго Величества и по взятіи Анапы давалъ аманатовъ. Между Атукайскимъ народомъ живетъ отъ поколѣнія Крымскихъ хановъ султанъ Шагинъ-Гирей-Бахты-Гирей, отлично ими уважаемой, по своему роду имѣющій самое малое владѣніе и присягавшій тоже на вѣрность Вашему Императорскому Величеству. Къ Атукайскому народу прилегаеть народъ, называемой Бжедухи, вверхъ по рѣкѣ Кубани, котораго часть во время походу войскъ подъ Анапу присягала на подданство Вашему Императорскому Величеству, а и до-

стальная честь по взятіи Анапы присылала, ища придти въ подданство, но по заключеніи перемирія съ Портою Оттоманскою дѣло остановлено было. Между Бжедуховскимъ народомъ также живетъ отъ рода Крымскихъ хановъ султанъ Макоють-Гирей-Чобанкере, весьма въ бѣдномъ состояніи, но уважаемой по своему роду; онъ во время похода подъ Анапу присягалъ на подданство Вашему Императорскому Величеству. Къ Бжедухамъ прилегаеть народъ, называемой Тимиргойцы, котораго часть присягала во время нынѣшняго похода подъ Анапу, часть присягала прошлаго года въ прошедшій походъ генерала порутчика барона Розена, и послѣдняя часть присылала искать о принятіи въ подданство, но перемиріе съ Портою Оттоманскою то остановило. Сей народъ живетъ на большой рѣкѣ, называемой Лабѣ, вытекающей изъ горъ и впадающей въ Кубань. По правую сторону рѣки Лабы жили прежде Татары, прозываемые Наврузовцы, которые прошедшаго года всѣ почти перешли на правую сторону Кубани и кочуютъ теперь на линіи. Въ семь мѣстъ по правую сторону рѣки Лабы, горы отдаляются отъ рѣки Кубани и оставляють пространную плоскость до 60 верстъ, и потому тутъ горскіе народы теперь жилья своего не имѣють. За Темьргойцами къ горамъ живетъ горскій народъ, называемой Мукоши, которые присылали прошедшее лѣто по взятіи Анапы къ оставленному мною на линіи начальнику генералу майору Савельеву, прося о принятіи ихъ въ подданство Вашего Императорскаго Величества, но перемиріе съ Портою то остановило. Подлѣ сего народа живутъ Баракан, народъ малой, ничего не значущій, на вершинѣ рѣки Емансу, не входившій въ подданство. Подлѣ ихъ народъ горской Бесленейцы, которые по взятіи Анапы, по дальнему моему отъ нихъ съ войсками пребыванію, присылали къ

оставленному мною на линіи начальнику генералу майору Савельеву, ища войти въ подданство Вашего Императорскаго Величества и присягали, но тоже съ прочими Закубанскими народами отъ подданства уволены, и аманаты ихъ отпущены во свояси, о чемъ я предъ симъ имѣлъ счастье всеподданнѣйше доносить Вашему Императорскому Величеству. Подлѣ сихъ на вершинѣ рѣки Урупа, вытекающей изъ горъ и впадающей въ Кубань къ горамъ, Закубанской народъ, называемой Бишлебей, не входившій въ подданство.

Всѣ сіи народы, по большой части мало упражнясь въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ, имѣя и хорошія земли и разныя другія выгоды, не знающіе никакого другаго торгу кромѣ продажи краденыхъ людей, ни ремесла другаго кромѣ дѣланія употребляемаго ими оружія, живущіе въ самыхъ дурныхъ хижинахъ и шалашахъ, прозываемыхъ аулами, изъ которыхъ нѣкоторые переносятся съ мѣста на мѣсто, не имѣютъ ни чиновначальства и никакого понятія о нравахъ, почитая и самое воровство какъ людей, такъ и прочаго за удалые подвиги и за добродѣтель, а отъ того и всѣ въ бѣдномъ состояніи. Я старался пріѣзжавшимъ ко мнѣ вошедшимъ въ подданство внушать о хозяйствѣ и добронравіи, могущемъ составить ихъ благосостояніе собственное, внушалъ имъ при отпускѣ ихъ аманатовъ, сколько они чувствовать должны милость Вашего Императорскаго Величества, не потерпѣвши въ нынѣшній послѣдній походъ нimalѣйшаго въ жилищахъ своихъ раззоренія, заслуживая довольно наказанія за сдѣланные ими прежде набѣги; подтвердилъ имъ письменно и внушалъ словесно, чтобъ они впредъ отъ всякаго хищничества и воровства воздержались, дабы не подвергнуть себя гнѣву Вашего Императорскаго Величества и наказанію. Со всѣмъ тѣмъ, по причинѣ безпорядочной ихъ жизни, вѣтренно-

сти и безначалія, нельзя положиться, чтобъ они не продолжали хищничества и воровства на правую сторону Кубани въ границы Россійскія, тѣмъ болѣе, что отъ устья Кубани вверхъ по оной до укрѣпленія называемаго Григоріополюсь, на оной рѣкѣ лежащаго, на пространствѣ болѣе трехъ сотъ верстъ со стороны Россійской никакого жилья нѣтъ, а потому никакихъ тамъ постовъ непремѣнныхъ держать не можно: то могутъ оныя, переходя безпрепятственно чрезъ Кубань и прокрадываясь во внутрь земли малыми партіями, дѣлать обыкновенныя ихъ воровства; крѣпости же на линіи находящіяся, Донская, Московская, Ставрополь, Сѣверная, Георгіевская, тоже редуты по дорогѣ до Черкаска поставленные, отдалены отъ Кубани.

Рѣка Кубань, отъ укрѣпленія Григоріополюса на оной лежащаго, послѣдняго на правомъ флангѣ линіи, до устья рѣки Лабы, отъ горъ въ рѣку Кубань впадающей и за оною еще 30 верстъ, имѣетъ правой берегъ Россійской высокой, и мѣста весьма выгодныя, осажена будучи по обѣ стороны довольномъ числомъ лѣса и вся теперь необитаемая. Внутри земли, на всемъ семъ пространствѣ, начиная отъ урочища на Кубани, называемаго Темижбекъ, гдѣ Кубань дѣлаетъ поворотъ къ Черному морю, лѣсу никакого нѣтъ, и хорошихъ водъ весьма мало. Рѣка Кубань наводненія свои дѣлаетъ весьма непостоянно, и нѣсколько разъ въ лѣто оныхъ бываетъ. Отъ Григоріополюса вверхъ по Кубани до урочища Пещанаго Брода называемаго, гдѣ Кубань отдалается отъ линіи къ вершинѣ своей круто въ горы, на берегу оной первое укрѣпленіе Прочной Окопъ называемое, а потомъ нѣсколько редутовъ; въ оныхъ и между оными передовые посты отъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ поставлены, о которыхъ я предъ симъ всеподданнѣйше доносилъ. Вверху рѣки

Кубани по обѣимъ сторонамъ оной, начиная отъ урочища Пещанаго Брода къ вершинѣ рѣки Кубани, жилъ прежде Татарской народъ Алты-кизеки или Малая Абаза, изъ которыхъ по правой сторонѣ Кубани живущіе между оною и рѣками Кумою и Малкою всѣ въ подданствѣ Вашего Императорскаго Величества съ прошлаго и другихъ лѣтъ, подъ названіемъ разныхъ ордъ Татаръ, и кочуютъ теперь въ разныхъ мѣстахъ впереди линіи у горъ, называемыхъ Бештовыхъ, отдѣленныхъ отъ горъ Кавказскихъ въ 30-ти верстахъ впереди Георгіевской крѣпости. Сіи Татары не были прежде во всѣхъ мѣстахъ закрыты передовыми нашими постами, а кочевали впереди оныхъ; но нынѣ поставлены мною впереди ихъ посты, изъ которыхъ важнѣйшіе по вѣдомости, Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше отъ меня представленной, показаны у Воровскаго Лѣсу и на Пещаномъ Броду. Изъ ушедшихъ прежде изъ сего народа въ горы, жившихъ по лѣвой сторонѣ Кубани и бывшихъ даже подлѣ самой Анапы, прошедшимъ лѣтомъ, послѣ взятія Анапы, пришли оттуда въ Россійскія границы по правую сторону Кубани 350 семей, которыя и кочуютъ теперь съ прочими прежде вышедшими.

На самой вершинѣ рѣки Кубани, близъ самой большой горы, прозываемой Ельбрусъ, куда Кавказскія горы угломъ небольшую плоскость между собою составляютъ, живетъ народъ, прозываемый Карачаевцы, которой прежде зависѣлъ отъ Большой Кабарды и былъ всегда ею угнетаемъ; добронравнѣе другихъ горскихъ народовъ. Противу сего мѣста между рѣки Кубани и Малки живой границы никакой нѣтъ, а находятся передовые посты на рѣкахъ Золкъ и Етокъ называемыхъ, а позади оныхъ, впереди Георгіевской крѣпости, лежащей прямо противъ сего мѣста на Кумѣ, редутъ назы-

ваемой Покорившійся, занятой постомъ пѣхоты, и укрѣплѣніе Константиногорскъ, лежащее у Бештовыхъ горъ, гдѣ поставленъ первой баталіонъ Кавказскаго егерскаго корпуса на зимовыя квартиры. Между рѣкою Малкою, выходящею изъ Кавказскихъ горъ и дѣлающею крутое колѣно ко впаденію своему въ рѣку Терекъ и оною рѣкою Терекомъ, которая тоже выходя изъ Кавказскихъ горъ, дѣлаетъ у крѣпости Екатериноградской крутой поворотъ, продолжая потомъ почти прямое теченіе до Каспійскаго моря и дѣлая живую границу,—Большая Кабарда, народъ находившійся съ давняго времени въ подданствѣ высочайшаго престола Вашего Императорскаго Величества, колебавшійся въ вѣрности своей нѣсколько разъ, изъ котораго и въ послѣднюю войну съ Портою Оттоманскою нѣкоторые вѣтренные люди были въ сношеніи. Сей народъ не имѣетъ тоже ни прямаго чиновачальства, ни внутренняго порядка, имѣя остатокъ нравовъ прочихъ Закубанскихъ горскихъ народовъ. Оной раздѣленъ между собою на четыре рода подъ названіемъ владѣльцовъ или князей ихъ. Образъ жизни ихъ до сихъ поръ безпорядочной, и хотя по данной ими въ послѣдній разъ Вашему Императорскому Величеству подданнической присягѣ должны они во всемъ зависѣть отъ начальника здѣсь поставленнаго; но они, привыкли къ прежнимъ своимъ обыкновеніямъ, не имѣя между собою никакого суда, ни чиновачальника, считаютъ важныя пороки и самое убивство за малые проступки, дѣлая за оное только междоусобное мщеніе и грабежъ. Дерзаю при семъ Вашему Императорскому Величеству донести всеподданнѣйшее мое мнѣніе, что ежели въ семъ народѣ не учинить суда и порядка, то оной будетъ государству Вашего Императорскаго Величества бесполезенъ и самому себѣ во вредъ и раззореніе.—Позади Большой Кабарды Осетинцы въ

горахъ живущіе, изъ которыхъ часть есть христіанъ, давшіе присягу въ подданствѣ Вашего Императорскаго Величества, отъ которыхъ есть и аманаты.—Подлѣ Большой Кабарды, по правую сторону рѣки Терека, начиная отъ подошвы Черныхъ горъ противъ Екатериноградской крѣпости и до Моздока, Малая Кабарда, народъ, состоящій съ давнихъ лѣтъ въ подданствѣ Вашего Императорскаго Величества, сходной съ Большою Кабардою, но меньше колебавшійся въ своей вѣрности и мягче въ своихъ нравахъ и поведеніяхъ, раздѣляющійся на два рода. Большая Кабарда часто имѣла виды къ притѣсненію сего народа. Оной народъ тоже требуетъ особливаго чиновначальства и расправы.—Подлѣ Малой Кабарды къ Чернымъ горамъ, при вершинѣ рѣки Сунжи, народъ горской, прозываемой Карабулаки, вошедшіе прежде въ подданство Вашего Императорскаго Величества, отъ которыхъ и аманаты находятся.—Позади Малой Кабарды Ингушевы, въ числѣ которыхъ часть есть христіанъ, народъ чорный не имѣющій ни владѣльцовъ, ни князей, въ безпрестанномъ почти несогласіи съ Большою Кабардою находящійся, добродѣтельнѣе другихъ горскихъ народовъ и особливо со стороны воровства, и упражняющійся больше другихъ въ хлѣбопашествѣ и трудахъ. Оной народъ въ подданствѣ, Вашего Императорскаго Величества.—Подлѣ Карабулаковъ, внизъ по Тереку и по рѣкѣ Сунжѣ, начиная отъ Моздока, противъ Наура и до станицъ Гребенскихъ казаковъ, живутъ Чеченцы, народъ злой, дикой, къ хищничеству и воровству болѣе всѣхъ горскихъ народовъ склонной; онаго немного и не больше какъ тысячъ до пяти. Изъ сего народа нѣсколько деревень вошли въ подданство Вашего Императорскаго Величества и дали аманатовъ, которые однакожъ не обнадеживаютъ въ ихъ добронравіи.—Подлѣ Чеченцовъ внизъ по рѣкѣ

Тереку, при подошвѣ Черныхъ горъ Кавказскихъ, Кумыки, которые простираются до Каспійскаго моря. Подъ симъ именемъ разумѣются четыре народа: Брагунцы, Аксайцы, Андреевцы и Костюковцы. Всѣ они магометанскаго закона и состоятъ въ подданствѣ Вашего Императорскаго Величества съ давнихъ временъ, народы довольно спокойные.

Противъ сихъ народовъ, начиная изъ середины линіи, отъ крутаго колѣна рѣки Малки, расположены, какъ передовые посты, такъ и зимовыя квартиры для полковъ и командъ лѣваго фланга Кавказскаго корпуса. На рѣкѣ Малкѣ, начиная противъ Большой Кабарды, у Солянаго Брода, поставленъ постъ изъ пѣхоты и казаковъ. Въ Екатериноградской крѣпости, на устьѣ рѣки Малки, впадающей въ рѣку Терекъ, полкъ мушкатерской Кавказской; въ крѣпости Моздокской егерской баталіонъ и сверхъ того баталіонъ гарнизонной; въ крѣпости Наурѣ три эскадрона легионныхъ и часть Моздокскаго казачьяго полку. Между Моздокомъ и Науромъ станицы и селенія полку Моздокскаго казачьяго. Отъ Наура до Кизляра, внизъ по Тереку, станицы Гребенскихъ казаковъ и Терскихъ семейныхъ казаковъ, и въ сихъ станицахъ поставлены полкъ мушкатерской Кабардинской и баталіонъ Московскаго мушкатерскаго полку. Въ Кизлярѣ другой баталіонъ Московскаго мушкатерскаго полку, Терское Кизлярское войско въ маломъ числѣ и два баталіона гарнизона. Предъ Кизляромъ за Терекомъ по правой сторонѣ, по дорогѣ къ Дагестану, сдѣланъ редутъ и въ немъ пѣхотной полкъ съ двумя пушками. Между Кизляромъ и Каспійскимъ моремъ постъ пѣхотной тогожъ Московскаго мушкатерскаго полку, и посты отъ казачьихъ поселенныхъ полковъ. Городъ Кизляръ, лежащій на рѣкѣ Терекѣ, стоялъ прежде на лѣвомъ берегу оной, но прорывомъ сдѣланнаго въ 1765-мъ году отъ Терека ка-

наза для напоенія полей, обратился Терекъ на лѣвую сторону Кизляра, а впереди Кизляра осталось малое теченіе онаго, такъ что теперь можно полагать Кизляръ больше на правой сторонѣ Терека, нежели на лѣвой.

Съ лѣваго фланга граница гораздо покойнѣе и надежнѣе, хотя сосѣди тутъ самые склоннѣйшіе къ хищенію и воровствамъ Чеченцы, потому что тутъ расположены Моздокской казачій полкъ, легіонная команда, Гребенскіе и Терскіе семейные казаки, защищающіе собственныя свои селенія, изъ которыхъ Гребенскіе казаки отмѣнно храбрые, хорошо стрѣлять умѣющіе и для здѣшняго горнаго края полезные. Можно оныхъ почестъ конными егерями. Они и въ прошедшій походъ подъ Анапой вездѣ себя особливо отличали. Начальникъ сего лѣваго фланга генералъ-маіоръ Савельевъ, давно въ семъ краю живущій, объ ономъ совершенно свѣдущій, уважаемой въ сосѣднихъ народахъ, которой не токмо всѣ сѣи войски содержать въ должномъ порядкѣ, наблюдая цѣлость и строгую стражу границъ, но и научаеъ тамъ поселенныя войски въ собственномъ хозяйствѣ и безнужномъ прожитіи. Изъ особливо къ нему надежды, во время моего похода подъ Анапу, оставлялъ я его начальникомъ линіи для обезпеченія границъ. Онъ не токмо все здѣсь сохранилъ въ лучшемъ порядкѣ, не допусъ нигдѣ границамъ сдѣлать ни малѣйшаго безпокойства, но и дѣлалъ мнѣ отмѣнную помощь въ отправленіи къ войскамъ въ походѣ находившимся какъ провіанта изъ магазинововъ, такъ и прочаго нужнаго. Я дерзаю объ отличіи сего достойнаго и усерднаго офицера всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству. Спокойнѣе бы сей край былъ, ежелибъ вся граница по Кубани была такими же обезпечена войсками, защищающими собственныя свои дома, какъ и по рѣкѣ Терекъ.

Вышедшіе въ прошедшихъ годахъ и въ нынѣшнемъ году изъ за Кубани и изъ Малой Абазы разныхъ ордъ Татары ра сположены впереди линіи тѣсно и не у мѣста, и большая часть между Кубанью и рѣкою Подкумкомъ называемою, закрыты теперь, какъ я уже всеподданиѣйше доносилъ, передовыми постами. Число ихъ простирается вообще до 6.600 домовъ. Покойной генераль-фельдмаршалъ хотѣлъ изъ нихъ Едисанскую и Джамбулцкую орды переселить за Донъ на Молочныя Воды и поручилъ сіе переселеніе и начальство надъ остающимися здѣсь ордами надворному совѣтнику Халиль-агѣ. Сей Халиль-ага, безъ приуготовленія оныхъ къ сему переселенію, хотѣлъ прошедшею весною въ Маѣ мѣсяцѣ оное начать, требуя къ тому крайняго принужденія и команды, почему изъ нихъ нѣкоторые бѣжали, а другіе изготавились къ побѣгу, будучи имъ недовольны и не имѣя довѣренности къ сему своему начальнику, которой круто съ ними поступать началъ. Старѣйшіе изъ сихъ народовъ приходили ко мнѣ и просили моей помощи, чтобъ имъ не дѣлать вдругъ раззоренія, принуждены будучи въ то время оставить посѣянной хлѣбъ и прочее хозяйство. Я, видя въ томъ крайнее неудобство, по причинѣ отдаленія тогда знатнаго числа войскъ на поискъ Анапы и стараясь, чтобы между тѣмъ спокойны были границы, и сіи Татары, ушедши, не умножили еще числа горскихъ народовъ, по большей части тогда Россіи противныхъ, не настоялъ въ скоромъ ихъ переселеніи, а сказалъ имъ впередъ изготавиться, вразумляя ихъ, что сіе послужить къ собственному ихъ добру и спокойствію. Теперь нѣкоторые изъ нихъ сами уже желаютъ и изготавились къ переселенію. Дерзаю представить о сихъ Татарахъ мое всеподданиѣйшее мнѣніе. Полезно бы было часть сихъ Татаръ присовокупить къ Трухменцамъ и Нагайцамъ, кочующимъ внутри земли по-

зади Наура и Кизляра, по берегу Каспійскаго моря, къ сторонѣ Астрахани, которые приносятъ пользу казнѣ Вашего Императорскаго Величества, перевоза съ пристаней Каспійскаго моря за малую постановленную поверстную цѣну провіантъ въ магазинны для войскъ лѣваго фланга линіи, гдѣ бы безъ того доставлять оной весьма трудно и неудобно было. По таковомъ переселеніи ихъ вступятъ они въ правленіе Кавказскаго намѣстничества, въ которомъ находятся помянутые кочующіе Нагайцы и Трухменцы.

Случаи изъ службы генераль-фельдмаршала Ласси, въ изложеніи графа Ю. Ю. Броуна.

1.

Милостивый государь мой, графъ Александръ Романовичъ!

По поводу требованія Петромъ Дмитріевичемъ Еропкинымъ отъ меня портрета покойнаго генерала фельдмаршала Ласси увѣдомился я, что ваше сіятельство въ прошломъ годѣ также искать онаго изволили, почему, не сомнѣваясь, что его получить изволили, почелъ я не излишнимъ снабдить васъ, милостиваго государя моего, равнымъ образомъ для любопытства малою исторіею въ службѣ, съ генераломъ-фельдмаршаломъ случившеюся, кою я нынѣ отправилъ къ Петру Дмитріевичу, и для того оную, яко истинную и мною изустно отъ него самаго слышанную, на особливомъ листѣ написанную къ вашему сіятельству при семъ препровождаю, пребывая и пр.

Г. Броунъ.

Въ Ригѣ, 23 Марта 1790.

Описаніе службы генерала-фельдмаршала Ласси.

Во время бывшей войны между Россіею и Швеціею, когда Россіане, по неудачномъ приступѣ къ городу Нарвѣ, ретировались къ Пскову, генераль-фельдмаршалъ Ласси былъ капитаномъ и слѣдовалъ туда съ войскомъ вмѣстѣ. Въ одну ночь, при лунномъ свѣтѣ, въ разсужденіи короткаго на немъ платья, отъ солдатъ почтенъ онъ былъ за Шведа и потому лишился бы конечно жизни, еслибы не показалъ онъ имѣвшагося на немъ креста, по которому признанъ бывши христіаниномъ оставленъ безъ малѣйшаго вреда. Генераль-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, командовавшій тогда арміею, примѣтилъ капитана Ласси, въ жестокую службу, на другой день Богоявленія Господня случившуюся равно прочимъ сносившаго и спросивъ его: «что, Нѣмчинъ, не стужено-ли?» Получилъ въ отвѣтъ: «нѣтъ». По сему капитана Ласси отзыву, графъ Шереметевъ сдѣлалъ объ немъ собственное замѣчаніе и приказалъ на завтра прійти къ себѣ. Хотя по сему приказанію Ласси и не оставилъ сдѣлать должнаго исполненія, но по причинѣ невыхода графа Шереметева изъ комнатъ, видѣть его не могъ, и для того въ полдень уже возвратился на свою квартиру; при обѣденномъ столѣ графъ, вспомнивъ о семъ приказаніи своемъ, спросилъ домашнихъ: не былъ ли у него одинъ Нѣмчинъ, и какъ получилъ въ отвѣтъ о бытности его, то приказалъ позвать его къ себѣ послѣ полудня; говорилъ съ нимъ тогда наединѣ много, а при разставаніи назначилъ его паки къ себѣ на другой день. По прибытіи же его по повелѣнію объявилъ ему графъ Шереметевъ, что Его Величество Государь изволилъ повелѣть ему, графу Шереметеву, изъ Псковскаго дворянства устроить двѣ роты ~~кадетъ~~, къ чему онъ за разными по тогдашнимъ обстоятельствамъ дѣлами приступить удобства не имѣлъ, и для того, пожало-

вавъ Ласси майоромъ, препоручилъ оное произвести въ дѣйство ему и отправилъ для собиранія дворянъ. По исполненіи сего уполномочилъ графъ Шереметевъ его набрать изъ Псковской и Новгородской губерній шесть полковъ и назначить въ оныхъ всѣхъ чиновъ до самыхъ полковниковъ, что Ласси, съ надлежащимъ порядкомъ и должною исправностію исполнивъ, представилъ къ графу Шереметеву. Таковою службою и усердными поступками Ласси привлекъ къ себѣ отъ многихъ особъ уваженіе, такъ что свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, позавидовавъ учрежденіямъ графа Шереметева и познавъ сего офицера способность и искусство, перевелъ его въ свой полкъ и пожаловалъ подполковникомъ, а такимъ образомъ приобрѣлъ къ себѣ отъ знатныхъ любовъ, кои наперерывъ старались ему во всемъ пособствовать, и достигъ онъ скоро высшихъ чиновъ, и былъ на Полтавской баталіи уже бригадиромъ. Будучи въ готовности къ бою, въ первой линіи, на кою Шведы вели свою атаку и дѣлали нападенія, бригадиръ Ласси, доложивъ присутствовавшему тутъ Государю: начинать огонь, или ждать онаго отъ непріятеля, получилъ повелѣніе оный принять и потомъ хорошенько попотчевать. Въ семъ сраженіи оказалъ довольно мужества и хотя былъ раненъ, но не сошелъ съ лошади прежде, пока непріятеля не сбили съ поля и баталія была выиграна съ извѣстною славою. Отсюда отправился онъ съ графомъ Шереметевымъ для взятія города Риги, съ которою онъ, по прибытіи, сдѣлавъ капитуляцію, опредѣленъ былъ первымъ комендантомъ въ Рижской цитадели. Сколько же впрочемъ генераль-фельдмаршалъ Ласси причинилъ Шведамъ вреда и убытка и сколько уничтожилъ ихъ во все время той Шведской войны до самаго заключенія въ Абовъ мира, о томъ не только въ Россійской имперіи, но и всему свѣту извѣстно.

2.

Милостивый государь мой,
графъ Александръ Романовичъ!

Видѣвъ изъ почтеннѣйшаго письма вашего сіятельства о полученіи анекдота о случаяхъ въ службѣ покойнаго фельд-маршала Ласси, съ нимъ встрѣтившихся, удовольствіе вашего сіятельства, почелъ я нужнымъ въ дополненіе къ тому довести вамъ, милостивый государь мой, что помянутой фельд-маршалъ пожалованъ былъ первый кавалеромъ ордена святаго Александра Невского, почитавшагося тогда военнымъ, и оный по волѣ блаженной памяти Государя Императора Петра Великаго, возложивъ на себя самъ по причинѣ коронованія Государыни Императрицы Екатерины I-й, бросалъ въ народъ деньги по повелѣнію Его-жъ Величества.

покорнѣйшій слуга
Г. Броунъ.

Въ Смильтенѣ, 24 Мая 1790.

1790 годъ.

ПЕРЕПИСКА

САКСОНСКАГО РЕЗИДЕНТА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

ГЕЛЬБИГА СЪ ЛОССОМЪ.

Печатается по современному переводу П. Б.

1.

**Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга отъ 12 (23)
Юля 1790.**

По отпращиваніи послѣдней депеши вашего превосходительства получено безъ сомнѣнія вами мое нѣкоторымъ образомъ обстоятельное извѣстіе о случившемся между герцогомъ Сюдерманландскимъ и адмираломъ Крузомъ, по для обѣихъ сторонъ маловажномъ морскомъ сраженіи. Поелику я прежде не могъ ничего узнать достовѣрнаго, то и удержался сообщить на послѣдней почтѣ извѣстія, которыя бы потомъ надлежало, можетъ быть, опровергнуть. Кажется, что 8-го числа Юня доставилъ графъ Гольцъ двору своему подробныя извѣстія, что ему и легко было исполнить, поелику онъ въ оба дня сраженія находился съ Ветфортомъ и Сиднеемъ въ Ораніенбаумѣ для полученія скорѣйшихъ свѣдѣній. Сардинскіи посланникъ предложилъ мнѣ туда же отпавиться; но сіе показалось мнѣ нѣсколько пристрастнымъ, чтобы съ толикою поспѣшностію домогаться извѣстій о семъ сраженіи, въ такое время, когда весь Петербургъ былъ въ смутеніи, и когда уже 500 лошадей было въ готовности для отвезенія двора въ Москву; поелику вообще думали, что Шведы побѣдятъ.

Хотя я получилъ извѣстія нѣсколько позже, однакожь мнѣ послѣ было весьма пріятно, что уклонился отъ предложенія г-на барона дела Тюрби, потому что поступокъ Прусскаго и Англическаго посланниковъ при семъ случаѣ очень Императрицѣ не понравился.

Мнимая недѣятельность князя Потемкина, по полученнымъ достовѣрнымъ извѣстіямъ, все еще продолжается: но къ сему присовокупляютъ, что онъ такъ поступаетъ изъ политики: поелику извѣстно, что походы Турковъ бываютъ непродолжительны. Въ сіе время пребываетъ князь спокоенъ, да и рѣдко имѣетъ страшиться чего либо важнаго, въ разсужденіи того, что Турки слишкомъ зауганы, чтобы рѣшились напасть на Россіянъ. А по наступленіи осени преслѣдуетъ онъ ихъ насильнѣйшимъ образомъ; а какъ они въ то время посѣщаютъ въ свои зимнія квартиры, то и одерживаетъ князь обыкновенно великія надъ ними выгоды.

Между тѣмъ, какъ мои извѣстія, такъ и полученныя отъ вашего превосходительства, подтверждаютъ, что князь, при наружной своей недѣятельности, занимается весьма прилежно переговорами, коихъ цѣли, не взирая на союзъ Пруссіи съ Портою, онъ бы конечно давно достигнулъ, еслибы требованія его не были столько непомѣрны, что купить оныхъ, какъ нѣкоторые увѣряютъ, не могутъ даже и Россійскія деньги.

Что впрочемъ Россіяне, какъ я недавно говорилъ, нѣкую потерю противъ Турковъ, сіе не подтверждается. Можетъ быть, стараются сіе сокрывать. Напротивъ того, говорятъ гораздо болѣе о неудачѣ Россіянъ въ Крыму. Подробныя свѣдѣнія о случающихся въ тѣхъ странахъ происшествіяхъ получать весьма трудно, или же получаютъ оныя въ то время, когда уже не важны.

Что касается до отношеній Австріи, то я ничего не могу присоединить къ тому, что доселѣ говорилъ вашему превосходительству. Мы все здѣсь думаемъ, какъ то вы усмотрѣли изъ послѣднихъ моихъ донесеній, что оба двора въ весьма тѣсной понынѣ связи; по крайней мѣрѣ продолжаетъ здѣшній дворъ оказывать королю Венгерскому особенное дружество. А что въ Вѣнѣ по денешъ вашего превосходительства и по многимъ другимъ, весьма недовольны Россією, сіе происходитъ отъ личнаго неудовольствія князя Кауница къ князю Потемкину, что въ будущее время можетъ на совокупность связи Австріи съ Россією имѣть важныя послѣдствія, а особливо послѣдствія Вѣнскій дворъ усмотрѣть можетъ, что ему не надежно полагаться на Россійское вспоможеніе противу Пруссіи.

По поводу полученныхъ здѣшнимъ дворомъ изъ Гаги извѣстій даскаются, что дѣла между Вѣнскимъ и Берлинскимъ дворами кончатся полюбовнымъ образомъ; къ сему присовокупляютъ, что король Венгерскій побужденъ недавно къ тому поведеніемъ Венгерцовъ, которые представили своему государю, чтобы онъ призналъ, что Венгерскою короною обязанъ онъ не праву наслѣдства, но общему ихъ ва то согласію.

Отъ Лосса къ Гельбигу изъ Дрездена отъ 24 Іюля 1790.

Хотя по распространившимся въ С.-Петербургъ извѣстіямъ Шведскій флотъ нѣсколько дней въ крайне-сомнительномъ положеніи находился, однакожъ отъ короля Шведскаго получены 19-го Іюня въ Стокгольмѣ письма, въ которыхъ онъ ни малѣйшаго о семъ опасенія не изъясляетъ, а намѣревается предпринять нападеніе на Выборгъ. Хотя послѣднее и должно почитать дѣломъ подлежащимъ великой опасности, но въ разсужденіи флота кажется, что страхъ уже миновалъ, если полученное изъ Коненгагена отъ 13-го числа сего мѣсяца извѣстіе справедливо, что именно упомянутый флотъ, при благополучномъ вѣтрѣ, вышелъ подъ парусами и прибылъ въ Швеаборгъ, при которомъ случаѣ однакожъ Шведскій галерный флотъ потерялъ 30 судовъ.

Что касается до начавшихся между Россією и Швецією переговоровъ, то письма изъ Стокгольма увѣдомляютъ, что король Шведскій еще 25-го числа отправилъ въ Выборгъ парламентарное судно съ деншами къ шеваье Гальвесу, которыя, какъ думаютъ, содержали въ себѣ отвѣтъ его на Россійскія мирныя предложенія. Другіе, напротивъ того, утвер-

ждають, что таковыя переговоры не имѣли дальнѣйшаго успѣха, поелику король Шведскій съ того времени подкрѣпленъ отъ союзныхъ державъ знатнымъ денежнымъ вспоможеніемъ.

Не взирая на отвѣтъ, данный Витфортомъ графу Остерману, на запросъ его въ разсужденіи слуха о назначеніи въ Балтійское море флота (какъ вы въ депешѣ вашей отъ прошлаго мѣсяца упоминаете), намѣреніе сіе еще до нынѣ подтверждается письмами изъ Лондона. Посему вѣроятно, что Витфортъ не доставлены никакія предварительныя о семъ извѣстія, съ тѣмъ чтобы онъ извинился невѣдѣніемъ. Но какъ сей флотъ совокупно съ Голландскимъ не прежде выступитъ въ море, какъ по объявленіи войны между Австрією и Пруссією, то назначеніе онаго на нынѣшнее время не могло бы быть весьма полезно для короля Шведскаго, и потому большее бы счастье было для Шведскаго флота, еслибы оный самъ вынужтался изъ опаснаго своего положенія.

Впрочемъ, въ разсужденіи отзывовъ Витфорта о четвертномъ союзѣ между Австрією, Россією, Францією и Испанією, нѣтъ еще до нынѣ ни малѣйшаго слѣда, по которому бы можно было догадываться, что онымъ занимаются. Въ отношеніи къ переговорамъ Россіи съ Швецією примѣчаю я токмо то, что по нѣкоторымъ извѣстіямъ первая изъ сихъ державъ не уклоняется отъ оныхъ; послѣдняя же соглашается на миръ съ тѣмъ токмо условіемъ, чтобы оной уступлена была крѣпость Нейшлотъ съ принадлежащею къ тому окружностію. Сіе не очень вѣроятно, а особливо въ нынѣшнее время; но какъ бы то ни было, я ожидаю отъ васъ подробныхъ извѣстій о положеніи дѣлъ между Россією и Швецією.

Со времени отиравленія послѣдней моей депеши, переговоры въ Рейхенбахѣ весьма перемѣнились; пбо когда отиравленный

изъ Вѣны 13-го числа сего мѣсяца курьеръ назадъ возвратился, и когда Австрійскіе министры дали знать, что король ихъ не только требуетъ возстановленія Австрійскихъ границъ по Пассаровицкому трактату, но и настоятъ въ распространеніи оныхъ въ замѣну малой части Галиціи, которую хочетъ уступить Польшѣ: то король Пруссійскій велѣлъ 13-го числа отвѣтствовать, что онъ по причинѣ встрѣтившихся затрудненій, принужденнымъ себя находитъ совсѣмъ отъ сего отступить и возвратиться на точный *status quo* до войны, на что онъ до 25-го числа ожидаетъ рѣшительнаго, окончательнаго отвѣта, съ тѣмъ присовокупленнымъ условіемъ, чтобы королю Венгерскому не предоставлена была свобода отдать Россіи что-либо изъ своихъ завоеваній; да и сей державѣ, буде бы она рѣшилась продолжать войну съ Турками, никакого вспоможенія не дѣлать.

Такое обстоятельство рѣшить скоро миръ или войну. Вообще сокрывается подъ сношеніями Россіи съ Австріею нѣкая тайна. Съ одной стороны думаютъ, что Императрица принятіе предложеній въ разсужденіи Данцига и Торуня, такъ равно и въ разсужденіи Галиціи королю Венгерскому отсрочивала, а на случай войны обѣщала дѣятельное пособіе, на который конецъ князь Потемкинъ и собираетъ уже у береговъ Днѣстра корпусъ изъ 30 тысячъ человекъ. Съ другой же стороны объявилъ Австрійскіе уполномоченные въ Рейхенбахѣ, что они безъ согласія Россіи ничего предпринять не могутъ; а многіе утверждаютъ, что сія держава продолжаетъ особенные переговоры съ Портою, и чрезъ кавалера Ензлея сдѣлала въ Константинополѣ внушеніе, что если тамъ согласятся на отдачу Очакова съ принадлежащею къ оному округою, то все свершится успѣшно.

Всѣ сіи свѣдѣнія сообщаю я вамъ подѣ печатію молчанія съ тѣмъ, чтобы вы на пути вашихъ упражненій были внимательны. Говорятъ, что сдѣланное въ Вѣнѣ барономъ Гевеномъ предложеніе о перемиріи въ Нидерландахъ отвержено. Въ Мадридѣ оказываютъ въ разсужденіи недоразумѣній съ Англіею нѣкоторое желаніе къ примиренію; въ Лондонѣ же усиѣляютъ вооруженіемъ флота, потому что опасаются полагаться на расположеніе Испаніи.

**Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга отъ 16 (27)
Іюля 1790.**

Во первыхъ позволю я отвѣтствовать на начало той депеши, въ которой ваше превосходительство упоминаете о дѣлахъ короля Шведскаго. Поелику нынѣ всѣ политическіе предметы покрыты темнотою, то въ точнѣ такомъ же положеніи находятся и отношенія Россіи къ Швеціи. Съ одной стороны, есть достаточныя причины думать, что между обоими дворами производятся переговоры; съ другой же, оспориваются оныя многими противными, хотя слабѣйшими, доводами. Между тѣмъ приведу я здѣсь какъ тѣ такъ и другія, и ваше превосходительство съ помощію получаемыхъ извѣстій будете гораздо болѣе въ состояніи отличить истину отъ правдоподобія.

Когда упомянутый въ донесеніи моемъ подъ № 40-мъ Милдъръ, который не офицеръ, а находится при Иностранной Коллегіи и прикомандированъ къ принцу Нассау, отдалъ вице-канцлеру депеши и при оныхъ письмо короля Шведскаго на имя его адресованное, то сей сказалъ ему, что онъ за доставленіе столь пріятныхъ извѣстій желаетъ ему счастья. Въ

продолженіи ихъ разговора получилъ вице-канцлеръ записку Моркова такого содержанія: что Миллеръ прибылъ уже въ вечеру наканунѣ того дня въ С.-Петербургъ и болталъ въ одномъ обществѣ о минимомъ содержаніи своихъ денешъ. Тутъ внезапно, какъ легко себѣ представить можно, перемѣнился тошъ министра къ Миллеру, и вмѣсто обѣщаннаго награжденія говорено было объ отрѣшеніи его отъ должности. Если бы пріятныя сіи извѣстія имѣли отношенія на военныя происшествія, то бы отправлены оныя были не чрезъ статскаго человѣка, а чрезъ офицера, который бы прямо поѣхалъ въ Царское Село, и все бы уже было извѣстно. Между тѣмъ, пріятное сіе извѣстіе должно быть весьма важно; но хранятъ оное еще въ тайнѣ. Посему можетъ ли сіе заключать въ себѣ что-либо другое какъ не мирныя переговоры, а можетъ быть и податливыя предложенія короля Шведскаго? Если справедливо, что оное касается до объѣма плѣнныхъ, то къ чему тутъ пужень таинственный образъ, съ каковымъ поступаютъ въ семъ дѣлѣ, и жестокость, съ каковою угрожаютъ наказать Миллера за его болтаивость, которая можетъ быть уже и наказана?

Въ подтвержденіе мнѣнія, что нынѣ миръ уже съ Швеціею приближается, присовокупляются и тѣ обстоятельства, что адмиралъ Чичаговъ съ одною частію большого флота возвратился въ Ревель, что одна часть онаго вошла въ Кронштатъ и что адмиралъ Крузе съ одною малою эскадрою находится у Швеаборга. Далѣе подтверждается вышенамнутая догадка и тѣмъ, что повелѣніе построить къ половинѣ Августа мѣсяца 60 пулюнокъ для принца Нассау оставлено уже безъ дѣйствія. И недостатокъ въ деньгахъ въ Швеціи можетъ быть уклонилъ короля Шведскаго къ податливости: изъ Голландіи не получить онъ ничего болѣе, и кредитъ его тамъ столь малъ.

что бумаги его тамъ продаются публично 10 ю процентами ниже цѣны. Къ тому же болѣе нежели достоверно, что стараются подкупать деньгами тѣхъ, кои короля окружаютъ: ибо я точно знаю, что графъ Стадіонъ въ Стокгольмѣ получилъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ отъ Россіи кредитъ на 30 тысячъ рублей. Величайшимъ доказательствомъ сему, не взирая что оно почеркнуто изъ частныхъ извѣстій, можетъ послужить и то, что я третьяго дня читалъ собственноручное письмо барона Нолькена, въ которомъ проситъ одного своего здѣшняго друга пріискать ему домъ; поелику онъ ласкается, что скорый миръ доставитъ ему удовольствіе пріѣхать сюда еще до зимы.

Вотъ доказательства благопріятствующія миру. Теперь приступаю я къ тѣмъ обстоятельствамъ, которыя сему противорѣчатъ. Въ числѣ сихъ главнѣйшее есть надменные слова короля Шведскаго, произнесенныя къ Россіянамъ, которымъ онъ далъ свободу, а именно: «Скажите Императрицѣ, что, не взирая на выгодное мое положеніе, я готовъ заключить миръ, лишь бы условія отвѣтствовали славѣ моихъ оружіи». Да сіе обстоятельство по истинѣ и важно, потому что нынѣшнее положеніе короля очень выгодно. Последнее его сраженіе было рѣшительное; если же Императрица еще горда, то не прежде приступать къ переговорамъ какъ по нанесеніи ему столь же сильнаго удара. Также думаю я, что король Шведскій безъ согласія Пруссіи въ переговоры вступить не смѣетъ: поелику отъ Пруссіи и Англіи получаетъ онъ токмо денегъ, такъ какъ ему и недавно отъ первой державы доставлены въ залогъ Помераніи два милліона: а по достовернымъ извѣстіямъ не получить король Шведскій согласія оной на таковой шагъ.

Теперь доканчиваю я мои доводы, подтверждающие и опровергающие мнѣнія о мирныхъ переговорахъ между Россією и Швецією. Буде же оныя дѣйствительно существуютъ, то сіи не суть продолженіе переговоровъ г. Коррала и Гальвеса, а снова начатыя. Последній сказывалъ мнѣ съ откровенностію, на которую я совершенно полагаюсь, что домогательства его пресѣклись: поелику какъ Императрица, такъ и король Шведскій не оказывали истиннаго желанія: къ тому же увѣренъ онъ, что нынѣ графъ Боркъ все дѣло испортилъ.

На будущей почтѣ можно мнѣ будетъ говорить о дѣлахъ Турецкихъ. Черезъ три дни получимъ мы достовѣрное извѣстіе, будетъ ли война между Пруссією и Австрією или нѣтъ; между тѣмъ слышимъ мы, что 18 тысячъ Прусской арміи идутъ въ Силезію. На конгрессъ въ Рейхенбахъ отправится, по публичнымъ извѣстіямъ, графъ Разумовскій, Россійскій посланникъ въ Вѣнѣ.

**Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга отъ 19 (30)
Юля 1790.**

Дѣла между Россіею и Швеціею еще не довольно ясны; однакожъ догадка дѣлается болѣе и болѣе вѣроятною, что между обоими дворами переговоры дѣйствительно существуютъ и по отиравленію послѣдняго моего донесенія увѣряли меня даже, что графу Стадіону въ Стокгольмѣ дана отъ Императрицы полная моча для мирныхъ переговоровъ. Между тѣмъ извѣстно, что если оныя точно производятся, то еще недавно начались, а все слуха со времени предложеній г Корраса и Гальвеса вымыслены. Однакожъ симъ наипаче стараются доказать, что обѣ державы въ семъ случаѣ не имѣли столь важныхъ сраженій, и не столь сильно разорились. Но какъ бы то ни было, то по крайней мѣрѣ достоверно, что письмо короля Шведскаго къ графу Остерману касалось единственно до обмѣна плѣнныхъ,—поступокъ, на который король Шведскій, какъ кажется, рѣшился изъ уваженія къ своему брату, коего побочный сынъ взятъ Россіянами въ полонъ. При семъ случаѣ далъ король Шведскій (какъ я недавно упоминалъ) нѣкоторымъ Россіянамъ свободу.

На сей поступокъ отвѣтствовала Императрица съ равною милостію: освободила сына герцога и нѣкоторыхъ другихъ Шведовъ, но на обмѣнъ многихъ плѣнныхъ не согласилась.

Плѣнные Россіяне не могутъ довольно хвалить поступка короля Шведскаго съ ними. Какъ скоро они попали въ плѣнъ, то онъ имъ сказалъ, что они имѣютъ свободу писать ко всѣмъ своимъ родственникамъ и друзьямъ, и онъ взялъ на себя доставлять письма надлежащимъ образомъ. А какъ они имѣли, можетъ быть, банковыя ассигнаціи, которыя у него не имѣютъ цѣны, то онъ имъ велѣлъ на первый случай выдать нѣсколько ходячей монеты, каждому офицеру по 10-ти, а штабъ-офицеру по 15 и болѣе червонныхъ. Одинъ Англичанинъ, бывшій только зрителемъ на Шведскомъ флотѣ, писалъ обоихъ сраженіяхъ къ Витфурту. Онъ говоритъ между прочимъ: потеря Шведовъ при первомъ сраженіи была весьма велика, но она бы была менѣе, если бы герцогъ Сюдерманландскій не поступалъ столь горячо. Потеря Россіянъ при сраженіи галернаго флота была гораздо больше. На первомъ сраженіи раненъ помянутый герцогъ довольно тяжело. За день до того получилъ онъ, какъ сказываютъ, отъ короля 25 тысячъ талеровъ. Вообще подарилъ ему король въ продолженіи кампаніи, дабы удержать его въ добромъ расположеніи, болѣе 200 тысячъ талеровъ. На другой день послѣ сраженія писалъ принцъ Нассау къ Императрицѣ, жаловался на худое выполненіе своихъ приказаній и просилъ нарядить надъ собою военный судъ. Императрица отвѣтствовала ему въ милостивѣйшихъ выраженіяхъ и сказала: сраженія теряли и величайшіе полководцы. А потому и не ставитъ она сіе ему въ вину; что же касается до военнаго суда, то она оный отвергаетъ и проситъ его при другихъ случаяхъ быть ей и ея государству полезнымъ своими знаніями.

По отправленіи сего отвѣта полученъ рапортъ генерала Нумсена, стоявшаго недалеко отъ мѣста сраженія, вмѣстѣ съ письмомъ его къ генералу Николаю Ивановичу Салтыкову. Оба оные были безъ сумнѣнія весьма различны отъ содержанія донесенія принца Нассау: ибо примѣчается, что Императрица на послѣдняго крайне огорчается.

Къ Австрійскому послу прибылъ четыре дня назадъ курьеръ съ извѣстіемъ о кончинѣ фельдмаршала Лаудона. Я думаю, что извѣстіе сіе произвело при здѣшнемъ дворѣ удовольствіе: поелику извѣстно, что сей фельдмаршалъ былъ издревле противникомъ Россіи. Между тѣмъ, должно думать, что сей курьеръ привезъ и другія пріятныя извѣстія, что можно было замѣтить изъ удовольствія графа Остермана на послѣдней конференціи.

Наборъ вольнаго корпуса, о которомъ я говорилъ на концѣ донесенія моего подъ № 40, произвелъ здѣсь великое неудовольствіе. Оберъ-полицмейстеръ предпринялъ сіе дѣло самопроизвольно и набралъ уже около 2500 человекъ. Многіе здѣшніе знатные, у которыхъ сбѣжали крѣпостные ихъ люди, жаловались на него, и тогда еще и болѣе усугубили сіе зло, давъ повелѣніе возвращать сихъ людей. Послѣ сего возмутились рекруты, предусматривая худой пріемъ отъ своихъ господъ; нѣкоторые убивали себя, другіе угрожали бунтомъ, и такимъ образомъ навлекло на себя правительство наки ненависть народа и знатныхъ.

**Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга, отъ 30 Юля
(10 Августа) 1790.**

Въ разсужденіи упомянутыхъ мною недавно мнимыхъ мирныхъ переговоровъ Россіи со Швеціею долженъ я еще присоединить слѣдующее.

Еще продолжаютъ думать, что оныя производятся; но изъ получаемыхъ мною извѣстій знаю я также и то, что король самъ противится симъ тайнымъ переговорамъ и Прусскому государю, когда сей у него требовалъ яснаго изъясненія на разные слухи о мирныхъ переговорахъ Россіи и Швеціи, отвѣтствовалъ, чтобы онъ ни мало не безпокоился; послѣку онъ король Шведскій лучше пожелаетъ заключить миръ съ ручательствомъ Пруссіи и Англіи нежели безъ онаго, что бы могло его ввергнуть чрезъ нѣсколько лѣтъ въ точно такое же замѣшательство. Симъ успокоился король Пруссскій совершенно.

Что принадлежитъ до сношеній Россіи съ Портою, то въ существѣ дѣла, исключая нѣкоторыхъ отмѣненій въ побочныхъ обстоятельствахъ, совершенно согласны извѣстія мои съ сказаннымъ вашимъ превосходительствомъ.

Прусскій министръ пять дней назадъ получилъ не въ шифрахъ писанную денешу изъ Рейхенбаха, которая слѣдующаго содержанія. Король Прусскій ничего болѣе не требуетъ какъ токмо возвращенія Польнѣ части Галиціи, притомъ настоятъ на *status quo* до войны и желаетъ, чтобы король Венгерскій уговорилъ и своихъ союзниковъ къ принятію сего же послѣдняго условія. Сіе во всемъ сообразно отсюда сдѣланнымъ отзывамъ о возвращеніи завоеванныхъ крѣпостей; но какъ таковое предложеніе сдѣлано со стороны Пруссіи, то и кажется оно здѣсь неудобопріемлемымъ. По поводу полученныхъ изъ Рейхенбаха денешъ былъ здѣсь чрезвычайный Совѣтъ, но не въ присутствіи Императрицы. Теперь должно ожидать, на что здѣшній дворъ рѣшится.

Отвѣтъ короля Венгерскаго на присланныя отъ барона Шинльмана съ курьеромъ денешы; который обнаружить, будетъ ли война или нѣтъ, и о которомъ я поминалъ въ денешѣ моей подъ № 42, здѣсь еще неизвѣстенъ. Также не знаемъ мы, послѣдовала ли обѣща ратификаціи союза между Пруссіею и Портою; а говорятъ, что Турки весьма безпокоятся отъѣздомъ Дица, и Кнобельсдорфъ долженъ былъ весьма много ихъ уговаривать и даже увѣрять, что ратификація союзнаго трактата непременно получится. Сообщенныя мною вашему превосходительству извѣстія о разговорѣ графа Остермана съ г. Витфортъ и о возобновленіи трактата между Россіею и Австріею справедливы; токмо служить первое доказательствомъ, что здѣсь совсѣмъ иначе поступаютъ, нежели говорятъ, а особливо съ такимъ враждебнымъ министромъ каковъ Витфортъ. Если же, можетъ быть, не выполняется трактатъ въ полной его силѣ, то тому причиною Россія. А какъ здѣшній дворъ пріемлетъ столь худыя мѣры въ Бѣлоруссіи и Лифляндіи, то и нельзя обвинить короля Венгерскаго, если онъ, не уважая

обѣщанія Россіи, старается раздѣлаться съ Пруссіею какимъ бы то ни было образомъ и безъ согласія сеіи своей союзницы. Сіи-то могутъ быть непріятныя извѣстія, о которыхъ я говорилъ и думалъ, что привезены съ курьеромъ графа Кобенца.

Послѣ прошедшей моей депеши прибылъ также курьеръ и отъ князя Голицына, но духъ Россійскаго министерства съ того времени не перемѣнился. Также примѣчаю я въ графѣ Кобенцѣ и баронѣ Седелерѣ нѣкоторое неудовольствіе,—обстоятельство, доказывающее явнѣе привязанность сихъ обоихъ министровъ къ Россійскому двору.

Въ слѣдствіе полученныхъ изъ Голландіи писемъ производятся въ Англіи военныя приготовленія съ поспѣшностію; однакожъ думаютъ, что сіе дѣлается токмо для того, чтобы устрашить Испанію, а въ самомъ дѣлѣ стараются всѣми силами избѣгнуть войны. По тѣмъ же самымъ письмамъ старается Литтихскій епископъ по кредитиву, за своимъ и всего капитала подписаниемъ, занять одинъ милліонъ гульденовъ, но сего еще не получилъ. Токмо отъ вашего превосходительства извѣстился я, что Франція требовала выполненія фамальныхъ пактовъ. Новѣйшія письма оттуда ничего о семъ не упоминаютъ. По поводу публичныхъ вѣдомостей и недостаточныхъ извѣстій говорятъ здѣсь токмо о ничтожествѣ союза князей, и что ванъ всемогуществѣннѣйшій государь вступится за Австрію, буде бы дошло дѣло до войны между оною и Пруссіею.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербургъ. отъ 2 (13) Августа 1790.

Третьяго дня въ вечеру прибылъ сюда отъ барона Аша курьеръ, отпавленію коего, какъ говорятъ, послужило поводомъ слѣдующее. 2-го числа сего мѣсяца былъ въ Варшавѣ въ присутствіи короля тайный совѣтъ, въ которомъ читана депеша графа Потоцкаго изъ Константинополя и, судя по содержанию оной, союзъ между Портою и Польшею почти уже заключенъ. Я не могу рѣшительно сказать, справедливо ли взаимное обѣщаніе вспомоцествовать другъ другу 30-ю тысячами войска. На другой день велѣлъ король, еще донынѣ приверженный къ Россіи, призвать къ себѣ барона Аша, который, по возвращеніи своемъ отъ него, рѣшился тотчасъ отправить курьера, и онъ былъ побужденъ къ сему и тѣмъ, что 4-го Августа прибыли двѣ штафеты отъ короля Прусскаго, депеши коего имѣли безъ сумнѣнія отношеніе на заключеніе Рейхенбахской конвенціи, и которыя короля весьма опечалили.

Да и при здѣшнемъ дворѣ получены отъ короля Прусскаго непріятныя депеши, которыя однакожъ для другихъ тѣмъ

пріятіѣ. Получено именно извѣстіе, что Австрійскіе уполномоченные 25-го Іюля обратились на *status quo*, что король Венгерскій обязался не давать Россіи вспомоgetельныхъ войскъ, что однакожъ Хотинъ останется у Австрійцевъ, покуда миръ между Россією и Портою свершится. Къ сему присовокупляютъ, что король Пруссій вопреки сему обѣщался не только возвратить подъ Австрійскую державу Нидерланды, но и склонить къ выбору короля Венгерскаго въ императоры всѣ голоса курфирстовъ Бранденбургскаго и ГанOVERскаго. Подтвержденія короля Венгерскаго ожидали чрезъ 14 дней послѣ того. Ваше превосходительство легко себѣ представить можете, какое впечатлѣніе произвело сіе при здѣшнемъ дворѣ. Весьма огорчаются на Пруссію и Австрію и никогда столько не желали, чтобы покойный императоръ былъ живъ, какъ нынѣ.

Поелику король Шведскій столь хорошо поступаетъ съ Россійскими плѣнными, то и Императрица приказала, чтобы Шведскихъ плѣнныхъ также хорошо здѣсь содержать, и въ семъ намѣреніи взялъ графъ Остерманъ Шведскаго адмирала Ленанкера даже къ себѣ въ домъ. Но сколь худо напротивъ того имъ здѣсь! Въ Ораніенбаумѣ трое Шведскихъ матрозовъ умерли съ голоду; часто не получаютъ они два и три дни ни одного куска хлѣба. 300 Шведовъ, которые равнымъ образомъ не получали нищи и провождаемы были 30-ю гусарами, дошли до отчаянія, убили 28 гусаръ, ограбили ихъ и ушли на ихъ лошадахъ. А какъ опасались объявить о семъ въ надлежащемъ мѣстѣ, то чрезъ сіе выиграли сіи несчастные время донинѣ избѣгнуть преслѣдованія. Теперь неизвѣстно, куда они ушли, и надобно думать, что они въ разсужденіи дальности границъ отысканы будутъ.

Принцъ Нассау получилъ повелѣніе чрезъ нѣсколько дней выступить со своимъ флотомъ изъ Фридрихстама и навалъ

на Шведовъ. Сей флотъ состоитъ дѣйствительно, какъ увѣ-
ряють, изъ 200 судовъ наилучшаго строенія. Все собрано,
что токмо возможно было. Вашему превосходительству на-
мѣтцо, что ласкались надеждою достигнуть своей цѣли чрезъ
негоціаціи, а потому и были остановлены пріуготовленія; но
когда въ семь не было успѣха, то со всевозможною поснѣш-
ностію передѣлали суда всякого роду въ мелкіе военные ко-
рабли; а какъ во многомъ, а особливо въ людяхъ, былъ ве-
ликіи недостатокъ, то многіе корабли изъ большаго флота,
учиненные негодными, совсѣмъ разоружены, и съ оныхъ
взяты всѣ нужныя вещи для скорѣйшаго произведенія въ
готовость галернаго флота.

За недѣлю назадъ прибылъ изъ Финляндіи курьеръ съ от-
вѣтойъ короля Шведскаго, что онъ ни въ какіе переговоры
съ Россією вступить не соглашается, а завтра отправится
курьеръ къ князю Голицыну въ Вѣну. На денешнѣ вашего
превосходительства буду я имѣть честь отвѣтствовать въ бу-
дущій разъ.

**Отъ Лосса къ Гельбигу изъ Дрездена. отъ 14-го Августа
1790.**

Случившіяся между Шведскимъ и Россійскимъ флотами важныя происшествія, при которыхъ взаимныя выгоды были довольно равновѣсны, возбуждаютъ во мнѣ любопытство узнать, на какомъ основаніи находятся мирныя переговоры между королями Шведскимъ и Императрицею, и поелику могутъ оныя быть усилены. Можетъ быть, получила разрѣшеніе неизвѣстность, въ которой оныя были во время отправления послѣдняго вашего донесенія. На всѣ случаи кажется, что миръ на Сѣверѣ не иначе можетъ быть свершенъ, какъ при посредничествѣ трехъ союзныхъ дворовъ; ибо хотя письма изъ Лондона и подтверждаютъ, что ни малѣйшаго вѣтъ признака къ отправленію въ Балтійское море флотовъ Англическаго и Голландскаго, которое и безъ того назначено только было для извѣстнаго условія, однакоже весьма вѣроятно, что тѣ державы будутъ стараться поддержать свое вліяніе на переговоры, съ тѣмъ чтобы король Шведскій ничего безъ нихъ не рѣшилъ, а особливо поелику онъ безъ ихъ подкрѣпленія не можетъ вынутаться изъ игры, и на то имѣетъ нынѣ болѣе

свободы. Въ Петербургѣ, по полученіи сего письма моего, будетъ уже безъ сумнѣнія извѣстно, что 27-го прошлаго мѣсяца подписаны въ Рейхенбахѣ нѣкоторые прелiminary артикулы, а разнѣна ратификаціи оныхъ послѣдовала 3-го числа нынѣшняго мѣсяца. Съ того времени войска обѣихъ сторонъ отступили отъ границъ, и часть Прусской арміи подалась наки къ Марку. Сии артикулы, сколько еще донынѣ объ оныхъ извѣстно, состоятъ въ слѣдующихъ: 1-й) Король Венгерскій соглашается на *status quo* въ точномъ смыслѣ, хочетъ немедленно заключить съ Турками перемиріе и трактовать съ ними о мирѣ, который имѣеть заключенъ быть съ посредничествомъ трехъ союзныхъ державъ и при ихъ гарантіи. 2-й) Буде король Венгерскій для обезпеченія своихъ границъ захочетъ воспользоваться кускомъ земли, то въ замѣну сего должно также уступить и королю Прусскому. 3-й) До заключенія мира между Портою и Россіею долженъ Хотинъ остаться у Австрійцевъ нейтральнымъ мѣстомъ, но послѣ того будетъ онъ возвращенъ Туркамъ. 4-й) Въ случаѣ продолженія войны съ Турками не хочетъ король Венгерскій вспомоществовать Императрицѣ ни посредственно, ни непосредственно. 5-й) Король Прусскій изъясняется, что онъ съ Нидерландами никакого сношенія не имѣетъ и хочетъ кунно съ Англіею и Голландіею спомоществовать примиренію съ оными на основаніи прежняго ихъ образа правленія, съ тѣми однакожъ ограниченіями, каковыя морскія державы признаютъ пужными. Съ одной стороны условія сии таковаго существа, что оныя (какъ и въ Вѣнѣ утверждаютъ) не были бы припаты, если бы внутреннія обстоятельства Австрійскаго государства, а особливо во многихъ частяхъ онаго, и именно въ Венгрин, умножающія возмущенія, не содѣлали сего необходимою; съ другой стороны, кажется странно, что чет-

вертій артикулъ Россію совсѣмъ удаляетъ и сіе бы могло имѣть вредное дѣйствіе на отношеніе оной къ Австріи, если бы сіи обѣ державы, какъ утверждаютъ, не согласились напередъ о семъ пунктѣ.

Но какъ бы то ни было, тотчасъ по отиравленіи изъ Вѣны ратификаціи, а именно 3-го числа сего мѣсяца, поѣхалъ находившійся тамъ графъ Лузи, снабженный Австрійскими напортами, въ армію верховнаго визиря для постановленія именемъ королей Прусскаго и Венгерскаго перемирія и мѣста конгрессу. По достовѣрнымъ извѣстіямъ сдѣланы, между тѣмъ, еще до окончанія дѣла въ Рейхенбахѣ графу Нессельроду отзывы, клонящіеся къ тому, что король Пруссій хотя въ случаѣ примиренія съ королемъ Венгерскимъ и почитаетъ интересъ Россіи отдѣленнымъ отъ Австрійскаго, притомъ однакоже думаетъ, что миръ съ Портою съ Россійскою стороны можетъ заключенъ быть равнымъ же образомъ на основаніи *status quo*; буде же война продолжится, то онъ принужденнымъ себя найдетъ вспомоцествовать своему союзнику. Сказываютъ, что Россійскій министръ отпавилъ немедленно сіе изъясненіе со стафетою въ С.-Петербургъ, и потому должно ожидать вскорѣ отвѣта. Вообще будутъ теперь переговоры между Россією и Пруссією производиться съ болышею посильностію: ибо хотя письма изъ Константинополя и подтверждаютъ, что Потемкинъ предложилъ возвращеніе всѣхъ завоеваній, пріобрѣтенныхъ въ нынѣшнюю войну, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Очаковъ уничтожить, да и Порта признала сіе удобопріемлемымъ и хочетъ только дождаться окончанія переговоровъ въ Рейхенбахѣ; однакожъ, обезпечена будучи со стороны Австріи чрезъ подкрѣпленіе Пруссіи, весьма невѣроятно, чтобы она безъ согласія сеі державы и ея союзниковъ согласилась на заключеніе мира съ Россією.

Итакъ вы имѣете усугубить ваше вниманіе на производ-ство сихъ дѣлъ, дабы извѣститься о всемъ сколько возможно ранѣе и подробнѣе.

Распри между Англіею и Испаніею также близки къ своему рѣшенію, поелику Англія постановила Испанскому двору 13-е число нынѣшняго мѣсяца срокомъ для опредѣлительнаго и удовлетворительнаго изъясненія на свои требованія. Между тѣмъ, всѣ думаютъ, что поелику вспоможеніе Франціи весьма ненадежно, то и не дойдетъ дѣло до разрыва.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга, отъ 6 (17) Августа 1790.

Условія мира съ королемъ Шведскимъ весьма умѣренны: главнѣйшія изъ оныхъ суть *status quo* до войны и оставленіе старинныхъ трактатовъ въ прежней силѣ. Хотя извѣстно, что король Шведскій еще 8 или 10 дней отказался отъ дальнѣйшихъ переговоровъ съ Россією; однакожь сіе здѣсь не утѣшило, и Императрица сама непосредственно, а особливо по полученіи извѣстія о заключенной въ Рейхенбахѣ конвенціи, усугубила свои старанія, чтобы склонить на свою сторону короля Шведскаго. Хотя здѣсь и говорятъ, что онъ склонился къ тому появившимся въ Стокгольмѣ и Далекарліи безпокойствами и страхомъ неизвѣстнаго успѣха въ сраженіи съ принцомъ Нассау; но о безпокойствахъ говорено здѣсь часто, и оныя никогда не подтверждались, а принца Нассау не опасался король и въ то время, когда онъ при себѣ имѣлъ всю силу вкупѣ. Я, напротивъ того, думаю, что продолжавшіяся донынѣ подкупленія знатно умножены, дабы обольстить тѣхъ, кто особу короля окружаютъ, и что уговариваніемъ и ложными представленіями сей государь склонился на миръ, который ничто иное есть какъ дѣло внезапности.

Теперь должно ожидать, какія отъ того съ одной стороны будутъ послѣдствія для Швеціи. Мы кажется, что король рѣшился на сіе безъ совѣта Пруссіи; но крайней мѣрѣ было изумленіе графа Гольца при полученіи сего извѣстія чрезъ мѣрно велико. Сказываютъ, что пріѣхавшій съ сямъ курьеръ привезъ также депешу къ Гейденстаму, которая еще вчера ввечеру вмѣстѣ съ извѣстіемъ о мирѣ отпавлена къ князю Потемкину. Со времени извѣстія о Рейхенбахской конвенціи, о которой, говоря мимоходомъ, графъ Кобенцль еще формальнымъ образомъ здѣшняго министерства не извѣстилъ, посланы были къ князю Потемкину многіе курьеры, дабы у Порты вынудить какимъ либо образомъ миръ, хотя бы и на основаніи status quo, покуда не послѣдуютъ въ Константинополѣ вѣщенія Пруссіи.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга. отъ 9 (20) Августа 1790.

Я удерживаюсь отвѣтствовать на нѣкоторые пункты денежныя вашего превосходительства въ разсужденіи послѣдовавшаго съ Швеціею мира и прехожу съ молчаніемъ все касающееся до Швеціи. Что принадлежитъ до отношеній между Россіею и Австріею, то оныя, кажется, ослабѣваютъ. О семъ изъяснилася Императрица графу Кобенцлю, объ отзывѣ коего начинаютъ уже говорить. Она, какъ увѣряютъ, сказала о королѣ Венгерскомъ: *ce n'est pas une tête comme celle de feu son frère*. Впрочемъ если на Рейхенбахскомъ конгрессѣ ничего не было упомянуто объ интересѣ Россіи, то сіе происходило отъ того, что здѣшній дворъ отказался отпратить туда министра. Надежда Императрицы заключить вскорѣ миръ и съ Турками, еще и донынѣ продолжается и основывается на дѣйствіи, которое великія подкупленія и тайныя пожертвованія въ семъ непостоянномъ народѣ произвести могутъ. Думаютъ даже, что извѣстія о мирѣ съ сей стороны получатся уже въ половинѣ будущаго мѣсяца; но какимъ образомъ могъ запутаться въ сіи переговоры шевалье Евзлій, сіе есть за-

гадка, или же служить оное новымъ доказательствомъ обыкновенной его неосновательности. Если онъ дѣйствительно способствуесть сему дѣлу, то я себѣ не иначе все сіе могу представить, какъ слѣдующимъ образомъ. Императрица точно, какъ ваше превосходительство говорите, велѣла внушить что либо подобное въ Лондонѣ; Англія отеклась быть на такомъ основаніи участницею въ семъ дѣлѣ, отписала однакожъ о томъ, но безъ всякаго порученія, къ Ензлію, а сей частію по личной ненависти къ Прусскому посланнику, частію же чтобы сдѣлаться важнымъ, былъ вѣроятно столько безразсуденъ, что поступилъ въ противность предписаніямъ двора своего. Во время Дипа споры съ Ензлиемъ были безпрерывны: оба упрекали въ небреженіи своихъ обязанностей другъ друга, а въ самомъ дѣлѣ одинъ дѣлалъ столько же ошибокъ, сколько и другой.

Третьяго дня прибылъ къ Прусскому министру курьеръ, чрезъ котораго извѣстились, что ему поручено представить рѣшеніе Рейхенбахскихъ переговоровъ и просить Императрицу, чтобы и она подобно Австріи приняла *status quo* до войны основаніемъ мира съ Портою, для достиженія чего предлагаетъ король Прусскій пакъ свои добрыя услуги. Тотчасъ по началіи переговоровъ Швеціи съ Россіею, отправилъ король курьера въ Рейхенбахъ съ извѣстіемъ, что ему предложенъ миръ съ условіемъ *status quo*, но онъ заключилъ оный еще до полученія отвѣта изъ Рейхенбаха.

**Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга, отъ 13 (24)
Августа 1790.**

Третьяго дня въ вечеру получена здѣсь ратификація мира между Россією и Швецією. Ея Императорскому Величеству угодно было отиправить къ генераламъ Игельstromу и Армфелду знаки ордена Святаго Андрея. Англиискій министръ получилъ отъ своего товарища въ Берлинѣ порученіе подкрѣплять наисильнѣйшимъ образомъ доставленныя графу Гольцу чрезъ курьера предложенія Пруссіи. Витфортъ исполнилъ сіе въ тотъ самый день, когда графъ Гольцъ сообщилъ вице-канцлеру полученныя порученія, но онъ учинилъ сіе съ слишкомъ великимъ усиліемъ; по крайней мѣрѣ примѣтилъ сіе графъ Остерманъ: ибо нѣсколько времени спустя послѣ конференціи, безъ сумнѣнія переговора прежде съ Морковымъ, сказалъ онъ Витфарту, что онъ ему мнѣніе свое сообщилъ слишкомъ кратко и слишкомъ сильно, да и гораздо сильнѣе нежели Прусскій министръ; что для иностраннаго министра гораздо лучше, если онъ старается возбудить довѣренность и не показываетъ личнаго раздраженія. Витфортъ отвѣтствовалъ, что касательно краткости, то въ меморіалѣ изъ четырехъ листовъ состоящемъ ограничивается существенное содержаніе онаго

только тѣмъ малымъ, что онъ сказалъ; что же принадлежитъ до личнаго его поведенія, то онъ всегда старался приобрести благоволеніе Императрицы и ея министерства; если же изъясненія его двора здѣсь имѣютъ несчастіе не нравиться, и сіе къ нему относится, то въ такомъ случаѣ долженъ онъ изыскивать средства къ своему утѣшенію. Пруссій и Англичій министры не получили еще никакого отвѣта, и сумнительно, чтобы оный и завтра послѣдовалъ; между тѣмъ, однакоже, хочетъ графъ Гольцъ, не дождавшись онаго, отправить послѣ завтра обратно своего курьера. Кажется, что Императрица хочетъ графа Сергѣя Румянцева, прежде бывшаго министра въ Берлинѣ, назначить нынѣ въ Стокгольмъ, что не саужитъ доказательствомъ продолжительности мира; нѣкоторые увѣряютъ даже, что онъ посылается туда, дабы произвести подъ рукою революцію. Сіе не будетъ подлежать великимъ затрудненіямъ, поелику король Шведскій сдѣлалъ ошибку, что согласился на условіе совершеннаго умолчанія о старинныхъ условіяхъ, чѣмъ враги его для достиженія своихъ намѣреній не упустили воспользоваться. Но еще должно рѣшить сей вопросъ, совершится ли сія революція по желанію, поелику сказываютъ, что одно только дворянство объявитъ себя противу короля. Но каковы бы слѣдствія войны для короля ни были, безпристрастные люди въ томъ согласны, что сей государь заключеніемъ тайнаго мира оказалъ себя столько же неблагодарнымъ къ другимъ сколько вреднымъ самому себѣ; поелику Англія и Пруссія были единныя державы, кои вспомошествовали ему деньгами и обѣщались гарантировать ему продолжительный миръ. Сверхъ того должно ему было знать о рѣшеніи Рейхенбахскихъ переговоровъ, если бы курьеръ, какъ прежде случилось съ отправленнымъ изъ Стокгольма въ Финляндію, не потерялъ своихъ депешъ. При заключе-

ніи такогого мира будуть также проведенны границы между Швецією и Россією на мѣстахъ бывшихъ сраженій, что пакки посѣтъ новое сѣмя раздора. Думаютъ, что для увѣичанія сего дѣла пріѣдетъ сюда самъ король Шведскій, и безъ сумнѣнія по прежнему, дабы получить деньги. Путешествіе таковое, сколь оно ни странно, весьма свойственно характеру обоихъ государей. Императрица заставитъ думать глупую часть публики, что король Шведскій пріѣхалъ для испрошенія у ней прощенія; а король будетъ, напротивъ того, воображать себѣ, яко бы думаютъ, что пріѣхалъ осмѣять Императрицу, а въ самомъ дѣлѣ потеряетъ токмо онъ уваженіе въ глазахъ свѣта; впрочемъ кому извѣстно, совершится ли еще сіе путешествіе? Въ прошедшій разъ забылъ я примѣтить, что главный начальникъ Финляндской арміи отсюда пзвѣстился, что трактатъ мира подписанъ въ Верелѣ, а не въ Ловалѣ.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга, отъ 16 (27) Августа 1790.

Меня увѣряли, что король Венгерскій, для показанія Императрицѣ своей склонности къ исполненію другимъ образомъ своихъ обязанностей, обѣщавъ доставить къ ней знатную сумму денегъ, послѣдній онъ по своему условію не можетъ въ продолженіи войны съ Портою способствовать войскамъ. Къ мирнымъ переговорамъ съ Швеціею принадлежатъ также, какъ я слышу, слѣдующія статьи. Первое, амнистія; второе, границы, не пріемля во уваженіе прежнихъ трактатовъ, остаются на такомъ же основаніи какъ и прежде. Третье, черта границы, которая нынѣ нѣкоторымъ образомъ спорна, будетъ проведена Россійскими и Шведскими комисарами. Четвертое, совершенное умолчаніе всѣхъ старинныхъ трактатовъ по заключенію мира съ Швеціею, что особливо произвелъ г. Армфельдъ, любимецъ короля, котораго подкупили. Теперь ни о чемъ болѣе ни говорятъ, какъ токъ о войнѣ съ Пруссіею. Основательно ли сіе предпріятіе или нѣтъ, то по крайней мѣрѣ извѣстно, что поводомъ къ тому послужили не токмо отзывы Императрицы, крайне огорченной противъ короля Прусскаго, но и

то обстоятельство, что многимъ войскамъ дано повелѣніе отправиться изъ Финляндіи въ Лифляндію. Къ сему присовокупляютъ и то, что часть оныхъ для скорости посылается туда на судахъ, а аммуниція на почтовыхъ коляскахъ. Все сіе по моему мнѣнію не можетъ служить доказательствомъ, что война съ Пруссіею должна неминуемо послѣдовать. Императрица во все время моего здѣсь пребыванія никогда хорошо о Пруссіи не отзывалась, а не смотря на то дѣла шли по прежнему. Если бы война между Пруссіею и Австріею началась, а Россія заключила съ Швеціею миръ, то я бы сему прежде повѣрилъ, что Россіане учинятъ нападеніе на Пруссію. Но теперь сіе невѣроятно: поелику Россія въ продолженіе войны съ Турками не могла побѣдить Швецію, то едва ли по заключеніи даже мира съ Портою, а не токмо нынѣ, рѣшится она напасть на несравненно бѣльшую силу Пруссіи. Впрочемъ походъ войскъ изъ Финляндіи въ Лифляндію ничего не значить. Въ Финляндіи не можно никакъ прокормить войска, а Лифлядія можетъ и въ мирное время прокормить по крайней мѣрѣ 14 тысячъ войскъ, хотя на бумагѣ назначено можетъ быть оныхъ и 27 тысячъ. Итакъ если сіи 14 тысячъ отправляются въ Лифляндію, то сіе производитъ великое сумнѣніе; но въ самомъ дѣлѣ составляютъ они только принадлежаніи къ сей провинціи гарнизонъ. Да и транспортъ на судахъ войскъ и аммуниціи на почтовыхъ коляскахъ ничего не означаетъ особеннаго. Безъ сумнѣнія хотятъ показать королю Прусскому, что его не боятся. При всемъ томъ не могу я здѣсь ни за что ручаться. Бездѣлки, также личныя обстоятельства, весьма удобны здѣсь подать предлогъ къ войнѣ. Да сверхъ того могутъ между Россіею и Австріею существовать постановленія намъ неизвѣстныя. Здѣсь все еще ласкаются получить скорѣ извѣстіе о мирѣ съ Турками: но если оный не заключится нынѣ,

то будетъ, можетъ быть, подлежать великимъ затрудненіямъ: поеліку Пруссія употребитъ все свое стараніе, чтобы не быть обманутою съ той стороны какъ съ здѣшней. По письмамъ изъ Лондона, не можно ожидать войны съ Испанією, однакожъ Англія намѣрена остаться вооруженною для поддержанія равновѣсія Европы. Я думаю, что въ назначеніи сюда Голландскимъ посланникомъ г-на Гоера или лучше сказать въ отзывѣ Голландскаго резидента Сварта находится Прусская интрига. Со времени насильственного участія Пруссіи въ возстановленіи спокойствія Голландіи, не могъ Свартъ скрывать своего неудовольствія къ Пруссіи. Графу Гольцу, преданному политикѣ противной Сварту и сказавшему ему нѣкогда: «если бы Пруссаки не пришли, то бы Голландія донынѣ не была спокойна, а теперь сія послѣдняя неблагоприятна, не говоря здѣсь столь сильно какъ Пруссія и Англія», отвѣтствовалъ онъ: «никто не спрашивалъ Пруссаковъ, они бы могли остаться, гдѣ были; что же принадлежитъ до моего тона, то оный сообразенъ моимъ предписаніямъ. Мы должны щадить Россію, потому что она намъ нужна на будущее время». Все сіе можетъ быть узнали въ Берлинѣ и произвели въ дѣйство таковой отзывъ. Пбо въ противномъ случаѣ была бы республика безъ сомнѣнія столько справедлива, что удостоила бы качества министра резидента, который около 40 лѣтъ оказывалъ болѣе пользы, нежели всѣ ея послы и посланники. Прусскій и Англійскій посланники еще и третьяго дня, какъ я извѣщаюсь, не получили отвѣтовъ. Первый однакожъ перемѣнилъ свое намѣреніе и оставляетъ еще здѣсь своего курьера.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга, отъ 23 Августа (3 Сентября) 1790.

Я осмѣливаюсь вмѣсто отвѣта на первую часть послѣдней денешнѣ вашего превосходительства, который нынѣ по причинѣ мира между Россіею и Швеціею оставляю, донести о слѣдующемъ. Теперь рассказываютъ, что король Шведскій изъяснилъ желаніе ознаменовать настоящую достопамятную эпоху замиренія съ Россіею посольствомъ, предложеніе, на которое, какъ сказываютъ, и Императрица согласилась. Со времени сего слуха ничего болѣе не говорятъ о назначеніи графа Румянцева посланникомъ въ Швецію, а вмѣсто его опредѣляютъ туда посломъ графа Стакельберга. Но справедливъ ли впрочемъ слухъ о союзѣ Швеціи съ Россіею, сіе узнаю я не прежде какъ въ будущій разъ. Можетъ быть, король и рѣшился бы по своему легкомыслію на таковій шагъ; но я думаю, что здѣсь, гдѣ и безъ того мало довѣренности къ нему имѣютъ, будутъ поступать осторожнѣе, а особливо, если слѣдующія обстоятельства подтвердятся. Я со времени отправления послѣдняго моего донесенія достовѣрно извѣстился, что къ мирнымъ условіямъ принадлежатъ еще два слѣдующія:

Швеція отрєкается отъ союза съ Портою, а Россія гарантируетъ всѣ Шведскія владѣнія и именно Шведскую Померанію. Если сіе дѣйствительно справедливо, то со стороны Швеціи въ разсужденіи перваго условія поступлено столько же неблагородно противу Турокъ, сколько въ разсужденіи послѣдняго неполитически противу самой себя; потому что Турки были первые вспомошествователи и друзья короля, а гарантія державы, превышающей силами, съ которою лишь только что кончена война, всегда опасна. Если же Императрица намѣрена заключить съ королемъ Шведскимъ союзъ, то по моимъ мыслямъ должно бы было ей устраниваться онаго въ разсужденіи легкости, съ каковою можно было уклонить его отъ союза съ Турками. А что она приняла гарантію Шведскихъ владѣній, сіе вѣроятно, и хотя оное показывается нарушеніемъ правъ Германіи, однакожь сіе бы было очень недурно, для удержанія нѣкоторымъ образомъ самопроизвольныхъ поступковъ Пруссіи, если бы именно упомянуто было о Помераніи. Хотя и трудно получить о семъ обстоятельстве свѣдѣнія, однакожь я не унущу употребить всѣ возможные старанія. Можетъ быть, имѣете ваше превосходительство случаи извѣститься о томъ подробно въ Нѣмецкой землѣ. Что принадлежитъ до дѣлъ Турецкихъ, то Императрица, для воспренятствованія третьей державѣ вмѣшиваться, приказала князю Потемкину возвратить все и даже Очаковъ, по разрушеніи онаго, съ его округою. Третьяго дня прибылъ отъ князя Потемкина курьеръ: имѣють ли его извѣстія отношенія къ воинскимъ дѣйствіямъ или же къ мирнымъ предложеніямъ, однако мнѣ кажется, что оныя были непріятны и что княземъ даже недовольны. Можетъ быть, сіи извѣстія суть дѣйствія Рейхенбахскихъ переговоровъ, о которыхъ въ половинѣ прошлаго мѣсяца можно уже было знать въ Константинополѣ. За двѣ-

надцать дней назадъ прибылъ также курьеръ отъ князя Потемкина, который привезъ надежду къ миру. Говорятъ даже, что князь уже и тогда бы заключилъ миръ, если бы не хотѣлъ вынудить у Турокъ собственно для себя знатной суммы денегъ. Курьеръ графа Гольца еще донинѣ находится здѣсь. Безъ сумнѣнія стараются выиграть время, дабы обольстить Пруссію; однакожъ графъ Остерманъ обѣщаль ему еще на выѣздѣ не дѣлать отвѣтъ.

Отъ Лосса къ Гельбигу изъ Дрездена, отъ 4-го Сентября 1790.

Депеши ваши по 47 № получены исправно. Извѣстіе объ окончаніи мирныхъ переговоровъ между Швеціею и Россіею было совсѣмъ неожиданно, и было таковымъ во всѣхъ мѣстахъ и по тому, что вы упоминаете о положеніи оныхъ, и по представленію, которое должно себѣ сдѣлать въ политическомъ отношеніи. По сей причинѣ должно непремѣнно думать, что весьма важныя политическія причины заставили короля Шведскаго рѣшиться на таковое внезапное предпріятіе. Я не хочу того отвергнуть, что подкушенія тѣхъ особъ, къ которымъ король имѣетъ наибольшую довѣренность, много тому способствовали; но какъ извѣстно, что сей государь не подвергается слѣпо сужденію другихъ людей, то вліяніе сихъ состояло, можетъ быть, токмо въ искусномъ употребленіи другихъ содѣйствующихъ тому обстоятельствъ, которыя, какъ мнѣ кажется, могутъ быть слѣдующими. Совершенная невозможность продолжать войну собственными силами даже до окончанія нынѣшней кампаніи, внутреннее возмущеніе въ королевствѣ и, наконецъ, неполученіе вспоможенія. Первые двѣ причины подтверждаются нѣкоторымъ образомъ повѣянными

пзъ Стокгольма пзвѣстіями, по которымъ существуетъ нѣ-
сколько мѣсяцевъ назадъ весьма великій недостатокъ въ день-
гахъ, совершенный упадокъ кредита и явное приращеніе не-
удовольствія къ королю. Можетъ быть, не имѣлъ онъ также
14-го числа Августа свѣдѣнія объ успѣхѣ Рейхенбахскихъ
переговоровъ, потому что въ таковомъ случаѣ едва ли бы онъ
рѣшился столь скоропостижно. Но какъ бы то ни было, те-
перь должно обратить наибольшее вниманіе на послѣдствія
таковаго происшествія. Первое можетъ быть то, что Императ-
рица употребить все стараніе, дабы заключить миръ и съ
Портою безъ участія другихъ державъ. Если притомъ, какъ
уже и графъ Нессельроде предварительно отозвался, принять
будетъ основаніемъ *status quo*, то г. Лашкаревъ, находящійся
нынѣ у верховнаго визиря, немного встрѣтитъ затрудненій для
окончанія своихъ переговоровъ: развѣ предпочтетъ Порта,
какъ то ожидать можно, миръ съ посредничествомъ и гаран-
тіею союзныхъ державъ. Если же, напротивъ того, Россія бу-
детъ домогаться какихъ-либо выгодъ и не изыщетъ средствъ,
дабы скорыми и рѣшительными мѣрами вынудить особенный
миръ, то не можно предусмотрѣть конца запутанности. Между
тѣмъ Польская республика поручила своему посланнику въ
Константинополь посилѣшить заключеніемъ союза съ Портою,
а Пруссія объявила, что она готова приступить ко всѣмъ
нужнымъ мѣрамъ противу Россіи въ случаѣ отказа отъ при-
стоймаго мира. На сей конецъ дано большей части Польскихъ
войскъ, стоящихъ на границѣ Галиціи, повелѣніе укрѣпить
корпусъ, при границѣ Россійской обрѣтающійся. Что касает-
ся до Англіи, то хотя меня и увѣряютъ, что сія держава въ
переговорахъ съ Россією поступаетъ съ Пруссіею единодуш-
но, но еще неизвѣстно, поступитъ ли она далѣе; потому что
несогласія ея съ Испаніею еще въ сумнительномъ положеніи,

Хотя по изъясненіямъ, учиненнымъ въ Мадридѣ 24 Іюля, Испанія и обѣщаетъ сдѣлать требуемое удовлетвореніе, и другіе пункты къ примиренію отлагаетъ до дальнѣйшаго изслѣдованія, почему Мадридскій дворъ и думалъ, что разоруженіе можетъ быть обоюдное; однакоже Англія не хочетъ лишиться себя выгодъ и старается многими убѣжденіями принудить Испанію соображаться съ намѣреніямъ и кончить поскорѣе дѣло. Вотъ по крайней мѣрѣ вѣроятнѣйшая причина выхода Англическаго флота, который 17 числа прошлаго мѣсяца снялся съ якоря и направилъ свое плаваніе къ Весту. Кажется, что между Пруссіею и Австріею на нынѣшнее время все рѣшено, послѣку обѣ продолжаютъ удалять отъ границъ свои войска; только у Егера остается Австрійскій корпусъ, дабы въ случаѣ нужды подвинуться къ Нидерландамъ. Въ Петербургѣ, по словамъ вашимъ, весьма негодуютъ на Рейхенбахскую конвенцію; но какъ по отзыву Австріи постановленіе о временномъ удержаніи Хотина основано на предварительно учиненномъ условіи съ Россіею, то сношенія между сею державою и Австріею требуютъ еще дальнѣйшаго изслѣдованія. Впрочемъ вамъ не трудно будетъ опровергнуть въ Петербургѣ слухъ о мнимомъ уничтоженіи княжескаго союза и о нейтралитетѣ Саксоніи.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга. отъ 27 Августа (7 Сентября) 1790.

Сего дня продолжаю я отвѣтствовать на послѣднюю денешу вашего превосходительства. Я не могъ столь подробно и обстоятельно извѣститься здѣсь о подписанныхъ въ Рейхенбахъ артикулахъ, какъ то ваше превосходительство меня увѣдомили. Съ того времени сказывали мнѣ, что изъ Гаги получены письма съ извѣстіемъ, якобы Пруссіи дворъ нынѣ учиненныхъ въ Рейхенбахъ постановленій не признаетъ довольно удобопріемлемыми и что, можетъ быть, по тому послѣдуютъ на новомъ конгрессѣ дальнѣйшія изъясненія. Однакожъ таковой слухъ требуетъ большаго подтвержденія; да я и не предвижу причины сему неудовольствію Пруссіи, развѣ токмо надлежитъ принять за справедливо то, что говорятъ, а именно, якобы Поляки оказываютъ великое негодованіе за то, что король Пруссій не доставилъ имъ части Галиціи, и что потому уваженіе Прусскаго двора въ Польшѣ чрезмѣрно уменьшилось. Договорились ли впрочемъ Австрія и Россія въ разсужденіи 4-го артикула Рейхенбахской конвенціи, сіе мнѣ неизвѣстно; то токмо достовѣрно, что по заключеніи той конвен-

ціи были здѣсь весьма недовольны королемъ Венгерскимъ и изъявляли явно сію чувствительность. Теперь, кажется, обстоятельства перемѣнились, и хотя Императрица не очень благосклонно показываетъ себя графу Кобенцлю, однакоже сей министръ хранитъ тѣсную связь съ здѣшнимъ министерствомъ, изъ чего я могу справедливо догадываться, что союзъ между Россією и Австрією еще все продолжается, и что король для удержанія сего дружества принесть Россіи тайную жертву, какъ я то въ донесеніи моемъ подъ № 50 уже замѣтилъ. Что же касается до учиненныхъ Нессельроду отъ Прусскаго двора отзывовъ, то всѣ мною о семъ собранныя свѣдѣнія въ томъ согласны, что Россійскому министру никакого изъясненія, ниже какого-либо подобнаго сему отзыва, не сдѣлано: также долженъ я сказать, что таковыя изъясненія были бы гораздо сильнѣе тѣхъ, которыя получилъ графъ Гольцъ съ послѣднимъ курьеромъ, и по поводу которыхъ выполнилъ онъ свое порученіе при здѣшнемъ дворѣ, изъясненія, о коихъ я имѣлъ честь донести вашему превосходительству въ денешнѣйшей моей подъ № 48 и за достовѣрность коихъ ручаюсь. Курьеръ графа Гольца еще здѣсь, поелику сей посланникъ на прошедшей недѣлѣ, какъ я тотчасъ думалъ, не получилъ еще отвѣта. Послѣдуютъ ли съ здѣшней стороны переговоры съ Пруссією, сіе весьма много зависѣть будетъ отъ поведенія Порты. То токмо извѣстно, что здѣсь тщательно оныхъ избѣгаютъ и продолжаютъ показывать, якобы ожидаютъ начатія войны съ Пруссією. О Россійской гарантіи въ разсужденіи владѣній Шведскихъ говорятъ здѣсь безпрестанно съ великою достовѣрностію. Что принадлежитъ до мнимаго союза Швеціи съ Россією и до мирныхъ переговоровъ на сторонѣ Турецкой или же до военныхъ дѣйствій въ тѣхъ странахъ, о семъ можно мнѣ будетъ говорить въ слѣдующій разъ.

**Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга, отъ 30 Августа
(19 Сентября) 1790.**

Настоящее мое донесеніе начинаю я описаніемъ дѣлъ Шведскихъ. Теперь уже ничего болѣе не говорятъ о взаимныхъ уполномоченныхъ министрахъ, а тѣмъ болѣе рассказываютъ въ тайнѣ о письмѣ короля Шведскаго къ Императрицѣ, которое сочинено въ самыхъ уничижительныхъ выраженіяхъ. Онъ говоритъ, между прочимъ, въ ономъ объ оскорбленіи, въ которое онъ ввергнулся своею безразсудностію и худыми совѣтами. Сіе письмо довольно, кажется, ясно показываетъ, что король долженъ былъ написать оное такимъ образомъ изъ благодарности: сія имѣетъ причиною деньги, коими Императрица принуждена была купить у него миръ, что весьма оскорбительно для дѣшней гордости. Меня увѣряли, что сумма сія простирается до 2-хъ милліоновъ; но я думалъ, что великія должны встрѣтиться затрудненія въ размѣнѣ оныхъ на Голландскіе червонцы. Сколь ни велика впрочемъ сія сумма, если оная дѣйствительно доставлена, однакожъ она очень недостаточна, чтобы выпутать короля изъ его замѣшательства: ибо я точно знаю, что онъ до начатія войны имѣлъ собственныхъ долговъ 3 милліона талеровъ. Говорятъ о союзѣ между Россією и Швецією, но въ оной заключаютъ и Данію и Испанію.

Увѣряють, якобы король Испанскій сдѣлалъ такое предложеніе; что Данія и Швеція хотя и безъ затрудненій на то рѣшились, но Россію къ тому склонить было весьма трудно. Вѣроятно, что и Австрія къ оному приступить, частію поелику, съ одной стороны, сіе согласно съ желаніями и правилами короля Венгерскаго и князя Кауница; частію же, съ другой стороны, поелику безъ приступленія Австріи сей великимъ кажущійся союзъ не можетъ быть весьма полезнымъ ни для Россіи, ни для Испаніи: ибо положеніе Даніи и Швеціи не обѣщаетъ существеннаго вспоможенія своимъ друзьямъ. Но о всемъ вышеозначенномъ нѣтъ еще достовѣрныхъ извѣстій. Здѣсь думаютъ, что распри между Англіею и Испаніею пресѣкнутся великими пожертвованіями со стороны короля Испанскаго. Я имѣлъ случай быть при разговорѣ между Испанскимъ министромъ и Французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, который кончился тѣмъ, что посланникъ сказалъ ему: «Теперь никакъ не можно болѣе вступать ни въ какіе трактаты, когда самые важные фамиліные пакты остаются безъ выполненія». Женеть отвѣтствовалъ: «Я думаю, что король Французскій не нарушилъ своего слова». «О! нѣтъ», говорилъ Гальвесь, «онъ не могъ нарушить, потому что, предусмотря вевозможность, не напоминали ему о сдержаніи оного». Разговоръ сей привожу я для доказанія, что Испанія не требовала отъ Франціи выполненія фамиліаго договора. О мирныхъ переговорахъ на Турецкой сторонѣ хотя и говорятъ весьма много, но мало достовѣрнаго. Сказываютъ, что верховный визирь перешелъ чрезъ Дунай и что князь Потемкинъ отправилъ къ нему на встрѣчу генерала Реннина съ 40 тысячами человекъ; также что сей князь находится въ Бендерахъ, которыхъ укрѣпленія разрушаютъ.

**Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга, отъ 3 (14)
Сентября 1790.**

Теперешнее донесеніе отправляю я къ вашему превосходительству единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы извѣстить васъ объ успѣхѣ переговоровъ Россіи и Пруссіи. 8 дней назадъ посланъ въ Берлинъ къ графу Нессельроду отвѣтъ на учиненное графомъ Гольцомъ здѣшнему двору изъясненіе. Два дни спустя былъ графъ Гольцъ на конференціи у вице-канцлера, введенъ въ конференціальную комнату и по выходѣ своемъ изъ оной, когда всѣ глаза обращены были на него, умѣлъ онъ столь худо овладѣть чертами лица своего, что можно было на оныхъ видѣть замѣнительство и неудовольствіе. Я послѣ извѣстия, что графъ Остерманъ на конференціи поступалъ хотя по своему обыкновенію довольно учтиво, но при томъ очень холодно. Онъ прочиталъ графу Гольцу отправленную къ графу Нессельроду денешу, въ которой нѣкоторымъ образомъ заключается слѣдующее: поелику князь Потемкинъ уже вступилъ въ мирные переговоры, то Императрица и не почитаетъ нужнымъ начать на конгрессѣ новыя. Она ничего болѣе отъ Порты не требуетъ, какъ токмо Очакова съ его

округою. Буде король Пруссій хотеть употребить свои старанія для склоненія на таковыя условія Порты, то она ему будетъ за сіе обязана. Меня увѣряють, что болѣе ничего не было въ Россійскомъ отвѣтѣ. Если же я еще что либо въ отношеніи къ сему узнаю, то не умедлю увѣдомить ваше превосходительство. Курьеръ графа Гольца уѣхалъ 11-го числа. По причинѣ недостатка въ новостяхъ не могу я ничего присовокупить къ сей депешѣ.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга отъ 6 (17) Сентября 1790.

Неоспоримо справедливо, что большимъ союзомъ, о которомъ я недавно говорилъ, нѣсколько занимались, ибо о семъ велѣлъ я вывѣдать у Датскаго резидента, который, какъ кажется, тому и не противорѣчилъ; однакожъ мнѣ сказываютъ, что союзъ между Швеціею и Россіею достовѣриѣ, хотя о семъ тайно, однакоже довольно общественно, говорятъ. Также извѣщенъ я достовѣрно, что Императрица въ тайномъ артикулѣ своего мирнаго трактата съ королемъ Шведскимъ обязалась не требовать отъ Порты другаго уступленія какъ токмо Очакова съ его округою. Сверхъ того, что сіе извѣстіе, какъ я уже упомянулъ, достовѣрно, подтверждается оное и даннымъ отсюда отвѣтомъ королю Прусскому. По случаю сего отвѣта долженъ я также присовокупить, что Императрица въ ономъ дала знать, что содѣйствіе короля Прусскаго, если бы онъ симъ заняться хотѣлъ, было бы для нея весьма пріятно, но что она впрочемъ желаетъ заключить миръ непосредственно. Нѣсколько дней назадъ возвратился отъ князя Потемкина курьеръ, посланный къ нему съ извѣстіемъ о заключеніи мира съ Шве-
 Архивъ Князя Воронцова XXVI.

цією, чрезъ котораго извѣстно, что, не взирая на полученное въ Турецкой арміи свѣдѣніе о рѣшеніи Рейхенбахской конвенціи, переговоры верховнаго визиря съ княземъ Потемкинымъ чрезъ то не пресѣклись. Между тѣмъ утверждаютъ съ нѣкотораго времени, что цюкогда не были здѣсь столь удалены отъ мира какъ нынѣ. Сей слухъ распространился, можетъ быть, потому, что князь Потемкинъ по обыкновенной своей политикѣ начинаетъ токмо теперъ военныя свои дѣйствія, дабы Турковъ благополучнымъ уснѣхомъ покорить своей волѣ, обстоятельство, о которомъ я уже прежде говорилъ. Сей князь сформировалъ для умноженія арміи новый корпусъ гусаръ. Онъ составилъ оный изъ такъ называющихся денщиковъ, которые давались въ услуженіе офицерамъ. Для полковника оставленъ токмо одинъ, а прежде имѣлъ онъ такихъ пять человѣкъ.

**Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга отъ 13 (24)
Сентября 1790.**

Вашему превосходительству памятно, что Англинской министръ получилъ чрезъ своего товарища въ Берлинъ изъ Лондона повелѣніе подкрѣплять здѣсь Прусскія предложенія. Онъ двѣ недѣли назадъ получилъ отъ двора своего непосредственно сіи самыя предложенія, которыя чрезъ нѣсколько дней и представилъ графу Остерману. Онѣ суть слѣдующаго содержания: король Англинской предоставляетъ здоровой политикѣ Императрицы разсудить, не лучше ли бы было послѣдовать примѣру Австріи въ разсужденіи Шорты. Впрочемъ если сія Государыня признаетъ за благо продолжать войну, тогда Великая Британія будетъ въ необходимости принять мѣры удобныя можетъ быть озаботить Императрицу.

**Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга отъ 17 (28)
Сентября 1790.**

Уже съ недѣлю назадъ носится слухъ, что Турки побили генерала Суворова; но какъ я доселѣ не имѣлъ достаточнаго сему подтвержденія, то и не осмѣлился о семъ упомянуть вашему превосходительству. Я онаго и теперь не имѣю и конечно бы умолчалъ еще, если бы побѣда Россіявъ не подала мнѣ для сего повода. Трудно рѣшить, будетъ ли сіе происшествіе способствовать миру. Если послѣ сего сраженія Императрица не возвыситъ своихъ требованій, а останется при Очаковѣ и его округѣ, то весьма вѣроятно, что сія побѣда совокупно съ продолжающимися переговорами князя Потемкина произведетъ въ дѣйство миръ, прежде нежели Пруссія успѣетъ противу сего принять мѣры; а особливо если справедливо то, что Лашкаревъ пишетъ, а именно, якобы верховный визирь весьма недоволенъ, что Порта не заключила лучшаго мира съ Россіею, а продолжала войну съ Австріею. Буде же Пруссія въ состояніи приступить еще къ мѣрамъ противу переговоровъ Россіи, то миръ по причинѣ великаго упорства Россіи еще и болѣе удалится, если не произойдутъ отъ того еще и большія затрудненія. Между тѣмъ, продол-

жаеѣ еще Россія безпрерывно переводитъ войска въ Лифляндію; но я думаю, что сіе дѣлается безъ всякаго намѣренія къ нападенію. То по крайней мѣрѣ извѣстно, что береговыя стороны Лифляндіи остаются безъ прикрытія, а Прусскія и Польскія границы заставлены. Чтобы сія армія, какъ увѣряютъ, простиралась до 40 тысячъ человѣкъ, сіе невѣроятно, и если истину сказать, то сіе при настоящемъ положеніи дѣлъ съ Турками невозможно. Обыкновенно подавалъ г. Витфортъ, если онъ имѣлъ что-либо предложить, выписку изъ своей депеши вице-канцлеру, который нѣсколько разумѣетъ поанглински, но въ прошедшій разъ требовалъ сей статскій министръ переводъ на Французскій языкъ, о существенномъ содержаніи чего я уже ваше превосходительство увѣдомилъ. Я ручаюсь за справедливость сего извѣстія, которое также и другимъ изъ Испаніи подтверждается. Именно пишутъ изъ Мадрита, что г. Фицъ-Гербертъ объявилъ графу Флоридѣ Бланкѣ, что, не взирая на перемиріе, Англія остается вооруженною, но намѣреніе оной клонится къ возстановленію мира въ Европѣ, почему Испанія и не должна симъ безпокоиться или же подозревать.

**Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга отъ 20 Сентяб-
ря (1 Октября) 1790.**

Я желалъ сообщить вашему превосходительству два примѣчанія на учиненныя недавно награжденія, которыя долженъ былъ выпустить изъ 57-го моего донесенія. Первое отлагаю я до секретнаго случая, а второе состоитъ въ томъ, что при сдѣланномъ графу Остерману награжденіи, которое и безъ того уже ничего не значить, ничего не сказано собранію, а въ разсужденіи другихъ истощены непомѣримыя похвалы. Графъ Остерманъ сдѣлался отъ того почти бѣшенымъ, и сіе-то и старались въ немъ произвести. Съ нѣкотораго времени говорятъ, что всѣми мѣрами стараются удалить вице-канцлера отъ дѣлъ, и что хотятъ ему дать титулъ великаго канцлера, но токмо одно названіе. Причиною же такового намѣренія полагаютъ слѣдующее, а именно, что вице-канцлеръ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ или по убѣжденію въ лучшемъ чемъ-либо, или же по недостатку въ знаніи, но всегда по честнымъ причинамъ противился хотѣнію князя Потемкина и перешелъ на сторону Зубова и графа Николая Салтыкова, который безъ сумѣнія своимъ простодушіемъ, отчужденнымъ всякаго ума, склонилъ къ себѣ графа Остермана. Черезъ то и другое на-

влекъ онъ конечно на себя неблаговоленіе князя Потемкина, которому противиться не можетъ. Безбородко при таковыхъ обстоятельствахъ поступилъ весьма благоразумно въ свою пользу; онъ сообразно желанію князя Потемкина старался замарать графа Остермана, но съ другой стороны согласовался съ Зубовымъ и Салтыковымъ столь хорошо, что они всѣ совокупными силами способствовали другъ другу доставить награжденія. Безбородко нынѣ съ княземъ Потемкинымъ въ столь тѣсной связи, что сей посылаетъ свои донесенія не къ правящему должности Военной Коллегіи президенту графу Николаю Салтыкову, но къ графу Безбородку. Стапельберга, который ежедневно бываетъ у Императрицы, употребляютъ орудіемъ для низверженія графа Остермана. Между тѣмъ извѣстно, что Стапельбергъ останется обманутымъ; ибо если и удастся удалить вице-канцлера отъ дѣлъ, то ни графъ Безбородко, ни князь Потемкинъ не допустятъ, чтобы человѣкъ столь надменный и столь заносчивый заступилъ такой важный постъ. Сказываютъ, что армія, собирающаяся въ Лифляндіи, простирается дѣйствительно до 36-ти тысячъ человѣкъ; при томъ достовѣрно утверждаютъ, что она въ случаѣ нужды подкрѣпится знатнымъ корпусомъ арміи князя Потемкина. Начальство въ Лифляндіи будетъ имѣть генералъ Пгельстромъ, а главное начальство надъ всѣми войсками, расположенными на границахъ Прусскихъ и Польскихъ,—князь Георгій Долгоруковъ. При всемъ томъ думаю я однакоже, что Россія не намѣрена напасть на Пруссію, а хочетъ токмо на всякій случай быть въ готовности. Генералу Палену, который вскорѣ отправится, дается небольшая канцелярія. Порученія его клонятся, какъ говорятъ, наипаче къ тому, чтобы начать предварительные переговоры о союзѣ между Россією и Швецією и о предварительномъ распоряженіи будущаго бракосочетанія

между великою княжною Александрою и Шведскимъ наслѣдникомъ престола. О первомъ предметѣ упоминалъ я уже прежде, а второй, кажется, не встрѣчаетъ также никакихъ затрудненій. Чрезъ таковой бракъ съ домомъ столь сильнымъ и съ государствомъ столь сосѣдственнымъ будетъ наслѣдникъ Шведскій въ разсужденіи своего рожденія, о которомъ клевета много говоритъ, признавъ нѣкоторымъ образомъ законнымъ, и владѣніе его Шведскимъ престоломъ утвердится; даже и законъ Греческій не сдѣлаетъ никакого тому препятствія. Можетъ быть, будутъ въ Швеціи столько равнодушны, что не потребуютъ перемѣненія закона; а если сіе и не послѣдуетъ, то Императрица слишкомъ разсудительна, чтобы захотѣла положить съ сей стороны препону счастью своихъ внучатъ. При семъ слѣчаѣ разсказывали мнѣ слѣдующій странный анекдотъ. Когда великая княгиня разрѣшилась отъ бремени младшею великою княжною, то плакала она и, разговаривая съ Императрицею, сказала ей: «Боже мой! Безпрестанно княжны, которыхъ замужству будетъ препятствовать законъ» Императрица отвѣтствовала: «Къ чему сіе? Всегда сыщутся для нихъ мужья; я перемѣнила законъ, вы перемѣнили, также перемѣнятъ оныя и княжны».

Сего дня ожидаю я токмо достоверныхъ извѣстій, дабы въ будущій разъ говорить нѣчто о Данцигѣ. Равнымъ образомъ буду я имѣть честь упомянуть объ одномъ важномъ анекдотѣ графа Герцберга.

Отъ Лосса къ Гельбигу изъ Дрездена отъ 2-го Октября 1790.

Денешні вашего превосходительства отъ № 48 по 55 здѣсь получены. Различно разсуждаютъ о мирѣ между Швеціею и Россіею. По 49-му донесенію кажется, что въ С.-Петербурѣ думаютъ, якобы король Шведскій сдѣлалъ ошибку, не возобновля прежнихъ мирныхъ трактатовъ, поелику чрезъ то получится полная свобода опровергнуть Шведскую конституцію; въ Стокгольмѣ же утверждаютъ, что чрезъ то пріобрѣтена великая выгода, ибо симъ образомъ отъемлется у Императрицы право вмѣшиваться въ дѣла Швеціи. Можетъ быть, въ обоихъ мѣстахъ судятъ справедливо. Гораздо важнѣе сей вопросъ. нѣтъ ли кромѣ обнародованнаго трактата еще какихъ-либо тайныхъ постановленій, а особливо въ разсужденіи союза на Сѣверѣ? Даже въ Стокгольмѣ и въ другихъ мѣстахъ не сумнѣваются о существованіи сенаратныхъ артикуловъ, и мнѣніе сіе въ самомъ дѣлѣ подтверждается неопредѣлительностію трактата, наипаче же 7-го артикула. Наиболѣе всего говорятъ о томъ, что Россія востребованный актъ безопасности гарантируетъ и королю Шведскому, обѣщала ежегодно производить на вспоможеніе денежную плату; Испанія же, чрезъ стараніе коеи миръ произведенъ въ дѣйство, обязывается не только гарантировать оный, но и заплатить Швеціи въ замѣну военныхъ издержекъ знатную сумму денегъ; наконецъ, утвер-

ждають, что сдѣланы дѣйствительно предварительныя условія о сближеніи трехъ сѣверныхъ дворовъ съ Испанією. А какъ сіе отчасти согласно съ вашимъ извѣщеніемъ, то и поручаю я вамъ обращать на сіи предметы тѣмъ тщательнѣйшее вниманіе, дабы оныя дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ довести до степени достовѣрности. Что принадлежитъ до Порты, то сказываютъ, что король настоялъ, чтобы условіе заключить съ оною миръ на основаніи status quo было присоединено къ трактату. Но какъ сіе было отвергнуто съ твердостію, то онъ и удовольствовался словесною до сего предмета касающеюся нотою, въ которой предположено уничтоженіе Очакова и Бендеръ и которую онъ принялъ за формальную декларацію. Сіе по видимому согласно съ данными князю Потемкину въ разсужденіи заключенія мира предписаніями, о которыхъ воспоминаете. По новѣйшимъ извѣстіямъ усматривается, что Россія не довольна условіемъ status quo; ибо до полученія послѣдней вашей депеши увѣдомляя я изъ Берлина, что отвѣтъ Россійскаго двора на предложенія Пруссіи и Англіи о мирѣ съ Портою тамъ получены и въ учтивыхъ выраженіяхъ содержитъ наипаче слѣдующее: Императрица нѣсколько времени назадъ сдѣлала Портѣ столь сходныя предложенія, что могла ожидать принятія оныхъ, а особливо когда она имѣетъ токмо предметомъ достаточную безопасность Россійскихъ границъ, которая, какъ къ тому присовокуплено, должна состоять въ отдѣленіи обѣихъ государствъ чрезъ Диѣстръ, и что она будетъ обязана королю Прусскому, если онъ по извѣстному его въ Константинополѣ вліянію будетъ способствовать таковому принятію. Поелику же такимъ образомъ формальное посредничество отлагается и о предложенномъ status quo не упоминается, а съ другой стороны верховный визирь отправилъ г. Дашкарева съ изъясненіемъ, что его предложенія неудобопріемлемы и что Порта

безъ посредничества своихъ друзей и союзниковъ на миръ не согласится. Да и султанъ, принявъ Рейхенбахскія предварительныя постановленія, велѣлъ обнародовать перемиріе и настоятъ на требованіи возвращенія всѣхъ завоеваній Россіи, включая въ оныя и Крымъ; развѣ одержанная адмираломъ Ушаковымъ надъ Турецкимъ флотомъ 28 и 29 чисель Августа побѣда и многія другія еще ожидаемыя произведутъ перемирію въ расположеніяхъ Турковъ. Но всѣмъ обстоятельствамъ удалены обѣ воюющія державы весьма далеко отъ примиренія въ таковомъ положеніи, и поелику въ Прусскомъ королевствѣ собирается армія 80-ти тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ генерала Мелендорфа, то дальнѣйшій оборотъ сихъ дѣлъ заслуживаетъ величайшаго вниманія, а особливо въ разсужденіи отношеній между Россіею и Австріею и мѣръ послѣдней изъ сихъ въ случаѣ разрыва Пруссіи съ первою, а особливо поелику вы упоминаете, что король Венгерскій своей союзницѣ обѣщалъ знатную сумму денегъ, буде война продолжится, и хочетъ сдѣлать большія жертвы,—обстоятельство, коего подробное изслѣдованіе отъ васъ ожидается. Поелику Англія хочетъ или можетъ подкрѣплять Прусскія демонстраціи или военныя дѣйствія, сіе будетъ зависѣть отъ рѣшенія дѣлъ съ Испаніею и Франціею, которыя, какъ кажется, наклоняются къ разрыву. Вѣроятно, что Испанскій министръ въ С.-Петербургѣ мало имѣетъ свѣдѣнія о сихъ обстоятельствахъ; ибо достаточно извѣстно, сколь усильно Испанія требуетъ выполненія фамилныхъ пактовъ, и какія рѣшенія Народное Собраніе по сему учинило. Послѣднія произвели въ Англіи сильное впечатлѣніе и подали походъ къ разнымъ изъясненіямъ съ Франціею, такъ что въ Лондонѣ даже думаютъ, что, можетъ быть, первое нападеніе учинятъ на сію державу.

**Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга отъ 24 Сентяб-
ря (5 Октября) 1790.**

Слѣдующее могу я сообщить вашему превосходительству яко достовѣрное извѣстіе. Король Шведскій заключилъ 31 Июля съ Пруссією, Англією и Голландією трактатъ, касающійся до вспоможенія и обѣщаль сѣмъ тремъ державамъ безъ ихъ посредничества не соглашаться на миръ, также въ тотъ самый день принялъ отъ нихъ 600 тысячъ червонныхъ. Нѣсколько дней послѣ того вступилъ сѣй государь въ переговоры съ Россією и по прошествіи двухъ недѣль заключилъ онъ даже миръ. Если сообразить сѣи поступки, то и не можно удивляться тому, что король Пруссій пишетъ къ графу Гольцу: «поведеніе Густава III въ разсужденіи меня есть непостижимо». При всемъ томъ однакоже продолжаетъ король Шведскій обольщать сѣи три державы. Такимъ образомъ, скоро по возвращеніи своемъ въ Стокгольмъ, что точно достовѣрно, сказалъ онъ г. Листону и графу Борку, якобы существуетъ секретный артикулъ мирнаго трактата съ Россією, чтобы Императрица при заключеніи мира съ Портою наблюдала *status quo* и возвратила Крымъ Туркамъ. Здѣсь отираваляютъ

отъ времени до времени деньги въ Швецію. Я знаю, что за мѣсяць назадъ графъ Безбородко взялъ вексель на десять тысячъ червонныхъ для заплаты предъявителю, который пересланъ въ Стокгольмъ. Недавно случившееся въ Данцигѣ происшествіе, безъ сомнѣнія уже извѣстно вашему превосходительству, однакожъ я почитаю за долгъ увѣдомить о томъ что я секретно узналъ. Поляки, производящіе съ королемъ Прусскимъ переговоры въ разсужденіи торговаго трактата, имѣвъ намѣреніе предложить сему государю, чтобы плата пошлинъ за всѣ ввозимые и вывозимые водою и сухимъ путемъ товары состояла въ двухъ процентахъ, а городъ Данцигъ платилъ бы какъ и прежде по 12 процентовъ, произвели, когда сей проектъ извѣстенъ сталъ въ Данцигѣ, общее негодованіе посреди гражданства, поелику такимъ образомъ паденіе города Данцига было бы неминуемо. Мѣщанство требовало, по сей причинѣ отъ Ратуши, чтобы она употребила свои домогательства у короля Польскаго и у Республики, дабы всѣ пошлины были уравнены и дабы жителямъ Данцига было возвращено все то, что у нихъ король Прусскій при раздѣлѣ Польши отнялъ. Если сіе не случится, то городъ покорится другой державѣ. А какъ Ратуша не могла на сіе дать удовлетворительной отвѣди, то мѣщанство собственными издержками отправило съ таковыми предложеніями одного депутата въ Варшаву. Агентъ города Данцига имѣлъ для сей причины конференцію у графа Остермана, который обѣщался довести о семъ высочайшему мѣсту. Говоря теперь о Польшѣ долженъ я упомянуть о томъ, что здѣсь разсказываютъ. Поляки издали декретъ, въ силу котораго хотятъ предупредить всякому будущему раздробленію ихъ государства, и король въ весьма чувствительной рѣчи просилъ свой народъ, чтобы еще при жизни его дать ему наследника, дабы послѣ своей кончины,

которой онъ по причинѣ слабаго здоровья вскорѣ ожидаетъ, избѣгнуть всякихъ распрей и всякой войны въ Польшѣ и сосѣдственныхъ государствахъ; послѣ того предложилъ онъ, чтобы просить его курфиршескую свѣтлость о принятіи наслѣдія престола.

Гольцъ получилъ, пять дней назадъ, штафету, которая 18-го Сентября отправлена изъ Бреславля. Содержаніе оной состоитъ въ томъ, что по письмамъ графа Лузи отъ 5-го числа сего мѣсяца Турки приняли перемиріе, но притомъ желали, чтобы мирный конгрессъ былъ въ Турецкомъ городѣ.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга отъ 24 Сентября (8 Октября) 1790.

Объ артикулахъ мира Россіи съ Швеціею узнають здѣсь мало по малу болѣе. Недавно сказывали мнѣ за довѣрно, что Императрица въ одномъ изъ оныхъ обѣщала королю Шведскому по заключеніи союзнаго трактата платить ему ежегодно по 500 тысячъ рублей. Россійскій дворъ старался сперва уменьшить сію сумму; но король увѣрилъ, что за меньшую не можетъ онъ Императрицѣ быть полезнымъ, и потому назначена ему наконецъ оная. Употребитъ ли впрочемъ король Шведскій сіе подкрѣпленіе единственно по волѣ Императрицы на содержаніе и умноженіе арміи и флота, въ томъ здѣсь даже сумѣваются, и кажется, что Императрица на выдачу сихъ денегъ для того согласилась, чтобы на будущее время обезпечить себя отъ сего непостояннаго монарха. Если могу вѣрить одному довольно надежному мнѣ сообщенному извѣстію, то король Шведскій, находящійся по причинѣ своихъ долговъ въ невѣроятномъ замѣшательствѣ, склонилъ государственныхъ чиновъ къ тому, чтобы признать его личвые долги за государственные, поелику его доходы несоразмѣрны съ его из-

держками и недостаточны для уплаты процентовъ долговъ его въ Польшѣ. Сказываютъ, объявилъ король Шведскій: что онъ достигнулъ своего намѣренія и потому заключилъ миръ, что Императрица оказываетъ къ Туркамъ великую умѣренность, и по сей причинѣ не будутъ они совсемъ угнетены; а онъ въ существѣ дѣла выполнилъ свою волю и сдѣлался вольнымъ. Если таковая декларація точно учинена, то всякому стран-нымъ покажется, что сей государь, дабы содѣлаться самодер-жавнымъ, почелъ за нужно начать изъ собственнаго побужде-нія съ своею сосѣдкою войну и ввергнуть свое государство въ крайнее положеніе. Я говорю, изъ собственнаго побужде-нія; ибо извѣстно, что Англія и Пруссія не были первыми, которыя его поощрили, а въ послѣдствіи былъ король Швед-скій подкрѣпляетъ отъ нихъ и совѣтомъ и дѣломъ. Здѣсь утверждаютъ, что извѣстіе о заключеніи на Сѣверѣ мира не нещріятно было Англіи, токмо недовольны тамъ были образомъ каковымъ заключенъ оный; да сіе и естественно.

Отъ Лосса къ Гельбигу изъ Дрездена, отъ 14 Октября 1790.

Упомянутая мною въ послѣдней моей донесеніи словесная по-
та, по которой Императрица обѣщала королю Шведскому при-
нять при замиреніи съ Портою основаніемъ *status quo*, имѣеть
совсѣмъ другой оборотъ; ибо по новѣйшимъ надежнымъ
извѣстіямъ усматривается токмо то, что графъ Остерманъ въ
письмѣ къ королю Шведскому увѣрилъ, якобы Императрица
готова примириться съ Портою на выгодныхъ для оной усло-
віяхъ, къ чему генераль Игельстромъ въ письмѣ къ барону
Армфельду присовокупилъ, что по принесеннымъ уже Портѣ
жертвамъ можно миръ съ оною почесть почти заключеннымъ.
Что же касается до слуховъ о союзѣ между Россіею и Шве-
ціею, если еще не условленномъ, то по крайней мѣрѣ предло-
женномъ, то оныя еще продолжаются. Хотя по отзывамъ
Шведскаго министра въ Варшавѣ и должно бы было думать,
что король дальнѣйшія по сему мѣрѣ остановилъ и сперва
изыскать хочетъ, гдѣ ему болѣе выгоды получить можно; но
какъ вы упоминаете о равномъ же мѣрѣи въ разсужденіи
таковой связи, и какъ прежде столь усильно производившіеся
переговоры о союзѣ между Швеціею и Польшею по заклю-

ченіи мира съ Россією совсѣмъ пресѣклись: то изслѣдованіе истины заслуживаетъ вашихъ продолжительныхъ стараній тѣмъ болѣе, что положеніе дѣлъ между Россією и Пруссією содѣлывается повидимому болѣе критическимъ; ибо съ одной стороны увѣдомляютъ меня, что г. Ланкаревъ возвратился въ лагерь верховнаго визиря и предложилъ ему при перемиріи выгоднѣйшія прежнихъ условія, съ тѣмъ однакожъ предположеніемъ, чтобы миръ заключенъ былъ безъ всякаго посредничества, и съ тѣмъ примѣчаніемъ, что по возстановленіи мира съ Швецією гораздо бы полезнѣе было для Порты принять таковое предложеніе; но верховный визирь, какъ говорятъ, отвѣтствовалъ, что ему подъ опасеніемъ лишенія головы запрещено вступать въ какіе либо переговоры безъ содѣйствія Пруссіи, и потому тѣмъ менѣе можетъ онъ выслушивать Россійскія предложенія, поелику султанъ требуетъ возвращенія Крыма. Съ другой стороны увѣряютъ, что князь Потемкинъ требуетъ отъ принца Кобургскаго, чтобы Валахію по выходѣ изъ оной Австрійскихъ войскъ отдать Россійской арміи. Наконецъ, не токмо изъ содержащихся въ денешахъ вашихъ извѣстій, но и изъ многихъ другихъ и именно нижеслѣдующихъ обстоятельствъ явствуется, что Россія еще не имѣетъ причину полагаться на подкрѣпленіе Австріи. Пруссійскій дворъ по полученіи отъ Россіи отвѣта на послѣднія мирныя предложенія велѣлъ спросить въ Вѣнѣ, какимъ образомъ тамъ поступить думаютъ, если бы Пруссія принужденною пашлась подать Портѣ дѣятельное вспоможеніе. На сіе отвѣтствовалъ князь Кауницъ, что въ таковомъ случаѣ король Венгерскій не откажется дать Императрицѣ пособія въ силу трактатовъ, не взирая на заключенныя въ Рейхенбахѣ постановленія, которыя относятся токмо къ войнѣ съ Турками, а не на случай, буде бы на Россію учинено было нападеніе отъ другой державы.

По сему неожиданному отзыву, который однакоже князь Кауницъ выдалъ за свое собственное мнѣніе, король Пруссійскій съ одной стороны поручилъ графу Герцу въ Франкфуртъ на Мейнѣ потребовать по прибытіи туда императора отъ находящихся при немъ министровъ яснаго изъясненія. съ другой же стороны приказалъ, чтобы исключая назначенныхъ въ Пруссіи войскъ все прочія къ войнѣ готовыя оставались на сей погѣ и чтобы полковыхъ лошадей не продавать. Въ ожиданіи отвѣта отъ императора все еще ласкаются, что сей государь не захочетъ учинить чего либо болѣе въ пользу Россіи, нежели для собственного своего интереса; а какъ впрочемъ думаютъ, что въ случаѣ разрыва съ Россіею разстроенные доходы Швеціи и Даніи не позволятъ симъ державамъ вступиться дѣятельно за которую либо сторону, то и полагаются тѣмъ болѣе на сильное вспоможеніе Англіи. Въ самомъ дѣлѣ кажется, что содержащійся въ послѣдней депешѣ вашей твердый отзывъ Витфорта подтверждаетъ сіе мнѣніе; а какъ по послѣднимъ моимъ извѣстіямъ изъ Мадрита тамошній дворъ въ разсужденіи недостатка въ нужныхъ для войны деньгахъ и безсилія Франціи особенно наклоненъ къ примиренію, да и Англія сама свои требованія уменьшила: то послѣдняя сія держава при удержаніи мира съ той стороны будетъ тѣмъ болѣе въ состояніи вспомошествовать Пруссіи сильнымъ образомъ.

Послѣдствіе времени однакоже должно болѣе все сіе обнаружить. Главное упражненіе ваше должно имѣть предметомъ оборотъ сихъ дѣлъ, иначе же должны вы обращать ваше вниманіе на бѣольшую или меньшую связь, существующую между обоими императорскими дворами. Между тѣмъ перемиріе между Портою и Австріею подписано 19-го числа прошлаго мѣсяца, и маркизь Лукезини прибылъ уже изъ Варшавы въ Вѣну. О мѣстѣ для конгресса еще ничего не рѣшено, потому

что Турки требуютъ, чтобы оный былъ въ ихъ предѣлахъ и потому предлагаютъ Руцукъ или Панчову; Австрійцы же напротивъ того Краюву или Бухарестъ.

P. S. То, что на сеймѣ въ Варшавѣ предложено было въ разсужденіи учиненія Польской короны наследственной и врученія оной по кончинѣ нынѣ царствующаго короля нашему всемогуществѣйшему государю и его потомству мужескаго пола, вамъ безъ сомнѣнія уже не безызвѣстно. По принятымъ его свѣтлостію правиламъ не могъ онъ имѣть въ томъ ни малѣйшаго участія, а довольствовался токмо быть зрителемъ всего происходившаго. Но когда главнѣйшіе члены конституціонной комисіи усильно приступили къ г-ну Ессену, дабы извѣститься въ разсужденіи сего о расположеніи курфирста, то сему резиденту сдѣлано слѣдующее предписаніе. Его курфиртская свѣтлость чувствительнѣе пораженъ опытами довѣренности, которые ему изъявила знатнѣйшая часть государственныхъ чиновъ; онъ не можетъ лучше обнаружить предъ лицомъ свѣта сего расположенія и участія, которое приѣмлетъ въ благосостояніи республики, какъ токмо отвѣчать таковой довѣренности откровеннымъ изъясненіемъ, покудаку именно приобрѣтеніе Польской короны кажется ему сообразнымъ съ правосудіемъ, съ благомъ республики и съ благоденствіемъ и спокойствіемъ наследственного его государства. Предварительно воспренятствуютъ его правила какъ вступленію его на престолъ, буде оный не сдѣлается пороженнымъ законнымъ образомъ, такъ и назначенію его въ будущіе наследники безъ полного согласія нынѣ владѣющаго короля. При томъ не можетъ его свѣтлость скрыть тѣхъ затрудненій, которыя дотолѣ встрѣчаться будутъ выполненію обязанностей его въ разсужденіи республики, доколѣ власть и уваженіе короля будутъ замыкаться въ единомъ представленіи лица его. Виро-

чемъ какъ по учиненному вообще для новой конституціи проекту, такъ и по 35-му артикулу онаго особенно, по силѣ котораго удаленіе его изъ королевства будетъ зависѣть отъ согласія трехъ кварталовъ собравшихся на сеймъ государственныхъ чиновъ, не можетъ онъ усмотрѣть, какимъ образомъ должно совокупить царствованіе въ Польшѣ его свѣтлости съ безпрестаннымъ его попеченіемъ о благосостояніи подвластнаго ему наслѣдственнаго государства. Да если всѣ сіи пренятствія и уничтожатся, то его свѣтлость для блага республики и для своего собственнаго успокоенія почитаетъ согласіе трехъ сильныхъ сосѣдственныхъ державъ Польши на наслѣдственность короны необходимо-нужнымъ. Хотя онъ совершенно постигаетъ независимость республики, однакоже признаетъ таковую осторожность весьма важною частию для обезпеченія образа правленія Польши, частию же для своего собственнаго положенія, которое отсовѣтываетъ ему основать конституцію на опасеніи, чтобы не принимать участія въ войнѣ и тѣмъ не нанести вреда своему наслѣдственному государству и своей нейтральной системѣ. Хотя король Польскій и показываетъ желаніе отдать наслѣдственность короны нашему всемилостивѣйшему государю; однакожъ положеніе дѣлъ съ того времени по толику перемѣнилось, что дѣло о наслѣдственности престола подъ рукою оставлено; напротивъ того 30-го числа Сентября рѣшено единогласно государственными чинами предложить на сеймѣ собравшемуся народу наслѣдникомъ престола его свѣтлость. Изъ молчанія, которое вы по дѣламъ Польскимъ наблюдаете, долженъ я заключить, что въ С.-Петербургѣ оныя скрываютъ, а изъ вышеозначеннаго, которое я единственно для вашего руководства сообщаю, усмотрите вы, въ чемъ состоятъ расположенія курфюрста, и въ сходственность сему должны вы отозваться о семъ токмо въ

нужныхъ случаяхъ и къ такимъ особамъ, съ которыми вы говорять обязаны; но притомъ должны вы тщательно избѣгать всего могущаго подать поводъ думать, якобы его свѣтлость домогается Польской короны или спрашиваетъ мнѣнія или совѣта у Россійскаго министерства. Сверхъ того должны сіи свѣдѣнія служить вамъ для наставленія, по которому имѣете вы благоразумно вывѣдывать расположенія тамошняго двора о семъ предметѣ, а особливо когда изъ большой свиты, которую съ собою привезъ г. Булгаковъ въ Варшаву и изъ его уривненія въ жалованіи съ графомъ Стакельбергомъ, не взирая на различіе министерскаго характера, заключается, что дворъ его не отложилъ мысли возстановить прежнее вліяніе въ Польшѣ.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга отъ 4 (15) Октября 1790.

Здѣсь назначенъ опять новый рекрутскій наборъ. Императрица въ изданномъ по случаю сего указѣ говоритъ, что, не взирая на мирныя свои расположенія и на часто сдѣланныя предложенія къ примиренію, она принужденною находится продолжать войну, а дабы сіе произвести въ дѣйство съ благополучнымъ успѣхомъ, какъ то доселѣ было, приказала она учинить новый рекрутскій наборъ по 4 человека съ 500. Я догадываюсь, что сей рекрутскій наборъ послѣдовалъ болѣе для Пруссіи, нежели для Порты. Многіе думаютъ, что съ сею первою державою точно дойдетъ дѣло до войны. Также дѣлаются на Польской границѣ, а особливо въ Лифляндіи великія приготовленія; на прошедшей недѣлѣ отправлено туда 125 пушекъ, а войска, если соберутся выѣстъ, будутъ простираться до 80 тысячъ человекъ. Императрица назначила даже генераловъ, которые въ сей арміи начальствовать будутъ. Они суть слѣдующіе: генералы-аншефы князь Георгій Долгорукій, графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, баронъ Игельстромъ, а генералы поручики, графъ Михайло Румянцовъ, Михайло *Сонсунзенъ*

и одинъ Россіянинъ, котораго имя мнѣ неизвѣстно. Если армія противъ Пруссіи и Польши будетъ дѣйствительно столь велика, или если она, какъ увѣряютъ еще умножится, то для сего потребно по крайней мѣрѣ много времени. Рекрутъ конечно не можно отпавить противу Прусаковъ, а надлежало бы ихъ послать къ Туркамъ, Потемкинскую же армію притянуть сюда, что бы стоило много времени. Съ другой же стороны дѣлаетъ король Пруссій, по полученіи отъ сюда войны предзнаменующихъ извѣстій, столь же важныя приготовленія. Армія его состоитъ уже изъ 60-ти тысячъ человѣкъ; но еще неизвѣстно, герцогъ ли Брауншвейгскій или генераль Уэдомъ или же графъ Генкель командовать будетъ. Не смотря на всѣ таковыя распоряженія и на общую молву о войнѣ, я однакожъ по примѣченнымъ расположеніямъ дворовъ С.-Петербурга и Берлинскаго могу утвердить, что войны не будетъ, развѣ сдѣланы какія либо тайныя между дворами С.-Петербургскимъ и Вѣнскимъ постановленія въ разсужденіи войны съ Пруссіею; мнѣ кажется, что здѣшній дворъ имѣетъ особую причину избѣгать войны, а она состоитъ въ недостаткѣ денегъ. Находящіеся здѣсь матросы и солдаты при всѣхъ торжествахъ не получали жалованья. Первые числомъ около 3000 человѣкъ отправили за педѣлю назадъ 300 человѣкъ депутатовъ, которые подъ окошками Императрицы подняли великій шумъ, и получили въ зачетъ жалованья малую выдачу. Отъ князя Потемкина прибылъ за десять дней курьеръ; по извѣстіямъ его отправился князь въ Севастополь для приведенія флота, понесшаго нѣкоторый вредъ, въ готовное состояніе; ибо онъ намѣревается въ нынѣшнемъ году дать еще морское сраженіе. Со стороны сухопутной арміи ожидаютъ также ежедневно извѣстія о сраженіи; а при всемъ томъ переговоры продолжаются. Испанскій министръ сказывалъ мнѣ,

что королева Португальская предложила разоруженіе флота. Если Англія не окажетъ себя къ тому наклонною; то Испанія объявитъ съ твердостію, что ничего боляе не уступитъ. Гальвесь говоритъ, что Испанія въ Европѣ и Америкѣ въ столь хорошемъ положеніи, что не имѣетъ ничего страниться; буде же послѣдуетъ разрывъ, то она можетъ положиться на вспоможеніе Португаліи. Сколь ни противенъ политикѣ таковой поступокъ Португаліи, однакожь вспоможеніе сіе весьма маловажно. Генераль Паленъ взялъ много наличныхъ денегъ, но токмо одинъ кредитивъ на 2000 червонныхъ. Графъ Разумовскій отправится токмо тогда въ Вѣну, когда получитъ достовѣрное извѣстіе объ отбытіи королевы Неаполитанской.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга отъ 11 (22) Октября 1790.

Военныя приуготовленія съ здѣшней стороны продолжаютъ безостановочно, хотя никто не знаетъ, будетъ ли война съ Пруссіею. Изъ рекрутскаго набора, по случаю котораго доставлены будутъ 84 тысячи человѣкъ, назначены противу Пруссіи 56 тысячъ, которые замѣнятся другими войсками; да и Башкиры, причинившіе въ Финляндіи столь много вреда, отправлены къ Прусскимъ границамъ. Также думаютъ, что Императрица приказала еще 10 тысячъ сихъ людей отослать туда же. На флотъ противу союзниковъ Пруссіи дѣлаются важныя приуготовленія. Число Россійскихъ линейныхъ кораблей простирается до 40, даже готовятся канонерскія шлюпки и пловучія батареи,—намѣреніе, направленное, какъ говорятъ, къ Прусскимъ берегамъ, чего я однакожь не могу порядочно изъяснить. Съ нѣкотораго времени примѣчаю я, что доводы противу надежды къ сохраненію мира получаютъ большую силу; однакоже я не могу совершенно себя убѣдить, чтобы война между Россіею и Пруссіею была неминуема. Теперь занимаютъ здѣсь разсказываніемъ случившагося у Данцига

происшествія, которое бы удобно могло подать поводъ неприязненностямъ между Россіею и Пруссіею, если бы при изслѣдованіи не нашли, что оное имѣло причиною недоразумѣніе. Когда генераль-поручикъ Сиренгтнортеъ приблизился на своемъ суднѣ къ Данцигу, то онъ отправилъ своего адъютанта на шлюпкѣ въ городъ, но до прибытія его туда былъ онъ Прусаками задержанъ и долженъ былъ дожидаться 36 часовъ. Между тѣмъ началъ генераль Сиренгтнортеъ очень беспокоиться, принесъ жалобу на таковой непристойный поступокъ въ мирное время и получилъ наконецъ своего адъютанта обратно; но разбирательствѣ того дѣла открылось, что неосмотрительность одного Прускаго офицера была виною сего случая. Вчера ввечеру былъ у меня Польскій посланникъ и прочиталъ мнѣ въ шифрахъ письмо, полученное на вчерашней почтѣ изъ Варшавы; оное нѣкоторымъ образомъ слѣдующаго содержанія. Король Польскій и народъ для избѣжанія случая къ будущимъ распрямъ рѣшили избрать королю Польскому уже нынѣ наследника престола; и какъ они при таковомъ предпріятіи намѣрены удалить всякія несогласія, то не примутъ никого кандидатами изъ тѣхъ государей, которые бы сами себя предложили; имѣя же при таковомъ назначеніи свое собственное благо предметомъ, они хотятъ обратить свое вниманіе на государя пріобрѣвшаго уже въ наукѣ правленія уваженіе всѣхъ народовъ. Въ слѣдствіе таковыхъ расположеній, побуждаемы будучи торжественнѣйшими желаніями Польскаго народа, хотятъ они предложить корону его курфиршеской Саксонской свѣтлости. Курьеръ князя Потемкина привезъ на сихъ дняхъ извѣстіе, что князь опять изъ Крыму возвратился. Ежедневно ожидаютъ извѣстія, что онъ дастъ большое сраженіе, къ которому онъ насъ пріуготовилъ.

**Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга отъ 15 (26) Ок-
тября 1790.**

Императрица, какъ говорятъ, съ нѣкотораго времени край-
не огорчается. Думаютъ, что кромѣ огорченія къ королю Прус-
скому неудовольствіе ея усугубится еще и болѣе послѣднимъ
письмомъ князя Потемкина; примѣчано, что при чтеніи того
письма, когда дошла до половины, бросила она его съ вели-
чайшею досадою, вскричавъ: замыслы сего дурака нанесутъ
мнѣ наконецъ еще и смерть; онъ сверхъ сего требуетъ опять
три милліона, какъ будто бы мои деньги неизчерпаемы. Негодо-
ваніе однакоже къ королю Прусскому превышаетъ всякое поня-
тіе, и сказываютъ, что Императрица позволяетъ употреблять са-
мыя вѣскія выраженія противу сего государя и не находитъ
причины щадить его, ласкаясь вмѣстѣ армію изъ 500 тысячъ че-
ловѣкъ. Несмотря на то, питаю я надежду къ сохраненію мира, и
хотя дѣйствительно, какъ я три дни назадъ о семъ упоминалъ,
доказательства противу сего усиливаются, однакоже я могу
по крайней мѣрѣ то подтвердить, что Россія, не взирая на все
таковыя отзывы, никогда не сдѣлаетъ нападенія; потому что,
какъ я и прежде говорилъ и доказывалъ, состояніе доходовъ

и арміи Россійской въ сравненіи съ Пруссією гораздо въ большемъ критическомъ положеніи, нежели съ Шведією, и потому что великіе источники Россіи, сколько оныя ни превозносятся, недостаточны даже были въ прошедшую Шведскую войну. Главнымъ доказательствомъ моему миѣнію служить и то, что всѣ приуготовленія дѣлаются токмо оборонительныя и что стараются между прочимъ особливо укрѣпить устье Двины, Юнгфернфортъ и Крейсбургъ и учинить ихъ со стороны моря неприступными. Также говорилъ недавно вице-канцлеръ Прусскому посланнику, чтобы онъ изъ назначенія въ Финляндію войскъ не почерпалъ какого либо подозрѣнія, потому что сіе есть слѣдствіе мѣръ его государя, и что онъ надѣется вскорѣ имѣть съ нимъ о семъ предметъ продолжительную конференцію. Какъ скоро сія конференція послѣдуетъ и я что либо узнаю, то ваше превосходительство получите на будущей почтѣ о томъ извѣстіе. Между тѣмъ долженъ я присовокупить, что отзывы графа Остермана слабо доказываютъ мое миѣніе; но сколь ни вѣроятно, что Россія на первое нападеніе не отважится, столько напротивъ того думать можно, что оное послѣдуетъ со стороны Пруссіи. Можетъ быть теперь, какъ я сіе пишу, учинено уже объявленіе войны; но крайней мѣрѣ достоверно то, что графъ Герцбергъ за двѣ недѣли сказалъ: если Императрица не приметъ status quo до войны, то король, кажется, рѣшился на войну съ Россією. Прусская армія, по полученнымъ оттуда извѣстіямъ, состоитъ токмо изъ 50 тысячъ человѣкъ, но 12 тысячъ находящихся въ Пецерскомъ округѣ получили повелѣніе быть въ готовности, дабы немедленно въ случаѣ нужды приблизиться къ границамъ. И здѣсь говорятъ тоже, что ваше превосходительство примѣтили, а именно, что генералъ Меллендорфъ по-

лучитъ нынѣ начальство; къ тому также присоединяють, что въ случаѣ войны будетъ командовать арміею герцогъ Брауншвейгскій. Гиттель отправится чрезъ мѣсяць Прусскимъ министромъ въ Митаву на одинъ годъ, или покуда настоящія дѣла продолжаться будутъ. Я о семъ извѣстился печально, но назначеніе сіе должно столь тайно храниться, чтобы здѣшній дворъ не прежде о томъ узналъ, какъ когда Гиттель будетъ уже въ Митавѣ. Чтобы сіе могло случиться, весьма я сомнѣваюсь.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга, отъ 22 Октября (2 Ноября) 1790.

Что ваше превосходительство о данномъ Россіею Пруссіи отвѣтѣ извѣстились прежде другимъ путемъ нежели чрезъ меня, сіе для меня весьма прискорбно. Между тѣмъ не могу я жаловаться на мои каналы; ибо и другіе министры не прежде меня о семъ извѣстились, а многіе и позже. Даже Витфортъ, посланникъ столь близкаго союзнаго двора, не прежде какъ по первой почтѣ послѣ отъѣзда Прусскаго курьера отправилъ тотъ отвѣтъ въ Лондонъ. А какъ всѣ извѣстія объ ономъ въ томъ согласны были, что содержаніе весьма сатирическое, то и старался я узнать, какія именно слова тамъ заключаются и увѣдомился, что въ заключеніи сказано такимъ образомъ: Императрица думаетъ, что еслибы король захотѣлъ употребить свои добрыя услуги, то бы ходатайство толико почтеннаго государя весьма удобно обратило Турокъ къ благоразумію. Король Шведскій въ разговорѣ съ Польскимъ посланникомъ, при дворѣ его находящимся, сдѣлалъ еще къ сему отвѣту Россіи прибавленіе, сказавъ, якобы Императрица требовала отъ короля Прусскаго, дабы онъ употребилъ свое вліяніе

въ Польшѣ для доставленія князю Потемкину владѣнія герцогствомъ Курляндскимъ, обстоятельство, о которомъ Императрица въ своемъ отвѣтѣ не помышляла, и которое давнобъ она, если бы хотѣла, могла произвести въ дѣйство своею собственною силою. Здѣсь говорятъ много о неудовольствіи Турокъ въ разсужденіи Рейхенбахской конвенціи; но извѣстія о семъ столь запутаны, и дѣло симъ столь затмѣно, что не можно ничего сказать съ достовѣрностію. Нѣкоторые утверждаютъ, якобы Турецкая армія не довольна, потому что желала лучше вести войну съ Австрійцами, нежели съ Россіянами; другіа говорятъ, якобы Гейденштанъ, не имѣя извѣстія о заключенномъ въ Верелѣ мирѣ, поощрялъ Турокъ изъ опасенія, чтобы они не заключили мира съ Россією безъ Швеціи; еще другіе увѣряютъ, яко бы Венгерцы негодуютъ на Рейхенбахскую конвенцію, и что если они въ семъ негодованіи пребудутъ, то Австрія намѣрена предоставить имъ однимъ войну съ Турками, въ убѣжденіи, что они довольно сильны для выполненія такового намѣренія. Сіе можетъ быть есть дѣло князя Кауника и имѣетъ можетъ быть отношеніе на декларацію его, о которой я упоминалъ въ послѣднемъ моемъ постскриптѣ и по поводу которой поручено графу Герцу въ Франкфуртѣ потребовать рѣшительной отвѣди. Наконецъ, удостовѣряютъ многіе, яко бы Турки пренятествуютъ Австрійцамъ свободную торговлю по Черному морю, что противно Рейхенбахской конвенціи, по которой все основано на *status quo*. Словомъ сказать, дѣла сін слишкомъ запутаны. Можетъ быть есть сіе дѣйствіе тайнаго участія какого либо интересующагося въ томъ двора. Я чрезъ третія руки на сихъ дѣлахъ извѣстился, что его курфиршеская свѣтлость совсѣмъ отказался отъ наслѣдства престола при жизни нынѣшняго Польскаго короля.

Россія домогается наби чрезъ посредство дома Гюнге займа въ Голландіи трехъ милліоновъ, которые 1 Февраля будущаго года будутъ выплачены и останутся въ Голландіи для заплата трехъ милліоновъ изъ 9-ти милліоновъ, которые достала баронъ Сметъ и которые въ приложенной къ 31-му моему донесенію таблицѣ назначены въ числѣ старинныхъ займовъ. Сроку платежу остающихся 6-ти милліоновъ отложенъ еще на нѣкоторое время. Императрица подъ рукою приказала, чтобы въ продолженіи настоящихъ дѣлъ никакой Россіянинъ не ѣздилъ во Францію, для воспренятствованія распространенію по Россіи духа возмущенія. Баронъ Фрншъ, находившійся здѣсь десять лѣтъ съ половиною, отправится по прошествіи двухъ недѣль чрезъ Польшу въ Саксонію.

**Отъ Гельбига къ Лессу изъ С.-Петербурга. отъ 25 Октября
(5 Ноября) 1790.**

На сихъ дняхъ получено здѣсь извѣстіе, что графъ Герцъ получилъ отъ императора весьма для Пруссіи пріятный отвѣтъ, въ которомъ сей государь объявилъ, что князь Кауницъ сказалъ нѣчто такое, что ему императору никогда и въ мысль не приходило: что онъ данное на Рейхенбахской конвенціи слово сохранять ненарушимо и никогда о томъ не помыслить, чтобы для частныхъ выгодъ другой державы подвергнуть себя сумнительной войнѣ, когда внутреннія безпокойствія нѣкоторыхъ его провинцій требуютъ величайшаго его вниманія и неутомимыхъ трудовъ о приведеніи оныхъ въ покорство. При томъ велѣлъ онъ королю Пруссескому сказать, что отзывъ князя Кауница должно признать слѣдствіемъ великой его старости, и потому какъ ради сего, такъ и ради великихъ услугъ, оказанныхъ симъ мужемъ Австрійскому дому, не можно отъ него въ разсужденіи сей ошибки потребовать отвѣта, а должно все сіе дѣло прейти молчаніемъ. Легко себѣ представить можно, сколь для здѣшняго двора неблагопріятенъ былъ сей отвѣтъ, котораго графъ Герцъ старается подъ рукою

разсѣвать. Я, кажется, примѣтилъ, что Императрица хочетъ изъяснить свое неудовольствіе графу Кобенцлю. Уже сіе служитъ признакомъ ея неблаговоленія, что она въ прошедшій маскерадъ съ нимъ не играла въ карты, что доселѣ всегда дѣлывала. Кобенцль при семъ случаѣ не могъ нечего иного учинить какъ токмо говорить, якобы думаетъ, что графъ Герцъ, истолковывая все Россіи противное образомъ полезнымъ, (что въ самомъ дѣлѣ и справедливо) и нынѣ послѣдовалъ ему своему правилу и далъ изъясненію императора совсѣмъ непріязненный толкъ. Между тѣмъ продолжаются военныя приготовленія непрерывно, и оныя или вовсе пресѣкнутся или же еще и болѣе усилятся, покольку сего взаимный отвѣтъ Пруссіи на отвѣтъ Россіи востребуетъ: но я думаю, что Пруссія, Англія и Голландія сперва спесутся и потомъ общію учинятъ декларацію. Три дни назадъ прибылъ курьеръ отъ графа Воронцова; сей безъ сумнѣнія привезъ извѣстіе о дѣйствіи, которое произвелъ въ Лондонѣ отвѣтъ Россіи. Въ Триестъ возвратился недѣлю назадъ курьеръ присланный сюда отъ Ланбро Качіонія для донесенія, что если получатъ токмо денегъ, то надѣется склонить на свою сторону всѣхъ Грековъ Архипелага. Отвѣтъ на сіе, какъ сказываютъ, былъ отлагательный.

Постскриптъ

Содержаціяся въ постскриптѣ вашего превосходительства извѣстія были для меня тѣмъ пріятнѣе, что я приведенъ теперь въ состояніе судить надлежащимъ образомъ о семъ дѣлѣ. Посланники Пруссійскій, Австрійскій и Польскій уже и прежде много мнѣ говорили объ отвѣтѣ его курфиртеской свѣтлости и просили, что если я что либо изъ Дрездена узнаю, то бы имъ сообщить. А какъ ваше превосходительство мнѣ сіе запрещаете, то я имъ токмо сказалъ, что все отъ васъ полученное подтверждаетъ токмо ими говоренное. Вирочемъ

могу я ваше превосходительство честно моею увѣрить, что я и мы все не прежде что либо достовѣрное о семъ перегово-
рѣ узнали, какъ 18 Октября, когда о томъ писано было къ
г-ну Деболою. Сперва говорили токмо о томъ какъ о простомъ
слухѣ, и тогда, какъ скоро извѣстнася, не упустилъ я упомя-
нуть вашему превосходительству въ 60-мъ моемъ донесеніи,
что миѣ тогда же сказали, что Императрица поведеніе курьера
въ семъ дѣлѣ весьма похвалила, но я о томъ умолчалъ, по-
тому что таковая похвала не умножить достоинства рѣшенія
его свѣтлости. Какъ скоро я между тѣмъ извѣщусь объ истин-
ныхъ расположеніяхъ Императрицы по сему предмету, то не
премину увѣдомить немедленно вашего превосходительства.
Отъ г- Булгакова прибылъ три дня назадъ курьеръ, привез-
шій довольно пріятныя извѣстія; увѣряють даже, что оныя
касаются нейтралитета Польши въ случаѣ разрыва между Рос-
сією и Пруссією. Но таковыи слухъ, противный союзу Поль-
ши и Пруссіи, требуетъ подтвержденія. При семъ препровож-
дается достовѣрное росписаніе суммамъ, назначеннымъ для
миссіи Россійской въ Варшавѣ во время графа Стакельберга
и нынѣ г-на Булгакова, росписаніе, могущее нѣкоторымъ обра-
зомъ объяснить нѣчто о переговорахъ Россіи въ Польшѣ.

Жалованіе графу Стакельбергу.	20.000 р.
Столовыхъ денегъ	24.000
За порто писемъ	800
На чрезвычайныя издержки	150.000
Жалованье г-ну Булгакову	10.000
Столовыхъ денегъ.	12.000
За порто писемъ.	800

Н. В. При выѣздѣ отсюда данъ ему кредитивъ на 50 ты-
сячъ рублей, адресованный на имя Теншера. Меня увѣдомать,
если онъ получитъ другой.

ПО ДЪЛУ БАРОНА АРМФЕЛДА.

**Réponse de la cour de Naples à la déclaration de la cour de Suède
sur l'affaire du baron d'Armfeldt.**

Il est parvenu au général Acton un paquet de monsieur Lagersverd, chargé d'affaires de Suède résident à Gènes, qui contient une note datée du 18 du mois passé, laquelle note accompagne une déclaration de la cour de Suède à celle de Naples, sur l'affaire du baron d'Armfeldt, dont il demande une réponse prompte et satisfaisante.

Le général ne s'arrête pas à faire observer au sieur Lagersverd le ton indécent et les expressions, dont il fait usage dans la surdite communication, pour le satisfaire d'autant plus tôt en lui donnant la réponse qu'il demande.

Le général ne peut cependant pas s'empêcher de parler de l'étonnement, avec lequel il a lu, que l'on appelle étrange la conduite de S. M. Sicilienne envers S. M. Suédoise, en accordant protection, bienveillance et soutien (telles sont les expressions de la déclaration) à un criminel d'état, tel que le baron d'Armfeldt, et en lui ménageant un asile sûr dans la capitale et dans la maison même d'un des officiers de sa cour.

De telles propositions avancées sans aucune réserve et aucun égard à la dignité de S. M. Sicilienne, sont aussi exagérées qu'elles sont éloignées de véritables circonstances de ce fait.

Si la cour de Suède avait mieux réfléchi aux termes de sa réquisition, et mieux considéré ceux de la réponse de S. M., elle se serait abstenue de blâmer la conduite de ce souverain, et elle aurait évité l'offense à son caractère et à sa dignité, dont elle attend réparation.

La cour de Suède demanda de laisser saisir le baron d'Armfeldt, par le baron de Palmquist dépêché à cet effet. S. M. Sicilienne avec sa modération naturelle se contenta de répondre à une proposition aussi étrange et inouïe, que le crime imputé au baron d'Armfeldt certainement méritait le ressentiment universel; qu'elle était convaincue de la nécessité d'une démarche qui avait pour but le maintien de la tranquillité des états de S. M. Suédoise; qu'elle n'aurait pas balancé un instant de concourir à ses vues et à sa réquisition, si les termes et la manière dont la cour de Suède avait personnellement chargé le baron Palmquist d'agir, ne compromettaient pas la dignité de S. M. et la tranquillité de ses propres sujets; qu'elle attendait toutefois que S. M. Suédoise voulut lui suggérer les moyens de la satisfaire, sans manquer à ce qu'elle se devait à elle-même.

Le public non plus que le baron d'Armfeldt ne furent pas informés de la réquisition de la cour de Suède, dans l'espoir que les moyens qu'elle indiquerait à S. M. en réponse, la mettraient en état de la satisfaire; on ne doit donc pas s'étonner, si en attendant, on a vu le baron d'Armfeldt se promener dans la ville, et

fréquenter la société comme auparavant, puisqu'il ignorait les dispositions de sa cour.

Dans le tems cependant qu'on observait ce silence, le lendemain de l'apparition du baron de Palmquist, la cour de Naples reçut des avis de Rome, qu'il en était parti trois assassins, conduits par un certain Benedetto Mori, envoyés par un certain Piranesi, agent de Suède à Rome à l'objet d'avoir le baron d'Armfeldt mort ou vif. S. M. Sicilienne fut indignée de cette nouvelle, qui venait confirmer l'intention des agens de Suède de vouloir insulter son territoire au mépris de toutes les loix et du droit des gens et dès qu'elle eut connaissance de leur arrivée par les rapports de la police, donna des ordres pour leur arrestation. On en prit deux, puisque Mori, informé de la capture de ses compagnons, se sauva sur le bâtiment suédois du baron Palmquist, lequel, honteux et confondu de la découverte d'un si noir attentat, dans lequel lui-même (quoique décoré d'un uniforme) devait concourir et y avoir part, partit promptement la même nuit pour ramener Mori sur la plage romaine.

Ceci n'est pas une invention ni une étrange interprétation, comme on l'a avancé dans la déclaration de Suède apparemment pour deguiser les manèges indécens de ses agens, et pour avoir le courage de déclarer, que ce n'a été jamais son intention de violer le territoire de S. M. C'est un fait déduit dans les tribunaux de la capitale, le procès que l'on a fait aux dits assassins, qui sont convaincus et ont avoué d'avoir reçu l'ordre de Piranesi, de se saisir du baron d'Armfeldt, mort ou vif. Ce n'est pas non plus la première fois, que la cour de Naples en fait mention, puisqu'elle en fit prévenir le chargé d'affaires Lagers-

verd avec beaucoup de bonne foi en lui faisant dire, qu'aussitôt que le procès serait compilé, on l'enverrait à Stockholm, à fin que cette cour pût voir la manière d'agir de Piranesi, et pour demander contre le même la satisfaction, qu'elle était en droit de demander. L'arrestation à Rome de Mori, qui n'a pas encore été traduit devant les tribunaux de Naples, a retardé l'expédition du procès (d'ailleurs déjà terminé) à la cour de Suède.

Qu'après qu'une commission aussi barbare et inhumaine s'était rendue publique, le baron d'Armfeldt ait cherché un asile pour sa sûreté personnelle au milieu de ses amis et de ses connaissances. Il n'est que trop naturel, puisque le désir de sa propre conservation est dicté par la nature et la cour devait d'autant moins s'en mêler, que ces précautions garantissaient son territoire des insultes et des attentats, auxquels il se trouvait exposé.

La cour de Naples devait encore moins faire attention à la résidence du baron d'Armfeldt dans la capitale, ou à son départ, pour aller se cacher dans quelque province dans des circonstances aussi dangereuses et aussi critiques pour lui dans un tems, où le baron, étant destitué de son caractère de représentant de la cour de Suède, était réduit à la qualité de simple particulier, et que les expressions d'amitié et de bonne intelligence de la susdite cour avaient été si étrangement blessées et démenties par le commissionaire Piranesi, et par le départ soudain et nocturne du baron de Palmquist du port de Naples.

S. M. Sicilienne, ferme et constante dans ses principes comme dans ses déterminations, incapable de manquer à qui que ce soit, ne souffre que quelqu'un tente

de la blesser dans ses droits et dans ses prérogatives, comme elle ne souffre sans réparation, que la cour de Suède la taxe de partialité dans l'affaire du baron d'Armfeldt. S. M. a toujours tâché de vivre en bonne intelligence avec tous les souverains, et puisqu'il plaît au roi de Suède d'interrompre avec elle toute communication, le roi des Siciles la déclare interrompue et ordonne à tous ses ministres, agens et consuls dans les cours étrangères de ne plus avoir aucun commerce ni communication avec ceux de Suède.

Déclaration de la cour de Suède à celle de Naples dans l'affaire du baron d'Armfeldt.

C'est au milieu des convulsions horribles, dont l'Europe à cette époque malheureusement se voit agitée, presque d'un bout à l'autre, c'est dans un moment où toutes les cours devraient paraître veiller à leurs communs intérêts plus religieusement encore que jamais, que celle de Suède se voit forcée à s'expliquer hautement et sans détour sur un événement tout aussi extraordinaire qu'offensant pour elle, mais qui cependant ne cadre que trop bien avec toutes les autres contradictions qui caractérisent nos jours et ce siècle aussi fécond en crimes qu'en lumières, et qui par là deviendra un énigme pour la postérité.

L'Europe, instruite déjà du funeste complot tramé par le baron d'Armfeldt, ci-devant ministre plénipotentiaire du roi près les cours d'Italie, ne doit pas ignorer l'étrange conduite qu'a tenue en cette occasion S. M. le roi des deux Siciles envers S. M. le roi de Suède, en accordant protection, bienveillance et soutien à un criminel d'état, tel que le baron d'Armfeldt, en

lui assurant asyle dans sa propre capitale, et dans le palais même du grand maître de sa maison, au mépris ouvert de tout ce que les souverains legitimes se doivent mutuellement en pareil cas, et des réclamations les plus justes et les plus amicales faites de la part de S. M. Suédoise pour obtenir l'extradition d'un traître à la patrie, chargé des forfaits les plus atroces.

La cour de Suède croirait descendre de sa dignité, si elle s'étendait ici davantage sur les crimes trop constatés du baron d'Armfeldt: il suffit maintenant qu'elle en connaisse elle-même toute l'étendue. Les preuves irrécusables qu'elle a entre les mains, seront assez publiques, lorsqu'en peu de jours le nom de ce traître sera placé d'une manière à ne pas beaucoup flatter ceux qui l'ont honoré de leur protection. L'on ignore, et l'on désire même de ne jamais pénétrer ce mystère, comment la cour de Naples a pu s'oublier au point à lui en accorder, ni comment ce Prothée moderne a pu réussir à fasciner de la sorte les yeux de cette cour, surtout à une époque aussi fertile que la présente en trahisons de tout genre, et lorsque la fuite même de ce baron, sans rappel, ni congé obtenu de son maître, déposait plus que suffisamment contre lui. Mais ce serait également à la dignité de la cour suédoise, qui depuis tant de siècles a su se maintenir dans son antique indépendance et conserver la considération distinguée qu'aucune de ses égales n'a jamais impunément tenté de lui contester, que de dissimuler plus longtems son juste ressentiment contre une puissance, avec laquelle elle a tâché de cultiver toujours la plus parfaite amitié, et à qui pourtant en cette occasion elle s'est en vain adressée pour s'assurer de la personne d'un traître, d'un sujet rébelle, qui avait juré

la perte de sa patrie et celle de l'administration légale, à laquelle il était assujéti.

S. A. R., monseigneur le duc-régent de Suède, s'étant saisi des preuves de la trahison du baron, et ayant fait arrêter à Stockholm ses complices, écrivit de sa propre main une lettre particulière et amicale à S. M. Sicilienne, et une autre pareille à son premier ministre le général Acton. Elle y donna connaissance du complot découvert, et demande à la cour de Naples avec confiance l'assistance, que les puissances européennes ne se sont jamais refusées jusqu'ici dans ces sortes de cas.

L'aide-de-camp général du roi, m-r le baron de Palmquist, chef commandant d'un vaisseau de guerre destiné à transporter le baron d'Armfeldt en Suède, fut chargé de remettre en personne ces deux lettres; il reçut à Gènes les ordres de se rendre en la plus grande diligence à Naples; il y vint; les lettres furent remises. L'effet qu'elles produisirent fut néanmoins, que le baron d'Armfeldt continua à jouir paisiblement dans la capitale de S. M. Sicilienne d'une parfaite liberté, se montrant en public et fréquentant les sociétés, comme si la mission du baron de Palmquist ne l'eût nullement regardé. A la vérité, ce dernier ayant, ou par mauvaise volonté ou par une négligence inexcusable, mis trop de lenteur dans son départ de Gènes, il en a encouru le juste ressentiment de son maître, et se trouve actuellement au bord d'un vaisseau du roi pour être transporté en Suède, et puis jugé par un conseil de guerre. Cependant la réponse de S. M. Sicilienne s'est remise par le chargé d'affaires de la cour de Madrid, m-r le chevalier de Morens, à s. e. m-r le

grand-chancelier de Suède, le baron de Sparre, ainsi que celle du général Acton.

La cour de Stockholm ne pouvait s'attendre à rien moins qu'à trouver dans cette réponse, que S. M. Sicilienne, bien loin de se prêter à la juste réclamation du roi, ne voyait dans la démarche de S. A. R. monseigneur le duc-régent, qu'une violation du territoire intentée avec le dessein formé de faire enlever par surprise le baron d'Armfeldt, d'où S. M. inférait que la dignité de la couronne avait été compromise. Or, une interprétation aussi étrange que fausse de la démarche franche, amicale et directe de S. M. Suédoise ne pouvait que singulièrement affecter une cour, comme celle de Suède, aussi peu accoutumée à recevoir des affronts qu'à les souffrir et dissimuler.

La cour suédoise déclare donc ici publiquement, que son intention n'a jamais été, ni peut être de violer le territoire de S. M. Sicilienne, en faisant enlever par force ou par surprise le baron d'Armfeldt. L'un et l'autre de ces soupçons, si on se l'est permis en effet, ne sont que trop évidemment détruits par les lettres mêmes, dont mention vient d'être faite.

La cour de Suède croirait très-superflu de rien ajouter, s'il n'intéressait à sa gloire, comme à sa dignité, de relever encore dans cette affaire un trait bien plus marqué de la conduite peu amicale de la cour de Naples envers elle, et dont S. M. Suédoise ne peut se plaindre trop amèrement. Les soupçons les plus atroces ont été sourdement repandus à Naples sur la conduite innocente et directe de sieur Piranesi, ministre résident du roi à Rome. Animé du zèle, dont tout homme honnête et vertueux s'enflamme, quand il s'agit de grands intérêts de son maître, et redoublant

d'efforts, quand il voit en danger imminent le bonheur, l'indépendance et le repos du pays qu'il sert, le sieur Piranesi n'a jamais démenti un instant dans cette occurrence les nobles sentiments, qui l'ont rendu digne en tout tems de la confiance que S. M. Suédoise a daigné mettre en lui; il n'a eu d'autre intérêt, d'autre désir dans sa place, que ceux d'être utile à son roi et à la Suède. Il avait reçu les mêmes ordres que les autres ministres, agens et consuls de Suède en Italie, comme par tout ailleurs, relativement au complot découvert du baron d'Armfeldt. Ces ordres lui enjoignaient de remettre au dit baron l'acte de sommation du parlement de Stockholm, qui l'appelait à comparaître devant son tribunal avant la fin d'un terme prescrit, et de requérir en outre main forte pour la saisie de la personne de ce baron dans tous les lieux, où il viendrait de passer. Le sieur Piranesi apprenant en même tems, que m-r d'Armfeldt restait toujours tranquille à Naples, a eu recours à des voies très-permises en ces sortes d'occasions, celles d'y envoyer des personnes sûres, propres à lui donner les lumières nécessaires sur les démarches et desseins du dit baron. Mais à peine s'y apperçoit-on des précautions aussi naturellement prises vis-à-vis d'un traître à la patrie par un ministre public légalement constitué tel par son roi dans un état voisin, qu'aussitôt un bruit à Naples est semé, que le baron se trouve entouré d'assassins, on arrête tous ceux qui avaient été munis de passeports du sieur Piranesi, on leur fait subir diverses sortes d'interrogatoires, on a recours à un misérable coureur, né sujet napolitain, qui venait de quitter le service du baron d'Armfeldt, et que l'on fait parler, selon usage, qu'on voulait faire des dépositions,

qu'on lui suggerait, et le bruit général se repand, que le baron d'Armfeldt avait couru le risque d'être assassiné par des gens gagés du ministre de Suède à Rome pour commettre ce forfait. L'on se permit même sans aucun égard pour le droit des gens partout ailleurs si reconnu, d'ouvrir les lettres de ce ministre, dans lesquelles cependant on ne trouve rien, qui justifie de pareils procédés, et pour connaître enfin, jusqu'à quel point la prévention se porte à Naples contre le sieur Piranesi, même dans les circonstances les plus légères, on observera ici en passant la censure, qu'un gentilhomme napolitain dut subir, pour avoir seulement, comme ami du sieur Piranesi, reçu sous son enveloppe une lettre très-indifférente de ce ministre adressée au sieur André, agent de Suède à Naples; et le général Acton put se permettre en parlant au chargé d'affaires de Suède en Italie, le sieur Lagersverd, l'inculpation contre le sieur Piranesi d'avoir compromis par là dans cette occasion le susdit gentilhomme napolitain.

La cour de Suède, très au-dessus de tant de manèges et forte de sa candeur, qui dans tous les tems a dirigé constamment ses démarches, sait parfaitement mépriser des soupçons destitués de fondement, lesquels retombent d'eux-mêmes, ainsi que toute autre calomnie injurieuse sur ceux, qui s'occupent et s'avalissent à les ourdir. L'innocence du sieur Piranesi doit être d'ailleurs d'autant moins suspecte dans cette affaire, que l'évidence même peut convaincre, que c'eût été rendre un très-mauvais service au roi, que de faire périr le baron d'Armfeldt en Italie, lorsqu'il importait essentiellement d'avoir sur les lieux mêmes les aveux de son crime, et de ceux de ses complices, les coupables jours du baron ne devant se trancher que sur

l'échafaud, où le conduiront tôt ou tard des forfaits aussi énormes que les siens.

Au reste, la très-grande facilité pour ces sortes de crimes que présente le pays, où m-r d'Armfeldt se trouvait lors, est assez généralement connue, où des entreprises pareilles échouent bien rarement, si on peut s'avilir à les commander.

Enfin, le baron d'Armfeldt, après avoir été ouvertement protégé dans la propre capitale de S. M. Sicilienne, après y avoir eu par ordre du gouvernement même une sentinelle à sa porte pour veiller à la sûreté de sa personne, trouve à propos de renoncer à son asyle: il prend sa course et passe par Vienne. Il s'y arrête plusieurs jours, et d'après le bruit public il y est logé à l'hotel même de l'ambassadeur de la cour de Naples près la cour Impériale, Royale et Apostolique.

La partialité plus qu'inouïe, avec laquelle la cour de Naples a procédé dans ce que ci-dessus vis-à-vis de celle de Suède, ne peut que fortement indisposer et révolter cette dernière à son tour: ce n'était qu'un simple acte de justice, que la Suède réclamait de S. M. Sicilienne, que S. M. Suédoise était bien en droit des requérir et d'obtenir de tout gouvernement policé, et que jamais les souverains, comme on l'a déjà dit, ne se sont refusés en cas semblable.

C'est donc la cour de Naples, qui a, par une conduite aussi inattendue que vraiment faite pour provoquer la Suède, renoncé gratuitement à l'entretien de l'amitié et à l'intimité avec S. M. Suédoise; conséquemment aussi le roi déclare que toute communication désormais cessera entre les deux couronnes respectives jusqu'au moment où il plaira à S. M. Sicilienne

de donner à S. M. Suédoise une réparation proportionnée à l'éclat de l'offense.

Le roi vient d'ordonner en attendant à tous ses ministres, agens et consuls de ne plus entretenir aucun commerce avec les ministres ou d'autres agens de Naples, partout où ils peuvent se trouver, jusqu'à l'époque où cette réparation sera donnée, et tout sujet du roi attaché au service de S. M. Sicilienne a ordre d'en sortir promptement sous peine de perte de tous ses droits dans la patrie.

La Providence au reste a mis assez de forces entre les mains du roi pour maintenir la gloire et l'honneur de la couronne, et pour se procurer à lui-même la juste satisfaction, qui lui est due; mais trop pénétré d'un sentiment d'humanité qui répugne à augmenter encore par de nouveaux malheurs ceux, sous lesquels l'Europe gémit déjà, S. M. Suédoise abandonne à S. M. Sicilienne d'aviser elle-même, si elle le juge à propos, aux moyens les plus sûrs pour réparer l'offense, et rappeler l'amitié et la bonne intelligence, qui ci-devant ont subsistées entre les deux cours. Le roi ne croit pas, que S. M. Sicilienne s'y refuse, surtout dans un moment où la forte vérité, „que quiconque protège les traitres, s'expose à périr soi-même victime de leurs attentats“, doit être plus que jamais présente à ses yeux, et justifier pleinement les plaintes bien fondées, auxquelles dans toute cette affaire la cour de Naples n'a donné que trop de lieu à celle de Suède.

NOTICES SUR LES MARTINISTES

Presentées en 1811 par le c-te Rostopchine à la grande-duchesse Catherine.

Il est tout aussi difficile de fixer au juste l'époque du commencement de la secte des martinistes en Russie que de nommer ses instituteurs. Les francs-maçons ont fourni la plus grande partie de leurs membres pour être initiés dans les nouveaux mystères. Un Bavarois nommé *Schwartz* fut le fondateur de la nouvelle association. Il resta son chef, et après sa mort son buste fut placé dans la salle de l'assemblée comme un objet de vénération et d'un culte particulier. Il s'associa avec un certain *Norikow*, homme de beaucoup d'esprit, hypocrite, pauvre, hardy, éloquent et connu comme éditeur d'un ouvrage périodique intitulé l'Ancienne Bibliothèque Russe, qui n'est rien autre chose qu'un recueil de plusieurs fragments d'histoire, d'actes et de cérémonies des anciens czars. On peut placer le commencement de la secte à l'année 1786; mais ses progrès furent si rapides et les fonds d'argent si considérables que l'an 1790 la société, qui prenait le titre magnifique de „bienfaisante“, acheta une maison qu'elle arrangea avec luxe pour tenir ses assemblées et éta-

blir une imprimerie destinée à mettre au jour les traductions des livres mystiques, et de ses propres ouvrages.

La loge principale, présidée après la mort de Schwartz par *Nowikow*, établit une correspondance directe avec toutes les loges-soeurs des pays étrangers. Elle envoya à ses frais des jeunes gens pour voyager, s'instruire dans les mystères, et acquérir des connaissances utiles à leur société: un certain *Kymyzoow*, homme d'esprit et fanatique, s'établit à Berlin, d'où il faisait des excursions à Hambourg, Brunswick, Saxe, Gotha et Munich; c'était le ministre, ou l'homme accrédité des martinistes de Russie auprès de ceux des autres pays. Cet homme, après avoir vécu quelque tems dans l'opulence, finit par mourir de misère en prison à Berlin pour dettes, que la loge de Moscou, après sa dispersion l'année 1792, ne fut plus en état de payer.

La quantité de personnes de tout rang et de tout âge qui composaient cette association, leurs dépenses, le nombre des prosélytes qu'ils faisaient chaque jour, les dépenses énormes, les dérangements de fortunes entières, et surtout l'air de mystère qui présidait aux réunions, attirèrent l'attention du gouvernement et de l'impératrice Catherine, ce qui la poussa fortement à découvrir le but et l'esprit de cette société, par la certitude que son fils, l'héritier du trône, avait l'air de donner son approbation à cet établissement et d'accorder sa confiance à un certain *Плетцеев*, placé auprès de lui comme secrétaire de la marine et zélé partisan de la nouvelle secte. La découverte des desseins pernicieux des illuminés, le procès de leur chef Weisshaupt, les rapports et les liaisons avec plusieurs moteurs de la révolution française, devenue l'épouvante des

souverains, décidèrent l'imp. Catherine à s'élever contre la société de martinistes dans ses états. Le prince Prozorowsky, gouv.-gén. de Moscou, eut ordre de faire surveiller les actions et la correspondance des membres de la nouvelle loge et d'agir ouvertement contre eux si le cas l'exigeait. Il eut des dénonciations, dont la plus forte fut celle du p-œ Gabriel Gagarine, alors conseiller privé et 1-er procureur au Sénat de Moscou. Cet homme, grand-maître de la principale loge des francs-maçons à Moscou, décidé à se joindre aux martinistes, ayant eu avis de la persécution qui allait éclater contre eux, prit le parti de se mettre à couvert en se faisant un mérite de dévoiler les secrets qu'il possédait; la crainte seule le rendait traître, car il était un de ceux qui professaient beaucoup d'attachement pour le gr.-duc Paul et qui se permettaient de fronder le règne de Catherine. C'était un homme d'esprit, versé dans les affaires, mais lâche, intéressé, dépravé, ivrogne, abîmé de dettes et perdu de réputation.

Pendant que le *prince Prozorowsky* cherchait à découvrir les projets des martinistes et se procurer des preuves certaines, on intercepta une lettre des illuminés de Bavière, adressée à *Нобуковъ*, écrite en style mystique et dont il ne voulut jamais donner l'explication claire. M-r *Олсуфьевъ*, conseiller de la chambre criminelle du gouvernement de Moscou, fut envoyé à la campagne de m-r *Нобуковъ* (où il résidait) pour l'arrêter et s'emparer de tous ses papiers. Il le trouva au milieu de la nuit occupé à écrire: il se soumit avec résignation aux ordres qui lui furent notifiés, sollicitant comme une grâce la permission de prendre congé de quelques jeunes gens, ses disciples. Ceux-là vinrent et donnèrent des marques évidentes d'un grand désespoir. Но-

ВИКОВЪ leur tint un discours, où il leur recommanda la sagesse, l'obéissance aveugle aux ordres suprêmes et le souvenir de ses actions; après il les bénit et partit pour Moscou. On emporta tous ses papiers, et on amena son médecin allemand, son ami, initié dans les mystères: mais celui-ci, le lendemain de son arrivée, se coupa la gorge, étant mal gardé. Parmi les papiers on trouva la liste des membres de la société des martinistes.

Носиковъ fut envoyé à Pétersbourg; on le mit d'abord à la forteresse, où il resta quelques semaines. Mais le p-ce Prozorowsky, ayant découvert par des traîtres de l'association qu'il y avait eu un souper où 30 personnes tirèrent au sort à qui poignarderait l'imp. Catherine et que le hasard désigna *Топухинъ*, en fit part. On interrogea là-dessus *Носиковъ* qui se renferma dans les négations, et fut transporté à Schlüsselbourg pour être enfermé dans une prison. Il fit beaucoup de farces en y entrant, se prosterna, remerciant le Ciel des châtimens qu'il lui infligeait, protesta de son innocence, assura qu'il supporterait tout pour l'amour du Sauveur etc.

Le prince Prozorowsky se donna beaucoup de peine pour connaître le but de la secte. Il découvrit ce qu'on découvre toujours dans les associations mystiques—quelques fripons adroits et des milliers de dupes. Ces pauvres esprits croyaient avoir des droits au royaume des cieux, où devaient les mener tout droit leurs directeurs, qui leur prêchaient le jeûne, la prière, l'aumône et l'humilité, en leur enlevant leurs fortunes pour épurer les âmes et les détacher plus facilement de la terre. Deux princes *Трубецкой*, deux frères *Походяшинъ*, un *Татищевъ*, un *Щенотьевъ*, un

Плещеевъ, furent victimes de leur crédulité; elle leur valut la perte d'une grande fortune et le repentir tardif d'avoir fait des sottises. Il parut un ordre de l'Impératrice, dicté comme tous les autres par la réflexion et la magnanimité, qui ordonnait aux Трубецкой et à Татищевъ de vivre dans leurs terres, en accordant le pardon à Лопухинъ par égard pour l'âge avancé de son père, vieillard aveugle de 80 ans. On remarque que jusqu'à la fin du règne de Catherine elle n'employa et ne distingua dans le service aucun des initiés, à l'exception du prince Репнинъ, qui par ses bassesses auprès du prince Потемкинъ et des favoris sut se maintenir tant bien que mal.

L'impératrice Catherine gardait chez elle plusieurs papiers importants relatifs à la secte des martinistes, telles que leurs listes, la lettre des illuminés de Munich à Новиковъ, les interrogations des principaux membres de l'association, la déposition et les aveux de quelques-uns de ceux qui ont tiré au sort à qui l'assassinerait. Toutes ces pièces étaient enfermées dans un carton blanc qui restait dans son cabinet de travail de St.-Pétersbourg, avec l'étiquette dessus: *Дѣло о мартинистахъ*.

L'emprisonnement du grand-maître Новиковъ, l'exil des principaux personnages de la société et la surveillance du gouvernement sur le reste frappèrent de terreur les plus enthousiastes; ils se dispersèrent et prirent le parti de remettre à un autre tems leurs réunions, leurs travaux et la confection de leur ouvrage. Les choses en restèrent là jusqu'à la mort de l'impératrice Catherine, qu'ils regardèrent comme leur mortelle ennemie, parce qu'elle traita avec clémence des sujets qui avaient conspiré contre son autorité.

A l'avènement au trône de l'empereur Paul, Плещеевъ, qui était resté constamment auprès de lui, parla de plusieurs de ses amis pour les employer comme des gens d'un mérite éminent et victimes de leur attachement pour l'Empereur. On fit venir Лопухинъ, qui eut la place de secrétaire d'état pour le civil. Карнѣевъ, vice-gouverneur d'Orel, destiné aux détails militaires, arriva un peu tard et se trouva fort heureux d'obtenir la place de gouverneur de Minsk. Le curé de l'église de l'Ascension à Moscou, homme de mérite, destiné à être confesseur de la famille impériale, fut attaché à la chapelle de la cour. Плещеевъ fut chargé des aumônes: ce fut lui qui par son esprit de vengeance contre l'impératrice Catherine suggéra à son fils l'idée de déterrer le corps de Pierre III, de le couronner au cercueil, de le placer sur le même catafalque avec son épouse et de l'enterrer avec pompe pour la seconde fois. L'empereur Paul ne vit en cela qu'une réconciliation opérée par lui entre les auteurs de ses jours après leurs morts et ne fit aucune attention à l'effet que devait produire un spectacle, qui rappelait la mémoire d'un forfait injustement attribué à l'impératrice Catherine et qu'un règne glorieux de 34 ans avait presque fait oublier à l'Europe.—L'apparition de l'archange Michel à un soldat en faction au Palais d'Été, qui lui ordonnait d'aller dire à l'Empereur qu'il devait bâtir une église dans cet endroit, des rêves expliqués, l'ordre envoyé au prince Prozorowsky d'aller sur ses terres, tous ces événements, qui se succédèrent dans l'espace de quelques semaines, et qui étaient autant de preuves de l'influence des martinistes, me firent prendre la résolution d'éclairer l'Empereur sur les suites qui pouvaient en résulter. Je saisis l'occasion d'une

promenade avec lui seul en voiture au Palais Taurique, lui ayant dit, sur son observation que Лопухинъ a été une bête, qu'il ne fut pas coquin comme ses compagnons de croyance; alors je m'étendis en observations: je lui fis part de la lettre de Munich, du souper où on tira au sort, de leurs mystères etc. Je vis avec plaisir que cette conversation porta un coup mortel aux martinistes, et fermenta dans l'esprit de Paul. jaloux à l'excès de son pouvoir et porté à voir des germes de révolution dans les moindres choses. Лопухинъ, après avoir écrit un seul oukase pour la pension d'une femme de chambre, fut renvoyé à Moscou, mais comme sénateur. Новиковъ, délivré tout de suite de la prison et que l'Impératrice eut la curiosité de voir, eut ordre de partir, et fut surveillé. Le prêtre s'en tint à la messe, et plusieurs perdirent leur crédit, devinrent nuls et l'objet des plaisanteries très-mordantes de l'Empereur. Il n'est pas étonnant qu'il changea d'opinion si vite: il y a une classe de gens et une espèce de services que les héritiers du trône aiment avant de régner, mais une fois souverains, ils éloignent et punissent même ceux qui s'étaient rendus nécessaires auparavant, et dont la récompense après doit être le mépris.

A l'avènement au trône de l'empereur Alexandre, les martinistes, sans être ni gênés ni persécutés, n'étaient pourtant pas réunis. Leur ancien grand-maitre Новиковъ, avec deux ou trois amis intimes, végétaient dans un village non loin de Moscou; ils n'écrivaient rien, mettaient beaucoup de prudence dans leur conduite, et il venait rarement à Moscou, où il logeait chez Ключаревъ. Il paraît même que la catastrophe qu'ils avaient essuyée sous Catherine les rendaient craintifs et méfians. Ce n'est que l'année 1806, à l'époque de la mi-

lice, que l'on vit cette secte lever la tête, reparaître et jouer un grand rôle dans les élections. Les p-ces Трубецкіе, Лопухинъ, Ключаревъ, le p-се Gagarine, Кутузовъ et des centaines d'autres firent des conciliabules où ils s'occupèrent préalablement des affaires très-importantes. Ils arrêtèrent que l'amiral Мордвиновъ, leur ancien collègue, serait nommé chef de la milice du gouvernem. de Moscou, et il le fut d'une manière scandaleuse et indécente, à la grande surprise de tout le monde: car sans vouloir rien ôter au mérite de m-r Мордвиновъ, il n'a jamais servi dans l'armée et n'aurait formé aucun soldat, par conséquent tout autre militaire (et il y en avait tant) lui aurait été préférable dans une circonstance critique, où il fallait en même tems enrôler, exercer et envoyer à l'armée des paysans pour défendre le pays. Les martinistes, non contents de cela, firent courir des bruits fâcheux, vendirent à la poste un livre mystique: *Тоска объ отчизнѣ*, et s'oublièrent au point qu'ils firent germer quelques idées sur la nécessité de changer la forme de gouvernement et sur les droits de la nation de se donner un autre maître. La police, trop occupée, surveilla peu leurs démarches, et laissa tomber les soupçons sans avoir osé rechercher les auteurs de ces bruits séditieux.

Les martinistes, voyant qu'on ne voulait ou qu'on craignait de les inquiéter, se rallièrent bien vite. Тютюминъ, quoiqu'un homme d'esprit, était trop faible et coquin pour entreprendre quelque chose; il craignait pour lui et ne se faisait craindre de personne. Le m-l Goudowitch est trop vieux, trop imbécile et trop mal conseillé pour se pénétrer de la nécessité urgente de sévir contre une société dont le mystère seul suffit

pour attirer de nouveau l'attention du gouvernement et produire une nouvelle dispersion. Suivant toujours la même marche, les martinistes ont illustré et grossi leur secte par des personnages marquants et les ont fait parvenir aux places importantes: ils ont à Pétersbourg le *c-te Razoumowsky, Мордвиновъ, Кариневъ, Алексеевъ, Даниуровъ*, et à Moscou *Лонгхувъ, Ключаревъ, Кутузовъ, Рунинъ, князь Козловскій и Позднеевъ*. Ils sont tous dévoués plus ou moins à *Espiransky* *), qui, sans être dans l'âme d'aucune secte et peut-être même sans aucune religion, se sert d'eux pour les affaires et les tient dans sa dépendance. Ils se réunissent à Moscou chez Ключаревъ; mais l'homme qui dirige le tout est un certain Позднеевъ, jadis directeur de la chancellerie du maréchal Чернышовъ, homme d'esprit, de moyens, affectant la pauvreté et l'humilité chrétiennes. Il a souvent des conférences avec Ключаревъ, personnage très-important de la secte, le coquin le plus impudent et le plus vil qu'il ait existé. Celui-ci était domestique du comte Шереметевъ. Placé dans la chancellerie de m-r Чернышовъ, il parvint au grade d'officier, fut nommé avocat du gouvernement de Moscou, chassé par une sentence pour avoir escamoté neuf procès et déclaré incapable à l'avenir d'occuper une place quelconque, oublié et méprisé à juste titre, il fut ensuite replacé au service comme maître de poste à Astrakhan par la protection de m-r Pestel, sous le règne de Paul. Là il fut impliqué dans une horrible histoire d'empoisonnement d'un cassier de la chambre du trésor. M-r Трошинской le fit passer de Тамбовъ à Moscou, où il

*) Сохраняемъ эту любонитно-Французскую форму имени знаменитаго Сперанскаго.

est directeur de la poste, faisant la contrebande, volant l'Empereur, ouvrant les lettres, maltraitant les employés et jouissant de la protection du maréchal qu'il trompe et d'Espéransky qu'il encense. Les autres membres distingués de la secte sont Лопухинъ, l'homme le plus immoral, ivrogne, livré à la crapule, révoltant la nature même par ses goûts, ayant 60.000 de rentes, et ruinant des familles entières qu'il ne paye pas après avoir emprunté leur argent; griffonnant des livres mystiques, donnant l'aumône d'une main au pauvre et chassant de l'autre ses malheureux créanciers. Кутузовъ, espèce de la police sous Paul, bête, vil, ayant tous les vices du bas peuple, grand martiniste, endoctrinant les jeunes gens et malheureusement chef de l'université de Moscou. Outre ceux que je viens de nommer, la secte a possédé et possède encore une grande quantité des gens d'esprit, inconnus dans la société, qui se trouvent dans toutes les classes et s'occupent uniquement à propager leurs principes. Ils cachent leur dessein sous le voile de la religion, de la charité et de l'humilité. Ils boivent, mangent bien, sont adonnés au luxe et à la volupté, et cependant ne parlent que de continence, des privations et des prières. Par là ils font des dupes et de l'argent. Leurs livres promettent des rapports avec le Créateur à toute créature qui se dépouillera par la méditation des passions et des idées mondaines. La conscience se nomme chez eux église intérieure, et tout martiniste est censé la porter dans son sein. A en juger par le secret dévoilé des illuminés de Bavière et par ce qui s'est passé à Moscou, leur but est une révolution pour y jouer un rôle à l'instar des misérables qui ont perdu la France

et qui ont payé de leur mort les troubles qu'ils firent naître.

Les réflexions qui se présentent sur leur compte sont très-simples: s'ils sont chrétiens, pourquoi prêcher de nouvelles doctrines, pourquoi substituer aux livres simples et éloquens de la religion divine des ouvrages mystiques que chacun explique à sa manière et qui égarent au lieu d'éclairer? S'ils ne sont que charitables, pourquoi le mystère? La modestie peut vouloir cacher les oeuvres de la bienfaisance, mais l'homme de bien ne prendra jamais le masque de l'hypocrisie. S'ils sont humbles, pourquoi faire parade de misérables aumônes, briguer des places, des distinctions etc.? S'ils sont sujets fidèles, quelle nécessité de faire naître le soupçon et d'attirer sur soi l'attention du gouvernement; pourquoi marcher tête baissée, parler à voix basse, et se défendre avec humeur de l'imputation d'être de la secte et avoir honte de lui appartenir, lorsque l'homme de bien jouit du droit de ne craindre rien ni pour ses actions, ni pour ses paroles, encore moins pour ses pensées? Je ne sais quels rapports ils peuvent avoir avec des autres pays: mais je suis persuadé que Napoléon, qui fait servir tout à ses desseins, les protège et tirera un jour un grand parti d'une association aussi méprisante que dangereuse. On verra, mais trop tard, que leurs projets sont non pas une chimère, mais une réalité, qu'au lieu d'être la fable du jour ils veulent jouer un rôle dans l'histoire et que cette secte est une ennemie perfide des gouvernements et des souverains.

ДОПОЛНЕНІЕ.

Копія съ письма къ государственному канцлеру графу М. Л. Воронцову отъ генераль - поручика Панина, изъ Стокгольма отъ 9 Іюля, полученнаго въ 20-й день Іюля же 1759 года.

Вчерашняго числа, отъ трехъ часовъ пополудни до третьяго часа сего утра, былъ здѣсь пожаръ съ жестокимъ вѣтромъ, и пламя пожрало большую и лучшую часть предмѣстья, называемаго Зюдъ, гдѣ я со всею Россійскою миссіею имѣлъ свои квартиры, церковь и лавки съ нашими товарами. Сначала пожара мой домъ сталъ быть въ опасности, а настоящаго лѣтняго времени отсутствіе изъ города всѣхъ повелителей, и недостаточные обряды съ худою дисциплиною при такихъ общихъ злоключеніяхъ, столько же и какъ вѣтръ, способствовали сему несчастію. Итакъ, претерпѣвая теперь совершенную растроицу и собственной убытокъ, имѣю однакожь, къ утѣшенію моему счастье и удовольствіе всенижайше донести вашему высокографскому сіятельству, что находящіяся въ моихъ рукахъ дѣла съ архивою Ея Императорскаго Величества всѣ благополучно сохранены.

Къ моему несчастію и къ увеличиванію опасности моихъ бумагамъ, я самъ объѣдалъ за городомъ, а по возвращеніи нашеть уже весь домъ въ конфузѣ. такъ что ихъ спасеніе я долженъ единственно наивеличайшей ревности и попеченію господъ Стахѣва и Местмахера, кои, все свое предавъ жребію счастья, работали съ несказаннымъ трудомъ собственными руками о сохраненіи канцеляріи. Также, милостивой государь, я не могу умолчать о дружескихъ услугахъ мнѣ при семъ происшествіи оказанныхъ господами министрами Датскимъ и Польскимъ; они бы истинно болѣе трудовъ и стараній приложить не могли въ приключеніи подобнаго несчастія своимъ собственнымъ домамъ. Другіе министры были все за городомъ. Равно долженъ отдать я справедливость господину сенатору Генкпу, который хотя поздно возвратился съ генераломъ Ливеномъ изъ Дроттингольма, однако же подалъ, и подавать по сей часъ продолжаетъ, всякую потребную въ моихъ обстоятельствахъ ассистенцію.

Что же касается, милостивой государь, до моихъ пожитковъ, они отъ огня спасены; но по несказанной скорости распространенія огня, я въ не состояніи сказать, какъ ихъ собираю изъ разныхъ мѣстъ, и въ какой цѣлости: ибо они развезены и растащены съ такою поспѣшностью, что многія вещи, вынесенныя на дворъ и на улицу, зажигались еще на мѣстѣ искрами.

Ваше высокографское сіятельство меня милостиво извинить изволите, что я съ сею почтою оставляю въ молчаніи другія обстоятельства сего несчастнаго приключенія здѣшней столицы. Вы, милостивый государь, изволите сыскать о томъ извѣстія въ письмахъ чужестранныхъ министровъ съ сею почтою; я же по сей часъ нахожусь еще въ крайней расстройствѣ, не имѣя при себѣ ничего. Все мнѣ принадлежащее

въ разныхъ упражненіяхъ обращаются и пекутся о отстоя-
ніи годовой моей провизіи въ погребахъ, вина, дровъ и сѣна,
чего изъ дому вынести было невозможно; а внутри его огонь
еще и теперь горитъ. Посланныкъ господинъ баронъ Поссе
также прегериваетъ знатной убытокъ потерянiемъ своихъ
оставшихъ мобилій въ домъ покойнаго севатора Поссе, кото-
рый совсѣмъ погорѣлъ. Меня взялъ подъ свою кровлю мой
бабушка, господинъ Финлей, что теперь мнѣ подаетъ большую
отраду: ибо, милостивой государь, я гораздо нездоровъ, а
теперь предъ двумя днями еще кровь такъ разгорячилась, что
каждое утро и вечеръ сынъ имѣю по всему тѣлу.

Впрочемъ вторично всенижайше прошу милостиваго изви-
ненія, что сіе письмо своею поспѣшностью много оказыва-
етъ то смятеніе, въ которомъ я нахожусь.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ КНИГИ

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Абернромбій 47.
Августъ III-й 57.
Авдѣева Екатерина 10.
Антонъ 485, 491, 492, 494.
Акчуринъ 257.
Александра Павловна великая
княгиня 456.
Александръ I-й 503, 506.
Алексіановъ 259.
Алейсѣвъ 505.
Али-бей 161.
Алфимовъ Дм. Ѳеодор. 15.
Алханъ князь.
Альштримъ врачъ 61.
Амвросій архіеп. Казан. 365—
368.
Амгерстъ 46.
Амело 213.
Амурадъ 336.
Ангальтъ Бернбург. принцъ 115.
Ангальтъ графъ 259.
Анрепъ 257.
Апрачсинъ 253.

Аргамакѡвъ 257.
Аржанталь (д') графъ 185, 188,
197, 202, 205.
Армфельдъ баронъ 65, 431,
434, 485—496.
Артуа (д') графъ 185, 199.
Архаровъ 257, 354.
Асебургъ баронъ 107.
Ахматовъ 382.
Ахметъ ханъ 380.
Ашъ баронъ 66, 420.

*

Бабинъ Ив. Мих. 18.
Бабурскій Мих. 7.
Бавынинъ Василій 11.
Бакунинъ П. В. 9, 13, 32, 158,
161, 171, 223, 259.
Балашевъ 259.
Балкъ-Полева Марья Пав. 120.
Балле де Сенъ-Симонъ 124, 125.
Бартъ 198.
Барятинскій князь 258.

Бахметевъ 27.
 Бахметьевъ 258.
 Бевернскій принцъ Іоаннъ 33.
 Безбородко графъ А. А. 223,
 257, 365, 455, 461.
 Бекетовъ 255.
 Беклешовъ 327.
 Бергъ 96.
 Бернесъ графъ 56.
 Бернисъ кардиналъ 374.
 Берхъ 258.
 Боасъ банкиръ 168, 172.
 Бово князь 185.
 Богданова 257.
 Бордъ (де ла) 216.
 Борзовъ 110.
 Боркъ графъ 413, 460.
 Бражникова Мавра 13, 14.
 Бражниковъ Ів. 13, 14.
 Бранденбургскій курфюрстъ 421.
 Браницкій 105.
 Браницкій гетманъ 119.
 Браницкій графъ 257.
 Брауншвейгскій герцогъ 472,
 478.
 Бризаръ 191.
 Бринкъ 110, 120, 163.
 Бриль 107.
 Броунъ графъ 25, 255.
 Бруннеръ 336.
 Брюсова графиня Праск. Алек-
 сандровна 255.
 Брянчаниновъ 378.
 Булатъ-Шахъ-ага 92.
 Булгаковъ 470, 484.
 Бутурлинъ 369.
 Бутурлинъ 11.
 Бухгольцъ Карлъ 25.
 Бѣлоусовичъ Кирилла 11, 12.
 Броунъ 397—400.
 *
 Ваньеръ 181—224.
 Варавкинъ 92, 93,
 Варикуръ 184.
 Васильчиковъ Ал—дръ 359.

Вейсгауптъ 498.
 Веревинъ Ілья Ів. 15.
 Вержень 374.
 Веселицкій 81—83, 85, 87—89.
 Веселовская 325—329.
 Вестрисъ 191.
 Вилларсо 203.
 Вильвель маркизь 184, 18:
 194, 195.
 Вильетъ маркизь 183 — 188,
 192, 193, 196, 197, 199, 209,
 214, 220, 222.
 Виртембергскій принцъ 259.
 Витфортъ 403, 407, 415, 418,
 431, 453, 467, 479.
 Вобанъ 321.
 Воейкова 308—314.
 Воейковъ Ів. 351.
 Воейковъ Федоръ Александровичъ
 308—314.
 Волковичъ графъ 258.
 Волковъ 257.
 Волконскій князь 160.
 Волконскій князь 258.
 Волконскій князь 258.
 Волконскій князь Мих. Никит.
 228, 229.
 Волконскій князь Никол. 258.
 Волинскій Артемій 58.
 Вальтеръ 181—224.
 Воронцова графиня Анна Мих.
 61.
 Воронцова графиня Марья Ар-
 темьева 58.
 Воронцовъ графъ 257.
 Воронцовъ графъ А. Р. 32, 166,
 178, 182, 223, 225, 365—368,
 369—376.
 Воронцовъ графъ Ів. Лар. 58,
 358, 362.
 Воронцовъ графъ М. Л. 32, 45,
 49, 51, 56—80, 509.
 Воронцовъ князь М. С. 345.
 Воронцовъ графъ С. Р. 483.
 Воскобойниковъ Павелъ 11, 12.
 Всеволожскій Сергѣй 358, 362.

Вяземскій князь А. А. 10, 14, 15, 18—19, 105, 255, 256.

Воронцовъ графъ А. Р. 397, 400.

Войновичъ графъ 385

Гавриловъ 102.

Гагаринъ князь Гавр. 499, 504.

Гайсъ 334.

Гальвесь 406, 413, 414, 446, 473.

Гамильтонъ 45, 66.

Ганибалъ 259.

Гановерскій курфиреть 421.

Гактвигъ (фонъ) Карлъ Егор. 258.

Гаубгусъ 166.

Гевтенъ баронъ 409.

Гейденстамъ 428, 480.

Гельбигъ 401—484.

Генкель графъ 472.

Генрихъ принцъ 46, 158.

Гепкенъ баронъ 44, 65, 510.

Герасимовъ Ив. 79.

Герцберсъ 456, 477.

Герцъ графъ 467, 480, 482, 483.

Гика князь 327, 328.

Гиттель 478.

Глѣбовъ Дмитр. 257.

Глѣбовъ Петръ 257.

Глѣбовъ Феодоръ Ив. 258.

Голенищевъ-Кутузовъ 260.

Голицынъ князь 46, 47, 50, 53, 54, 55,

Голицынъ князь 111, 113, 116, 119, 120, 121.

Голицынъ князь 257.

Голицынъ князь 419, 422.

Голицынъ князь Ал—дръ Мих. 21—24, 179, 280, 287.

Голицынъ князь Дм. Мих. 144.

Голицынъ князь Ив. 359, 363.

Голицыны князья 20—23.

Головкинъ графъ 51.

Голохвастовъ 259.

Гольдернесъ графъ 47—49, 53, 54.

Гольцъ графъ 403, 428, 431, 432, 436, 439, 444, 447, 448, 460, 462.

Гоппе 481.

Гопъ 50.

Готье аббатъ 189, 191, 192, 194, 195, 198, 212, 213.

Гофренъ 156.

Грейгъ 124, 125, 259, 261 — 274.

Гренкерь 337.

Григорьева Анна 15.

Григорьевъ Ив. Никифор. 15.

Гриммъ баронъ 223, 260.

Гроссъ 108, 122, 123, 126, 127, 130, 131, 168, 258.

Гудовичъ 377—397, 504.

Гульеръ (де ла) 214.

Гунингъ 137.

Гурьевъ Ал—дръ 359.

Густавъ III-й 410—412, 421, 460.

Даламберъ 198, 204.

Данауровъ 505.

Даниловскій 7.

Даниловскій Андр. 7.

Даниловскій Ефимъ 7.

Даунъ графъ 46, 54, 55.

Дашкова княгиня Ек. Р. 259.

Дашкова княгиня 259.

Дашковъ князь 259.

Дебальмень графъ 260.

Деболи 484.

Девлетъ-Гирей-ханъ 139, 152.

Деденевъ Мих. Алексѣевичъ 255.

Деландъ 204.

Делиль князь 258.

Дени г-жа 185, 187, 188, 193, 196, 197, 200—206, 208, 209, 211, 212, 214, 215, 217, 219—221, 223.

Дессано 333.

Дицъ 418, 430.
Докторовъ 257.
Долгоруковъ князь 115.
Долгоруковъ князь 330.
Долгоруковъ-Крымскій князь В.
М. 81—98.

Долгоруковъ князь Георгій 455,
471.

Долгоруковъ князь Юр. Владим.
256.

Дорной 212, 214, 217—219.

Дрибергъ 129.

Дрябловъ 12.

Дубенскій 257.

Дубянскій 353, 354.

Дурновъ 257.

Дюканъ 123, 164.

Екатерина I-я 400.

Екатерина II-я 103, 179, 180,
182, 215, 222, 261—274, 351,
352, 354—364, 370, 481, 482,
484, 498—503.

Екатерина Павловна Великая кня-
гиня 497—507.

Елагинъ Ив. Перфил. 256.

Елисавета Петровна императри-
ца, 59, 366.

Еропкинь Петръ Дм. 255, 397.

Ефимовичъ 258.

Ждановъ Ал.—дръ 12.

Желѣзновъ Ив. 12.

Желѣзновъ Илья 12.

Женеть 448.

Жоржъ принцъ 73.

Журавлевъ 257.

*

Заводовскій графъ Петръ Вас.
5—30, 127, 257, 309.

Золотухинъ 257.

Зоричъ Сем. Гавр. 258.

Зубовъ 454, 455.

Зубовъ Валер. Александр. 353,
354.

Зубовъ Плат. Александр. 354.

Зыбинъ Аонас. Никит. 16.

Зыбинъ Карпъ 16.

Зыбинъ Никита Клемент. 16.

*

Ибрагимъ Ханъ 386.

Игельстромъ 257, 431, 455,
465, 471.

Измайловъ Мих. Мих. 22, 23.

Измайловъ 256.

Исленьевъ Вас. 228, 229.

Іоанникій еписк. Воронежск. 13.

Іоаннъ Антоневичъ 33.

Іогновичъ 346.

Кадминъ 256.

Кайгородовъ Никифоръ 12.

Каль 129.

Кальцабиджи 77—79.

Каменскій 257.

Камынинъ Лукьянъ Ив. 256.

Капиджи Баща 334.

Карачинскій В. 25, 26.

Карль V-й 336.

Карѣевъ 502, 505.

Кауницъ князь 111, 112, 121,
132, 144, 405, 446, 466, 480,
482.

Наховскій графъ 325—329.

Нашкинъ Аристархъ Петр. 258.

Кейзерлингъ графъ 56.

Кейнигъ Давыдъ 65.

Кейтъ 52, 53.

Керимъ Ханъ 145.

Ключаревъ 503—505.

Кнобельсдорфъ 418.

Кобенцль графъ 369, 419, 428,
429, 483.

Кобургскій принцъ 466.

Кодынецъ Ив. 12.

Козелкинъ Вас. 26.
 Козловскій князь 505.
 Козловъ 256, 257.
 Козловъ Ив. 363.
 Колокольцовъ Никифоръ 19.
 Колокольцовъ 259.
 Кольбергъ 321.
 Кольцовъ-Мессальскій князь Ив.
 359.
 Кондо принцъ 203.
 Концепольскій 333.
 Корнейль 321.
 Корралъ 413, 414.
 Корфъ 34, 35.
 Крамеръ Беллонъ г-жа 216.
 Кренобинъ Фредерикъ 336.
 Крестинъ 216, 222.
 Кросновскій 129.
 Крузъ адмиралъ 403, 411.
 Крузъ Карлъ Фредор. 278, 279,
 286, 287.
 Кулиханъ 377, 382, 384—386.
 Куперли 334.
 Куракинъ князь 128.
 Курисъ Ив. Онуфр. 345.
 Кулубицкій 102.
 Кутузовъ Мих. 9, 498, 504 —
 506.
 Кушелевъ 259.
 Кушникова Анна 20.

 Лавернь 207.
 Лагарнь 187.
 Лагерсвердъ 485, 487, 494.
 Ладыженскій 257.
 Ламбро Качіоній 483.
 Ланской Вас. 258.
 Лантинсгаузенъ 66.
 Ласки Жеромъ 335, 336.
 Ласси 397—400.
 Лаудонъ 416.
 Лафермиеръ 223.
 Лашнаревъ 441, 452, 458, 466,
 Лебрехтъ 330.
 Левашовъ 256.

Левенштейнъ графиня 259.
 Лекень 185.
 Ленаннеръ адмир. 421.
 Лентулусъ 164.
 Ливень 510.
 Листонъ 460.
 Лобковичъ князь 107, 111, 112,
 116, 121, 132.
 Ломоносовъ 59.
 Лопухинъ 258, 400—506.
 Лори 193.
 Лосовъ 129.
 Лоссъ 401—484.
 Лузи графъ 425, 462.
 Лукезини маркизъ 467.
 Людвигъ принцъ Виртембергс-
 кій 127.
 Львова Екатерина 351,
 Львовъ 223.
 Львовъ Серг. 351.
 Лютовъ-али-ханъ 386.

 Мавринъ 259.
 Макоютъ-Гире-Чо-банкери 388.
 Максимилианъ II-й 336.
 Малиновскій 129.
 Мальтицъ 257.
 Мальцовъ 113.
 Маметь-ханъ 379, 384, 385, 386.
 Мансуровъ 259.
 Мардефельдъ 57.
 Марія принцесса 57.
 Марсѣлетъ 306.
 Мартевиль 52.
 Мартъ аббатъ 190.
 Маруцій 113.
 Маршанъ 214.
 Масловъ Никол. Ив. 10, 12, 15;
 16, 18, 27, 256.
 Матюшна графъ 116, 117.
 Матюшкинъ графъ Дм. 359.
 Матюшкинъ Мих. 363.
 Мегмегъ-ага 346.
 Мегметъ - Баки - Мурза-Ширинъ
 99.

